

United Nations
Educational, Scientific and
Cultural Organization

IFAP

Information for All
Programme

ЯЗЫКОВОЕ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

Сборник материалов
III Международной конференции

Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО
Министерство культуры Российской Федерации
Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям
Российский комитет Программы ЮНЕСКО «Информация для всех»
Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова
Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества

ЯЗЫКОВОЕ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

Материалы III Международной конференции
(Якутск, Российская Федерация, 28 июня–3 июля 2014 г.)

Москва
2015

УДК 81-2:004(082)

ББК 81.2я431

Я 41

Издание осуществлено при финансовой поддержке Правительства Республики Саха (Якутия) и Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Редакционная коллегия сборника:

Е. И. Кузьмин (главный редактор), А. В. Паршакова, С. Д. Бакейкин,
Т. А. Мурована, Н. М. Зайкова

Составители: Е. И. Кузьмин, А. В. Паршакова, Д. Д. Игнатова

Переводчики: Н. Б. Богданова, Ю. Г. Белостоцкий, И. А. Андреева,
О. В. Германчук

Редактор: А. В. Паршакова

Я41 Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве.

Сборник материалов III Международной конференции (Якутск, 28 июня – 3 июля 2014 г.) / Сост. Кузьмин Е. И., Паршакова А. В., Игнатова Д. Д. – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2015. – 432 с.

В сборник включены доклады участников III Международной конференции «Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве» (Якутск, 28 июня – 3 июля 2014 г.), на которой с разных углов зрения рассматривались актуальные политические, философские, технологические вопросы сохранения многоязычия в мире и его развития в киберпространстве. Авторы делятся национальным видением и опытом поддержки и продвижения языкового и культурного разнообразия, а также своими взглядами на роль образования и ИКТ в этих процессах. Сборник предназначен для работников органов управления, специалистов информационной сферы, работников учреждений культуры, образования и науки, а также для всех, кто интересуется вопросами сохранения и развития языков и культур.

Ответственность за подбор материалов и фактических данных, предоставленных для публикации, несут авторы. Их мнение может не совпадать с точкой зрения редакционной коллегии.

УДК 81-2:004(082)

ББК 81.2я431

ISBN 978-5-91515-067-5

© Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2015 г.

Содержание

Предисловие	7
Приветствия участникам конференции	10
Послание первого заместителя Генерального директора ЮНЕСКО Г. ЭНГИДЫ	10
Приветствие главы Республики Саха (Якутия) Е. А. БОРИСОВА	12
Приветствие министра иностранных дел Российской Федерации С. В. ЛАВРОВА	13
Приветствие руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям М. В. СЕСЛАВИНСКОГО	14
Приветствие статс-секретаря – заместителя министра культуры Российской Федерации Г. П. ИВЛИЕВА	15
Приветствие заместителя министра образования и науки Российской Федерации В. Ш. КАГАНОВА	16
Приветствие председателя Комитета по образованию Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации В. А. НИКОНОВА.....	17
Выступления на открытии конференции	18
Г. ЭНГИДА	18
Е. И. МИХАЙЛОВА	25
Пленарное заседание	32
Е. И. КУЗЬМИН Многоязычие в России	32
В. Г. КОСТОМАРОВ Русский язык – объединитель народов от Атлантики до Тихого океана	47
Ж. МАРИАНИ Как языковые технологии поддерживают многоязычие	52
М. ГИБСОН Подходы к измерению присутствия языков меньшинств в киберпространстве	67

А. РОНКИ	
Интернет – плавающий котел языков и культур?	78
Секция 1. Использование ИКТ для сохранения языкового и культурного разнообразия в киберпространстве	90
М. КАРАН	
Мотивация к сохранению и развитию языков: эффективное использование вики, блогов, постов, твитов и смс	90
Л. МОЛНАР	
Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве: подходы к сохранению и развитию на основе информатики и информационных технологий	107
К. СОРИЯ	
На пути к пониманию «цифрового многоязычия»	111
А. ФЕНЬВЕШИ	
Многоязычие и использование миноритарных языков в цифровой среде	127
А. КОРНАЙ	
Новый метод оценки жизнеспособности языков	134
Д. ПИМЬЕНТА, Д. ПРАДО	
Исследование положения языков Франции в Интернете: используемые методы и возможные подходы для других групп языков	140
Т. де ГРААФ	
Фризский язык и его представленность в Интернете	172
Х. ХАММАРСТРЕМ	
<i>Glottolog</i> : бесплатный, полный интерактивный библиографический онлайн-указатель языков мира	184
Д. ШЮЛЛЕР	
Апокалипсис в мире магнитных лент: к вопросу о сохранении языкового и культурного разнообразия в киберпространстве	191
А. КНОЛЛЬ	
Международная агрегация многоязычного контента в цифровой библиотеке «Manuscriptorium»	196
А. В. ЖОЖИКОВ, С. И. ЖОЖИКОВА	
Коренные малочисленные народы Севера в киберпространстве: опыт и перспективы	208

**Секция 2. Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве:
социокультурный аспект213**

К. ТАНАКА

Понимание социальных явлений в киберпространстве:
акцент на языке, инфраструктуре и содержании213

Г. ВЕЛЛНЕР

Значение мультикультурализма для процветания человечества220

В. КЛИМЕНТ-ФЕРРАНДО

Преимущества многоязычия: языки мигрантов как социальный
капитал городов. Сравнительный анализ ситуации
в Лондоне и Барселоне229

В. РИВРОН

Социальные медиа и проблема сохранения языков в Центральной Африке:
между культурной объективацией и культурной мутацией248

В. СОРНЛЕРТЛАМВАНИШ

Осмысление общественных движений посредством отслеживания
ключевых слов в социальных медиа258

**Секция 3. Сохранение языкового и культурного разнообразия:
национальное видение и национальный опыт262**

П. МОХАНТИ

Сохранение языкового разнообразия: опыт Индии262

К. ВАНДЕРЛИ

Реестр проектов и исследований в области многоязычия в Бразилии:
один из подходов к сохранению языковой и культурной идентичности277

Х. ЧЭНЛУН

Этнические китайские языки в киберпространстве297

Т. НАНДАСАРА, Й. МИКАМИ

Преодоление цифрового разрыва в Шри-Ланке:
проблемы и возможности304

В. ДИОЗУ

Предпочтения в национальном киберпространстве Молдовы:
отражение политических, экономических и миграционных
процессов в обществе315

А. КАННИГАНТИ

Защита языков в Индии: социально-экономический аспект322

М. Х. ПАЛАСИО	
Языки индейских народов Колумбии: современное положение и роль в культурной жизни страны	338
Н. Н. ПАВЛОВ	
Будущее вики-проектов на региональных языках России: два сценария	343
Н. РУИЗ	
Использование Интернета для повышения осведомленности о языковом разнообразии Колумбии: опыт Института Каро и Куэрво	353
М. САБЫР	
Языковая политика современного Казахстана	366
В. А. САМСОНОВА	
Межрегиональный информационный центр документального культурного наследия народов Севера, Сибири и Дальнего Востока на базе Национальной библиотеки РС(Я): вклад в сохранение и развитие языкового и культурного разнообразия	370
Секция 4. Образование для сохранения языкового и культурного разнообразия в киберпространстве	374
Ф. С. МОТЛАК	
Образование и сохранение языкового разнообразия: роли, функции, ответственность	374
С. ФИНКЕЛЕВИЧ, П. ФЕЛЬДМАН, С. ФИШНАЛЛЕР	
Политика в области многоязычного образования с использованием ИКТ в странах Латинской Америки	379
К. МЕНЕЗЕС	
Прикладные аспекты изучения иностранных языков в Университете г. Бразилиа: многоязычие и информационное общество	405
И. КЯОСААР	
Миноритарные языки и цифровая среда: друзья или враги?	413
Итоговый документ. Якутская декларация о языковом и культурном разнообразии в киберпространстве	416

ПРЕДИСЛОВИЕ

Третья международная конференция «Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве» состоялась в Якутске (Российская Федерация) 28 июня – 3 июля 2014 г.

Ее проведение стало новым значительным вкладом Российской Федерации в деятельность ЮНЕСКО, для которой сохранение языкового и культурного разнообразия является одним из главных приоритетов.

Конференция также явилась новым вкладом России в реализацию Межправительственной программы ЮНЕСКО «Информация для всех» – одной из двух главных программ ЮНЕСКО в сфере коммуникации и информации.

Организаторами мероприятия выступили Российский комитет Программы ЮНЕСКО «Информация для всех», Северо-Восточный федеральный университет и Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества совместно с Комиссией Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. Финансовую поддержку оказали Северо-Восточный федеральный университет, Правительство Республики Саха (Якутия), Министерство культуры Российской Федерации, Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, а также ЮНЕСКО.

Своими ведущими экспертами, деятелями культуры, науки, образования, политиками и дипломатами на конференции были представлены почти 50 стран из разных географических регионов мира: Австрия, Азербайджан, Албания, Аргентина, Беларусь, Болгария, Ботсвана, Бразилия, Великобритания, Венгрия, Доминиканская Республика, Израиль, Индия, Испания, Италия, Казахстан, Китай, Колумбия, Кыргызстан, Латвия, Македония, Мальдивская Республика, Молдова, Нигерия, Нидерланды, Оман, Перу, Польша, Республика Корея, Российская Федерация, Руанда, Сирия, Словакия, Судан, США, Таиланд, Того, Турция, Финляндия, Франция, Центральноафриканская Республика, Чехия, Швеция, Шри-Ланка, Эквадор, Эстония, Япония. Более половины участников конференции были номинированы для участия в ней правительствами своих стран.

Участники конференции с удовлетворением отмечали тот факт, что она привлекает к себе все большее внимание во всем мире. Де-факто она стала главным международным форумом по обсуждению животрепещущей проблемы сохранения языков и их развития в киберпространстве.

В первой конференции «Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве», состоявшейся в Якутске в 2008 г., приняли участие представители 15 стран, и это было расценено Правительством России и ЮНЕСКО как большой успех. Это мероприятие знаменовало собой от-

крытие темы в России и стало первой конференцией на данную тему в рамках Программы «Информация для всех» и в рамках ЮНЕСКО.

Во второй конференции, в 2011 г., участвовали уже 33 страны.

Обе конференции вызвали большой международный резонанс и завершились принятием важных международных документов – Ленской резолюции «О языковом и культурном разнообразии в киберпространстве» и Якутского воззвания – Плана действий по подготовке Всемирного саммита по многоязычию.

Ленская резолюция – итоговый документ первой конференции – получила международное признание, поскольку в ней, по сути, впервые была структурирована проблемная ситуация в области поддержки многоязычия и определялись все заинтересованные стороны. Теперь на этот документ ссылаются в трудах исследователей и официальных документах международных организаций. Выводы и итоговый документ второй конференции обсуждались на Генеральной конференции ЮНЕСКО в 2011 г. Сборники материалов обеих конференций опубликованы в печатном и электронном виде на русском и английском языках.

Важными результатами первой и второй международных конференций «Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве» стали также расширение профессиональных связей и возникновение постоянных дружеских контактов между ведущими экспертами из разных стран. Установились плодотворные партнерские связи между Межправительственной программой ЮНЕСКО «Информация для всех», ее Российским комитетом и Всемирной сетью в поддержку языкового разнообразия МААУА, которую возглавляет председатель Подготовительного комитета Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества Адама Самассеку. В 2010 г. в Северо-Восточном федеральном университете при содействии Российского комитета Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» и Московского бюро ЮНЕСКО был открыт Центр поддержки многоязычия в киберпространстве. Важность проблем сохранения многоязычия и его развития в киберпространстве стала глубже осознаваться на разных уровнях, прежде всего в самой ЮНЕСКО. По инициативе России многоязычие в киберпространстве было объявлено шестым приоритетом Межправительственной программы ЮНЕСКО «Информация для всех», и в ее рамках создана соответствующая Рабочая группа, которую возглавляет Е. И. Кузьмин.

Все это привело к тому, что к Третьей конференции во всем мире был проявлен еще больший интерес.

Торжественное открытие конференции прошло в Доме Правительства Республики Саха (Якутия), за 4 дня ее работы состоялись 2 пленарных заседания и 8 заседаний четырех секций:

-
- Использование ИКТ для сохранения языкового и культурного разнообразия в киберпространстве;
 - Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве: социокультурный аспект;
 - Сохранение языкового и культурного разнообразия: национальное видение и национальный опыт;
 - Образование для сохранения языкового и культурного разнообразия в киберпространстве.

Всего было заслушано 65 докладов.

В рамках конференции прошла презентация русского издания аналитического сборника «Net.lang. На пути к многоязычному киберпространству», первоначально изданного при участии ЮНЕСКО Всемирной сетью в поддержку языкового разнообразия на английском и французском языках. Большинство авторов этого сборника приняли участие в нынешней конференции и были участниками двух предыдущих.

Всем участникам конференции был предоставлен внушительный комплект материалов на русском и английском языке по проблемам языкового и культурного разнообразия в киберпространстве, изданных Российских комитетом Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» и Межрегиональным центром библиотечного сотрудничества.

Все эти издания составили основу книжной выставки, развернутой во время конференции.

Культурная программа конференции включала участие в национальном празднике якутов Ысыах, визит в национальный парк «Ленские столбы», включенный в Список мирового природного наследия ЮНЕСКО, посещение музея «Царство Вечной мерзлоты» и Музея Мамонта, а также Арктического инновационного центра СВФУ.

В завершение работы конференции ее участники приняли итоговый документ – Якутскую декларацию о языковом и культурном разнообразии в киберпространстве.

*Е. И. Кузьмин
сопредседатель Организационного комитета конференции,
заместитель председателя Межправительственного совета
и председатель Рабочей группы по многоязычию в киберпространстве
Программы ЮНЕСКО «Информация для всех»,
председатель Российского комитета
Программы ЮНЕСКО «Информация для всех»,
президент Межрегионального центра библиотечного сотрудничества,
член Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО*

ПРИВЕТСТВИЯ УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

Послание первого заместителя Генерального директора ЮНЕСКО Г. Энгиды

Дорогие друзья,

Я рад приветствовать вас на III Международной конференции «Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве».

Позвольте мне отдельно поблагодарить Российский комитет Программы ЮНЕСКО «Информация для всех», Северо-Восточный федеральный университет и Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества за эту инициативу.

Я также благодарю правительство Республики Саха (Якутия) за оказанный нам теплый прием.

Для меня особое удовольствие находиться в центре Сибири – Якутске.

Это земля крайностей – земля экстремальной погоды и невероятной красоты, и я надеюсь, что за время нашего пребывания здесь мы все увидим своими глазами знаменитые «белые ночи».

Кроме того, это земля поразительного богатства в области культурного и языкового разнообразия, что возвращает меня к теме нашей конференции.

Мы знаем, от чего отталкиваться в своей работе. Основной принцип нашей деятельности был сформулирован еще в 2001 г. во Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии:

«Будучи источником обмена, новаторства и творчества, культурное разнообразие так же необходимо для человечества, как биоразнообразие для живой природы. В этом смысле оно является общим достоянием человечества и должно быть признано и закреплено в интересах нынешнего и будущих поколений».

Эта идея как никогда актуальна – особенно в Год культуры в Российской Федерации, в год, когда мы празднуем 25-летний юбилей Всемирной сети Интернет, созданной сэром Тимом Бернерсом-Ли в 1989 г.

Проведение данной международной конференции очень своевременно, ведь сейчас многие общества переживают серьезные перемены и мировое сообщество формирует новую глобальную повестку дня на период после 2015 г.

Наша новая программа действий должна включать в себя все необходимые усилия для сохранения культурного и лингвистического разно-

образия и использования его преимуществ для поддержания самосознания и сплоченности, для творчества и диалога.

Сейчас крайне важно строить общества знания, столь необходимые нам в новом столетии.

Сегодня общества связаны между собой больше, чем когда бы то ни было. Распространение, получение и доступ к информации теперь обеспечиваются одним нажатием кнопки. Новые технологии кардинально изменили то, как мы общаемся, творим и делимся своими знаниями.

Эти тенденции ведут к реорганизации институтов, как государственных, так и частных, к изменениям в экономике и даже в межличностных отношениях. Они ускоряют социальные преобразования и способствуют развитию человечества. Они также порождают новые вызовы – вызовы, связанные с доступом, разнообразием контента, многоязычием.

И ключевую роль в этом играют языки. Они служат основой для защиты прав человека и достоинства, укрепления социальной сплоченности и совместных действий, а также являются каналом коммуникации и обмена.

Многоязычие имеет решающее значение для самосознания, для стабильности обществ, для культурного разнообразия – мы должны делать все, чтобы сохранять и развивать его как наше общее преимущество. И начало этому должно быть положено в киберпространстве, которое в качестве универсальной платформы призвано обеспечить всем возможность поделиться с другими своим наследием и своей культурой, соблюдая права человека, а также способствовать развитию культурного разнообразия.

Утрата языкового и культурного разнообразия означает неопределимые потери для обществ, которых она коснется, и для всего человечества в целом. Она поставит под угрозу полноценное развитие и будет создавать препятствия диалогу культур.

В таком контексте данная международная конференция приобретает особое значение.

Поэтому я хочу вновь выразить благодарность Российскому комитету Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» за его выдающуюся работу.

И в особенности я хотел бы поблагодарить участников конференции – представителей различных правительств и отраслей, приехавших со всего мира, чтобы поделиться своим опытом.

Я убежден, что эта международная конференция станет новой вехой на пути к осуществлению нашего общего обязательства по поощрению языкового и культурного разнообразия в киберпространстве.

Приветствие главы Республики Саха (Якутия) Е. А. Борисова

Уважаемые участники и гости III Международной научной конференции ЮНЕСКО «Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве»!

Рад приветствовать вас на якутской земле!

Под влиянием мощных глобальных процессов, происходящих в современном мире, культуры многих национальностей ассимилируются и исчезают. Международное сообщество не исключает, что через несколько поколений более половины из 7000 языков, существующих сегодня в мире, может исчезнуть. Мудрая этнолингвистическая политика и новые информационные технологии дают шанс по крайней мере затормозить эти пагубные для всего человечества процессы.

Отрадно, что Республика Саха (Якутия) в условиях развития единого глобального информационного пространства, нацеленного на уникальное сочетание разнообразных этнических культур, уже в третий раз становится территорией диалога и инициатив в этом важном вопросе. Рост общественного интереса к культуре северных регионов России, осознание их социокультурной роли в межрегиональном и международном сотрудничестве создает мощную основу для понимания современных глобальных процессов.

В этой связи особое значение имеет осмысление современной информационно-коммуникационной революции, плоды которой неумолимо влияют на общественное сознание, меняют устоявшиеся культурно-нравственные и моральные нормы, стирают границы. Прежде всего это касается сохранения и популяризации языковой культуры.

В Республике Саха (Якутия) проживают представители более 120 национальностей. Сохранение и развитие национальных языков, культур, обычаев и традиций является приоритетом нашей региональной политики. Проводится большая работа по гарантированному развитию якутского и русского языков, родных языков коренных малочисленных народов. Мы понимаем, что сохранение языкового и культурного разнообразия невозможно без использования информационно-коммуникационных технологий.

Уверен, что проведение конференции послужит дополнительным стимулом для комплексного обсуждения актуальных теоретических и практических проблем, связанных с сохранением многоязычия в киберпространстве, заложит основы дальнейшего развития этой деятельности в России. Желаю всем участникам конференции плодотворной и конструктивной работы, удачи во всех начинаниях и новых творческих успехов!

**Приветствие министра иностранных дел
Российской Федерации
С. В. Лаврова**

Сердечно приветствую организаторов и участников III Международной конференции «Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве».

В условиях становления новой полицентричной системы мироустройства и повышения роли фактора цивилизационной идентичности задача сохранения языкового и культурного разнообразия приобретает особое значение, в том числе в контексте обеспечения устойчивого развития. В сегодняшнем информационном обществе эти усилия, разумеется, не могут не охватывать киберпространство.

Обладая многовековым опытом мирного сосуществования и сотрудничества различных национальностей и конфессий, Россия активно содействует поддержанию культурно-языкового разнообразия современного мира. В рамках Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» наша страна организовала две международные конференции по данной тематике. В их итоговых документах – «Ленской резолюции» и «Якутском воззвании» – предложены пути реализации ряда Рекомендаций Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества, выдвинута идея подготовки Всемирного саммита по многоязычию в 2017 г.

Уверен, что конференция внесет свой вклад в комплексный серьезный анализ проблем, включенных в ее повестку дня, а также предоставит ее участникам возможность ближе познакомиться с богатой и самобытной якутской землей.

Желаю вам плодотворной работы и всего самого доброго.

Приветствие руководителя Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям М. В. Сеславинского

Дорогие друзья!

Рад приветствовать вас на открытии уже третьей по счету международной конференции «Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве»! Интересно, что конференция снова проходит в Якутске, где два года назад в выступлениях прозвучала вполне обоснованная тревога по поводу неизбежных издержек столь стремительного развития информационного общества.

Да, прогресс неумолим, и он несет с собой много нового и ценного, но также, увы, и такого, с чем невозможно мириться.

Буквально на наших глазах уходят в небытие языки, на которых по историческим меркам еще вчера говорили и писали целые народы, состоявшие из живых людей – со своими проблемами, с горем и радостью, со своей значительной и интересной культурой. И мы должны сделать все возможное, чтобы языки перестали исчезать, а, напротив, активно присутствовали и развивались в киберпространстве, что позволит всем нам быть ближе к проблемам и интересам современного мира.

На мой взгляд, общепланетарная задача – сохранить здоровую национальную идентичность, многообразие культур и языков в мире. Ведь не секрет, что сохранение культурного разнообразия является неперенным и обязательным условием устойчивого развития любого общества, мирного и уважительного сосуществования отдельных личностей и целых народов.

Мы стремимся к современным стандартам жизни, основанным на общечеловеческих ценностях, оставаясь при этом верными лучшим традициям своих народов и культур. И главными векторами нашего общественного развития должны быть приумножение духовного потенциала, сохранение межнационального мира и согласия. Но все это может оказаться под угрозой, если не будет необходимого взаимопонимания, если не будут найдены верные решения назревших проблем.

Желаю участникам III Международной конференции «Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве» успешной работы, плодотворных дискуссий и ярких впечатлений!

**Приветствие статс-секретаря – заместителя министра
культуры Российской Федерации
Г. П. Ивлиева**

Рад приветствовать всех участников, гостей и организаторов III Международной конференции «Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве», которая открывается сегодня в Якутске.

Тема конференции чрезвычайно важна для всего мира, поскольку в настоящее время многие языки, а вместе с ними и культуры целых народов находятся под угрозой исчезновения. Языки являются важнейшим богатством человечества, с их помощью передаются исторический опыт, социальные и культурные традиции; они являются средством самовыражения и самоидентификации, огромной ценностью для всех, кто ими владеет. Именно в языке заключена картина мира, и в каждом языке – своя особая. Проблема сохранения языкового и культурного разнообразия особенно актуальна для многонациональных государств, в том числе и для России, на территории которой проживает свыше 100 коренных народов, сохраняющих свой язык и свою уникальную культуру.

Результатами первой и второй международных конференций «Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве», которые были организованы под эгидой ЮНЕСКО в Якутске в 2008 и в 2011 гг. Российским комитетом Программы ЮНЕСКО «Информация для всех», Северо-Восточным федеральным университетом, Национальной библиотекой Республики Саха (Якутия), Межрегиональным центром библиотечного сотрудничества и Всемирной сетью в поддержку многоязычия (МААУА) при поддержке Правительства России и Правительства Республики Саха (Якутия), стало расширение и углубление профессиональных связей и возникновение постоянных дружеских контактов между ведущими международными экспертами.

Примечателен тот факт, что спектр проблем, которые обсуждаются на проводимых в Якутске международных конференциях «Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве» расширяется, как расширяется и география ее участников. Одно только то, что в 2008 г. на конференции были представлены 15 стран, в 2011 г. – 30, а в нынешнем году – 50, свидетельствует о растущем авторитете, популярности и значимости нашего форума.

Желаю всем участникам конференции плодотворного обмена результатами своих исследований, новых научных идей и творческих открытий!

**Приветствие заместителя министра
образования и науки Российской Федерации
В. Ш. Каганова**

Дорогие друзья!

От имени Министерства образования и науки Российской Федерации приветствую участников и организаторов III Международной конференции «Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве».

Поддержка и защита языкового и культурного разнообразия – одно из самых приоритетных стратегических направлений государственной политики, являющееся основой интеллектуального, нравственного, эмоционального и духовного развития общества.

Следует отметить важную роль ЮНЕСКО, под эгидой которой проводится конференция, в формировании и развитии мировой социокультурной и социолингвистической ситуации, в проработке самых современных насущных проблем, в том числе в условиях активного развития киберпространства и связанной с этим угрозы унификации языков и культур.

Знаменательно, что III Международная конференция «Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве» в очередной раз проводится в Якутске. Ведь в Республике Саха (Якутия) проживает свыше 120 национальностей и народов, здесь созданы условия для сохранения и развития культурного и языкового многообразия, имеется уникальный опыт содействия взаимопроникновению культур и в то же время обеспечения сохранения их самобытности.

Немаловажным является то, что созданные в Республике Саха (Якутия) механизмы национальной политики, включая механизмы и технологии языкового разнообразия, внедряются в образовательные системы других регионов России.

Уверен, что проводимое мероприятие будет способствовать установлению тесных контактов между участниками из разных стран, позволит обменяться опытом и профессиональными знаниями.

Желаю всем успешной работы и принятия современных решений по актуальным вопросам поддержки многоязычия как в киберпространстве, так и в повседневной жизни!

**Приветствие председателя
Комитета по образованию Государственной Думы
Федерального собрания Российской Федерации
В. А. Никонова**

Уважаемые коллеги, друзья!

От всей души приветствую организаторов и участников III Международной конференции «Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве»!

Ваш представительный форум направлен на обсуждение наиболее актуальных вопросов международной и национальной политики сохранения и развития языков в условиях стремительного расширения интернет-пространства. Вам предстоит исследовать проблемы сохранения культурной идентичности в интернет-среде, возможности интернационализации языков, развитие законодательных инструментов и институтов поддержки языкового разнообразия.

Знание русского языка в современном мире становится полезным, престижным и модным. Русский язык является основой многомиллионного русского мира, он звучит в самых передовых научных центрах, на важнейших экономических и общественных форумах. Русский язык стал первым языком в космосе и вторым в Интернете. И перспективы его дальнейшего использования в международной практике зависят от наших совместных усилий по сохранению и развитию языка, повышению качества образования на русском языке не только в России, но и за рубежом. Решение этих задач является важнейшим условием наращивания интеллектуального потенциала и конкурентоспособности нашего государства в глобальном мире.

Надеюсь, что результаты дискуссий внесут серьезный вклад в дело сохранения культурного и языкового разнообразия в киберпространстве и смогут лечь в основу экспертных выводов, предложений и законодательных инициатив.

Желаю вам успешной и плодотворной работы, интересных дискуссий и полезных профессиональных контактов!

ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ОТКРЫТИИ КОНФЕРЕНЦИИ

Гетачо ЭНГИДА

первый заместитель Генерального директора ЮНЕСКО
(Париж, ЮНЕСКО)

Я хотел бы еще раз поблагодарить Российский комитет Программы ЮНЕСКО «Информация для всех», Северо-Восточный федеральный университет и Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества за эту инициативу.

Я также выражаю благодарность правительству Республики Саха (Якутия).

Эта конференция является отражением того партнерства, которое сложилось между ЮНЕСКО и Республикой Саха (Якутия).

21 апреля этого года Генеральный директор ЮНЕСКО Ирина Бокова встречалась в Москве с Президентом Республики Саха (Якутия) Егором Борисовым. Они подписали Совместное коммюнике, в котором заявили о возобновлении сотрудничества в области качественного образования, охраны науки и окружающей среды, в сфере социальных и гуманитарных наук, а также культуры, коммуникации и информации.

Это Совместное коммюнике заложило прочную основу для нашего сотрудничества.

Я знаю, что в рамках культурной программы для нас организовано посещение природного парка «Ленские столбы». Эти удивительные каменные скалы, эффектно высящиеся вдоль берегов реки Лены, вошли в список Всемирного наследия ЮНЕСКО.

В 2008 г. в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО был включен якутский героический эпос «Олонхо».

Этот эпос, в котором сплетены воедино сказание и песня, отражает все богатство знаний, накопленных якутами на протяжении веков.

Я лично хорошо помню, как проходили дни Якутии в Париже, в штаб-квартире ЮНЕСКО, где 21 марта 2012 г. я имел честь приветствовать г-жу Галину Данчикову, председателя Правительства Республики Саха (Якутия).

Это партнерство получило развитие в рамках тесного сотрудничества между ЮНЕСКО и Российской Федерацией.

В Москве в апреле этого года Генеральный директор ЮНЕСКО присутствовала на церемонии, посвященной 60-летию членства Российской Федерации в ЮНЕСКО, вместе с министром иностранных дел Российской Федерации и председателем Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО Сергеем Лавровым.

Это была прекрасная возможность широко осветить 60 лет деятельности во имя идеалов ЮНЕСКО и наших общих ценностей. Ценностей равенства, достоинства и взаимного уважения. Ценностей диалога и сотрудничества.

Во имя этих же ценностей мы собрались сегодня в Якутске на III Международной конференции «Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве».

Культурное и языковое разнообразие является центральным элементом Устава ЮНЕСКО, который призывает к выстраиванию защиты мира в умах людей на основе свободной передачи идей с помощью слов и образов.

В своем вступительном слове я уже упоминал Всеобщую декларацию ЮНЕСКО о культурном разнообразии и хочу вновь ее процитировать:

«Защита культурного разнообразия является этическим императивом, она неотделима от уважения достоинства человеческой личности. Она подразумевает обязательство уважать права человека и основные свободы, особенно права лиц, принадлежащих к меньшинствам, и права коренных народов. Недопустимо ссылаться на культурное разнообразие для нанесения ущерба правам человека, гарантированным международным правом, или для ограничения сферы их применения».

Исходя из этого, ЮНЕСКО использует мультидисциплинарный подход к сохранению и поощрению культурного и языкового разнообразия.

Все начинается с работы по поддержке многоязычного образования и поощрению использования родных языков – это крайне важный элемент во все более поликультурных обществах.

Образование сегодня должно быть направлено на обучение жизни в обществе, а также на обучение тому, как получать знания, действовать и просто быть самим собой.

Наша работа включает в себя содействие всем странам мира в реализации конвенций ЮНЕСКО в области культуры, с тем чтобы сохранять общее культурное наследие человечества.

Это подразумевает поощрение местного контента и языкового разнообразия в сети Интернет.

Языки лежат в основе всей деятельности ЮНЕСКО.

Языки – это та призма, сквозь которую мы смотрим на мир, и тот материал, который позволяет нам выразить свое видение.

Они выражают наши общие ценности и оформляют наши идеи, выступая связующим звеном между прошлым и будущим.

Именно через язык мы осмысливаем мир и можем менять его к лучшему.

Многоязычие важно, поскольку оно открывает возможности для взаимопонимания и сотрудничества, создает многостороннее языковое пространство, которое открывает нам всем богатство разнообразия. Многоязычие – это движущая сила интеграции и социальной сплоченности, а также основа глобальной гражданственности.

Поощрение развития гражданственности во всемирном масштабе – ключевая задача Инициативы Генерального секретаря Организации Объединенных Наций «Образование прежде всего», руководство которой осуществляет ЮНЕСКО.

Нельсон Мандела как-то сказал: *«Если вы разговариваете с человеком на языке, который он понимает, вы обращаетесь к его разуму. Если вы разговариваете с ним на его родном языке, вы обращаетесь к его сердцу».*

В мире растущего разнообразия способность к языкам жизненно важна для межкультурного понимания. Поэтому утрата любого языка оказывается потерей для всего человечества. Это потеря для человеческой памяти, для общего знания, для языкового и культурного разнообразия, которое является нашим общим достоянием, а также основой мира и примирения.

При этом до сих пор около половины из 6700 языков мира находится под угрозой исчезновения, и еще большему числу языков грозит сокращение их влияния.

Это одна из тех проблем, для решения которых мы собрались здесь.

Помочь в этом нам может цифровая революция, при условии что мы будем умело использовать ее мощь для сохранения и поощрения разнообразия.

Новые информационные и коммуникационные технологии расширяют границы инноваций, творчества и развития.

Интернет открывает различным культурам новые пути самовыражения и распространения.

Снижение стоимости цифровых технологий и оборудования, доступа в Интернет, а также введение международных доменных имен дают людям по всему миру беспрецедентные возможности доступа к контенту, а также его производства и обмена им.

Интернет должен занимать центральное место в нашей деятельности по поощрению языкового и культурного разнообразия, и ее необходимо вести с опорой на права человека, которые следует соблюдать как в реальной жизни, так и в режиме онлайн, в соответствии с международными обязательствами и стандартами, а также решениями ЮНЕСКО.

Благодаря экономическому росту в развивающихся странах активно распространяется местный цифровой контент.

Смартфоны и планшеты, стоимость которых постоянно снижается, обеспечивают доступ в Интернет все большему количеству людей в самых разных местах. Ежегодно на этих устройствах становятся доступны все новые языки, что позволяет носителям языков, находящимся под угрозой исчезновения, создавать контент, а также дает возможность каждому общаться на любом языке по своему выбору.

В то же время наряду с возможностями возникают и проблемы.

Проблема доступа, поскольку далеко не каждый может воспользоваться преимуществами технического прогресса. И даже там, где широкий доступ к Интернету и другим ИКТ существует, он не гарантирует, что каждый может в равной мере участвовать, вносить свой вклад и пользоваться всеми преимуществами.

Цифровой разрыв продолжает углубляться.

В онлайн-общении используется менее 5% языков мира.

Интернет и ИКТ вызывают серьезную обеспокоенность среди правительств, профессиональных сообществ, лиц, использующих языки меньшинств и редкие языки.

Все больше пользователей разрабатывают веб-контент на английском языке, ставшем своего рода «лингва франка» и не являющимся ни их родным языком, ни национальным или региональным языком в их стране. Это означает, что чем меньше контента существует на каком-либо языке, тем выше риск его цифрового вымирания, поскольку пользователи и разработчики перестают им пользоваться.

Среди проблем можно упомянуть также ограниченность средств на реализацию политических мер, направленных на поддержку многоязычия.

Интернет-сервисы во многих странах остаются дорогостоящими, во многом недоступными и низкоскоростными. Развитие технических навыков и опыта на местах идет слишком медленно.

Низкий уровень цифровой грамотности и недостаточно развитая инфраструктура создают препятствия для социально незащищенных групп населения в том, что касается доступа к информации и знаниям в сети Интернет, – и здесь я бы подчеркнул особые потребности людей с ограниченными возможностями.

Помимо этого, встает целый ряд этических вопросов: нам необходимо обеспечить соблюдение и поощрение универсальных ценностей и прав в киберпространстве.

Существует еще несколько вопросов, которые необходимо решить, чтобы цифровой разрыв не помешал устойчивому развитию обществ в целом, не лишил их информации и средств коммуникации, необходимых для здравоохранения и образования, а также возможностей участия в культурном, политическом и экономическом развитии.

Каждый должен иметь доступ к многоязычному Интернету и контенту. Однако это не может произойти само собой.

Нам необходимо выделять больше средств для поддержки всех языков в Интернете, предоставлять для этого соответствующие инструменты и предпринимать конкретные меры.

Именно этими соображениями руководствуется ЮНЕСКО в своей работе по построению обществ знания – инклюзивных, плюралистических, равноправных, разнообразных, открытых и основанных на участии.

Начало нашей деятельности было положено на уровне нормативного регулирования с принятием государствами-членами в 2003 г. Рекомендации о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству. Этот документ дает четкие указания в отношении шагов, которые необходимо предпринять для развития многоязычия в киберпространстве.

Как раз в этом месяце мы попросили государства-члены уже в третий раз подготовить отчеты о выполнении данной рекомендации – на их основе мы составим доклад, который будет представлен государствам-членам через руководящие органы ЮНЕСКО.

Для развития многоязычия в Интернете мы работаем на глобальном уровне. Это важная часть вклада ЮНЕСКО в работу Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества, в рамках

которого мы содействуем реализации направления действий С8 – Культурное и языковое разнообразие. Мы также сотрудничаем с Форумом по управлению Интернетом.

На тех же принципах строится и наша работа в качестве заместителя сопредседателя *Комиссии по широкополосной связи в интересах цифрового развития*, учрежденной ЮНЕСКО и Международным союзом электросвязи с целью поощрения организации глобального, удобного и инклюзивного широкополосного доступа в Интернет в целях устойчивого развития, в рамках которой мы оказываем содействие Рабочей группе по многоязычию.

Кроме того, мы работаем с Корпорацией по присвоению имен и номеров в Интернете (ICANN) – в 2009 г. было подписано соглашение о сотрудничестве с целью поощрения многоязычия.

Вместе с Европейским реестром доменных имен мы осуществляем мониторинг за введением международных доменных имен и составляем всеобъемлющие доклады, стремясь к укреплению языкового разнообразия в киберпространстве и обеспечению доступа к многоязычному контенту.

Мы также ведем активную деятельность на местах совместно с государствами-членами.

ЮНЕСКО оказывала содействие государствам Латинской Америки, проводя для представителей органов власти семинары по реализации рекомендуемых политических мер в этой сфере. Аналогичные семинары, посвященные проблемам коренных народов и Интернета, запланированы в этом году и в странах Центральной Америки.

Составленный ЮНЕСКО «Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» остается одним из наших важнейших проектов. Сектор коммуникации и информации продолжит развивать онлайн-платформу Атласа.

Вместе с ОЭСР и Обществом Интернета мы начали второе исследование, посвященное взаимосвязи между местным контентом, развитием Интернета и стоимостью доступа.

Вместе с ICANN и Обществом Интернета мы разрабатываем языковые инструменты, среди которых глоссарий арабских терминов, связанных с управлением в Интернете.

На карту поставлено многое, поскольку языки не только выражают мир – они его формируют.

Язык – это мост между идеей и действием, это неотъемлемая часть того, что мы в ЮНЕСКО называем новым гуманизмом, который зиждется на уважении к человеческому достоинству, соблюдении основополагающих прав и разнообразии культур.

Вот почему мы должны делать все возможное для поощрения культурного и языкового разнообразия в киберпространстве.

У якутов есть пословица: «Кузнец и шаман – из одного гнезда». Фактически, в том, что касается языка, мы все кузнецы и все – шаманы, мы выковываем новые формы значений, создаем новые материалы для понимания благодаря словам и выражениям, которыми делимся друг с другом.

Мы должны хранить эту силу для всех.

Евгения Исаевна МИХАЙЛОВА

ректор Северо-Восточного федерального университета
(Якутск, Российская Федерация)

Уважаемые участники конференции!

Национальное самосознание и национальное сплочение народов проявляются в их языках и культуре. Отмечая, что развитие малых и больших народов, существующих рядом, неравнозначно, а порой в ситуации совместного проживания возможно угасание малых народов, великий якутский писатель, основатель якутской письменной литературы Алексей Елисеевич Кулаковский говорил о том, что малые народы могут и все ассимилироваться и исчезнуть с лица земли. Как известно, Якутия – многонациональная республика, и в этом ее богатство и духовная сила, а также характерная особенность. Поэтому сохранение и развитие языкового разнообразия и культурного многообразия возведено в ранг государственной политики. Мы, якутяне, гордимся тем, что общими, совместными усилиями мы строим общество, открытое другим, создаем такую среду, где бережно сохраняется многоязычие, где прививается любовь к родному языку и культуре, где формируются интерес и уважение к языкам и культуре других народов.

Уважаемые друзья! Прежде всего, разрешите приветствовать вас всех на древней земле Олонхо в **дни празднования якутского национального праздника Ысыах** с пожеланиями здоровья и благополучия, изобилия и благоденствия. Ысыах – это традиционный ежегодный праздник народа саха, олицетворяющий пробуждение природы, начало лета, объединение людей для созидания.

В эти дни, как утверждают знатоки и культурологи, надо обязательно получить благословение от алгысчытов, которые посредством древних священных ритуалов и обрядов укрепляют созидающий дух людей, веру в себя и собственные силы.

Мы все являемся свидетелями унификации культур, стремительного сокращения культурного разнообразия, ускорения процессов вымирания миноритарных языков. По прогнозам, к концу XXI в. может исчезнуть до 90% из 7000 существующих сегодня языков. Не хотелось бы в это верить, и я думаю, что такие мероприятия, как международная конференция по проблемам сохранения языков и их развития в киберпространстве, становятся и центрами поиска механизмов развития, и центрами вдохновения и убеждения.

Северо-Восточный федеральный университет как один из организаторов конференции рассматривает ее не просто как место обсуждения актуальных проблем, но и как глобальный экспертный форум по разработке мер для сохранения и развития языков и культуры. Это миссия федерального университета.

Кто-то из великих сказал: «Единственный метод предсказать будущее – это изобрести его». По итогам первого форума была принята Ленская резолюция, вторая конференция выработала «Якутское воззвание к действию» – план действий по подготовке Всемирного саммита по многоязычию. Мы стремимся реализовать все рекомендации, с каждым годом вовлекая все больший круг специалистов из разных стран. Уверена, что здесь Якутск доказал, что может стать площадкой для серьезных экспертных дискуссий и прогнозов и для выбора ответственных мер по поддержке миноритарных языков.

В 2011 г. Северо-Восточным федеральным университетом совместно с Сибирским федеральным университетом начато форсайт-исследование проблем развития северных территорий и коренных народов Севера на перспективу до 2050 г. Широкое использование экспертного знания во многом отличает форсайт от «обычного» прогнозирования. Экспертная оценка показывает, что в ближайшие 10–20 лет на территории Республики Саха (Якутия) будут происходить масштабные социально-экономические и социально-культурные изменения, которые, с одной стороны, позволят резко увеличить экономический потенциал и качество жизни, а с другой стороны, могут критическим образом изменить условия существования народов региона. Результатами первых этапов исследования стали данные, позволяющие определить темпы утраты культуры и языка народами Севера с 1950 г., построить прогноз их развития на период до 2050 г., разработать меры по сохранению и воспроизводству культуры и языков народов северо-востока страны.

Принципиально важно, что форсайт включает в себя анализ «рисков и возможностей будущего» – выявление позитивных и негативных трендов, возможных критических ситуаций. Собственно, это и составляет ценность форсайта. Он показывает, «что нам нужно делать с учетом возможных рисков», а не просто рисует благополучную картинку будущего.

Форсайт-исследование свидетельствует, что связующей нитью между различными поколениями являются национальные праздники – они важны в жизни всех возрастных групп. Об этом говорил каждый второй респондент. Вместе с тем, результаты исследования **указывают на риск возникновения «поколенческого разрыва»** в использовании потенциала таких

элементов национальной культуры, как национальные традиции жизненного уклада, поведения человека. Менее значимыми становятся народные предания и легенды, народные песни и танцы, состязания, игры, виды спорта, национальная одежда, народная медицина и национальный характер.

Важный показатель сохранения национального языка – его использование в повседневной жизни. Если люди способны свободно говорить на национальном языке, но обсуждают повседневные дела на другом языке, то родной постепенно утрачивает качество «живого» и превращается в язык, используемый лишь в особых случаях. Исследование показало, что существуют значимые межпоколенческие различия в использовании родного языка в повседневной жизни: чем моложе участники опроса, тем меньшая их доля обсуждает домашние и личные дела в семье на родном языке (85% в группе 60 лет и старше, 80% в группе 50–59-летних, 79% в группе 40–49-летних, 76% в группе 30–39-летних, 68% в группе 20–29-летних).

Роль, влияние учреждений профессионального образования (вузов, техникумов, училищ) как института воспроизводства национальной культуры респондентами оценены как низкие – их отметили не более 8% опрошенных. Значит, нам надо усилить функции СВФУ и других учреждений профессионального образования республики как институтов воспроизводства и развития национальной культуры.

Экспертное знание позволяет оценивать текущую ситуацию и предвидеть будущее развития народов республики, «вычислять траектории» эволюции языков и культуры.

Расширяющееся использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) оказывает двойственное влияние на ситуацию с языковым разнообразием: с одной стороны, под их влиянием языки ускоренно отмирают – в Интернете представлены и используются только 7% существующих языков, с другой – именно благодаря ИКТ появляются новые инструменты для их сохранения и оживления. И в наших с вами силах решить, есть ли будущее у родных нам языков, а с ними – и у нашего мировосприятия.

Усиливается доминирование английского языка, посредством которого продвигаются политические, экономические, научные и культурные интересы США и всего англосаксонского (шире – всего западного) мира¹.

¹ Для справки: Россия изучает предложения китайских IT-компаний по созданию новых телекоммуникационных коридоров на Дальнем Востоке, чтобы избежать использования заокеанских серверов для обмена данными между Россией и КНР.

В 2008 г., объявленном ООН Международным годом языков, в Якутске в рамках Межправительственной Программы ЮНЕСКО «Информация для всех», под эгидой ЮНЕСКО и Правительства России, при поддержке Минкультуры, МИД России, Правительства Республики Саха (Якутия) прошла I Международная конференция «Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве». Это был первый в истории крупный международный форум на такую актуальную тему – весомый вклад в проведение Международного года языков. Конференция, объединившая представителей 15 стран, продемонстрировала позитивный образ многонациональной России, где успешно осуществляется системная, целенаправленная и поучительная для всего мира политика поддержания и развития языков и культуры коренных народов (за три века с территории Российской империи и СССР ушло всего 3 языка, в то время как с территории США – более 80). По итогам первого форума была принята **Ленская резолюция**, намечены конкретные планы дальнейших действий.

На второй конференции, **в 2011 г.**, существенно расширились рамки участия – 30 стран, обсуждались практические наработки, результаты исследований. Вторая конференция выработала **«Якутское воззвание»** – план действий по подготовке Всемирного саммита по многоязычию.

Мы рады, что мировая общественность признала деятельность Якутии по поддержке языкового и культурного разнообразия и наследия.

Мы рады тому, что вокруг нас возникло целое сообщество лучших зарубежных специалистов, которые стали друзьями России и к которым мы теперь можем обращаться за поддержкой и помощью.

В результате проведения конференций деятельность наших учреждений культуры, образования и науки вышла на новый уровень, получила методическую поддержку, упорядочилась; возникли горизонтальные связи не только внутри России, но и на международном уровне. Наши библиотеки, архивы, вузы, НИИ стали взаимодействовать не только между собой, но и с производителями программного обеспечения, создавать более качественные двуязычные порталы, сайты и другие ресурсы.

Наша совместная инициатива о проведении третьей конференции нашла широкую поддержку – со стороны Правительства Республики Саха (Якутия), Роспечати, Минкультуры России, МИДа России, Комиссии РФ по делам ЮНЕСКО – и проводится под эгидой ЮНЕСКО. О проведении третьей конференции делегация РФ объявила на Генеральной конференции ЮНЕСКО в ноябре 2013 г., приглашения были разосланы национальным комиссиям по делам ЮНЕСКО и послам всех стран мира в ЮНЕСКО, а также всем крупнейшим мировым экспертам.

Мы в СВФУ понимаем необходимость сохранения языков на всех уровнях как главного аспекта культуры. Так, больше всего магистерских программ в университете реализуется в Институте языков и культуры народов Северо-Востока России, на филологическом факультете, в Институте зарубежной филологии и регионоведения, в Институте математики и информатики.

В 2015 г. в СВФУ будут открыты 38 новых магистерских программ, в том числе программы по культурологии и народной культуре. Поддерживая международные отношения как внутри страны, так и за ее пределами, Университет будет реализовывать часть этих программ в сетевом формате с другими вузами и научно-исследовательскими институтами. Например, по направлению «Филология» мы сотрудничаем с Казанским федеральным университетом, по направлению «Туризм, культурное наследие и окружающая среда» – с французским университетом Версаля Сен-Кантен-ан-Ивелин, по направлению «Культурология» – с Санкт-Петербургским государственным университетом культуры и искусства.

Активная деятельность университета нашла отражение в международных и национальных рейтингах. Северо-Восточный федеральный университет вошел в число 200 лучших вузов БРИКС среди шести тысяч вузов мира. Необходимо отметить, что в ТОП-200 лучших вузов БРИКС вошли всего 53 российских университета, и СВФУ в их числе. В национальном рейтинге университетов Северо-Восточный федеральный университет по итогам 2013 г. занял 38-ю позицию среди полутора тысяч вузов России, тем самым еще раз доказав, что является одним из ведущих университетов страны.

Образование сегодня является одновременно средством обеспечения и отражением культурного и языкового разнообразия. На каждом этапе развития общества необходимы переосмысление и корректировка целей и задач системы образования, в том числе и в области сохранения и развития национальных языков и культуры. В условиях доброжелательного и уважительного отношения мы формируем новое поколение универсальных специалистов, способных мыслить в различных направлениях на нескольких языках.

Система образования должна трансформироваться, с одной стороны, обеспечивая качество, гарантирующее молодежи активную жизнь и трудоустройство в условиях глобализации, с другой, сохраняя свою специфику, связанную с особенностями языковой ситуации региона, которая характеризуется высокой степенью языкового разнообразия.

Мы хотим развивать русский язык, потому что это не только достоинство нашей страны и соотечественников за ее рубежами, это богатство всего мира. Очень важно не только сохранить, но и совершенствовать присутствие русской культуры в современной культурной жизни зарубежных

стран. Мы и дальше будем поддерживать изучение русского языка в зарубежных университетах, содействовать развитию кафедр русского языка и литературы в иностранных вузах.

Я только что вернулась с конференции славистов Восточной Азии, которая состоялась в Южной Корее, где выступила с пленарным докладом в поддержку русского языка как языка международного общения. Участники конференции поддержали предложение СВФУ о начале реализации проекта по проведению сравнительных международных исследований по сохранению языкового разнообразия в разных странах мира. Проект любезно согласился возглавить профессор Университета иностранных языков Ханкук (Южная Корея), почетный профессор СВФУ г-н Канг Дук Су.

Мы ведем активную деятельность по сохранению и развитию **якутского языка и языков коренных малочисленных народов Севера**. Каждый желающий может посещать курсы изучения официальных языков республики. В нашем университете можно получить высшее историко-филологическое образование на якутском языке. Для этого у нас работает Институт языков и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации, который ведет научно-исследовательскую и просветительскую деятельность в области изучения и сохранения классического художественного и нематериального наследия народов северо-восточного региона РФ путем интеграции науки и образования, обеспечения динамического развития языков, литературы и культуры коренных народов – якутов, эвенков, юкагиров, долган, чукчей, коряков, алеутов, а также путем развития билингвистического образования.

В рамках Программы развития СВФУ на 2010–2019 гг., утвержденной Правительством РФ, реализуется мероприятие **«Программа сохранения и развития языков и культуры коренных малочисленных народов Севера на цифровых носителях и в киберпространстве»**. За 4 года на базе Центра новых информационных технологий СВФУ проделана качественная работа, и есть ощутимые результаты: проведены 4 крупных этнографических экспедиции в места компактного проживания коренных малочисленных народов Севера, подготовлено 17 уникальных мультимедийных обучающих электронных комплексов по языкам, фольклору и культуре коренных малочисленных народов Севера, создан портал www.arctic-megaremedia.ru. На портале представлена информация о языке и культуре коренных малочисленных народов Севера, проживающих в северо-восточной части РФ, формируется архив полнотекстовых документов, аудио- и видеоресурсов. Информация представлена на русском, английском и на официальных миноритарных языках. В перспективе возможно расширение проекта на всю российскую территорию проживания коренных малочисленных народов Севера и Сибири. Разработан специа-

лизированный программный комплекс «Мультимедийный электронный архив коренных малочисленных народов Севера и Сибири», который позволил размещать полнотекстовые информационные источники, архивы документов и фотографий, аудио- и видеофонды.

Кроме того, Центром новых информационных технологий выполняется комплекс работ по изучению и выявлению недостающих в компьютерных операционных системах специфических символов шрифтов КМНС. В настоящее время выявлено более 40 недостающих символов-букв алфавитов языков КМНС. Для их внедрения в международный стандарт кодирования символов ЮНИКОД необходимо продолжить эту работу с соответствующим государственным финансированием.

Комплексная оценка роли и потенциала Северо-Восточного федерального университета в региональном развитии показала, что сохранение и развитие языков и культуры народов Севера, включая образовательную, научно-исследовательскую, просветительскую деятельность в области истории и культуры; многоязычное поликультурное образование, социальную инженерию и культурную политику, является новым и значимым направлением развития СВФУ.

СВФУ должен стать **стратегическим центром** формирования культурного и научно-образовательного пространства северо-востока России, базирующегося на ценностях национальной культуры населяющих его народов; устойчивого культурного партнерства в современном мире. В сфере гуманитарных научно-инновационных разработок СВФУ особую значимость для мировой культуры имеет проект внедрения научно-образовательной информационной системы по сохранению и распространению якутского героического эпоса «Олонхо». Созданы НИИ Олонхо, специальный телеканал, портал информационной системы.

Во исполнение Ленской резолюции было принято решение о создании Центра поддержки многоязычия в киберпространстве СВФУ. Сегодня этот центр способен вносить свой вклад в реализацию одной из основных целей нашей конференции – распределение ролей, функций и ответственности за образование и сохранение культурного разнообразия – благодаря разработанным его сотрудниками критериям оценки жизнеспособности языков в киберпространстве. Опираясь на эти критерии можно определить вид и степень необходимой со стороны государств помощи в сохранении отдельного языка.

Мы с вами собрались на сегодняшнюю конференцию для того, чтобы показать всему миру, что многоязычие – это норма современного общества.

Хочется пожелать всем участникам конференции плодотворной работы и успехов в нашем общем деле сохранения и развития языков мира.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Евгений Иванович КУЗЬМИН

заместитель председателя Межправительственного совета
и председатель Рабочей группы
по многоязычию в киберпространстве
Программы ЮНЕСКО «Информация для всех»;
председатель Российского комитета
Программы ЮНЕСКО «Информация для всех»;
президент Межрегионального центра
библиотечного сотрудничества
(Москва, Российская Федерация)

Многоязычие в России

Введение

Уважаемые коллеги! Организуя в России уже третью международную конференцию по проблемам сохранения языкового и культурного разнообразия в реальной жизни и развития многоязычия в киберпространстве, я впервые решил выступить с докладом о том, как обстоят дела с многоязычием в самой России. На предыдущих конференциях в своих презентациях я касался этой темы, но только вскользь, а сегодня решил сосредоточиться только на ней.

О том, что Россия – страна многоязычная, за ее пределами почти не известно. Раньше, когда существовал Советский Союз, наверное, многие в мире знали или как-то догадывались, что это была не просто огромная, но огромная многонациональная страна. Но, как я убедился в последнее время, очень мало людей и тогда отдавали себе в этом отчет, и сейчас осознают, что Россия – а по численности населения это половина Советского Союза – тоже очень многонациональная страна. Во всяком случае, почти все из моих образованных зарубежных коллег, даже европейцы, именно от меня впервые и с искренним удивлением узнавали, что в России проживают не только этнические русские. Все европейцы понимают, что в России, как и в любой крупной стране, должно, по идее, находиться много иммигрантов. Они догадываются, что со времен Российской империи и Советского Союза на территории современной России может существовать много диаспор. Но их удивлению почти нет предела, когда я им говорю, что в России, помимо этнических русских, проживают еще 100 других коренных народов. Коренными народами России я называю те народы, кото-

рые или исторически сформировались в границах нынешней территории нашей страны или преимущественно на ней проживают в течение многих столетий и при этом вне России не имеют ни государственных образований, ни больших ареалов расселения.

Поразительно другое. То, что даже в нашей стране люди не слишком отдают себе в этом отчет. Признаюсь, я и сам открыл для себя это огромное языковое разнообразие России во всей его полноте сравнительно недавно – только в 2006 г., когда по просьбе Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО начал профессионально заниматься проблемами многоязычия в киберпространстве. Безусловно, все люди в России прекрасно знают, что страна у нас многонациональная. Но когда я спрашиваю у своих знакомых в России, даже у университетской публики, сколько же все-таки у нас в стране проживает коренных народов и на скольких языках они говорят, то чаще всего вижу на лицах растерянность. Точно почти никто не отвечает. Более того, даже наш президент Владимир Путин, год назад с гордостью говоря о том, что Россия сохранила и развивает языки почти всех своих коренных народов, счел необходимым добавить, что и он сам с удивлением узнал об этом совсем недавно.

У нас по-прежнему довольно хорошая система образования, и это известно во всем мире, у нас с детства изучают историю, географию, обществоведение, но на таком замечательном и знаменательном факте у нас почему-то не сосредоточиваются. Я считаю это огромным упущением. Мы привыкли гордиться нашей великой историей, нашими серьезными достижениями в искусстве, культуре, науке, в освоении космоса и в разных других сферах. Но только сейчас, как мне представляется, мы начинаем по-настоящему осознавать, что обладаем не только огромным культурным наследием, но и огромным культурным разнообразием. И только сейчас мы начинаем этим всерьез гордиться. А раньше на это как-то не обращали внимания, это казалось чем-то само собой разумеющимся: разве может быть иначе?

Сейчас, когда мы стали много ездить по миру и сравнивать Россию с другими странами, мы начинаем гораздо лучше понимать и больше ценить нашу собственную страну. Когда на политическом уровне в других странах, во всем мире мы слышим так много призывов к толерантности, к соблюдению прав национальных меньшинств, нам становится все более очевидным: Россия не просто толерантно относится к правам национальных меньшинств, а всячески, на протяжении всей своей истории, сознательно и целенаправленно – не на словах, а на деле – содействовала сохранению их культурной самобытности и идентичности, сохранению и развитию их языков.

Почти на всех языках коренных народов нашей страны издаются книги и периодика, осуществляется преподавание (по крайней мере в начальной школе), ведется теле- и радиовещание, создаются и развиваются информационные ресурсы в Интернете. Все языки изучаются, тщательно документируются. Ко всем языкам относятся как к огромной ценности. Российское государство и российское общество уделяют этому самое пристальное внимание. И так происходит потому, что у нас давно уже не делят людей по национальному признаку – в этом смысле у нас нет людей первого сорта и людей второго сорта. У нас все люди – братья. В СССР меня с детства – и родители, и в школе – учили, что все люди – братья. Грузины – братья, азербайджанцы – братья, казахи – братья, латыши и литовцы – братья. Более того, мы искренне считали, что нам и поляки – братья, и чехи, и венгры, и все другие люди из социалистических стран. Не говоря уже об украинцах и белорусах.

Я считаю это значительным достижением, которого, как мне кажется, нет ни у одной другой крупной многоязычной страны.

Россия является не только одной из самых многонациональных и многоязычных стран мира. Это еще и одна из самых поликонфессиональных стран. У нас исторически распространено не только христианство и исламство. У нас распространены и иудаизм, и язычество. Более того, у нас есть два компактно проживающих буддистских народа – буряты и калмыки. Когда у европейцев спрашиваешь, есть ли в Европе буддистский народ, они, не задумываясь, говорят, что нет. Но такой народ в Европе есть. Это калмыки – потомки монгольских племен, мигрировавших в конце XVI – начале XVII вв. из Центральной Азии на Нижнюю Волгу и в Северный Прикаспий. И у них сегодня есть свое национально-государственное образование в составе Российской Федерации – Республика Калмыкия.

Уважение и братские чувства ко всем нашим коренным народам, осознание того, что все они наши братья, – вот первооснова того, почему в России уважаются и сберегаются их языки.

Прежде чем далее продолжить тему о языках, на которых говорят в России, обратимся к ее национальному составу.

Национальный состав Российской Федерации

По данным переписи 2010 г., в России проживают **142 856 536 человек**, представляющие 245 этносов, из которых 100 – коренные народы нашей страны.

В табл. 1 приведена численность 30 наиболее крупных этнических групп. Курсивом в таблице выделены этносы, чьи представители издавна проживают в России, но при этом имеют государственность или большие ареалы расселения за пределами нашей страны.

Таблица 1

Народность	Численность, чел.	Доля от всего населения России, в %
Русские	111 016 896	77,71
Татары	5 310 649	3,72
<i>Украинцы</i>	1 927 988	1,35
Башкиры	1 584 554	1,11
Чуваши	1 435 872	1,01
Чеченцы	1 431 360	1,00
<i>Армяне</i>	1 182 388	0,83
Аварцы	912 090	0,64
Мордва	744 237	0,52
<i>Казахи</i>	647 732	0,45
<i>Азербайджанцы</i>	603 070	0,42
Даргинцы	589 386	0,41
Удмурты	552 299	0,39
Марийцы	547 605	0,38
Осетины	528 515	0,37
<i>Белорусы</i>	521 443	0,37
Кабардинцы	516 826	0,36
Кумыки	503 060	0,35
Якуты	478 085	0,34
Лезгины	473 722	0,33
Буряты	461 389	0,32
Ингуши	444 833	0,31
<i>Немцы</i>	394 138	0,28
<i>Узбеки</i>	289 862	0,20
Тувинцы	263 934	0,19
Коми	228 235	0,16
Карачаевцы	218 403	0,15
<i>Цыгане</i>	204 958	0,14
<i>Таджики</i>	200 303	0,14
Калмыки	183 372	0,13

Русские и россияне

Говоря о национальном составе Российской Федерации, важно дифференцировать две разные сущности: 1) этнические русские и 2) все граждане России (все население России). В английском языке и в англоязычной литературе для обозначения этих двух сущностей чаще всего используется только одно слово «Russians», которое рядовыми читателями и телезрителями (неспециалистами по России) чаще всего понимается как «этнические русские» (ethnic Russians), то есть одновременно указывает и на этническую принадлежность, и на гражданство.

В современном русском языке для обозначения и различения этих разных сущностей существуют два разных понятия: «русские» (чаще всего под этим понимаются «этнические русские») и «россияне», то есть все граждане России (этот термин имеет однозначное толкование, он указывает только на гражданство, на принадлежность к России, но никак не на этническую принадлежность).

Неоднократно бывая в США, разговаривая там с американцами на тему их национальности и выяснив, что их дедушки с бабушками были, к примеру, итальянскими эмигрантами, а родители его (ее) супруга (супруги) тоже родом из Италии, я пытался всякий раз им сказать: «Но какие же вы американцы? Вы итальянцы, живущие в Америке!» И всякий раз все они мне бурно возражали: «Нет! Мы американцы! Мы не итальянцы! Это наши предки были итальянцами».

В Америке все – американцы. А в России дела обстоят совсем иначе.

Находясь в России или осуществляя коммуникацию на русском языке, представители коренных народов России (будь то татары, якуты, удмурты, чеченцы, калмыки или все остальные) на вопрос об их национальности, заданный им на русском языке, никогда не ответят, что они русские. Они скажут – мы татары, мы якуты, мы удмурты, мы чеченцы, мы калмыки. Собираясь вместе, татары, якуты, удмурты, чеченцы и калмыки также никогда не скажут: «Мы русские». Они скажут: «Мы россияне». Но будучи за границей, особенно в англоязычной стране, или просто ведя разговор на английском языке, они, скорее всего (чтобы не вдаваться в детали и не провоцировать дополнительных вопросов), определяют себя как «Russians», поскольку в английском языке для определения этого сущностного различия нет понятия «россияне».

Государственное устройство и национально-государственные автономии в России

Важно понимать, что государственное и административно-территориальное устройство страны может стимулировать сохранение национальной идентичности миноритарных народов и их национальных языков, а может способствовать ассимиляции этих народов и дальнейшей маргинализации их языков. Унитарное устройство страны с полиэтническим населением усиливает и ускоряет унификацию культур, вытеснение на обочину всех языков, кроме государственного. Федеративное государство, напротив, сдерживает процессы отмирания языков и даже может способствовать их развитию.

Россия (Российская Федерация) является сложно устроенной федерацией, объединяющей 85 субъектов, в число которых входят 50 областей, 8 краев, 21 республика, 5 автономных округов, автономная область.

Области – это административно-территориальные единицы, где не просто доминируют этнические русские: в них нет выраженных мест компактного проживания других этносов или число их представителей весьма незначительно (менее 1%).

Края – это крупные административно-территориальные единицы, в состав которых входят автономные округа с местами компактного проживания малых этносов.

Республики – это субъекты РФ, в которых в сопоставимых пропорциях проживают не только русские, но и другие, наиболее крупные (в масштабах РФ) этносы. Название республикам дают имена этих этносов. Например, Республика Татарстан называется так, потому что в ней исторически проживает татарский этнос, Республика Бурятия берет свое название от бурятов и т.д. Республики в составе РФ имеют собственные конституции и обладают большей самостоятельностью и независимостью от центрального (федерального) правительства, чем края, области и автономные округа.

Большинство крупных или сравнительно крупных коренных народов России имеют свои национально-государственные образования (автономии) – в России они называются субъектами Российской Федерации.

Автономии тюркских народов:

- Республика Тыва: здесь тувинцы составляют 77% населения.
- Республика Чувашия: 70% населения составляют чуваша и татары.
- Республика Башкортостан: 57% составляют башкиры, татары, чуваша.

-
- Республика Татарстан: 56% – татары и чувашы.
 - Республика Саха (Якутия): 47% – якуты.
 - Карачаево-Черкесская Республика: 44,3% – карачаевцы и ногайцы.
 - Республика Алтай: 40% – алтайцы.
 - Республика Дагестан: 20,6% составляют кумыки, ногайцы и азербайджанцы.
 - Кабардино-Балкарская Республика: 14,8% составляют балкарцы, татары, турки.
 - Республика Хакасия: 12% – хакасы.

Автономии финно-угорских народов:

- Республика Марий-Эл: марийцы составляют в этой республике 43,9%.
- Республика Мордовия: 40% – мокшане и эрзяне.
- Республика Удмуртия: 28% – удмурты.
- Республика Коми: 23,7% – коми.
- Ненецкий автономный округ: 18% – ненцы.
- Республика Карелия: 9,3% – карелы, финны, вепсы.
- Ямало-Ненецкий автономный округ: 5,9% – ненцы.
- Ханты-Мансийский автономный округ: 1,9% – ханты и манси.

Кроме того, как уже было сказано выше, в состав Российской Федерации входят как самостоятельные субъекты Республика Калмыкия, Республика Бурятия, Чукотский автономный округ.

В Камчатском крае выделен Корякский автономный округ, в Красноярском крае – Эвенкийский автономный округ, в Забайкальском крае – Усть-Ордынский и Усть-Бурятский автономные округа, в Пермском крае – Коми-Пермяцкий автономный округ.

Во всей России прикладываются целенаправленные усилия по сохранению культурного и языкового разнообразия. Но наиболее масштабно и активно работа по поддержке многоязычия ведется в республиках в составе Российской Федерации (прежде всего это касается повышения статуса языков титульных наций).

Государственные и официальные языки республик в составе Российской Федерации

По общему правилу государственными языками республики в составе Российской Федерации признаются русский язык и язык титульной нации, давшей название республике, несмотря на то, что в ряде случаев эта титульная нация может быть в республике этническим меньшинством. Так, например, в Республике Башкирия, одном из самых больших субъектов РФ, где проживает около 4 млн чел., собственно башкир лишь 30%, в то время как русских – 43,6%.

В ряде республик государственными признаются два и более языков, функционирующих в данной республике. К примеру, в Республике Кабардино-Балкария статус государственного, помимо русского, имеют кабардино-черкесский и карачаево-балкарский языки. В Республике Мордовия – языки мокша и эрзя.

Республика Саха (Якутия) – одно из уникальных мест в мире в отношении сохранения языков. Здесь не только развивается язык небольшой титульной нации (якутский), но и сама эта титульная нация заботится о поддержании языков коренных малочисленных народов Севера. Эвенский, эвенкийский, юкагирский, долганский, чукотский языки, несмотря на малочисленность их носителей, в Республике Саха (Якутия) признаны официальными языками.

Интересен и в известной степени уникален пример расположенной на Северном Кавказе Республики Дагестан, где проживают представители более 120 национальностей, но не существует официально признанной «титульной нации». Ее политическими атрибутами наделены в настоящее время 14 коренных народов Дагестана, языки которых принадлежат к трем языковым семьям: дагестанско-нахской ветви иберийско-кавказской семьи языков; тюркской группе алтайской языковой семьи; индоевропейской языковой семье. В Конституции Республики Дагестан указывается: «Государственными языками Республики Дагестан являются русский язык и языки народов Дагестана», но при этом не дается перечисления ни дагестанских народов, ни дагестанских языков. Это обусловлено отнюдь не пренебрежением к этим вопросам, а, напротив, слишком высокой их значимостью в данной республике. Как утверждают некоторые дагестанские авторы, жизнь здесь неоднократно доказывала, что любая попытка создания такого законодательно закрепленного закрытого перечня народов и языков неизбежно вызовет волну протестов и **принципально неразрешимые** споры. Сложность языковой ситуации в этой республике обусловлена еще и тем обстоятельством, что до сих пор до

конца не определено, сколько языков насчитывается в Дагестане на сегодняшний день: как правило, говорят примерно о 60 самостоятельных вербальных языках. Дагестан – это горная республика, и здесь шутят, что на каждой горе живут разные народы и у каждого – свой язык.

Установление государственных языков не означает забвения иных языков народов, населяющих Россию. Всем им гарантируется право на сохранение родного языка, создание условий для его изучения и развития. В Республике Татарстан много делается для сохранения культуры и языков проживающих здесь башкир, удмуртов, чувашей. В Республике Чувашия много делается для татар, башкир и т.д. Аналогичные процессы происходят и в Башкирии. Три этих республики, где коренное население тюркоязычно, мирно соседствуют с двумя республиками, где коренное население говорит на угро-финских языках (Удмуртия и Мордовия) и где также много делается для сохранения татарского, башкирского и чувашского языков.

Уникальность России заключается еще и в том, что почти 40 (!) языков коренных народов в национальных республиках имеют статус государственных и официальных.

Этноязыковой состав населения России

Государственный язык России – русский. Это наиболее распространенный язык, богатый, выразительный, с более чем тысячелетней письменностью, на нем созданы великая литература, наука, система образования. На русском языке осуществляется и государственный документооборот. Практически на всей территории России русский язык используется и как язык межнационального общения. Во многом до сих пор в этом качестве он используется и в республиках бывшего СССР – ныне независимых государствах.

Русский язык в России считают родным более 127 млн человек, им также свободно (в той же степени, как и языком своего этноса, а зачастую и лучше, иногда даже лучше, чем многие этнические русские) владеют большинство представителей иных национальностей, а 13 млн из них даже считают его родным. Не все представители коренных народов владеют своими национальными языками, особенно те, которые родились, выросли и живут в крупных городах.

В табл. 2 представлено население России, распределенное по языковым семьям и группам, в которые входят коренные народы России, преимущественно проживающие только в России и не имеющие государственных образований и больших ареалов расселения вне России (по данным переписи 2010 г.).

Таблица 2

Языковая семья	Число носителей в 2010 г.	Доля населения, в %
Индоевропейская семья	116 618 315	81,633
• Славянская группа	113 545 778	79,482
• Иранская группа	807 002	0,565
Алтайская семья	12 737 769	8,916
• Тюркская группа	12 011 825	8,408
• Монгольская группа	647 761	0,453
• Тунгусо-маньчжурская группа	78 183	0,055
Северокавказская семья	5 058 304	3,541
• Нахско-дагестанская группа	4 284 987	3,000
• Абхазо-адыгская группа	773 317	0,541
Уральская семья	2 371 398	1,660
• Финно-угорская группа	2 322 020	1,625
• Самодийская группа	49 378	0,035
Чукотско-камчатская семья	28 985	0,020
Нивхский (изолированный язык)	4 652	0,003
Юкагирская семья	2 605	0,002
Эскимосско-алеутская семья	1 738	0,001
Енисейская семья	1 219	0,001

Помимо русского, наиболее распространенными в России являются четыре языка: татарский (5,35 млн носителей), башкирский (1,38 млн), чеченский (1,33 млн), чувашский (1,33 млн).

Есть 9 языков, на которых говорят от 400 тыс. до 1 млн человек: аварский (785 тыс.), кабардино-черкесский (588 тыс.), даргинский (504 тыс.), осетинский (494 тыс.), удмуртский (464 тыс.), кумыкский (458 тыс.), якутский (456 тыс.), марийский (451 тыс.), ингушский (405 тыс.).

Существует 15 языков коренных народов России, на которых говорят от 50 до 400 тыс. человек. Это лезгинский (397 тыс.), бурятский (369 тыс.), карачаево-балкарский (303 тыс.), тувинский (243 тыс.), коми (217 тыс.), цыганский (167 тыс.), калмыцкий (154 тыс.), лакский (153 тыс.), адыгей-

ский (129 тыс.), табасаранский (128 тыс.), коми-пермяцкий (94 тыс.), ногайский (90 тыс.), алтайский (66 тыс.), карельский (53 тыс.), хакасский (52 тыс.) языки.

Безусловно, в масштабах всей России языки всех ее коренных народов являются миноритарными и в той или иной мере подвержены маргинализации, поскольку представитель какого-либо из коренных народов, владеющий только своим родным и не владеющий в совершенстве русским языком не может рассчитывать ни на серьезный карьерный успех, ни на полноценную самореализацию, если его деятельность хоть как-то связана с интеллектуальной сферой.

Языки народов России, находящиеся под угрозой исчезновения

Более трети всех функционирующих на территории России языков в большей или меньшей степени находятся в опасности или под угрозой исчезновения – в первую очередь это относится к языкам тех этносов, которые насчитывают менее 50 тыс. представителей. Прежде всего это коренные малочисленные народы Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока:

- 25–50 тыс. чел. – ненцы (41 302 чел.), эвенки (35 527 чел.), ханты (28 678 чел.);
- 10–25 тыс. чел. – эвены (19 071 чел.), чукчи (15 767 чел.), шорцы (13 975 чел.), нанайцы (12 160 чел.), манси (11 432 чел.);
- 1–10 тыс. чел. – коряки (8743 чел.), вепсы (8240 чел.), долганы (7261 чел.), нивхи (5162 чел.), тувинцы-тоджинцы (4442 чел.), селькупы (4249 чел.), ительмены (3180 чел.), кумандинцы (3114 чел.), ульчи (2913 чел.), сойоты (2769 чел.), телеуты (2650 чел.), теленгиты (2399 чел.), саамы (1991 чел.), эскимосы (1750 чел.), удэгейцы (1657 чел.), тубалары (1565 чел.), юкагиры (1509 чел.), кеты (1494 чел.), чуванцы (1087 чел.);
- менее 1 тыс. чел. – челканцы (855 чел.), тофалары (837 чел.), нганасаны (834 чел.), орочи (686 чел.), чулымцы (656 чел.), алеуты (540 чел.), камчадалы (2293 чел.), негидальцы (567 чел.), ороки (ульта) (346 чел.), тазы (276 чел.), энцы (237 чел.), кереки (4 чел.).

Несмотря на то, что языкам и культурам этих народов уделяется особое внимание со стороны российских властей всех уровней, существует риск их вымирания, который нельзя недооценивать.

У человека, мало осведомленного о том, что такое многонациональная Россия, легко может возникнуть соблазн предположить, что миноритарные языки находятся под угрозой, потому что говорящие на них этносы на протяжении последних веков растворялись и продолжают растворяться среди этнических русских. Но это не совсем так. Если говорить о коренных малочисленных народах Крайнего Севера, то иногда это совсем не так. Зачастую они ассимилировались и ассимилируются с такими же коренными малочисленными народами Крайнего Севера, но только более крупными. Покажу это на примере керекского, корякского и чукотского языков. Все они относятся к чукотско-камчатской группе палеоазиатских языков.

Кереки — это один из палеоазиатских народов, проживающий на самом Крайнем Северо-Востоке России, на Чукотке. В ходе общероссийской переписи населения в 2010 г. керекками себя назвали только 4 человека. В 1897 г. их было 102 человека, в 1959 г. — около 100 человек, в 2002 г. оставалось 8 человек. Археологи датируют возникновение самобытной древнекерекской археологической культуры с 1-й половины II тысячелетия до н. э.

Проживали кереки в XX в. на Чукотке в нескольких поселках — отдельными семьями, но совместно с чукчами. Чукчи — это самый крупный коренной этнос континентальной Чукотки, который сформировался здесь на рубеже IV—III тысячелетий до н. э. В масштабах России чукчи — малочисленный народ. В масштабах Чукотки это народ-гигант. Численность чукчей за последние годы даже несколько увеличилась. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., их насчитывалось 15 767 человек, по данным переписи 2010 г. — 15 908 человек.

Неудивительно, что в XX в. кереки были почти полностью ассимилированы чукчами. В последние десятилетия кереки говорили в основном по-чукотски, в меньшей степени — по-русски; керекский язык сохранился пассивно.

Поскольку Чукотский автономный округ граничит с Корякским автономным округом, керекский язык близок к корякскому языку, некоторые ученые даже считают его одним из диалектов корякского. Да и самих кереков в прошлые столетия нередко относили к корякам.

Коряки, как и чукчи, — это еще один коренной малочисленный (около 9 тыс. чел.) народ Крайнего Севера, в основном компактно проживающий на севере полуострова Камчатка. Сегодня коряки говорят в основном по-русски, но при этом около 2 тыс. чел. еще сохраняют корякский язык.

Керекский язык, ввиду крайней малочисленности его носителей, остался бесписьменным. Его краткое научное описание впервые было осуществлено только в 1954–1956 гг.

А вот корякский и чукотский язык имеют письменность, она на них была создана в 1931 г.

Понятно, что язык сохраняется тогда, когда на нем не только говорят, но и изучают его. Лучше, чтобы это был язык не только изучения, но и обучения (преподавания). Очевидно, что осуществить преподавание всех или даже части предметов на корякском и чукотском практически нереально. Но обеспечить изучение этих языков удалось.

В результате корякский язык изучают на уровне 1–2-х классов (хотя при этом используется только один из его диалектов). Учителей корякского языка готовят в педагогическом училище в столице Корякского автономного округа – поселке Палана. На нем издано 35 учебных пособий. Затрудняет развитие литературного корякского языка наличие множества его диалектов.

Чукотский язык как язык более крупного этноса используется в образовании более серьезно. В течение длительного времени он являлся предметом преподавания в 1–4-х классах начальной школы. В 1993 г. было принято решение о преподавании чукотского языка в национальных школах с 1-го по 11-й класс, и к настоящему времени подготовлены учебники чукотского языка для 1–6-го классов.

При этом чукотский язык как предмет преподается не только на территории Чукотского автономного округа (в Анадырском высшем педагогическом училище), но и за его пределами – на территории двух других субъектов РФ: в Национальном колледже в пос. Черский в Республике Саха (Якутия) и в Международном педагогическом университете в г. Магадане.

Издаваемые в Чукотском и Корякском автономном округах газеты имеют приложения и страницы на чукотском и корякском языках. На обоих языках ведутся теле- и радиопередачи, выходит общественно-политическая и художественная литература, как переводная, так и оригинальная, которая зародилась на них в 1930-е гг. и получила развитие в 1970-е гг. В советское время все образованные люди в СССР знали имя чукотского писателя Юрия Рытхэу и читали его произведения, которые переведены не только на русский, но и с русского – на ряд европейских языков.

Очень важно отметить, что оба этих языка – корякский и чукотский – изучаются как отдельный предмет в одном из самых престижных рос-

сийских университетов в Санкт-Петербурге, а именно в Институте народов Крайнего Севера Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Языки мигрантов

В последние годы в связи с мощными миграционными потоками все большее распространение в России получают языки народов бывшего СССР – азербайджанский, армянский, таджикский, киргизский, узбекский, молдавский, а также языки других стран – китайский, вьетнамский и другие. На каждом из них в России сегодня говорят сотни тысяч, если не миллионы людей.

Но эти языки в рамках данного доклада не рассматриваются как языки народов России, поскольку у этих народов есть своя государственность за пределами России.

Заключение

Все вышесказанное не означает, что в России нет языковых проблем – ни с сохранением языков, ни с их изучением и преподаванием, ни с их распространением. Эти проблемы есть, и их немало. Они сложны во всех отношениях – политическом, культурном, образовательном, воспитательном, просветительском, этическом и экономическом (сохранение языков – дело высокзатратное!).

И это отнюдь не только проблемы языков, которые являются миноритарными в масштабах всей России, но на территории своего распространения (в том числе на территории конкретной автономии) зачастую являются языком большинства.

Это еще и проблемы сохранения и изучения русского языка.

Одна из таких проблем заключается в том, что в некоторых национальных автономиях (субъектах Федерации) местные национальные языки начинают изучаться и укрепляться за счет сокращения преподавания и использования русского языка. Желание местных властей укрепить свой национальный язык приводит к тому, что порой даже русских детей начинают учить ему с четырех лет, когда они еще плохо говорят на своем родном русском.

Но обо всех этих проблемах в России открыто говорят, они широко обсуждаются. И так или иначе, быстрее или медленнее, но они как-то решаются.

Не решается другая, более общая проблема, характерная сегодня, кажется, для всего мира. Преподаватели вузов отмечают языковую деградацию каждого нового поколения студентов: «Если лет десять назад у молодежи существовала проблема изложить мысль письменно, то теперь они уже не могут ее правильно высказать».

Но это уже не столько проблема России или какой бы то ни было страны в отдельности. Это проблема всей нашей цивилизации.

Виталий Григорьевич КОСТОМАРОВ

президент Государственного института
русского языка им. А. С. Пушкина
(Москва, Российская Федерация)

Русский язык – объединитель народов от Атлантики до Тихого океана

Счастье знать великого поэта Расула Гамзатова, беседовать с ним дает мне право вспомнить патетическую строку из его стихов о родном языке: «И если завтра мой язык исчезнет, то я готов сегодня умереть». Влюбленный в аварский язык, на котором произнес «первое из первых» слово «мама», на котором песни пела над колыбелью мать и отец рассказывал красивые и волшебные сказки, восславлял он тут же и другой язык – русский, который «рассказал о далях беспредельных и всех сограждан отдал... в друзья»: «С ним шел я через горы, чтоб Родины величие постичь <...> И сердцем всем, сын горца, я привык считать родным могучий тот язык <...> От Балтики до Сахалина оттого живем мы сердце к сердцу – дети дома одного».

Русский язык открыл перед поэтом весь мир и придал его поэзии мировое звучание.

Не всем дано так по-восточному мудро представить сложнейшее соотношение родных языков (их около шести тысяч без строгого учета различия языка и диалекта) и необходимого в сегодняшней глобализации общего средства общения. Только за последний месяц ему посвящены конференция ЮНЕСКО в Париже «Языки и культуры в современном мире», интернет-форум в Перми «Русский язык в диалоге культур». Свой вклад внесет и наша встреча, но этой теме предстоит еще долго волновать человечество.

Дело в том, что нет и пока не может быть какого-нибудь одного всеобщего языка. После китайского и хиндустани (хинди и урду вместе), на каждом из которых говорит значительно более миллиарда человек, английский язык является родным для существенно меньшего числа людей, зато изучается повсюду и покорила всемирные транспортные, торговые, коммуникационно-информационные сети. Достойное место занимает русский язык: им владеет около 350 млн человек и он преподается в 67 странах. В число таких языков (их иногда называют «мировыми») традиционно входят немецкий, французский, испанский, арабский и некоторые другие.

Хотя бы один из них выбирается как «иностранный язык» – обязательный предмет школьного образования во всех странах.

Выбрать общим выгоднее, казалось бы, язык наиболее распространенный – фактически как родной и наиболее изучаемый. Второй показатель детерминируется торгово-экономической, производственной, научной, социально-духовной востребованностью. Трудно недооценить роль религии, истории, географического положения, соседства, а также традиции, развитости переводческой и издательской деятельности. В разных ареалах общими оказываются разные языки, но их число не может быть излишне большим и историческим изменчиво.

В нынешней многонациональной Российской Федерации русский язык конституционно признан общегосударственным.

Рассматривая факторы, затрудняющие выбор общего языка, влиятельное направление науки – интерлингвистика – сосредоточивается на возможности искусственного языка, введение которого в качестве всеобщего вспомогательного обеспечило бы международное общение при сохранении всех естественных языков, в то же время не давая ни одному из них особых прав, которые, естественно, дают преимущество тем, для кого он родной. Несмотря на известный успех эсперанто и других изобретений, зная действительность нынешнего мира, наивно обсуждать эту радужную перспективу всерьез.

Во вред общему языку служит риторическое его восхваление. В своих книгах «Мой гений, мой язык», «Жизнь языка. От вятичей до москвичей», в многочисленных социолингвистических статьях я старался не грешить этим, настойчиво подчеркивая, что для объективного лингвиста все языки не только равноправны, но и одинаково прекрасны как многогранные проявления человеческого гения. Во всяком случае, считал непродуктивным уподобление государственного устройства многонационального СССР патриархальной семье во главе со старшим братом, почти отцом, а русского языка – «второму родному» для нерусского населения. Неразумно ретивые журналисты заменяли этой спорной метафорой его именование «всесоюзным переводчиком», то есть *lingua franca*. Совсем дурно, что остальные этносы многонациональной страны и их языки ранжировались как «братья меньшие» – по численности и иным критериям, отчего им выделяли неодинаковые квоты радио- и телевидения, газетно-журнального и книжного издательства, учебных часов преподавания родных языков. Не согласовался с принципами демократии и равноправия также и взгляд на национальные культуры как разные формы единого «социалистического содержания».

Единым средством общения и сотрудничества русский язык становился, лишь когда его выбор был осознанным и, главное, добровольно принятым, когда его обязательность не покушалась на судьбы других языков. Общий язык как выученный, приобретенный психологически и по сути отличен от языка родного, полученного в буквальном смысле слова с молоком матери. Мать питает тело, которому положено расти, она же запускает и развитие генетически заданной предрасположенности ребенка к способности общаться и мыслить. Оттого-то и родной язык называют материнским, а даже не отцовским. Еще в утробный период колыбельные песни начинают закладывать базовые технико-материальные основы – звуковой состав, интонационные контуры, элементы морфологии.

Любопытно, что они обычно не преодолеваются впоследствии и являются в виде акцента в очень хорошо освоенном другом языке. Замечательный языковед осетин В. И. Абаев признавался, что, прожив десятки лет в Москве, прочитав по-русски сотни лекций и написав десятки книг, не всегда различал «поставить книгу на полку» и «положить ее на стол», поэтому взял за правило говорить «поместил». Признанный законодатель нормы русского языка Д. Э. Розенталь, блестяще владевший еще и польским и итальянским, во всех них сохранял интонации родного идиша. Безусловные билингвы – поэты А. С. Пушкин, В. В. Набоков, И. А. Бродский, – которыми все же один язык получен в колыбели, а другой приобретен, даже если и пробовали писать стихи не на родном, настоящей высокой поэзии не достигали. Примеры кажутся показательными, но действительность неоднозначна. Virtuозно владевший французским языком И. С. Тургенев заявлял, что сочинять может только по-русски. Ч. Айтматов же успешно писал на киргизском, казахском, русском и сожалел, что не владеет английским и немецким, а то бы обязательно попробовал писать на них. Разумеется, превыше всего логика мысли и глубина чувств. Подобно Пушкину, творец должен верить: «долго тем любезен буду я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал». Тогда и «слух обо мне пройдет по всей Руси великой, и назовет меня всяк сущий в ней язык» – славянин, финн, тунгус, калмык.

Ограничиваясь утверждением, что мать незаменима, хотя мачеха бывает ближе и любимее, что родной язык вечно остается как некий субстрат, даже если по жизни человек забывает его и переходит на другой, я не затрагиваю сейчас интереснейшие вопросы: (1) может ли быть у человека два родных языка, (2) может ли быть двуязычным целый этнос, а также (3) являются ли билингвы бикультуралами?

Общий язык – как родной и выученный – в постоянном и длительном контакте народов своего ареала воспринимает и разносит все удачное и

полезное, что вырабатывается в родном языке каждого. Сам становясь богаче, он содействует выработке некоторых общих черт и становится основой того, что в лингвистике именуется «языковым союзом» (jezični savez, Sprachbund).

В многоязычном «Энциклопедическом словаре лингвистических терминов» Симеона Рикарда (Simeon Rikard. Enciklopedijski rjesnik lingvistickih naziva, tom I, Zagreb, 1969, s. 611) это понятие возводится к Пражской лингвистической школе и определяется как выработка общих черт в соседствующих неродственных языках, например в «балканском союзе» румынского, болгарского, македонского, греческого, албанского языков.

Принимая эту идею и термин, следует заметить, что языковые союзы по сути весьма разнообразны и каждый из них самобытен. Международная организация франкофонии, объединяющая 75 стран на разных континентах с населением свыше 890 млн человек (из них 220 млн говорит по-французски), отмечает и культурно-языковое разнообразие, и объединяющее влияние французского языка (см. статью генерального секретаря этой организации в сборнике «NET.LANG: На пути к многоязычному киберпространству. – М.: МЦБС, 2014).

Евразийский языковой союз охватывает громадное монолитное пространство от Атлантического океана до Тихого, от южных гор до северных морей. В нем с незапамятных времен сосуществуют, взаимодействуют десятки, если не сотни этносов с разными культурами и языками. С XV–XVII вв. его каркасом служит «общежительный и переимчивый» (по определению Пушкина) русский язык. Отличительная черта этого союза, видимо, в разносистемности массы входящих в него языков и культур, неодинаковом уровне развития. История некоторых малочисленных народов, не имеющих письменности, до сих пор плохо изучена. Привлекательную, но отнюдь не положительную картину унтов и меховой одежды, пург, собачьих упряжек, морозов, несметного богатства, героизма и масштаба дал О. М. Куваев в романе «Территория». Об исчезнувшей, подобно Атлантиде, стране Олдирии пишут многие авторы.

Наиболее ярким и простым свидетельством общего во взаимодействующих языках являются слова. Русский язык, приобщив к греко-латинской культуре и задноевропейской учености все языки союза, сам обогащаясь, например, названиями национальных блюд, жилищ, одежды, обычаев, разносит их и всем остальным. Но существеннее скрытые в веках общие когнитивно-семантические структуры, мыслительно-языковые конструкции, приемы порождения текстов. Уместно вспомнить интригующую

мысль Ф. Ницше о «двух душах Максима Горького», как бы завершающую извечные русские споры почвенников и западников.

Так, в докторской диссертации М. В. Субботиной «Межкультурная метафора в русском художественном тексте» (М., 2003) показано, что нынешние общие синтаксические законы изложения восходят к туранским образцам, то есть контактам угро-финских, самоедских, тюркских, монголо-маньчжурских народов начиная с VII столетия. Таковы свойственные нашему языковому сознанию, но чуждые, скажем, европейским языкам стратегии вроде непрерывной текучей складности и певучести сказа, усложненная и косвенная авторизация, двойное отрицание.

Остается лишь пожалеть, что эта тематика привлекает мало исследователей. Особые и тем более общие черты народов евразийского союза явно недостаточно изучены еще и в силу распространенного мнения о якобы какой-то отсталости его от американо-западноевропейского культурно-языкового состояния. Поэтому так полезны и перспективны данные о высоком уровне, например, своеобразий лингвистического сознания якутов, юкагиров и эвенков, установленные Л. С. Заморщиковой (L. S. Zamorshchikova. Linguistic consciousness of the northern peoples: psycholinguistic issues. *Language, Communication, and Culture*, 2012, No 1).

Можно с уверенностью сказать, что широкое вхождение в кибернетическое пространство новых фактов разнообразия языков и культур, в частности отражающих ассоциативные сети евразийской материальной и духовно-мировоззренческой жизни, верований, традиций, обычаев, обогащает наше представление о единой в своей многоликости общечеловеческой культуре, о желательных и возможных путях глобального языкового развития.

Жозеф МАРИАНИ

директор по научной деятельности
Национального центра научных исследований
(Париж, Франция)

Как языковые технологии поддерживают многоязычие

Аннотация

Многоязычие – вопрос чрезвычайно многоаспектный. В Европе и во всем мире существует серьезная потребность в многоязычии как для сохранения культур и языков, так и для облегчения коммуникации между людьми, говорящими на разных языках. Однако затраты на многоязычие огромны, и их невозможно покрыть только силами людей. Языковые технологии могут помочь нам в решении этой проблемы, однако они все еще находятся на стадии разработки, несмотря на их растущее проникновение в повседневно используемые приложения. К тому же они доступны в достаточном качестве только для малой части языков мира. Повышение их качества и расширение языкового покрытия потребует развития инфраструктуры, обеспечения ресурсов, необходимых для проведения исследований по разным языкам, и оценки получившихся систем обработки языков. Некоторые крупные компании, в большинстве своем американские, сейчас признают важность многоязычия для ведения бизнеса и осуществляют значительные инвестиции в эту сферу, однако в основном это касается языков, в которых они экономически заинтересованы. Некоторые национальные и общеевропейские программы также поддерживают эту сферу, однако они не лишены недостатков, среди которых недостаточный охват, отсутствие преемственности и логической связности. Необходима координация таких усилий различных государств и международных организаций, таких как ЮНЕСКО, в целях поощрения многоязычия в Европе и во всем мире и предотвращения углубления цифрового разрыва.

1. Введение

С тех пор как божья кара обрушилась на строителей Вавилонской башни, человечеству приходится жить в условиях многообразия языков и культур. Решить проблему сложности и затратности коммуникации и обмена информацией в процессе сохранения этих языков, несмотря на языковые барьеры, можно благодаря использованию автоматических систем обработки языков (которые мы называем языковыми технологиями).

Сегодня они являются предметом обширных, хотя и до сих пор недостаточных и недостаточно координируемых исследований.

2. Аспекты многоязычия

Проблемы многоязычия можно рассматривать двояко.

Во-первых, необходимо дать гражданам возможность самовыражения на своем родном языке. Этот вопрос обретает особую глубину в контексте европейского строительства с учетом серьезного языкового разнообразия даже в рамках одной политической единицы. Исследование, проведенное по заказу Европейской комиссии (ЕК), показало, что 90% опрошенных европейцев предпочитают искать веб-сайты на своем родном языке, а не на иностранном. Следует также отметить, что менее 30% сайтов поддерживается на английском языке (это гораздо меньше, чем в 2000 г., когда их было 50%). 50% европейцев говорят только на одном языке, а если они говорят на двух, то второй не обязательно является английским. Только 3% японцев говорят на каком-либо иностранном языке. В Индии на английском языке свободно говорит менее 5% населения. Таким образом, сохранение языков и – с их помощью – соответствующих культур отвечает серьезным ожиданиям граждан.

Вторая задача состоит в том, чтобы наладить коммуникацию между людьми, обычно в рамках общих демократических структур. Мы сталкиваемся с этой задачей в Европейском союзе (ЕС), который после последнего расширения насчитывает 28 государств-членов и 24 официальных языка, что подразумевает 552 языковые пары. Если посчитать все европейские языки, их будет более 100, что предполагает более 10 000 языковых пар для перевода! В Европейской комиссии работает более 2500 переводчиков, которые переводят около 2 млн страниц в год. И это покрывает лишь часть потребностей! Для полного обеспечения этих потребностей необходимо 8500 переводчиков, которые переводили бы 6,8 млн страниц ежегодно. На работу с языковым разнообразием в ЕС приходится 30% бюджета Европейского парламента, или около 300 млн евро в год, выделяемых на оплату услуг 500 устных и письменных переводчиков. По общим подсчетам, затраты на многоязычие в Европейском союзе в целом составляют немногим более миллиарда евро в год, хотя с учетом численности населения ЕС на каждого его жителя в год приходится всего лишь 2,2 евро, что нельзя назвать чрезмерной суммой. То же исследование, проведенное по заказу ЕК, показало, что с экономической точки зрения только 30% граждан ЕС готовы покупать товары в Интернете на иностранном языке, тогда как с культурной точки зрения 80% граждан считают, что сайты,

существующие на их родных языках, должны быть переведены на английский. Подобная ситуация сложилась и в некоторых многоязычных государствах, например, в Индии, и по всему миру, ведь в мире говорят на 6500 языках, которые составляют 40 млн языковых пар для перевода... Приведу простые статистические данные: в настоящий момент каждую минуту на YouTube выкладывается сто часов новых видеороликов на всех языках.

3. Потребности, связанные с многоязычием

На европейском уровне существуют многочисленные потребности, связанные с многоязычием: для Европейской цифровой библиотеки (EUROPEANA), в которой в 2013 г. хранилось 23 млн документов, необходимы многоязычные и кросс-язычные инструменты обеспечения доступа к информации для всех, вне зависимости от языка, на котором представлена эта информация. Европейское агентство безопасности (ENISA) планирует создать многоязычную платформу для обмена информацией и предупреждениями между государствами-членами ЕС. Европейское патентное ведомство, в соответствии с Лондонским протоколом, по финансовым причинам сократило количество рабочих языков до трех (английский, немецкий и французский), и в то же время оно получает 265 тыс. патентов в год на своих 28 официальных языках, а также на русском, китайском и корейском. Считается, что для перевода его полного портфеля патентов, насчитывающего 10 млн единиц, на эти 32 языка потребуется 1500 лет и команда из 1000 переводчиков! По тем же соображениям стоимости и доступности английский все увереннее становится единственным рабочим языком на заседаниях Европейской комиссии, Европейского парламента и Суда ЕС. В 1997 г. 45% исходных документов ЕК для перевода были написаны на английском языке, а 40% – на французском, а в 2007 г. 72% этих документов были составлены на английском, и только 12% – на французском!

Эти потребности отвечают насущной демократической необходимости, которая должна быть в более общем порядке удовлетворена и на международном уровне. Возьмем пример Форума ООН по управлению Интернетом (IGF), который признает в качестве рабочего языка только английский, а также оживленную дискуссию по поводу использования различных вариантов написания и различных акцентов в доменных именах. По состоянию на февраль 2014 г. Мировая цифровая библиотека ЮНЕСКО насчитывала 10 000 документов из 80 стран². Дубляж и производство субтитров для аудиовизуальных произведений; написание тех-

²<http://www.wdli.org/fr/>.

нических инструкций для авиационной и автомобильной промышленности, а также инструкций для пользователей; организация коммерческого бизнеса в международном масштабе; субтитры бегущей строкой для произведений сценического искусства; перевод на все языки бесчисленных текстов видео-, радио- и телевизионных программ; синхронный перевод в ходе военных операций или медицинских инициатив, идущих по всему миру (например, после землетрясения на Гаити), а также на многочисленных встречах, конференциях и семинарах; перевод различных курсов в связи с повсеместным распространением МООК (массовых открытых онлайн-курсов). Подумайте также о срочных потребностях, связанных с научными статьями, написанными на родном языке, количество которых значительно уменьшилось в результате переоценки английского языка в библиометрии, что грозит утратой специализированной терминологии на других языках. В 1980 г. 85% публикаций Индекса научного цитирования (SCI)³ были на английском языке, 4% – на французском и еще 4% – на немецком. В 2000 г. 97% публикаций были на английском, и только 1% – на французском или немецком (Bordons and Gomez 2004).

Добавьте к этому множество потребностей, связанных с обеспечением доступности информации для слабослышащих или слабовидящих, что требует перевода информации в одной форме на другую (с письменного языка на устный, с устного – на язык знаков), и в целом с доступностью информации для людей, не владеющих свободно языком, на котором она представлена, в том числе для мигрантов.

4. Результаты исследования

Масштаб этих потребностей показывает, что они не могут быть удовлетворены с помощью уже существующих или даже будущих кадровых ресурсов в рамках профессий, занимающихся обработкой языка.

Необходимо также учитывать, что многоязычие – это не основная потребность в любом секторе экономики. Никто из руководителей крупных компаний не назовет многоязычие своим приоритетом. Однако если мы сложим приоритеты в каждой области, где необходимо его учитывать, то получим довольно внушительные цифры. Мы считаем, что эта ситуация требует осмысления и принятия политических мер для ознакомления с ней граждан и адекватного реагирования.

Даже если многоязычие рассматривается как приоритет, его стоимость слишком велика. Эта проблема подталкивает нас к разработке языковых

³<http://thomsonreuters.com/thomson-reuters-web-of-science/>.

технологий и их использованию, но только в тех случаях, когда их эффективность соответствует потребностям целевых приложений.

Если для языка недоступны преимущества языковых технологий, он не будет использоваться в высокотехнологичных устройствах с голосовым управлением (таких как GPS-навигаторы в автомобиле, интерактивные смартфоны, поисковики в Интернете или экстренные звонки). Он будет заменяться другими языками и попадет, таким образом, под угрозу «цифрового исчезновения». Когда же язык использует преимущества языковых технологий, таких как машинный перевод, от него не откажутся, даже при наличии многих гораздо более широко используемых языков.

Следует отметить, что в настоящий момент языковые технологии недостаточно совершенны для всех языков, существует серьезный дисбаланс в положении различных языков, к тому же пока эти технологии не могут заменить людей. Например, автоматизированный перевод недостаточно хорош для того, чтобы переводить литературные произведения и в целом тексты, требующие высококачественного перевода. Об этом необходимо заявить совершенно четко. Однако, с другой стороны, он может помочь живым переводчикам в их работе и способен выдавать приемлемый приблизительный перевод, например, веб-страниц, что отвечает потребностям широких масс.

Языковые технологии могут в более полной мере участвовать в решении проблемы сохранения многоязычия, что оправдывает привлечение внимания к их достоинствам, особенно при финансировании обширных исследовательских программ.

5. Языковые технологии

Различают *моноязычные* языковые технологии, работающие с одним языком, *многоязычные*, когда одна и та же технология обрабатывает несколько (отдельных) языков, или *кросс-язычные*, которые дают возможность переключения и передачи данных с одного языка на другой.

Языковые технологии включают в себя обработку письменной речи. Это относится как к моноязычным технологиям (морфосинтаксический и синтаксический анализ; понимание текста; генерирование текста; автоматическое составление резюме; извлечение терминологии; поиск информации; системы, которые отвечают на вопросы (например, IBM Watson⁴) и т.п.), так и к кросс-язычным (машинный или компьютерный перевод, кросс-язычный поиск информации и т.п.).

⁴<http://www.ibm.com/smarterplanet/us/en/ibmwatson/>.

Для обработки устной речи также существуют моноязычные технологии (распознавание и понимание речи; преобразование речи в текст (текстовая запись того, что было сказано), синтез речи; устный диалог; распознавание говорящего и т.п.) и кросс-язычные (определение устного языка, перевод речи, перевод в режиме реального времени и т.п.).

И наконец, эти технологии включают в себя обработку языка знаков (распознавание, синтез и перевод).

Языковые технологии могут быть интермедийными, т.е. переводить язык с одного средства на другое, использовать многочисленные приложения, облегчающие доступ для людей с ограниченными возможностями (синтез текста в речь для слабовидящих, автоматическая транскрипция (субтитры или бегущая строка), помощь в чтении по губам, обработка языка знаков для слабослышащих, голосовые команды для людей с нарушениями опорно-двигательного аппарата).

Сейчас связанные с этими технологиями разнообразные приложения используются повседневно. Для обработки письменной речи существуют сервисы проверки орфографии и грамматики, моноязычные и кросс-язычные поисковики, машинный онлайн-перевод и т.д., а для обработки устной речи – говорящие системы GPS-навигации, голосовая диктовка, автоматическая запись и индексация аудиовизуального контента, устный перевод и т.д. Из этого перечня видно, что многие из уже существующих приложений направлены на связывание устной и письменной речи (транскрипция речи в текст, синтез речи из текста. Растет количество и устных диалоговых систем, в том числе распознавания и синтеза речи, однако количество соответствующих приложений пока ограничено: это голосовое взаимодействие со смартфонами (например, Apple SIRI), колл-центры, предоставление туристической информации или информации по поводу общественного транспорта и т.д.

6. Языковые ресурсы и оценка технологий

Для проведения исследования в области разработки языковых технологий важно обеспечить базу, которая включала бы в себя как языковые ресурсы, так и методы оценки разработанных технологий.

В отношении языковых ресурсов данные (текстовые корпуса, лексиконы, словари, терминологические базы данных и т.д.) необходимы как для проведения исследования в области лингвистики, так и для обучения систем автоматической обработки речи, в большинстве случаев основанных на статистических методах. Чем больше объем данных, тем лучше стати-

стическая модель, а следовательно, тем лучше характеристики системы. Функциональная совместимость языковых ресурсов также заставляет нас более глубоко задуматься о принятии стандартов, необходимых для организации, просмотра и передачи данных.

Также требуется средство для оценки этих технологий, чтобы сравнивать эффективность систем, использующих общий протокол с общими тестовыми данными. Это позволит нам сравнить различные подходы и получить показатель качества исследования, инновационности технологии и ее доработанности по отношению к потребностям конкретных приложений. Сейчас мы говорим о «соконкуренции» – соединении международного сотрудничества и конкуренции. Именно так сегодня проводятся технологические исследования. Агентство передовых оборонных исследовательских проектов (DARPA) Министерства обороны США инициировало такой подход в середине 80-х гг., создав Национальный институт стандартов и технологии (Mariani 1995⁵).

Похожий подход использовался для отслеживания прогресса в машинном переводе (МП) с использованием предложенной в 2000 г. системы измерения BLEU (Papineni K. et al. 2001), поскольку в этой сфере на протяжении 50 лет работа велась без систематического измерения качества результатов, на которое могло бы опираться исследование. Эта система измерений основана на примитивном сравнении результатов систем и переводов живых переводчиков.

В том, что касается изначальных задач, мы можем выделить два ключевых элемента, необходимых для политики в области языковых технологий: доступность моноязычных ресурсов и технологий в каждом языке для обеспечения сохранения культуры (а значит, и языков) и в то же время доступность кросс-язычных ресурсов (таких, как параллельные текстовые корпуса) и технологий для каждой пары обрабатываемых языков для обеспечения коммуникации между людьми.

7. Цифровой разрыв и языковое покрытие

Сейчас ситуация развивается по-разному: существует «цифровой разрыв» между теми языками, для которых существуют технологии, и остальными. Это связано со «значимостью языков»⁶. Следует отметить, что на 95% языков говорит только 6% населения мира, что может не представлять экономического интереса для частных компаний. Некоторые лингвисты

⁵<http://www.cslu.ogi.edu/HLTsurvey>.

⁶ (Gasquet-Cyrus, Petitjean 2009).

считают, что 90% языков исчезнут уже через столетие. Поэтому мы можем классифицировать языки в соответствии с существующими для них системами данных и автоматической обработки: хорошо или плохо они обеспечены «ресурсами» или совсем не обеспечены, есть ли у них только устная традиция или существует система письма. Только 1–2% из примерно 6500 языков мира используют языковые технологии. Доступность данных является ключевым элементом для пригодных для использования систем, часто основанных на статистических подходах. Машинный перевод требует наличия параллельных текстовых корпусов, количество которых ограничено. Поэтому мы пытаемся преодолеть этот разрыв, разрабатывая методы, использующие неточные параллельные корпуса, сравнительные корпуса (тексты на одну и ту же тему на разных языках) или практически сравнимые корпуса, которые проще достать, особенно благодаря расширению сети Интернет.

Решая проблему цифрового разрыва, как мы можем охватить языки «меньшинств», региональные языки, языки, на которых говорят мигранты, иностранные или региональные варианты? Кто будет это оплачивать, если эти языки не представляют экономического или политического интереса, не связаны с вооруженными конфликтами или природными катастрофами, оправдывающими то, что мы ими занимаемся? Как сократить риск конфликтов и кризисов, способствуя общению между людьми? Сегодня это крупнейший социальный и политический вопрос, тема многочисленных дискуссий.

Поэтому по итогам Международного форума в Бамако, состоявшегося в январе 2009 г., следуя решениям Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества, прошедшей в Женеве (2003 г.) и Тунисе (2005 г.), страны взяли на себя обязательство поощрять этическое использование информации в ее языковом измерении, способствуя получению образования на родном языке и обеспечивая существование многоязычного киберпространства как в плане доступности контента в Интернете, так и с точки зрения технологий обеспечения доступа к нему.

8. Исследования в данной области

Для создания языковых ресурсов и технологий, необходимых для решения вопроса многоязычия, предпринимаются различные инициативы:

- инициативы крупных компаний, среди которых Google, IBM, Facebook, Apple, Amazon, eBay и Microsoft;

-
- национальные программы некоторых стран, преследующие различные цели: решение проблем внутреннего многоязычия (TDIL в Индии, NHN в ЮАР); понимание иностранных языков из геополитических соображений (американские программы GALE или EARS, финансируемые структурами Министерства обороны (DARPA)); обеспечение использования и поощрения национального или транснационального языка (TechnoLangue для французского языка, STEVIN – для голландского/фламандского); сохранение своих позиций в условиях экономической и культурной конкуренции (Quaero во Франции);
 - программы исследований и разработок Европейской комиссии;
 - международные усилия по организации взаимодействия между заинтересованными лицами и организациями в этой сфере, направленные на совершенствование координации действий и поощрение более обширного совместного использования ресурсов ((Oriental) Cocosda, CLARIN, FLReNet, META-NET и пр.), а также создание агентств, занимающихся распространением языковых ресурсов, например, LDC в США или ELRA в Европе.

8.1. Производители информационных технологий

Следует подчеркнуть, что крупные американские компании, работающие в секторе информационных технологий, предпринимают серьезные усилия в области многоязычия и межъязыковых связей. Например, поисковики *Google* работают на 145 языках (национальных и региональных), *Google* также предоставляет «бесплатные» инструменты для машинного перевода и кросс-язычного поиска информации онлайн: по состоянию на июнь 2014 г. в Интернете были доступны 80 языков (в том числе каталанский и галисийский) и 6320 языковых пар. Также они были доступны на смартфонах (в том числе более 17 языков с голосовым вводом информации и 26 языков с голосовой выдачей информации, включая различные варианты английского, испанского и китайского языков). К 2015 г. *Google* планирует охватить 100 языков, или 10 000 языковых пар. Сервисом *Google Translate* пользуются 200 млн человек, с его помощью переводится эквивалент одного миллиона книг ежедневно, это больше, чем профессиональные переводчики переводят за год. Он обеспечивает «бесплатный» автоматический перевод патентов на 32 языка для Европейского патентного ведомства после дополнительного изучения их корпуса. По состоянию на апрель 2013 г. в базе сервиса *Google Books* насчитывалось 30 млн документов на 46 языках. В декабре 2010 г. *Google* представил статистиче-

ские данные по эволюции человеческого языка на основе корпуса из 500 млрд слов (в том числе 361 млрд слов на английском языке и 45 млрд слов на французском и испанском языках). Компания *Microsoft* предоставляет сервис проверки орфографии в программе *MS Word* на 126 языках (вместе с региональными вариантами – 233). Голосовой интерфейс *Siri* компании *Apple*, установленный на *iPhone*, доступен на 8 языках и в 19 языковых вариантах (китайский (3), английский (4), французский (3), немецкий (2), японский, корейский, итальянский (2), испанский (3)). Компании *Facebook*, *Amazon*, *IBM* и *eBay* также инвестируют значительные средства в эту область.

8.2. Национальные программы, направленные на использование языковых технологий во благо многоязычия в рамках отдельно взятых стран: TDIL в Индии, NHN в ЮАР

Существуют также крупные государственные программы в этой сфере. Одним из серьезных примеров является программа *TDIL*⁷ (ориентированная на развитие технологий для языков Индии), которая является одним из десяти приоритетов индийской национальной программы по развитию информационного общества. Ее задача – обработка (индийского) английского и 22 «конституционно признанных» языков Индии (ассамского, бенгальского, бодо, догри, гуджарати, каннада, кашмирского, конкани, малаялама, манипури, маратхи, непальского, ория, пенджаби, санскрита, сантали, синдхи, тамильского, телугу, урду, хинди) с помощью различных языковых технологий: машинного перевода, синтеза речи из текста, распознавания речи, поисковых систем, оптического распознавания букв, сервисов проверки орфографии, производства языковых ресурсов – и все это для группы из 23 языков. Похожая программа *NHN*⁸ (Национальная сеть человеческих языков) работает в ЮАР, в ее рамках ведется обработка 11 национальных языков (африкаанс, (южноафриканского) английского, ндебеле, коса, зулу, северного сото, южного сото, тсвана, свати, венда, тсонга).

8.3. Деятельность Европейского союза

В период с 2007 по 2010 гг. в Европейском союзе действовал специальный комиссар по вопросам многоязычия⁹, создавший Группу высокого уровня по вопросам многоязычия, которая составила доклад,

⁷ <http://tdil.mit.gov.in/>.

⁸ <http://www.meraka.org.za/nhn>.

⁹ http://ec.europa.eu/commission_barroso/orban/index_fr.htm.

представленный Европарламенту и Европейскому совету в сентябре 2008 г. В рамках своего председательства в ЕС Франция организовала в сентябре 2008 г. Генеральные штаты, посвященные проблеме многоязычия в Сорбонне (Париж), после чего в ноябре 2008 г. Европейский совет министров разработал проект резолюции по многоязычию, принятый Европарламентом в марте 2009.¹⁰ В этом документе подчеркивалась идея «единого европейского информационного пространства». Недавно Франция организовала в этом же контексте Генеральные штаты, посвященные проблеме многоязычия в заморских департаментах, в ходе которых обсуждались языки заморских департаментов и территорий Франции (DGLF2 2011).

Европейская комиссия оказывала содействие нескольким крупным проектам в области многоязычных технологий в рамках 6-й Рамочной программы исследований и разработок (CLEF, TC-Star, CHIL и т.д.). В частности, комплексный проект TC-Star¹¹ был посвящен переводу речи на три языка: английский, испанский и китайский с помощью приложения, осуществляющего автоматический перевод выступлений в Европарламенте. В рамках этого проекта велась очень интересная работа, поскольку в Европарламенте есть все необходимые ресурсы: аудиозаписи оригинальных выступлений депутатов и их перевода на различные языки Европарламента, тексты выступлений и их письменные переводы на различные официальные языки. Таким образом, эти данные позволяют обучить системы автоматического устного перевода в том числе распознаванию с языка-источника, переводу с языка-источника на язык перевода и синтезу речи на языке перевода с помощью использования как моноязычных, так и кросс-язычных технологий. В ходе реализации проекта TC-Star также был составлен и распространен доклад о статусе языковых технологий в Европе (Lazzari, Steinbiss 2006).

В 7-й Европейской рамочной программе FP7 (2007–2013 гг.) этим вопросом в основном занимался отдел языковых технологий и машинного перевода. Помимо проектов в области исследований и разработок, были созданы одна инфраструктура и две сети: CLARIN (Инфраструктура общих языковых ресурсов и технологий)¹², FLaReNet (Сеть стимулирова-

¹⁰ <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2009-0162+0+DOC+XML+V0//FR&language=FR>.

¹¹ <http://tcstar.org/>.

¹² <http://www.clarin.eu/>.

ния языковых ресурсов)¹³ и META-NET (Многоязычный европейский технологический альянс)¹⁴.

CLARIN – это инфраструктура, поддерживаемая программой Европейской комиссии ESFRI (Европейский стратегический форум по исследовательским инфраструктурам). Ее задача – распространение языковых ресурсов и инструментов для гуманитарных и общественных наук.

FLaReNet – это тематическая сеть, поддерживаемая через Европейскую программу электронного контента, бюджет которой составлял 0,9 млн евро на 3 года (2008–2011 гг.). Задача Сети – служить аналитическим центром продвижения языковых ресурсов в европейских программах.

Передовая сеть META-NET была создана в ходе реализации проекта T4ME (технологии для многоязычной Европы). Этот проект располагал бюджетом в 6 млн евро на три года (2010–2013 гг.) и включал три направления: 1) расширение границ исследований в области машинного перевода; 2) создание инфраструктуры открытых ресурсов (META-SHARE), в рамках которой будут осуществляться производство, аннотация, стандартизация, проверка и распределение языковых ресурсов, а также оценка языковых технологий; 3) анализ роли многоязычных технологий в рамках новой Рамочной программы ЕК. Была опубликована серия Белых книг по 31 языку. В каждом томе описаны статус языка и уровень технологий по работе с этим языком в четырех сферах (анализ текста, обработка речи, машинный перевод и языковые ресурсы). Эта работа показала, что 21 из этих языков не располагает достаточным объемом ресурсов, как видно из языковых матриц и языковых таблиц, где проведено сравнение различных языков¹⁵, а следовательно, такие языки находятся под угрозой цифрового исчезновения. Сеть META-NET также разработала Повестку дня стратегических исследований в области языковых технологий с рекомендациями (в том числе по использованию оценки технологий и необходимости объединения исследовательских усилий государств-членов ЕС, используя существующие организационные инструменты ЕК) и соответствующими дорожными картами по трем областям (межязыковые «облака», общественный разум и интерактивные помощники) для Рамочной программы ЕК до 2020 г. (2014–2020 гг.).

¹³ <http://www.flarenet.eu/>.

¹⁴ <http://www.meta-net.eu/>.

¹⁵ <http://www.meta-net.eu/whitepapers/key-results-and-cross-language-comparison>.

9. Европейские и международные перспективы

Резолюции европейских органов требуют значительных усилий для обработки всех европейских языков, как национальных, так и региональных. Однако, если принять во внимание количество языковых пар, с которыми нужно будет провести работу, и умножить его на количество технологий, мы поймем, что объем этой деятельности, пожалуй, слишком велик для одной Европейской комиссии. Было бы интересно распределить эти усилия между государствами-членами или регионами и Европейской комиссией в полном соответствии с «принципом субсидиарности».

Языковые технологии подходят для организации совместных усилий. На Европейскую комиссию можно возложить основную ответственность по надзору и обеспечению координации программы (управление, предоставление стандартов, оценка технологий, коммуникация...), а также по разработке ключевых технологий обработки языка. Каждое государство-член может отвечать за обеспечение включения своего языка: производить необходимые для разработки систем языковые ресурсы (корпусы, лексиконы, словари) и разрабатывать или адаптировать технологии к особенностям своего языка(ов). Такую модель легко адаптировать и к международным усилиям, сочетая работу государств-участников и международных организаций.

К сожалению, до сих пор языковые технологии рассматривались в Европе лишь как одна из тем для исследований среди многих других, а не как ключевой элемент европейского строительства, требующий приоритетных усилий для работы по соответствующим проблемам. Эта слабость тем более опасна, если мы будем принимать во внимание живую активность Евросоюза и его потребности в наращивании экономических, информационных и культурных обменов между государствами-членами, а также в работе с гражданами каждого государства-члена и помощи им в общении между собой.

Несмотря на рекомендации, содержащиеся в Белых книгах META-NET и Повестке дня стратегических исследований, новая программа H2020 не отвечает этим нуждам. Объем работы в области языковых технологий все еще недостаточен, общий бюджет составляет 30 млн евро на 2014–2015 гг. Обработкой письменной и устной речи сейчас занимаются два разных отдела: первым направлением – отдел производственной цепочки, а вторым – отдел творчества. В рамках первого тендера на 2014 г. внимание уделялось только машинному переводу, на который было выделено 15 млн евро, при этом английский, французский и испанский языки не рассматривались в качестве языка оригинала или языка пе-

ревода, поскольку считается, что они уже достаточно охвачены! Исследования в области обработки устной речи ведутся на основе многоуровневого и натурального компьютерного взаимодействия с бюджетом 7,5 млн евро. Политический аспект языковых технологий в Европе пока еще не получил должного признания, если не считать включения облачной платформы для перевода в качестве цифрового сервиса в программу «Средство соединения Европы». Однако бюджет, выделенный на государственные закупки в рамках этой программы, составляет всего лишь 4 млн евро на первые два года (2014–2015 гг.) и распространяется только на письменный перевод, поскольку устный считается слишком «незрелым»!

Будем надеяться, что политическая осведомленность в отношении вопросов многоязычия будет расти, и благодаря этому языковым технологиям, наконец, будет уделяться необходимое внимание как серьезнейшему вопросу европейского и международного уровня.

10. Заключение

Языковые технологии – это единственный способ обеспечить полное многоязычие в Европе и во всем мире. Сейчас эти технологии доступны лишь для небольшого набора языков, а остальные языки находятся под угрозой цифрового исчезновения. В этой связи предлагается обеспечить координацию усилий различных государств и даже регионов, а также международных организаций, с участием промышленных и государственных исследовательских центров. Необходимо озаботиться тем, чтобы создать необходимые языковые ресурсы для каждого языка и организовать открытые исследования на основе функциональной совместимости и объективной оценки технологий. ЮНЕСКО может сыграть важнейшую роль в общей координации этих усилий и гарантировать, чтобы ни один язык не был забыт.

И тогда мы сможем дополнить известное высказывание Умберто Эко, чтобы оно звучало как «Перевод – это язык Европы... при поддержке технологий», и распространить это утверждение на весь мир.

Источники

1. Bordons, M., Gomez, I. (2004), Towards a single language in Science? A Spanish view, *Serials*, 17(2), July 2004.
2. Cencioni, R., Rossi, K. (2008). Language based Interaction, EC-ICT Conference, Lyon, 26 November 2008.

-
3. DGLF2 (2011). Etats Généraux du multilinguisme dans les Outre-mer à Cayenne, Guyane, ISSN 1955-2890.
 4. Eco, U. (1993). *La langue de l'Europe, c'est la traduction*, Assises de la traduction littéraire, Arles, 1993.
 5. Gasquet-Cyrus, M., Petitjean, C. (eds.) (2009). *Le poids des langues*, L'Harmattan, 2009.
 6. Koehn, Ph., Birch, A., Steinberger, R. (2009). 462 Machine Translation Systems for Europe, Machine Translation Summit XII, pp. 65–72.
 7. Lazzari, G., Steinbiss, V. (2006). *Human Language Technologies for Europe*, TC-Star Report, April.
 8. Mariani, J. (ed.) (1995). Evaluation chapter in: *Survey of the State of the Art in Human Language Technology*, R. A. Cole, J. Mariani, H. Uszkoreit, N. Varile, A. Zaenen, A. Zampolli, V. Zue (eds.), Cambridge University Press, 1995.
 9. Papineni, K., Roukos, S., Ward, T., Zhu, W.-J. (2000). BLEU: A Method for Automatic Evaluation of Machine Translation. In: *Proceedings of the 40th Annual Meeting of ACL*, Philadelphia, PA.

Майкл ГИБСОН

главный консультант по социологии,
Летний лингвистический институт (SIL International)
(Лондон, Великобритания)

Подходы к измерению присутствия языков меньшинств в киберпространстве

Интернет может рассматриваться как шанс на спасение для языков меньшинств, которые ищут средства самовыражения, и одновременно как опасность для этих же языков, поскольку он может провоцировать их носителей переключаться на другие языки, если родной язык не позволяет им достичь своих целей. Обе точки зрения не лишены оснований: Интернет дает языковым сообществам возможность использовать свой язык в новых местах и новыми способами, но в то же время ускоряет темпы замены родных языков более сильными. Поскольку в центре нашего внимания сегодня те меры, которые необходимы для обеспечения безопасного существования языков меньшинств, мы сосредоточимся на позитивных аспектах использования Интернета, а также на том, как аналитическая работа может способствовать выявлению оптимальных мер по повышению уровня цифровой жизнеспособности того или иного языка. Мы в первую очередь сосредоточимся не на тех языках, которые насчитывают миллионы носителей, а на менее распространенных. Существуют различные варианты присутствия языка в Интернете – мы рассмотрим их в данной статье и проанализируем, как они могут сказываться на использовании языка.

Одним из основных преимуществ Интернета для языков меньшинств является относительная легкость производства контента. Например, для написания и поддержания блога требуется гораздо менее серьезная инфраструктура, чем для книги. Интернет также является идеальным средством совместной работы для людей, говорящих на одном языке, но проживающих в разных местах, что позволяет диаспоре, к которой могут принадлежать более образованные члены сообщества, полноценно участвовать в цифровой жизни языка. Более подробное обсуждение того, чем может быть полезен Интернет для языков меньшинств, представлено Ванини и Ле Кроснье (Vannini & Le Crosnier 2012).

Языки меньшинств обычно существуют в многоязычной среде, где общество использует разные языки для различных целей. Этим оно отличается от монологичной среды, которая преимущественно характерна для европейских стран, где всего один язык, например английский или фран-

цузский, часто выполняет все возможные функции. Однако, например, в некоторых районах Кении обычной практикой является общение в семье на одном языке, скажем, кикуйю, взаимодействие на улице – на межэтническом языке суахили, а рабочая переписка – на английском. Подобный сценарий является нормой для миноритарных сообществ. Многоязычие может быть аддитивным, если изучение нового языка не угрожает существованию родного языка, или субтрактивным, если изучение нового языка приводит к утрате навыков владения языком сообщества. Многоязычные практики сами по себе, как и Интернет, не обязательно представляют собой угрозу для языков меньшинств, однако во многих случаях становятся промежуточным этапом, после которого происходит утрата языка или переход с одного языка на другой. Серьезное упрощение работы с другими языками, которое обеспечивает Интернет, само по себе ничем не угрожает языкам меньшинств, поскольку относится к аддитивному типу многоязычия. Однако наивно было бы полагать, что этот процесс не может в ряде случаев сопутствовать смене языка.

Схемы жизнеспособности языка

Существуют различные способы оценки общей (а не только цифровой) жизнеспособности языков, начиная со *Ступенчатой шкалы межпоколенческой утраты языка* Фишмана (GIDS). (1991). Эта шкала была позже доработана Льюисом и Саймонсом (Lewis & Simons 2010) и получила название *Расширенной ступенчатой шкалы межпоколенческой утраты языка EGIDS*. В этих двух шкалах основным фактором жизнеспособности считается возраст самого молодого поколения носителей, что влечет за собой вопрос о том, передается ли язык детям дома – в этом случае язык может считаться жизнеспособным. Справедливо было бы сказать, что в данных схемах основное внимание уделяется текущей языковой практике и на ее основе выводятся все прогнозы. Другой подход предлагает ЮНЕСКО (Brenzinger et al. 2003) с учетом большего количества факторов, некоторые из которых относятся скорее к социальной, нежели к языковой сфере и увязываются с потенциальными вариантами развития того или иного языка¹⁶. Все эти системы позволяют осуществлять перекрестное сравнение различных языков с использованием одних и тех же критериев, что позволяет тем, кто занимается проблемами языков, лучше понимать ситуацию и предпринимать более обдуманные меры по ее исправлению (см. также «Модель устойчивого использования» Льюиса и

¹⁶ Модель ЮНЕСКО и EGIDS представлены в Интернете в открытом доступе (см. ссылки).

Саймонса (Lewis & Simons 2011), в которой содержатся рекомендации по адекватным мерам для каждого уровня жизнеспособности).

В том, что касается цифровой жизнеспособности, основную модель ее расчета можно найти в работе Корнай (Kornai 2013) «Цифровая смерть языка». Она помогает адаптировать EGIDS к присутствию или отсутствию того или иного языка в Интернете. Цифровая жизнеспособность обычно зависит от жизнеспособности языка в более широком обществе, что является необходимым, но не достаточным фактором цифрового присутствия. Однако, поскольку передачу языка из поколения в поколение нельзя считать первоочередным вектором цифрового присутствия, его гораздо проще отследить с помощью процедур анализа веб-страниц и автоматического распознавания языка. При этом мы получаем совершенно иную шкалу, основанную на использовании языка.

Выводы Корнай не обнадеживают. Так, он отмечает, например, что «подавляющее большинство языков, более 8000, в цифровом отношении не активны, т.е. уже не способны на цифровой подъем» (Kornai 2013: 1). Его прежде всего интересует верхняя часть шкалы (различие между мертвыми и живыми языками), однако, поскольку именно эта шкала лежит в основе наших предложений, мы приведем базовые сведения о каждом из четырех ее уровней.

Шкала цифрового присутствия Корнай

• Процветающий	П
• Жизнеспособный	Ж
• Унаследованный	У
• Замерший	З

На самом верху этой шкалы – **процветающий** язык, он широко используется как исконными носителями, так и иностранцами, ему обеспечивается масштабная компьютерная поддержка со стороны Microsoft and Apple (там же: 5). **Жизнеспособные** языки такой поддержкой похвастаться не могут, однако все еще используются «носителями для коммуникации» (там же: 5). На **унаследованном** языке общения не ведется, и все языковые материалы представляют собой цифровые архивы (там же: 5). В эту категорию входят как жизнеспособные на данный момент языки, задокументированные учеными из внешнего мира, так и языки, на которых уже не говорят и которые «в цифровом мире присутствуют *только для чтения*». Как справедливо замечает Корнай (там же: 2), «такие усилия, хоть и весьма похвальные, на самом деле лишь в незначительной степени способ-

ствуют поддержанию цифровой жизнеспособности языков, находящихся под угрозой исчезновения» (более подробно о том, как унаследованные языки могут повысить свой статус, см.: Gibson 2012a). Такая деятельность может быть полезной для поддержания общинного самосознания и приверженности традициям, что весьма похвально, однако их нельзя приравнять к цифровой жизнеспособности. И наконец, **замершие** языки – это категория, в которой не наблюдается какого-либо использования языка и, по словам Корная (там же: 1), в таком случае язык уже «неспособен на цифровой подъем».

Принимая во внимание, что использование Интернета еще не достигло максимального уровня и в некоторых странах мира широкий доступ к Сети отсутствует, мы полагаем, что в некоторых случаях еще рано считать язык замершим в цифровом отношении. В частности, в некоторых частях мира еще только набирают популярность смартфоны и обмен смс и сообщениями в социальных сетях, к тому же в силу частного характера этой деятельности ее сложно отследить извне. До некоторой степени публичными можно считать другие виды активности, такие как изменение статуса в сети *Facebook* и реагирование на это, и здесь веб-анализаторы могут показать нам признаки зарождающейся цифровой жизнеспособности. Наша задача – рассмотреть различные стимулы для цифрового подъема и дополнить шкалу Корная с учетом этих промежуточных шагов. Разумеется, при этом мы подтвердим, что некоторые языки неспособны повысить уровень цифровой жизнеспособности, но это может помочь тем из нас, кто обеспокоен судьбой языков меньшинств, сосредоточить усилия на работе с сообществами, для которых цифровой подъем все еще реален.

Язык и Интернет

До появления Интернета и мобильных телефонов проницательное замечание Аберкромби (Abercrombie 1963: 14), что «письмо – это инструмент, разработанный для записи сочинений, а не разговоров», было верно не только с точки зрения развития письма, но и с точки зрения его практического использования. Многоязычные общества стремятся закрепить за разными языками различные социолингвистические области (Fasold 1984: 183), а письмо как нечто фиксированное и формальное стремится к использованию более престижных языков, поэтому случаи, когда носители жизнеспособных миноритарных языков пишут на другом языке, не редкость. Это может быть вызовом для тех, кто хотел бы большего распространения национальных языков в письменной форме.

Сегодня вместе с мобильными телефонами и Веб 2.0 появились новые способы использования письма, подразумевающие, что большой объем контента производится пользователями, а не такими «торговцами словом», как газеты и издательства. В подобном контексте письмо уже не является чем-то постоянным (особенно в таких приложениях, как Snapchat, где написанное сообщение исчезает вскоре после отправки) и зачастую приобретает черты разговорной речи. Это объясняет тот факт, что в языке смс и электронной почты (см. Crystal 2008) нередко отмечается отход от литературной нормы и, например, в таких разных странах, как Тунис и Кения, носители нестандартных диалектов или языков меньшинств более всего склонны использовать именно их в письменном общении. Колмас (Coulmas 2013: 131) добавляет к этому, что «телефон как прототип инструмента исключительно устной коммуникации, возможно, обусловил гибридный характер обмена мгновенными сообщениями, ведь как только у телефонной трубки появился дисплей, письменная речь обрела свойства, характерные для устного общения». Те же процессы происходят и при обновлении статусов в сети *Facebook*, причем объясняется это в целом не языковым активизмом, а тем, что выражение солидарности в разговоре повышает вероятность использования всего нестандартного и непрестижного.

Для миноритарных языков отправка смс и различных сообщений сама по себе предполагает частичное исчезновение психологических барьеров, связанных с письмом на родном языке, и можно наблюдать зачатки диалектной грамотности. Эти новые области социолингвистики, появившиеся благодаря технологическому прогрессу, изменили саму природу письма. Именно здесь значение цифровых практик может выйти за пределы цифровой сферы, ведь отправка смс на родном языке не только поощряет другие виды цифровой грамотности, но и представляет более широкую модель письма на миноритарном языке. В этой связи можно утверждать, что без различных видов мгновенных сообщений иные формы письма могут не укорениться и язык будет не способен на цифровой подъем: если язык не используется в письменной форме при неформальном общении, которое для него наиболее естественно, как он может использоваться в более официальной коммуникации?

Расширение схемы

Однако в системе Корная язык или его разновидность, используемая для отправки мгновенных сообщений и смс, а не в открытом Интернете, все еще окажется отнесен к категории замерших. Мы бы предпочли назвать такой язык, находящийся на этапе становления, **развивающимся**. Следует признать, что если язык широко используется в мобильной

связи, то и в открытом Интернете он, скорее всего, будет представлен, пусть даже в более скромном масштабе. И здесь важно, под каким углом мы рассматриваем ситуацию. На макроуровне использование некоторых языков в киберпространстве может показаться нам незначительным. Однако с точки зрения отдельного языкового сообщества даже минимальное использование языка может серьезно влиять на уровень грамотности его носителей. И я предлагаю оценивать ситуацию именно через призму того, как лингвисты должны работать с сообществами, чтобы помочь им достичь своих целей в плане развития письменной коммуникации.

Тем не менее некоторые языки практически не демонстрируют признаков цифрового подъема. Существует ряд условий, от которых зависит, начнется их цифровое использование или нет. Наличие или отсутствие этих факторов определяет, считать нам язык **замершим** или **латентным**. Перечислим их:

- *Активная передача из поколения в поколение.* Как пишет Корнай, если язык не используется как средство коммуникации внутри сообщества, то и в цифровом виде он не достигнет жизнеспособного уровня.
- *Наличие примеров использования письменной формы языка.* Это зачастую стимулирует его использование и в других ситуациях. Редкие активисты могут писать на языке, если они не видели, как на нем пишут другие. Здесь положительным примером может служить использование языка в образовании как средства обучения или предмета изучения, наличие такой литературы, как религиозные и культовые тексты, например, сборников церковных гимнов. Необязательно в точности следовать имеющейся модели письма; могут существовать различные варианты орфографии, зачастую отражающие особенности родного диалекта носителя или свойственного молодежи новаторского использования языка. Так, пример письменной формы суахили или различных местных языков Кении, которые используются в религиозных службах и, в меньшей степени, в образовании, обеспечил более широкое и неформальное цифровое использование этих языков и их разновидностей, в частности, основанного на суахили молодежного сленга шенг (Githiora 2002). Письменное общение на близком языке может также служить для носителей стимулом к аналогичному использованию собственного, при этом в *письменной коммуникации на местных языках на самом деле далеко не всегда* учитывается строгое разграничение языков.

-
- *Достаточная обеспеченность программными средствами для беспрепятственного использования письменной формы языка.* Процветающие в цифровом мире языки обеспечены программными средствами, но в разной степени. При невозможности использовать символы собственного алфавита носители языков с нелатинским алфавитом проявляют желание писать символами латиницы, например, они пишут на хинди, греческом или диалектном/нестандартном арабском языке, заменяя цифрами те звуки, которые нельзя корректно отобразить латиницей. Этот стиль известен как арабизи (Randa et al. 2011). С учетом большей доступности нелатинских алфавитов на современных устройствах неудивительно, что их использование стало более широким. Однако из этого можно заключить, что при наличии серьезного желания писать на родном языке носители найдут способ решить возникающие при этом проблемы, запросто игнорируя мешающие им нормы. В этом случае достаточно, чтобы смартфон поддерживал символы нужного алфавита. Естественно, чем лучше поддержка для того или иного языка, тем больше это способствует его письменному использованию. Рост числа смартфонов и планшетов с сенсорными клавиатурами в последнее время упрощает локализацию, а создавать такие клавиатуры, примером которых может служить разработка компании *Boite à Innovations* (http://www.boiteainnovations.com/index_en.php), с технологической точки зрения гораздо проще, чем традиционные.

Предлагаемая схема

Процветающий	П
Жизнеспособный	Ж
Унаследованный	У
Развивающийся	Р
Латентный	Л
Замерший	З

В этом варианте три из предложенных Корнаем уровней остаются без изменений: процветающий, жизнеспособный и унаследованный язык. Нас же больше интересуют случаи минимального или ограниченного использования языка в такой приватной области, как отправка смс и других видов сообщений.

Уровень **развивающегося языка**, который, по нашему мнению, является основным и ключевым на пути к цифровому подъему, предполагает использование сообществом смс и сообщений социальных медиа. Данный этап обеспечивается силами членов сообщества, хотя возможны и различные проекты развития языка, направленные на создание системы письма, словарей или адекватных компьютерных программ (примером может служить онлайн-словарь и раскладка клавиатуры для тувинского языка Дэвида Харрисона: <http://tuvan.swarthmore.edu>). Мы рассматриваем такие новые сферы применения как возможность дальнейшего закрепления использования письменной формы языка. Однако самое большое преимущество подобных частных областей коммуникации – их дружественное отношение к любым диалектам – также может быть проблемой для тех, кто ориентирован на стандартизацию. Обычно эта сфера не подчиняется стандартам, она открыта для инноваций и смешения языков (что является общей характеристикой таких молодежных сленгов, как вышеупомянутые арабизи и шенг). Те, кто выступает за использование языков меньшинств, часто стремятся к чистой форме языка с минимальным воздействием других языков, особенно тех, которые они рассматривают как угрозу, например английского. Подтверждением тому служат усилия, направленные на разработку нового лексикона, который может отличаться от практики сообщества. Иногда такие начинания могут быть успешными, однако чрезмерная борьба за чистоту языка может привести к тому, что молодые люди прекратят пользоваться им, поскольку будут чувствовать, что уже не говорят на языке так, как должно. А будущее языка, который не используется молодежью, весьма сомнительно.

В тех случаях, когда внутри языка существует много диалектов либо подходы к его использованию в городской среде или среди молодежи значительно разнятся, зарождающаяся практика письменного общения на местном языке может спровоцировать появление новых норм (например, договоренности о том, какими цифрами в арабизи обозначать какие звуки). Это может быть признаком утверждения различных языковых вариантов (как в Найроби, где многие люди делают различие между суахили и шенгом), хотя и не всегда общепринятым способом (Gibson 2012b). Существует также возможность найти для того, что считается разными языками, некую общую основу, и поэтому промежуточная письменная форма может подходить не только одному сообществу. Здесь следует заметить, что вынужденное решение о том, что считать вариантами одного языка, принимают сами носители этих языковых вариантов, так что определения порой весьма расплывчаты и динамичны. Следовательно, использование языка в Интернете может помочь выявить его новые варианты, даже если

исследователи не стремятся к тому, чтобы все эти варианты обязательно считались отдельными языками. Однако это позволяет провести более демократичное и менее централизованное определение границ языка (при необходимости) на основе неформальных цифровых практик. Тот факт, что эти практики вряд ли будут когда-либо полностью стандартизированы, требует дальнейшего осмысления.

Латентную стадию гораздо сложнее выявить опытным путем – об этом говорил и Корнай. С точки зрения анализа веб-страниц это была бы пустая категория. Однако с точки зрения сообщества это возможность разграничить ситуации, когда цифровой подъем возможен (это и есть латентная стадия) или маловероятен (замерший язык). Например, возможны ситуации, когда модель использования письменной формы отсутствует. Без решения этой проблемы язык будет оставаться замершим. Помимо этого, если дома язык детям не передается, действия по его поддержанию и развитию должны быть направлены прежде всего на передачу в семье. Без этого любые усилия в цифровой среде обречены на провал, поскольку за ними не будет стоять сообщества носителей. Отметим, что мы не считаем переход на уровень «языка наследия» бесполезным, но это то же самое, что продвижение к цифровой жизнеспособности. Если мы хотим использовать предлагаемую схему, чтобы помочь сообществам принимать решения о будущем своего языка, стоит определить различие между теми ситуациями, когда цифровой проект имеет шансы на успех, и теми, когда сначала требуется провести подготовительную работу. В противном случае мы рискуем столкнуться с тем, что модели, подразумевающие, что для возвращения языку жизнеспособности достаточно цифровых средств, будут применяться в случаях, когда это невозможно. Это даст ложную надежду и в конечном итоге может свести на нет любые усилия по расширению использования миноритарных языков. Поэтому мы считаем, что определение латентной стадии (что нам представляется самым подходящим названием) весьма полезно при разработке общих принципов поощрения соответствующих мер для различных моделей использования языка.

Как уже отмечалось, наша схема определения моделей цифрового использования отличается от таких шкал, как EGIDS, отражающих более широкое использование языка в языковом сообществе. Цифровое использование отличается от устного, однако необходимо подчеркнуть, что оно опирается на более широкую практику. В свою очередь, цифровая стратегия отчасти определяет общее представление об использовании языка. Устойчивое применение языка в цифровой сфере может позитивно влиять на отношение к нему и на другие модели чтения и письма. Минори-

тарное сообщество может сделать его частью своей стратегии сохранения языка в долгосрочной перспективе и опираться на него при планировании собственного развития и будущего. Именно с таким расчетом мы представили свою схему, которая может помочь сообществам определить, на каком этапе они находятся и какие усилия им следует предпринимать в дальнейшем.

Источники

1. Abercrombie, D. (1963). *Problems and Principles in Language Study*. 2nd edition. London: Longman.
2. Brenzinger, M., A. Yamamoto, N. Aikawa, D. Koundioubu, A. Minasyan, A. Dwyer, C. Grinevald, M. Krauss, O. Miyaoka, O. Sakiyama, R. Smeets, and O. Zepeda. (2003). *Language Vitality and Endangerment*. Paris: UNESCO Ad Hoc Expert Group Meeting on Endangered Languages. <http://unesdoc.unesco.org/images/0018/001836/183699E.pdf>.
3. Crystal, D. (2008). *Txtng: the gr8 db8*. Oxford: Oxford University Press.
4. Coulmas, F. (2013). *Writing and Society*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. Fasold, R. (1984). *The Sociolinguistics of Society*. Oxford: Blackwell.
6. Fishman, J. A. (1991). *Reversing language shift*. Clevedon: Multilingual Matters.
7. Gibson, M. (2012a). Extinct languages and languages close to extinction: How to preserve that heritage? In: Vannini & Le Crosnier (eds.) (2012), pp. 75–88.
8. Gibson, M. (2012b). “The urban vernacular(s) of Nairobi: Contact language, anti-language, or hybrid language practice?” Paper presented at Sociolinguistics Symposium 19, Berlin, Germany. 21–24 August, 2012. https://www.academia.edu/1878748/The_urban_vernacular_s_of_Nairobi_contact_language_anti-language_or_hybrid_language_practice.
9. Githiora, C. (2002). Sheng: Peer language, Swahili dialect or emerging Creole? *Journal of African Cultural Studies* 15, 2: 159–81.
10. Kornai, A. (2013). Digital Language Death. PLoS ONE 8(10): e77056. doi:10.1371/journal.pone.0077056 <http://www.plosone.org/article/info:doi/10.1371/journal.pone.0077056>.

-
11. Lewis, M. P. and Gary Simons (2010). Assessing endangerment: Expanding Fishman's GIDS. *Revue Roumaine de Linguistique* 55 (2): 103–120. <http://www.lingv.ro/RR%202%202010%20art01Lewis.pdf>.
 12. Lewis, M. P. and Gary F. Simons (2011). "Ecological Perspectives on Language Endangerment: Applying the Sustainable Use Model for Language Development". Paper presented at American Association for Applied Linguistics, Chicago, 26 March 2011. <http://www.sil.org/~simonsg/presentation/Applying%20the%20SUM.pdf>.
 13. Muhammed, Randa, Mona Farrag, Nariman Elshamly and Nady Abdel-Ghaffar. (2011). "Summary of Arabizi or Romanization: The dilemma of writing Arabic texts". Paper presented at Jil Jadid Conference, University of Texas at Austin, February 18–19, 2011. https://www.utexas.edu/cola/depts/mes/events/conferences/jiljadid2011/papers/FinalArabizSummary_JilJadid.pdf.
 14. Vannini, L. and Hervé Le Crosnier (eds). (2012). *NET.LANG: Towards the multilingual cyberspace*. Paris: C&F Editions. http://net-lang.net/lang_en.

Альфредо РОНКИ

генеральный секретарь Программы сотрудничества
Европейской комиссии – MEDICI;
профессор Миланского технического университета
(Милан, Италия)

Интернет – плавильный котел языков и культур?

Аннотация

Является ли Интернет неким плавильным котлом, в котором рождается новый лингва франка? После появления различных факторов, угрожающих культурному разнообразию, таких как глобализация, в том числе глобальные рынки и инфраструктура, Интернет и связанные с ним услуги воспринимаются как средство раз и навсегда покончить с разнообразием. В чем причина подобного беспокойства? Все дело в том, что на этой сцене господствует один игрок.

Это заставляет нас задуматься о важности сохранения «разнообразия», в особенности в эпоху цифровых технологий. Какова же его истинная ценность?

Всем нам отлично известно, что численность сегодняшнего населения планеты превышает численность людей, живших на Земле вскоре после появления человеческой расы; поэтому трудно поверить, что сегодня распространять в мире идеи и контент и доводить их до сведения отдельных лиц стало проще.

Таков один из результатов глобального процесса взаимной коммуникации в эпоху цифровых технологий. Кроме того, глобальные средства программного обеспечения изо дня в день способствуют все большему высвобождению творческого потенциала человека, вне зависимости от гражданства, языка, пола или статуса.

С одной стороны, эпоха цифровых технологий предоставляет более широкие возможности для изучения местных культур и знаний, созданных этническими меньшинствами. С другой стороны, такая «глобальная деревня» подвергает этнические меньшинства и местные языки опасности, выступая в качестве средства стандартизации.

Пока некий вариант английского языка, порождаемый с помощью программ проверки орфографии и грамматики и машинного перевода, еще

сохраняет свое лидерство, однако за ним по пятам следует стремительно набирающий популярность китайский. Новые устройства и стандарты коммуникации стимулируют формирование новых языков, построенных на использовании сокращений, фонетических эквивалентов, графических знаков и эмограмм. Станет ли 140-символьный твит новым стандартом, определяющим поэтическую форму?

Смартфоны и планшеты разрушают временные и пространственные барьеры, объединяя разобщенных прежде людей в рамках нового культурного явления. Это относится как к молодому поколению, так и к пожилым людям, которые находят планшеты и смартфоны более удобными в применении, чем «старомодные» компьютеры.

Цифровые технологии предлагают новые способы творческого самовыражения в различных сферах, таких как музыка, изображения, видео, объекты реального мира и многое другое. Они позволяют молодому поколению выражать свои чувства и вносить свой вклад в развитие творческих отраслей.

Введение: глобализация и культурное разнообразие

Несколько лет назад все мы, желая того или нет, вступили в эпоху глобализации. Это не только означает возможность пить кубинский мохито где-то в Южной Корее или открывать для себя мастерство малайзийских ремесленников где-нибудь в Швейцарии, но и влечет за собой глубинные изменения в целом ряде секторов (культурном, языковом, экономическом, художественном и других). Земной шар никогда не казался таким маленьким, как теперь, когда люди стремительно перемещаются с континента на континент и пересекают океаны. Импульс этому процессу придало наблюдающееся в последние годы значительное увеличение числа путешественников из стран с формирующейся экономикой, таких как Китай, Индия и Бразилия, пусть и более скромное в сравнении с ростом численности их населения. С социальной и культурной точек зрения глобализация обладает некими преимуществами, поскольку люди узнают больше о других обитателях планеты, их культуре и проблемах. Наличие различных точек зрения расширяет наши возможности в области анализа фактов, событий и поступков. Все это может содействовать построению мирного будущего. В то же время глобализация связана с доминированием определенных языков и культур; что может создать опасность для местных языков и культур. С одной стороны, глобальный рынок открывает возможности для многосторонней торговли, с другой, вести бизнес проще при наличии единого языка и единой культуры. Для чего же поддерживать языковое

и культурное разнообразие? Всемирная декларация о культурном разнообразии (принятая Генеральной конференцией ЮНЕСКО в 2001 г.) гласит: «будучи источником обменов, новаторства и творчества, культурное разнообразие так же необходимо для человечества, как биоразнообразие для живой природы. В этом смысле оно является общим достоянием человечества». Если этого недостаточно, мы можем добавить, что разнообразие всегда является наследием, богатством, оно означает «жизнь», тогда как единообразие, напротив, часто подразумевает «смерть». Ведь даже в творческом мире кинематографа идея «ада» в будущем тесно связана с единообразием, отсутствием различий, с предложенным Генри Фордом свободным выбором цвета, «если только этот цвет черный»¹⁷. Сегодня, хотя и в силу других причин, девиз «Мысли иначе!» способствовал созданию сообщества приверженцев «Apple».

Общепризнано, что люди, выросшие в различных культурах, не просто думают о разном, а мыслят в принципе по-разному. Среда и культура, в которых воспитывается человек, воздействуют на процесс его мышления и даже во многом определяют его. Поэтому Apple'овское «Мысли иначе!» – гораздо больше, чем просто слоган.

Во многих случаях даже межкультурные инициативы, такие как европейская программа «Erasmus», не позволяют всецело понять и прочувствовать чужую страну. Благодаря этой программе европейские студенты получают возможность провести какой-то период времени в других странах, посещая занятия в местных университетах. Итальянец может проучиться семестр в испанском университете, однако часто в силу различных причин такие студенты не способны напрямую соприкоснуться с местной культурой и языком, поскольку они не учат испанский, а используют для общения английский язык и перенимают некий «универсальный» стиль жизни.

Опасность состоит в возможности прийти к некоему единому языку и единой культурной модели, утратив веками создававшееся достояние различных выражений в сферах искусства, литературы, живописи, музыки и т.д. В этих обстоятельствах наибольшей угрозе подвергаются миноритарные языки и культуры.

Тесная взаимозависимость языка и культуры очевидна. Грамматика, богатство словарного состава, разнообразие форм выражения одного и того же понятия, наличие или отсутствие определенных терминов для

¹⁷ Генри Форд (о модели автомобиля «Т 1908»): «Каждый покупатель может приобрести автомобиль любого цвета, какого пожелает, если только этот цвет – черный».

обозначения каких-то аспектов способны многое поведать нам о народе – носителе этого языка. Чтобы всецело проникнуться культурой, необходимо знать ее язык; с другой стороны, владение языком является отправной точкой для проникновения в соответствующую культуру.

Все вышеперечисленные моменты позволяют нам осознать тот факт, что языковое и культурное разнообразие является вершиной «айсберга», включающего такие компоненты, как идентичность, чувство принадлежности к некоему сообществу, чувство связи с предками, нематериальное наследие, знания и достижения, веками накапливавшиеся народом, правильное восприятие местного контента и многое другое.

Доминирующие языки, на которых осуществляется общение в государственной, научной, культурной, политической, экономической и других сферах, способствуют вытеснению и угасанию языков меньшинств, а одновременно – накопленных за долгое время знаний и опыта. Постепенно внимание к таким культурам ослабевает.

Чтобы продемонстрировать масштабы проблемы, отметим, что, согласно прогнозам, более половины из семи тысяч ныне живых языков могут исчезнуть за время жизни нескольких поколений. Разумеется, большая часть этих языков – языки меньшинств, проживающих в различных странах мира.

Это означает, что большинство людей сегодня не имеют возможности в полной мере выразить свою культуру и использовать родной язык. Они живут в многонациональной стране, где доминирует какой-то один язык и культура, что приводит к маргинализации большинства остальных языков. Будущие поколения не смогут говорить на языке предков, и их культурные корни будут уничтожены.

Все эти проблемы имеют столь важное значение для будущих поколений, что даже в ключевых документах Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества (ВВУИО), таких как Декларация принципов и План действий (первый этап, Женева, 2003 г.), Тунисское обязательство и Тунисская программа для информационного общества (второй этап, Тунис, 2005 г.), а также Концепция деятельности ВВУИО на период после 2015 г. (ВВУИО+10 Женева, 2014 г.), подчеркивается важность сохранения культурного и языкового разнообразия и предлагается ряд мер, необходимых для достижения этой цели.

«Знания коренных народов и традиционные знания признаны в качестве путей разработки инновационных процессов и стратегий для соответствующего местным условиям устойчивого развития. Эти знания являются

составной частью культурного комплекса, в который также входят язык, системы классификации, практика использования ресурсов, социальное взаимодействие, ритуалы и духовность. Эти уникальные способы познания представляют собой важные грани культурного разнообразия мира и создают основу для всеобъемлющего общества знания». Кроме того, «в полной мере уважается культурное и языковое разнообразие, а также право каждого на самовыражение и создание и распространение своей работы и местного контента на языке по своему выбору. Обеспечивается сохранение цифрового наследия в информационном обществе» (Draft WSIS+10 Vision for WSIS Beyond 2015).

Упоминание этих документов, принятых по итогам встреч на высшем уровне, позволяет нам перейти к следующему разделу.

Информационно-коммуникационные технологии

Ранее подчеркивались важность сохранения и обеспечения культурного и языкового разнообразия и опасность, угрожающая ему в связи с глобализацией. Однако этого недостаточно для анализа нынешнего положения дел и принятия надлежащих решений. С учетом актуальных на сегодняшний день социальных последствий развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) наступает переломный момент в деле сохранения культурного и языкового разнообразия. Одновременно с этим глобализация способствует слиянию культур и языков в соответствии с неким фактическим стандартом. Комплексное влияние двух факторов – глобализации и ИКТ – способно значительно ускорить процесс.

Такой видится ситуация пессимистам. Однако, если посмотреть на все под другим углом, мы поймем, что эпоха цифровых технологий, в которой мы сегодня живем, способна предложить новые возможности для сохранения языкового и культурного разнообразия в интересах обеспечения равного всеобщего доступа к жизненно необходимым знаниям.

Благодаря развитию ИКТ наблюдается расцвет новых алфавитов и языков. Как уже случалось в прошлом после изобретения телеграфа и появления радиолобителей, новые устройства и нормы коммуникации способствуют формированию новых языков на основе аббревиатур, фонетических эквивалентов, графических знаков и эмограмм. Станет ли 140-символьный твит новым стандартом, определяющим поэтическую форму?

Разумеется, мы не можем упустить из вида тот факт, что услуги и информация в Интернете предоставляются главным образом на доминирующих языках. Отсутствие некоторых языков в киберпространстве на сегодняшний день лишь расширяет существующий информационный цифровой разрыв.

Когда-то считалось, что на одном Манхэттене сосредоточено больше телефонов, чем в некоторых из развивающихся стран; однако теперь произошла смена парадигмы: дискриминационным фактором теперь становится возможность доступа к Сети. Это означает, что к потере конкурентоспособности могут привести как физическое отсутствие доступа к Сети, так и неумение обращаться с цифровыми технологиями.

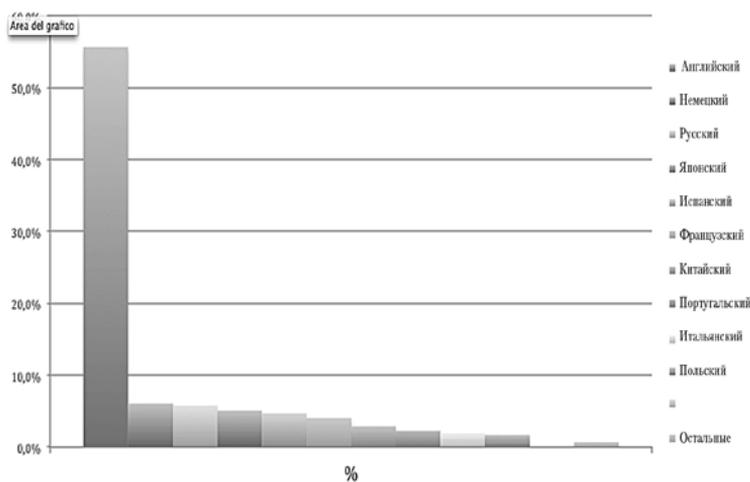
Давайте взглянем на количественные показатели. Согласно последнему исследованию, проведенному Международным союзом электросвязи (МСЭ) в 2014 г., из 7,1-миллиардного населения 61% не пользуются Интернетом вовсе, а 39% являются активными пользователями Сети. При этом разрыв по количеству активных пользователей составляет от 31% населения в развивающихся странах до 77% в развитых. Если мы рассмотрим показатели в разбивке по макрорегионам мира, то благодаря тем же исследованиям МСЭ мы обнаружим, что в 2013 г. процентный показатель активных пользователей составил в Африке 16%, в арабских странах – 38%, в странах Азиатско-Тихоокеанского региона – 32%, в странах Содружества – 52%, в Европе – 75%.

Еще больший интерес вызывают показатели использования Интернета в разбивке по региону и типу соединения (станционарному или мобильному). Мы видим, что в 2013 г. средний процентный показатель подключений к широкополосному Интернету при помощи стационарного соединения составил 9,8%. В развитых странах он составляет 27,2%, тогда как в развивающихся – 6,1%. Для абонентов с беспроводным соединением дело обстоит совершенно иначе. Средний показатель составляет 29,5%, при этом в развитых странах он достигает 74,8%, а в развивающихся 19,8%.

По вопросу о присутствии языков в Сети можно привести данные ресурса W3Techs.com, составившего рейтинг 36 языков, за 2014 г. Достаточно рассмотреть первую десятку.

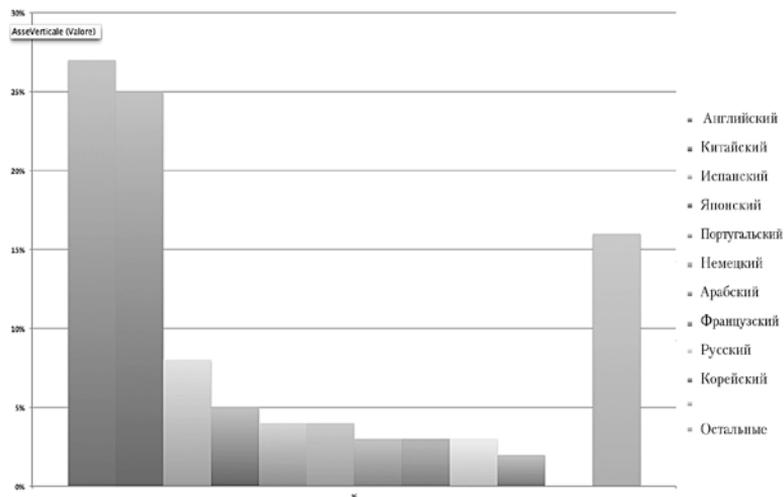
В числе лидеров по количеству создаваемого контента на веб-сайтах по состоянию на 12 марта 2014 г. мы обнаруживаем:

Язык	%
Английский	55,7%
Немецкий	6,1%
Русский	5,8%
Японский	5,1%
Испанский	4,7%
Французский	4,1%
Китайский	2,9%
Португальский	2,3%
Итальянский	1,9%
Польский	1,7%
Остальные	0,7%

Посмотрим на языки пользователей Интернета:

Язык	%
Английский	27%
Китайский	25%
Испанский	8%
Японский	5%
Португальский	4%
Немецкий	4%
Арабский	3%
Французский	3%
Русский	3%
Корейский	2%
Остальные	16%

Источник: Number of Internet Users by Language, Internet World Stats, Minixwatts Marketing Group, 31 May 2011 (объяснения по методологии, использованной в исследовании: <http://w3techs.com/technologies>)

Родной язык является необходимым инструментом социальной жизни внутри сообщества его носителей. Он предоставляет им возможность выражения и распространения социокультурных традиций, самоопределения и сохранения человеческого достоинства. Как уже упоминалось выше, цифровые технологии и средства могут оказаться прекрасным инструментом сохранения и распространения местных культур. Интернет – мощное средство сохранения и передачи культурного контента, традиций и языков. Совершенствование электронных онлайн-переводчиков позволило конечному пользователю получить доступ к «иностранному» контенту, создаваемому на других языках и алфавитах. Например, теперь можно относительно успешно прочесть китайскую веб-страницу на арабском языке. Виртуальная клавиатура, особенно на планшетах, позволяет без труда создавать записи с использованием различных алфавитов, даже для относительно малых сообществ. Значительную помощь могут оказать также другие программные средства и массивы данных, такие как диакритические знаки, программы проверки орфографии и вообще программы обработки естественного языка, фонетические языковые ресурсы, «Википедия», вики-словари.

В качестве побочного эффекта широкого распространения Интернета вкпе с социальными сетями, программами проверки орфографии и грамматики появился некий вариант нового языка, который мы можем назвать «Engtternet» – английский в Интернете, «сетевая мутация» и без того уже «глобализованного» лингва франка.

Сохранение культурного и языкового разнообразия требует соответствующих усилий различных стран. Некоторым из них необходимо решить и проблему этнических меньшинств, каждое из которых имеет собственный язык и культуру. В целом это можно сравнить с охраной исчезающих видов животных, хотя подобное сравнение не вполне корректно: обеспечение долготетия языков и культур требует сопряженных усилий. Правительства и международные организации не могут взять на себя 100% расходов и обеспечить все необходимые для выполнения подобной миссии ресурсы. На содействие со стороны деловых кругов надежды тоже мало, поскольку в данном случае вряд ли можно ожидать прямой отдачи от инвестиций, за исключением широко разрекламированных ситуаций или потенциальной возможности применения их в целях привлечения туристов.

Одним из возможных решений может стать обращение к сообществам и большим группам людей. Сегодня именно они являются наиболее ценным ресурсом.

По-видимому, мы имеем дело с совершенно новой парадигмой развития программного обеспечения и услуг, выходящей за пределы пользовательских групп и свободного программного обеспечения. Это единственно возможный способ осуществления крупных проектов и конкурентной борьбы с ключевыми производителями ПО. Только с помощью краудсорсинга в наше время можно обеспечить доступность «социальных» продуктов и услуг среднего «масштаба». Когда дело касается услуг, не имеющих особых экономических перспектив или даже необходимой популярности для того, чтобы их предоставляли компании, рассчитывать можно только на привлечение больших групп людей – это способно помочь в решении целого ряда проблем, которые коммерческие организации урегулировать не в силах. Как создать всеобъемлющую энциклопедию? Как собрать точную информацию о погоде и «пробках»? Как обеспечить массовую оцифровку текстов или запрограммировать оптическое устройство считывания символов? В глобальном обществе большие группы людей выступают в роли поставщиков «общественных услуг». Краудсорсинг создает новую парадигму развития средств ПО и сервисов.

Обычно мысль о том, чтобы поделиться чем-то с кем-либо еще, с группой людей, приводит к осознанию своей принадлежности к некоему «обществу». Сообщества являются неотъемлемой частью истории и техники: в определенной сфере коммуникации возникло «любительское радио», которое также называют *ham radio* или *OM* (old man), а затем появилось сообщество радиолюбителей «Citizen's band» (CB). Разумеется, технические сообщества не ограничиваются лишь сферой связи: у нас есть компьютерная графика, видеоигры и многое другое, например «Manga Fandom»¹⁸, однако в последнее время коммуникация играет решающую роль в создании сообществ, и благодаря ей сообщества, непосредственно использующие средства коммуникации, успешно развиваются. Как уже подчеркивалось, социальные сети являются одним из ключевых элементов цифровой среды. Это ключ к успеху цифровой среды, ответ на вопрос рекламного ролика «Win'95» «Куда вы хотите отправиться сегодня?», пример действительно массового использования цифровых ресурсов, порождающий «зависимость» в социальном плане. С момента появления первых блогов, позволивших обмениваться мнениями и делиться мыслями со значительным числом людей, количество «социальных» приложений стало стремительно множиться. Остальное довершили развитие системы распространения онлайн-новостей в социальных сетях и появление класса «производящих потребителей». *Twitter*, *YouTube*, *Facebook* и блоги произвели подлинную революцию в новостной сфере.

¹⁸ *Manga fandom* – международное сообщество любителей японских комиксов манга.

Тем не менее сетевые услуги могут оказаться совершенно бесполезными для жителей стран с формирующейся экономикой, если конечный пользователь не может получить доступа к информации. Доступ к архивам, услугам в области культуры, образования и профессиональной подготовки из соображений целесообразности должен предоставляться в электронной форме; однако мы также должны убедиться в том, что они будут доступны конечному пользователю. Развивающиеся технологии, такие как планшеты, смартфоны и усовершенствованные переносные системы связи, могут стать удачным решением для клиентов (пользователей). Однако наличие клиента с одной стороны вовсе не обязательно означает наличие сервера с другой. Привлекательным альтернативным способом межличностного взаимодействия является передача данных между равноправными узлами.

Рассматривая вопросы культуры, мы нередко сталкиваемся с такими проблемами, как сохранение «культурной идентичности» или «культурного разнообразия» в некоторых технически слабо развитых регионах. Как, например, мы можем обеспечить сохранность и передачу устных традиций или сказаний для их использования местным сообществом? Для того чтобы осуществлять передачу аудио- и видеофайлов через Интернет, требуются не только базовые технологии и интернет-доступ, но и наличие у сети некой пропускной способности. Ведь какое-то время назад единственным способом донести аудио- и видеоинформацию до конечного пользователя была запись на кассетах в формате VHS – повсеместно принятый стандарт, «легкодоступная» и дешевая технология.

Это очень актуальная проблема, ведь для сохранения культурных ценностей важно фиксировать ритуалы, устные традиции и представления как наследие человечества. Кроме того, мы должны предоставлять обладателям/владельцам контента окончательную готовую версию «контента» в удобном формате, а также отчислять им процент от любой прибыли, полученной от выпуска, в качестве компенсации. Если «обладатели контента» не получают «дохода от инвестиций», то такая деятельность носит название «биопиратство».

Это заставляет нас задуматься над другим важным вопросом: как осуществлять управление правами интеллектуальной собственности. Сообщества, участвующие в процессе технологического развития, должны делиться информацией в специально созданных правовых рамках. Права интеллектуальной собственности – еще один ключевой момент, который необходимо уточнить для того, чтобы избежать случаев так называемого «биопиратства» и создания препятствий процессу оцифровки культурных ценностей.

Традиционно «авторское право» и «авторское лево» рассматриваются в качестве абсолютных противоположностей: первое призвано обеспечивать охрану прав авторов, второе – свободное распространение идей. Кроме того, в том, что касается непосредственно культурной тематики, свободный доступ к контенту поддерживается и в рамках платформы «MEDICI», задачей которой является предоставить всем людям – независимо от социального статуса и значимости – возможность наслаждаться красотой искусства.

Авторское право, направленное на охрану прав изобретателей на владение созданными ими новыми идеями и продуктами и, следовательно, получение финансовой выгоды от этого владения, и таким образом поощряющее дальнейшую разработку продуктов, ассоциируется с обширной законодательной базой в мировом масштабе (что ведет к соответствующим сложностям в сфере ее применения). Копилефту же («авторскому леву») пока посвящены лишь немногочисленные исследования. Существует общее мнение о том, что копилефт начинается там, где заканчивается авторское право, и простирается на «ничейные» просторы относительно незаконного использования.

«То, что стоит копировать, возможно, стоит и охранять». Обеспечение охраны интеллектуальной собственности включает в себя две основных задачи: защиту инвестиций и творчества и обеспечение закрепления моральных прав на оригинальные работы за их авторами (это так называемые «континентальные права»). Сохранение языков и культур, находящихся под угрозой исчезновения, требует урегулирования ряда вопросов в области интеллектуальной собственности независимо от того, будут ли они решаться с помощью авторского права, копилефта или каким-либо иным способом, например в рамках системы лицензирования «Creative Commons».

Выводы

В заключение мне хотелось бы поделиться своим опытом работы в качестве члена совета директоров конкурса «Премия Всемирного саммита». Благодаря этой должности, начиная с 2003 г., я имею возможность принимать участие в оценке лучших разработок в области электронного контента и услуг, создаваемых в более чем 165 странах мира. Это уникальная возможность оценить уровень развития цифровой среды в различных странах. Термин «среда» в данном случае означает «готовность», наличие инфраструктуры и областей применения. Что касается нашей основной темы – «разнообразия», то неудивительно, что использование одних и тех

же технических средств позволяет выявить культурное происхождение авторов. Цветовые решения, графика, внешний вид и восприятие указывают на страну происхождения. Продукты, созданные в многонациональных государствах, отличаются таким богатством и многоязычием интерфейса, что удобны для использования даже малыми сообществами.

«Если вы разговариваете с человеком на языке, который он понимает, вы обращаетесь к его разуму. Если вы разговариваете с ним на его родном языке, вы обращаетесь к его сердцу» (Нельсон Мандела).

Источники

1. Fink, E., Ronchi, A. M. et al. (2001). On Culture in a world wide information society. MEDICI.
2. Kuzmin, E., Parshakova A. (eds.) (2012). Linguistic and Cultural Diversity in Cyberspace. Proceedings of the 2nd International Conference. Interregional Library Cooperation Centre, Moscow. ISBN 978-5-91515-048-7.
3. Ronchi, A. M. (2009). eCulture: cultural content in the digital age. Springer. ISBN 978-3-540-75273-8,
4. Vanini, L., Le Crosnier, H. (eds.) (2014). NET.LANG: Towards a Multilingual Cyberspace, C&F Editions.

СЕКЦИЯ 1. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИКТ ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО И КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

Марк КАРАН

международный координатор направления «Социолингвистика»,
главный советник по социологии,
Летний лингвистический институт (SIL International)
(Гранд Форкс, США)

Мотивация к сохранению и развитию языков: эффективное использование вики, блогов, постов, ТВИТОВ И СМС

Для того чтобы представить SIL International тем, кто еще не знаком с этой организацией, в данной статье рассматриваются примеры того, как SIL использует киберпространство для сохранения и развития языков и культур. Сюда относятся онлайн-языковые инструменты, создание словарей, каталогизация языков мира и обеспечение готовности языков к существованию в киберпространстве (шрифты, орфография и т.д.).

Мы опишем Модель развития языка с устойчивым использованием (Sustainable Use Model of Language Development) – комплексную эксплицитную и предиктивную модель развития языка, а затем продемонстрируем, что применение этой модели зачастую выявляет потребность в общей мотивации среди членов заинтересованной языковой общины.

Далее мы представим Модель смены языка с учетом ощутимых преимуществ (Perceived Benefit Model of Language Shift). Данная модель определяет, что стоит за различными решениями сообществ относительно выбора языков, которые в совокупности приводят к смене языка. Наконец, мы рассмотрим, как предлагаемая модель мотивационный анализ определяет и обуславливает эффективное использование вики, блогов, постов, твитов и смс в рамках мотивационного регулирования, необходимого для устойчивого многоязычия.

Введение

SIL International – это некоммерческая организация на службе языковых сообществ мира, помогающая обеспечивать потенциал для устойчивого развития языков посредством исследований, переводов, обучения и разработки материалов. Модель развития языка и модель смены языка, разработанные в рамках деятельности SIL, представлены в данной статье для того, чтобы продемонстрировать, что языковому сообществу зачастую требуется мотивация для развития языков, и объяснить, как сообщество может способствовать возникновению подобной общей мотивации.

В связи со специальной темой конференции сначала мы перечислим некоторые из разнообразных возможностей использования киберпространства для сохранения и развития языков и культур, которые поддерживает и SIL.

Сохранение и развитие языков и культур в киберпространстве

Помимо активной работы в области шрифтов и систем письма в целях сохранения и развития языков в киберпространстве (SIL International: 2014a), SIL также расширяет функции совместимости различного программного обеспечения, содействуя сотрудничеству в киберпространстве в плане научно-исследовательских разработок по различным языкам.

Одним из примеров является платформа публикации онлайн-словарей [Webonary.org](http://webonary.org), которая предоставляет членам языкового сообщества возможность доступа к словарным статьям и их комментирования на этапе разработки. По данной ссылке можно увидеть пример вьетнамского языка пакох: <http://pasoh.webonary.org/>. Члены языкового сообщества могут искать любые словарные статьи, открывать и комментировать их. Комментарии просматриваются составителями словаря, используются для усовершенствования словарной статьи, их также можно посмотреть на сайте.

Другой пример – [Ethnologue.com](http://ethnologue.com). На сайт была добавлена функция обратной связи, для того чтобы пользователи могли принять участие в усовершенствовании конкретных языковых списков.

Третий пример – пакеты «отправил–получил» в программе составления словарей, анализа теста и глоссирования FLEx (FieldWorks Language Explorer). Функция FLEx «отправил–получил» помогает, когда над одним проектом в Интернете работает большое число пользователей.

Программное обеспечение и шрифты доступны по ссылке: http://www.sil.org/resources/software_fonts.

Развитие языка: Модель устойчивого использования

Модель устойчивого использования (Lewis and Simons 2014, pre-publication draft) – комплексная предиктивная рабочая модель, показывающая, как происходит развитие языка и как можно максимально облегчить данный процесс. Она создана на основе усовершенствованной шкалы межпоколенческой утраты языка Фишмана (Fishman's (1991) GIDS) и потому получила название EGIDS (Extended Graded Intergenerational Disruption Scale. Расширенная ступенчатая шкала межпоколенческой утраты языка) (Lewis and Simons 2010). Модель, которую мы подробнее рассмотрим далее, подразумевает, что именно местные сообщества должны принимать решения относительно будущего своих языков, что эти решения будут обоснованы и члены сообщества будут понимать, что им требуется делать, чтобы воплотить свои решения в жизнь.

Данная модель основана на том, что можно выделить четыре уровня жизнеспособности, при которых сохранить язык гораздо проще. Это: 1) устойчивая грамотность, 2) устойчивая устная форма языка, 3) устойчивое самосознание, 4) устойчивая история. Эти уровни будут описаны ниже.

Согласно данной модели, для того чтобы язык оставался на определенном уровне жизнеспособности, должен соблюдаться ряд достаточных и необходимых условий. Это так называемые условия FAMED, далее мы рассмотрим их подробнее.

Шкала жизнеспособности языка EGIDS

EGIDS – это шкала жизнеспособности языка, которая была создана на основе доработанной шкалы Джошуа Фишмана GIDS (Graded Intergenerational Disruption Scale). В EGIDS добавлено несколько уровней, которые отсутствовали в GIDS, кроме того, разбиты на подуровни два уровня GIDS, для которых очень важны внутренние различия.

Уровень	Название	Описание
0	Международный язык (International)	Язык, широко используемый на международном уровне в сфере торговли, обмена знаниями и международной политики
1	Национальный язык (National)	Язык, используемый в сфере образования, в деловой среде, в СМИ и органах власти на национальном уровне
2	Местный язык (Provincial)	Язык, используемый в сфере образования, в деловой среде, в СМИ и органах власти на уровне крупных территориальных образований государства
3	Язык широкого общения (Wider Communication)	Язык, используемый в деловой среде и в СМИ, не имеющий официального статуса для преодоления языковых различий в регионе
4	Язык образования (Educational)	Язык устойчиво используется, через широкую сеть поддержки образования на институциональном уровне поддерживаются языковые стандарты и литература
5	Развивающийся язык (Developing)	Язык устойчиво используется, литературные стандарты применяются, но еще недостаточно распространены и устойчивы
6a	Жизнестойкий язык (Vigorous)	Язык используется для межличностного общения всеми поколениями, его положение устойчиво
6b	Язык, находящийся под угрозой исчезновения (Threatened)	Язык используется для межличностного общения всеми поколениями, но количество его носителей сокращается
7	Язык в переходной стадии (Shifting)	Представители поколения детородного возраста могут использовать язык между собой, но не передают его детям
8a	Вымирающий язык (Moribund)	Единственные оставшиеся активные носители языка принадлежат к поколению бабушек/дедушек или к более старшему поколению

8b	Практически вымерший язык (Nearly Extinct)	Единственные оставшиеся носители языка принадлежат к поколению бабушек/дедушек или к более старшему, при этом возможности использования языка для них ограничены
9	Неактивный язык (Dormant)	Язык служит напоминанием о культурно-исторической идентичности этнического сообщества, но никто не обладает более чем символическими знаниями этого языка
10	Вымерший язык (Extinct)	Язык больше не используется и никто не ощущает этническую идентичность, ассоциирующуюся с языком

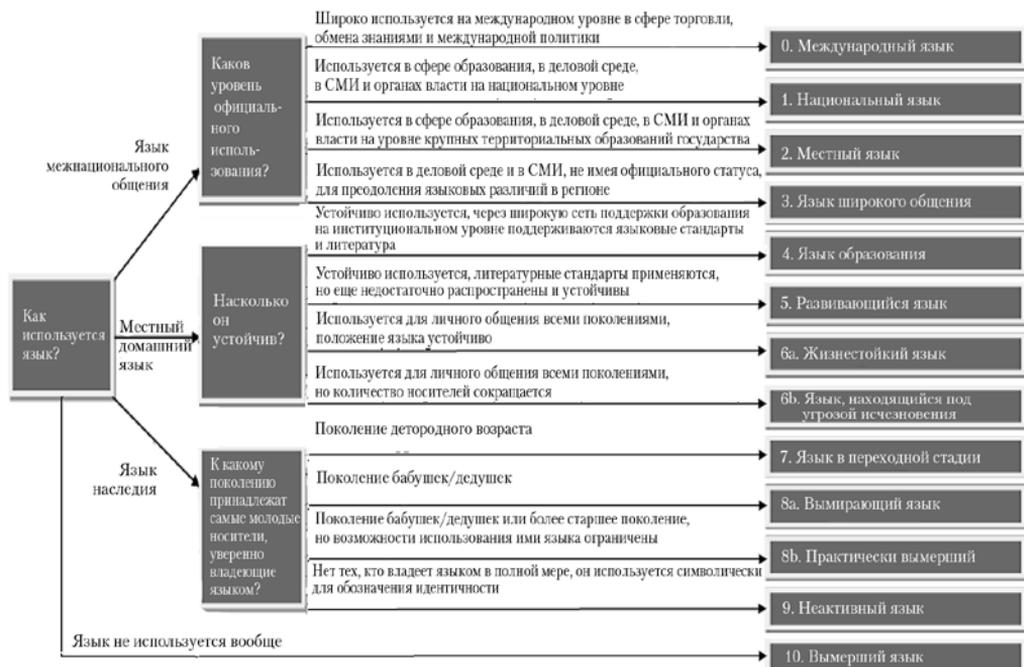
Уровень 6 шкалы Фишмана разделен на уровни 6a и 6b в соответствии с тем значением, которое придается полной передаче языка от поколения к поколению (на уровне 6a) и ее отсутствию (на уровне 6b). Уровень 8 шкалы Фишмана разделен на уровни 8a и 8b в связи с важностью устойчивого использования языка старшим поколением (на уровне 8a) и его отсутствием (на уровне 8b). Сохранена изначальная нумерация Фишмана, где под самыми низкими номерами фигурируют наиболее жизнеспособные языки. Это можно объяснить тем, что Фишман в основном говорил о языковом разрыве, т.е. нарушении передачи языка от родителей детям; и чем больше разрыв, тем выше номер в списке.

EGIDS же – это не просто шкала межпоколенческого языкового разрыва. Это шкала оценки жизнеспособности языка.

Для определения уровня EGIDS для отдельного языка используется дерево решений (см. ниже). Мы начинаем с вопроса «Как язык используется?». Если язык используется за пределами региона своего распространения, мы переходим к вопросу об уровне официального использования. Если язык используется в регионе распространения как родной язык дома, необходимо определить насколько он жизнеспособен, если же язык не используется как родной, следует оценить его использование младшим поколением. Исключение – тот случай, когда язык не используется совсем.

От трех больших квадратов в центре идут стрелки с утверждениями; если верхнее утверждение верно, то уровень EGIDS определен. Если нет – спускаемся к следующему утверждению, и т.д.

Дерево решений для определения уровня языка по шкале EGIDS

Уровни жизнеспособности

В модели устойчивого использования предусмотрены четыре уровня, из них три уровня устойчивого использования языка и один уровень устойчивого документирования. Перечислим их:

Уровень EGIDS 4: **Устойчивая грамотность:**

- ✓ Активно используется не только устная, но и письменная форма языка.
- ✓ Язык поддерживается устойчивыми институтами (передается их усилиями).

Уровень EGIDS 6а: **Устойчивое использование устной формы языка:**

- ✓ Существует сильная связь самосознания с языком.
- ✓ Устная форма языка активно используется всеми поколениями при повседневном общении.
- ✓ Передача языка происходит в семье или местном сообществе.

Уровень EGIDS 9: **Устойчивая идентичность:**

- ✓ Нет тех, кто владеет языком в полной мере.
- ✓ Сообщество ассоциирует свою идентичность с языком.
- ✓ Язык используется не для повседневного общения, а в церемониальных и символических целях.

Уровень EGIDS 10: **Устойчивая история** (уровень устойчивого документирования):

- ✓ Не осталось носителей языка.
- ✓ Никто не ассоциирует себя с этим языком.
- ✓ Язык сохранен в документах (истории).

Следующий график иллюстрирует уровни устойчивости языка как пологие участки (плато) на склоне, представляющем уровни жизнестойкости языка:

Важным допущением относительно уровней устойчивости является то, что без внешнего вмешательства естественным путем происходит переход на более низкий уровень использования.

Условия FAMED (ФОМОД)

Для того чтобы язык остался на устойчивом уровне, необходимо соблюсти пять достаточных и необходимых условий FAMED (ФОМОД). Все пять важны для поддержания уровня устойчивой жизнеспособности. Аббревиатура FAMED (ФОМОД) означает:

- Функции (Functions),
- Овладение (Acquisition),
- Мотивация (Motivation),
- Окружение (Environment),
- Дифференциация (Differentiation).

Рассмотрим эти условия подробнее.

- **Функции (Functions)** – насколько язык полезен и как он используется сообществом.
- **Овладение (Acquisition)** – изучение языка представителями общества.
- **Мотивация (Motivation)** – то, что побуждает членов общества использовать язык.
- **Окружение (Environment)** – аспект внешней среды (например, отношение большинства к языку).
- **Дифференциация (Differentiation)** – общественные нормы регулярного использования языка в отдельных сферах.

Можно определить эти условия и иначе:

- **Функции** – функции (виды использования, объем знаний), связанные с языком, должны существовать и быть признаны в сообществе.
- **Овладение** – средство овладения необходимыми знаниями и навыками для использования языка для тех функций, которые должны быть в наличии и доступе для членов сообщества.
- **Мотивация** – члены сообщества должны быть мотивированы к использованию языка для определенных функций. Они должны чувствовать, что использование языка выгодно.
- **Окружение** – внешняя среда (например, национальная, региональная или местная политика) не должна быть враждебна к использованию языка для определенных функций.

- **Дифференциация** – социальные нормы должны четко очерчивать функции, предписанные местному языку, отмечая их как отличные от функций других языков, используемых сообществом (Lewis and Simons 2014: 127).

В следующей таблице представлены условия FAMED для уровней EGIDS 4, 5 и 6a (цит. по Simons and Lewis 2012).

Уровень EGIDS	Функции (Functions)	Овладение (Acquisition)	Мотивация (Motivation)	Окружение (Environment)	Дифференциация (Differentiation)
4: Язык образования (Устойчивая грамотность)	Существует достаточно литературы на местном языке во всех сферах, для которых необходима письменная форма	Навыки письма и чтения на местном языке преподаются квалифицированными учителями под эгидой устойчивых институтов	Члены языкового сообщества осознают экономические, социальные, религиозные и идентификационные преимущества чтения и письма на местном языке	Политика правительства призывает к развитию данного языка и культурной идентичности, на практике правительство реализует политику путем поддержки официальной орфографии и ее использования образовательными учреждениями для передачи навыков чтения и письма на местном языке	Существует набор общих норм для членов языкового сообщества, определяющий, когда в устном и письменном общении следует использовать местный язык, а когда – более крупный доминирующий язык

<p>5: Письменный язык (Зарождающаяся грамотность)</p>	<p>Существует достаточно литературы в ряде областей, чтобы подтвердить значимость чтения и письма на местном языке</p>	<p>Существует достаточно материалов для поддержания обучения чтению и письму на местном языке, и некоторые из членов сообщества успешно используют их для обучения других чтению и письму на языке</p>	<p>Некоторые члены языкового сообщества осознают преимущества чтения и письма на своих местных языках, но для большинства они по-прежнему незаметны</p>	<p>Официальная политика правительства поощряет развитие данного языка. В силу того, что в официальной политике ничего не говорится об этнолингвистическом разнообразии или развитии языка, нет препятствий для использования и развития данного языка</p>	<p>Существует набор общих норм для членов языкового сообщества, определяющий, когда в устном общении следует использовать местный язык, а когда – основной. Однако в письменном общении некоторые члены языкового сообщества для определенных функций используют местный язык, в то время как другие для многих из тех же функций склонны использовать скорее основную язык</p>
---	--	--	---	---	---

ба: Жизнестойкий язык (Устойчивая устная речь)	Устная форма языка в достаточной мере используется во всех сферах, где это желательно (однако письменная форма не используется)	Местный язык в полной мере передается в устной форме всем детям дома (овладение навыками чтения и письма если и имеет место, то на другом языке)	Члены языкового сообщества осознают экономические, социальные, религиозные и идентификационные преимущества использования своего языка в устной форме, но не ощущают преимуществ от чтения и письма на нем	Официальная политика правительства поддерживает использование устной формы языка, но призывает оставить язык в его нынешнем состоянии без дальнейшего развития	Существует набор общих норм для членов языкового сообщества, определяющих, когда использовать в устном общении местный язык, а когда – основную, но письменная форма местного языка не используется никогда
--	---	--	--	--	---

Из этой таблицы видно, как отдельные условия FAMED различаются по каждому из условий и для каждого уровня жизнестойкости. Отметим, например, различия между мотивацией для уровня 4 (язык образования) и мотивацией для уровня ба (жизнестойкий язык). Для того чтобы язык оставался на устойчивом уровне, должны соблюдаться соответствующие условия FAMED. Все пять условий необходимы для сохранения уровня жизнеспособности (EGIDS). Для того чтобы язык перешел на более высокий уровень, необходимо соблюдение всех пяти условий FAMED для более высокого уровня.

Применение Модели устойчивого использования (SUM)

При применении Модели устойчивого использования прежде всего необходимо определить, в каком речевом сообществе она будет применена. Важно отметить, что именно речевое, а не языковое сообщество является тем уровнем, на котором должна применяться модель. Чтобы разграничить эти два понятия, рассмотрим пример языка эве: языковое сообщество эве включает носителей языка в Аккре и других городах Ганы, носителей, проживающих в сельских районах, а также представителей диаспоры эве, проживающих, например, в Англии. Данное языковое сообщество эве состоит, по крайней мере, из трех речевых сообществ, упомянутых выше:

жителей городов, сельских жителей и тех, кто живет в Англии. В целом, речевое сообщество – это группа людей, которая видит себя группой, имеет общий языковой репертуар и общие нормы использования языка.

После определения целевого речевого сообщества первым шагом будет помощь его представителям в проведении анализа языка на основе шкалы EGIDS. Следующим шагом для речевого сообщества после ознакомления с концепцией устойчивых и неустойчивых уровней будет выбор желаемого устойчивого уровня в рамках встречи членов сообщества с соблюдением культурных традиций. Третьим шагом будет проведение анализа FAMED в целях определения текущего уровня жизнеспособности языка. Затем можно информировать группу о тех мероприятиях, которые успешно проводились в схожих ситуациях в других странах мира. Чтобы предпринять необходимые шаги, изменение фактического условия FAMED должно совпадать с условиями FAMED желаемого уровня.

Для перехода на различные уровни необходимы различные типы мер. Например, для перехода на уровень выше в рамках условия «Функции» необходимо заняться грамотностью, соответственно, деятельность может быть связана с подготовкой материалов. Если переход связан с условием «Окружение», мероприятия могут быть связаны с внешней пропагандой изменения окружающей среды. Если переход связан с условиями «Мотивация», «Овладение» или «Дифференциация», соответствующие меры могут быть связаны с внутренней пропагандой, чтобы изменить модели мотивации, овладения или дифференциации, чтобы новые нормы соответствовали желаемым уровням FAMED.

Группа может изменить выбранный устойчивый уровень за этот период времени. Если у ее членов нет желания или возможностей произвести необходимые перемены, и в переходах фактические условия FAMED не соответствуют условиям желаемого уровня, можно выбрать более низкий устойчивый уровень и подготовиться к реалиям существования на этом уровне.

Мотивация

Сравнение фактического уровня FAMED речевого сообщества с желаемым уровнем часто показывает, что в языке существуют различия, связанные с мотивацией различных членов речевого сообщества. Например, в то время как некоторые представители поколения родителей предпочитают растить своих детей, используя язык более широкого общения, другие считают, что лучше изначально говорить с детьми на родном языке, а позже общаться с ними параллельно на родном и на языке широкого

общения. В результате в фактическом анализе FAMED для условий «Мотивация» и «Овладение» мы получим статус 6b «Под угрозой исчезновения». Подобная ситуация приведет к потере языка, поскольку для уровня 6a «Жизнестойкий» необходимо, чтобы речевое сообщество сохраняло на устойчивом уровне устную форму языка. Таким образом, общая мотивация связана с деятельностью членов сообщества в интересах устойчивого использования языка, в которой применяются средства внутренней агитации для изменения моделей мотивации членов общины, с тем чтобы уйти от той мотивации, которая ведет к упадку языка.

Сегодня сравнение фактических и желаемых условий FAMED сообщества нередко показывает необходимость подняться на другой уровень в отношении мотивации и связанных с ней областей: функций, овладения и дифференциации. В прошлом многие проблемы, связанные с мотивацией, решались за счет выпуска соответствующей литературы: не все люди обучают своих детей языку? Давайте выпустим словарь, грамматику и книгу рассказов. Данные меры редко оказываются эффективными. Лучше попытаться бороться с мотивационными проблемами с помощью мотивационных решений, а не с помощью литературы. Наилучшим способом является агитация изнутри: часть группы должна обратиться к остальным ее членам с хорошими и убедительными аргументами.

Модель устойчивого использования предполагает действия по внутренней пропаганде в тех случаях, когда мотивация в анализе FAMED не соответствует мотивации, необходимой для того, чтобы перейти на желаемые уровни FAMED и EGIDS и удержаться на них.

Модель смены языка с учетом ощутимых преимуществ

Каран (Karap 2001) представил Модель смены (и изменения) языка с учетом ощутимых преимуществ (Perceived Benefit Model of Language Shift and Change). В данной пояснительной модели смены языка (и его изменения) ключевой является концепция мотивации. Отдельные люди выбирают те языки, диалекты и стили, которые, по их мнению, обеспечат им наиболее ощутимые преимущества. Таким образом, изменение и смена языка объясняются предпочтениями отдельных лиц. Люди делают мотивированный выбор языков, диалектов и стилей, которыми хотят овладеть и которые будут им выгодны. Смену языка в речевом сообществе можно представить как сумму индивидуально мотивированных выборов. Данная модель основана на работах Бурдьё (Bourdieu 1982), Коулмаса (Coulmas 1992) и Лабова (Labov 1965).

Важная идея Модели осязаемых преимуществ состоит в том, что мотивы, которые стоят за решениями отдельных индивидов, ведущими к смене языка, можно свести к ограниченному перечню. Каран (Karan 2011: 143) выделяет следующие мотивы:

Когда кто-то делает выбор в отношении языка, диалекта или даже языкового стиля, он зачастую руководствуется одним из этих мотивов.

Некоторые из мотивов чаще всего ассоциируются с выбором официальных языков и языков широкого общения, в то время как другие – с языками небольших групп и языками меньшинств. Мотивация, связанная с экономическим и социальным престижем, часто ведет к выбору языков более крупных групп, более высокого статуса, в то время как выбор в пользу языков небольших групп, более низкого статуса обусловлен соображениями солидарности и идентичности. Каран и Корбет (Karan and Corbett, *in press*) подчеркивают значимость вопросов идентичности и принадлежности при принятии решений о сохранении или использовании языков небольших групп с низким статусом.

Модель смены языка с учетом осязаемых преимуществ и мотивация

Применение Модели осязаемых преимуществ часто включает исследование мотивации, определение того, чем обусловлен выбор тех или иных языков. В контексте мотивационной настройки, когда одни члены группы обращаются к другим с вескими и убедительными аргументами, чтобы изменить мотивацию, потенциально ведущую к упадку языка, осознание

мотивов выбора того или иного языка жизненно необходимо. Если члены группы, желающей сменить язык, знают, что типичные стимулы к использованию языков небольших групп – это социальная идентичность, принадлежность к группе и социальная солидарность, они чаще всего используют эти стимулы, когда пытаются мотивировать других. Внутренняя пропаганда наиболее эффективна, когда она сосредоточена на том, что движет людьми, у которых уже есть и желаемая мотивация.

Пропаганда в киберпространстве

Киберпространство становится все более используемым средством общения. Оно особенно эффективно в сферах, связанных с внутренней пропагандой и мотивационной настройкой. Это объясняется тем, что киберпространство воспринимается как место для непосредственного общения реальных людей, в то время как радио, телевидение и привычные печатные СМИ в большей мере ассоциируются с учреждениями, обращающимися к гражданам. Поэтому, когда речь идет о тех или иных сферах общения внутри речевого сообщества, необходимыми каналами коммуникации являются вики, блоги, посты, твиты и смс.

Если анализ Модели осязаемых преимуществ выявляет те мотивирующие факторы, на которые следует опираться для необходимой агитации, и в этих целях используются вики, блоги, посты и смс, то обеспечивается высокий уровень эффективности мотивационной настройки, необходимой для устойчивого многоязычия.

Другая сфера, в которой данная модель может быть полезна, – это подбор людей (и отдельных влиятельных лиц), вовлеченных в процесс создания необходимой мотивации. Люди хотят подражать и походить на тех, кого уважают, кем восхищаются, с кем хотят общаться. Именно такими должны быть авторы вики, блогов, постов, твитов и смс.

Если один из ведущих футболистов страны размещает твиты о том, как он и его жена воспитывают своих детей на местном языке, и эта информация в дальнейшем распространяется в блогах, постах и смс, эффект будет весьма осязаем. Воплощением идеала для населения являются богатые и привлекательные врач и юрист, живущие с двумя прекрасными детьми на большой вилле, перед которой стоят два роскошных автомобиля? Значит, именно такую чету стоит привлечь к созданию блогов и постов, агитирующих к поддержке и использованию желаемого языка.

Конечно, существуют случаи, когда подобный тип контроля авторства невозможен в киберпространстве, где автором может стать каждый. Однако, если есть возможность выбирать, кто и как будет представлять идеи и кампании, стоит учитывать приведенные выше соображения.

Заключение

В процессе развития языка Модель развития языка с устойчивым использованием может быть крайне полезна для определения того, кто и какие меры должен предпринять для достижения желаемых результатов. Эти меры зачастую связаны с мотивационной пропагандой, проводимой членами речевого сообщества, которые оказывают влияние на других его членов с целью принятия тех мотивационных и языковых моделей, которые будут способствовать сохранению языка на желаемом устойчивом уровне или переходу на него. Применение данной модели показывает, насколько часто требуется не публикация книги, а скорее пропаганда внутри сообщества.

Модель осязаемых преимуществ может быть весьма полезна при определении того, на какие факторы следует ориентироваться при необходимости внутренней мотивационной пропаганды. Она также полезна при выборе группы людей или отдельных влиятельных лиц, выступления которых окажутся наиболее эффективными для целей пропаганды, так как люди склонны подражать тем, на кого они хотят быть похожими.

Киберпространство, воспринимаемое как место, где идет общение между реальными людьми, часто является идеальным средством внутригруппового общения, имеющего большое значение для мотивационной пропаганды, которая необходима для устойчивого развития языка.

Для достижения целей развития языка крайне важно понимать, что нужно делать и как, кого привлекать в этих целях и какие средства использовать.

Источники

1. Bourdieu, P. (1982). *Ce que parler veut dire: L'économie des échanges linguistiques*. Paris: Fayard.
2. Coulmas, F. (1992). *Language and economy*. Oxford: Blackwell.
3. Fishman, J. A. (1991). *Reversing language shift*. Clevedon, UK: Multilingual Matters Ltd.

-
4. Karan, M. E. (2001). *The dynamics of Sango language spread*. Dallas: SIL International.
 5. Karan, M. E. (2011). Understanding and forecasting ethnolinguistic vitality. *Journal of Multilingual and Multicultural Development* 32(2):137–149.
 6. Karan, M. E., Corbett, K. M. (forthcoming). To appear. *The Importance of Identity and Affiliation in Dialect Standardization*. In: Carrie Dyck, Tania Granadillo, Keren Rice, and Jorge Emilio Rosés Labrada, (eds.), *Papers from the workshop on dialect standardization*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.
 7. Labov, W. (1965). On the mechanism of linguistic change. Charles W. Kreidler (Ed.), *Georgetown University Monograph Series on Languages and Linguistics*, No. 18: 91-114. (Reprinted in J. Gumperz and D. Hymes (Eds.), *Directions in sociolinguistics*, 1972, Pp. 512–538. Also in Labov, William, 1972. *Sociolinguistic patterns*).
 8. Lewis, M. P. (ed.). (2009). *Ethnologue: Languages of the world*. 16th Ed. Dallas: SIL International.
 9. Lewis, M. P., Simons, G. F. (2010). Assessing endangerment: Expanding Fishman's GIDS. *Revue Roumaine de Linguistique* 55(2): 103–120. <http://www.lingv.ro/RRL%202%202010%20art01Lewis.pdf>.
 10. SIL International (2014a). Web site. http://www.sil.org/resources/software_fonts.
 11. Simons, G. F., Lewis, M. P. (2012). *SUM at a Glance: Sustainable Use Model for Language Development*. Handout/Teaching Aid.

Людовит МОЛНАР

председатель Национальной комиссии
Словакии по делам ЮНЕСКО;
профессор Словацкого технологического университета
(Братислава, Словакия)

Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве: подходы к сохранению и развитию на основе информатики и информационных технологий

Аннотация

Существует целый ряд подходов к решению реальных или потенциальных проблем многоязычия в киберпространстве. Одним из них является подход с точки зрения информатики и информационных технологий (ИИТ-подход). Это вполне закономерно: именно ИИТ стоят за технологией киберпространства. Неслучайно одной из предшественниц программы «Информация для всех» была Межправительственная программа по информатике.

В данной статье мы рассмотрим языки, которые используются в сфере ИИТ, их свойства, необходимые для описания вычислений, их характеристики как носителей информации и/или знаний, а также средств коммуникации при взаимодействии человека с компьютером и взаимодействии компьютеров в компьютерной сети. Мы поделимся опытом работы с промежуточным языком в процессе трансляции или интерпретации с помощью ИИТ. Также будет представлен анализ использования естественного языка и его обработки с применением ИИТ. Мы покажем, какова роль языка в получении информации и/или знаний как неотъемлемого атрибута доступа к информации и/или знаниям. Мы также обозначим несколько возможных последующих шагов для получения доступа к имеющейся информации и/или знаниям.

Предисловие

За технологией киберпространства и за Программой «Информация для всех» (IFAP) стоят ИИТ. Язык и многоязычие не являются чем-то новым для ИИТ-среды. Работа с компьютером требует общения пользователя с ним, поэтому в ИИТ-среде многоязычие тоже присутствует.

Язык служит средством представления и распространения информации, а также обмена ею. Представление и распространение информации/обмен ею – это существенная часть ИТ. Технологии кардинально изменили характер коммуникации.

Язык как основное средство коммуникации

В ИИТ-среде язык является основным средством коммуникации между человеком и компьютером, а также между компьютерами в компьютерной сети.

У компьютера тоже есть свой «родной» язык, без знания которого общаться с компьютером невозможно. Это также важно для коммуникации между компьютерами. Родной язык компьютера – машинный код – приемлем для компьютера (компьютерной архитектуры), но слишком «примитивен» для пользователя – человека. Как результат, работа с компьютером на его «родном» языке – с помощью машинного кода – является процессом трудным и неэффективным. Для преодоления этих трудностей были разработаны языки программирования высокого уровня. Они более удобны для пользователя, но для коммуникации с компьютером на этом языке требуется посредник-переводчик. Фактически в общении с компьютером на языке программирования высокого уровня на первый план выходит скорее не то, «с кем» осуществляется коммуникация, а содержание этой коммуникации, программы, их структура и соответствующие вычисления, выполняемые компьютером. Представителями языков программирования высокого уровня являются: машинные коды, ассемблеры, – созданный в 1951 г. Грейс Хоппер первый компилятор А-0, – которые проложили путь для языков программирования более высокого уровня, используемых сегодня, Фортран, Lisp, COBOL, Алгол-60, Basic, C, Pascal, Smalltalk, Prolog, Adobe и PostScript, Perl, Java, Python и т.д.

Сохранение знаний

Программы на любом языке программирования (ЯП) представляют собой знания, ассоциирующиеся с данным ЯП. Как и в случае с естественными языками, если ЯП не используется или заменяется новым, мы теряем все знания, которые содержатся в программах, выполненных на этом языке.

Языки: формальный, естественный и язык программирования

Формально язык является подмножеством множества всех последовательностей символов данного алфавита. Пусть A – это алфавит, A^* –

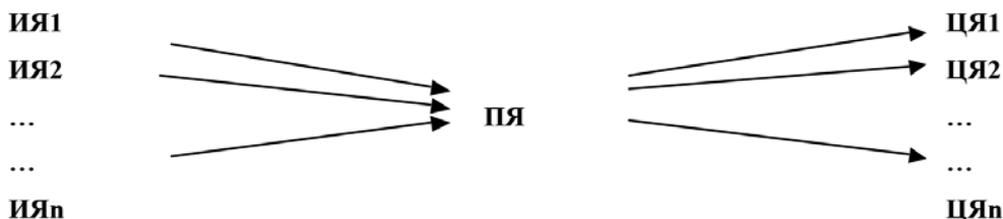
множество всех возможных последовательностей символов A (включая пустые цепочки), тогда язык L – это подмножество A^* . Язык программирования является формальным языком с определенными свойствами. Для него характерна соответствующая грамматика. Коммуникация потребителя с компьютером на ЯП реализуется программой с соответствующими вычислениями. Именно вычисления должны быть эквивалентны каждому уровню ЯП и, в конечном счете, реализованы на родном языке данного компьютера. Иерархия языков может быть построена посредством «множества последовательностей» и «вычислений». Оба подхода имеют большое значение при коммуникации и в образовании.

Коммуникация с компьютером имеет ряд особенностей:

- компьютер не может коммуницировать на неродном языке,
- при коммуникации с компьютером мы не можем полагаться на «здравый смысл»,
- язык коммуникации должен быть детерминированным и недвусмысленным.

Таким образом, для коммуникации с компьютером на неродном языке нам нужен кто-то, кто знает оба языка для перевода.

Ряд языков программирования высокого уровня и последующая потребность в переводе вызвали появление языков-посредников. Они позволили «сэкономить» на процессе перевода, что можно проиллюстрировать следующей схемой, где ИЯ – это исходный язык, а ЦЯ – это целевой язык.

Использование промежуточного языка (ПЯ) позволяет добиться «упрощенного перевода с ИЯ», «упрощенного перевода на ЦЯ». Работа на ПЯ также осуществляется по упрощенной схеме.

Доступность и наличие

Языки программирования высокого уровня изменили коммуникацию с компьютером, но сами компьютеры изменили коммуникацию с людьми. ИИТ не только обеспечивают различные способы представления информации (в голосовом, текстовом формате, в виде изображений и пр.), но и расширяют возможности отправителя и получателя информации. Необязательно отправлять информацию непосредственно получателю. Она хранится в специальном месте и таким образом становится доступна для получателя. Мы можем сказать, что характер коммуникации изменился – произошел переход от «получения информации» к «поиску информации».

Поиск информации вводит новое понятие – доступность. Очевидно, что информация «доступна» только тогда, когда она есть в «наличии». Поскольку наличие информации обеспечивается ее отправителем, который пользуется понятным ему языком, доступность этой информации связана с ее получателем. Если он хочет воспользоваться доступной информацией, то должен понимать тот язык, на котором эта информация представлена, или он может воспользоваться помощью «кого-то», кто в состоянии интерпретировать ее.

ИИТ и лингвистическое и культурное многообразие в киберпространстве

В решении описанных выше задач помочь могут ИИТ. Это важно с точки зрения обеспечения доступности информации/знаний на данном языке. Это важно с точки зрения сохранения информации/знаний на данном языке. Это важно с точки зрения различных способов представления информации. Наконец, это важно с точки зрения перевода с исходного языка на требуемый.

На пути к пониманию «цифрового многоязычия»

1. Введение

Как много людей могут широко использовать свой родной язык в Сети без каких бы то ни было проблем? Какие языки наиболее употребимы в Интернете и в цифровых устройствах? Носители не только региональных и миноритарных языков, но и языков, не попадающих в десятку наиболее популярных в Интернете¹⁹, сталкиваются с определенными проблемами при использовании цифровых устройств. Например, объем контента, доступного на определенном языке, может быть весьма ограничен. Или на клавиатуре ПК нет букв и диакритических символов, необходимых для письма на определенном языке. Или проблема может быть связана с тем, что человек стесняется показать миру, что в недостаточной степени владеет письменным языком. Конечно, носители миноритарного языка чаще всего параллельно говорят на языке большинства и могут использовать его для доступа к Интернету. Но каковы последствия такого выбора, который во многих случаях оказывается вынужденным? Каковы условия использования языка онлайн? И что подразумевается под лингвистическим разнообразием Интернета?

2. Многоязычие

Согласно данным лингвистов, существует примерно 6000–7000 разговорных языков (Lewis et al. 2013) и, возможно, столько же языков жестов. При столь впечатляющем многообразии языков их концентрация в одних регионах оказывается значительно выше, нежели в других. Примером тому могут служить Папуа – Новая Гвинея (родина 830 языков, распространенных на территории свыше 400 000 км²), Индонезия (722 языка на 240 млн жителей), Нигерия (более 500 языков), Индия (22 официальных языка, 400 языков, более 400 диалектов). Это «языковые горячие точки»: в данных регионах не только отмечается самый высокий уровень многоязычия, но и

¹⁹ Согласно *Internet World Stats*, это: английский, китайский, испанский, японский, португальский, немецкий, арабский, французский, русский и корейский (www.internetworldstats.com).

наиболее высока угроза исчезновения языков, а также именно там зачастую концентрируются наименее изученные языки (Harrison 2010a).

Западный мир долгое время верил мифу о Вавилонской башне: многоязычие воспринималось как проклятие, с которым надо бороться, а моноязычие – как средство достижения более мирного и гармоничного существования. Моноязычие, основанное на философской концепции национального государства и ее политическом воплощении, стало неотъемлемой характеристикой западного человека, который стремится утвердить одноязычный режим во всем мире. Одновременно моноязычие считается гарантом поддержания современного мироустройства, а также двигателем прогресса. Изменить свои взгляды крайне сложно, так как язык является основой становления идентичности, как личностной, так и национальной (как отдельного человека, так и государства): доказательство равноценности различных языков наносит удар самолюбию и ставит под вопрос политические отношения.

Моноязычное мышление противоречит реальности, в которой живет остальной мир, на протяжении всей своей истории оказывавшийся скорее многоязычным. Отнюдь не моно-, а многоязычие является нормой, естественным условием взаимодействия человечества с окружающей средой. Многоязычие – это ответ человека на разнообразие природной среды, и в таких местах, где концентрация различных языков очень высока (таких как Папуа – Новая Гвинея, Центральная Америка, Африка и Дальний Восток), для людей абсолютно нормально говорить на нескольких языках. Разнообразие способов, которые человек использует, чтобы приспособиться к различным климатическим условиям и реагировать на другие вызовы, находят однозначное воплощение в языке. По существу язык дает ключ к пониманию взаимоотношений человека с природой. Параллель между лингвистическим разнообразием и биоразнообразием проводилась неоднократно: для тех мест, где разнообразие видов высоко (в частности, в тропических лесах), чаще характерно и лингвистическое разнообразие, в районах же с низким разнообразием видов, таких как пустыни и тундра, количество языков также невелико (Loh and Harmon 2005, 2014; Nettle and Romaine 2000). Но у лингвистического и биоразнообразия немало общего и помимо принципов их распространения: в обоих случаях существует угроза исчезновения вследствие схожих процессов. Как и биоразнообразие, многоязычие находится в серьезной опасности, в некоторых регионах больше, чем в других (Loh and Harmon 2014; Harmon and Loh 2010). По мнению Сазерленда (Sutherland 2003), вымирание языков происходит более быстрыми темпами, нежели исчезновение видов. Сокращение многоязычия по большей части связано с социальными или экономическими

факторами (торговля, миграция, глобализация коммерции и СМИ, а также неблагоприятная национальная политика и престижность одного или нескольких доминантных языков); реже они связаны с естественными феноменами, такими как исчезновение населения.

2.1. Защита многоязычия

Точно так же, как и биоразнообразие, лингвистическое разнообразие является наследием, которое необходимо сохранить любыми средствами, а не проблемой, от которой необходимо избавиться. Довольно странно, что люди – по крайней мере, на Западе – в гораздо большей степени склонны признавать ценность биоразнообразия, чем многоязычия. Они готовы защищать от исчезновения китов и волков, но куда меньше беспокоятся о том, что язык их дедушек и бабушек будет потерян для следующего поколения. Если мы считаем, что многоязычие – это ценность, его необходимо поддерживать, это наша общая ответственность перед человечеством. Языки – это живые архивы опыта человечества, памятник присутствию исключительно человеку способам создания сообществ, общения и передачи опыта.

Дэвид К. Харрисон, лингвист и защитник многоязычия, выражает свое мнение довольно жестко: «Что за странное высокомерие побуждает нас, уютно устроившихся в своем кибермире, считать, что нам нечему поучиться у людей, которые поколение назад были охотниками и собирателями? Их знания – то, о чем мы забыли или чего никогда не знали, – однажды могут нас спасти. Мы слышим их голоса, сейчас уже приглушенные; они могут делиться с нами знаниями, используя 7000 способов говорить. Давайте прислушаемся к ним, пока у нас еще есть такая возможность» (Harrison 2010).

Если мы считаем, что удаленные от современной цивилизации языки и культуры не могут ничему нас научить просто потому что они никогда не видели мобильный телефон, мы не правы. В языках людей, на протяжении столетий тесно взаимодействовавших с зачастую экстремально суровой и жестокой средой, зашифрованы знания, которые когда-нибудь могут оказаться полезными: знания о техниках выживания, о растениях, животных, урожае, приготовлении и использовании лекарств, традиционных методах ведения сельского хозяйства, рыболовства и охоты, не говоря о традиционных методах использования земли и управления ресурсами. Мы не можем позволить себе потерять это огромное богатство знаний, которые накапливались веками. *Давайте прислушаемся, пока у нас еще есть такая возможность.*

2.2. Устойчивость многоязычия в цифровом мире

Для того чтобы реализовать устойчивую политику сохранения и развития многоязычия, необходимо перестать игнорировать цифровой мир. Как верно заметил Марк Турин, «в наш цифровой век клавиатура, экран и сеть будут играть решающую роль в формировании будущего лингвистического разнообразия наших видов» (Turin 2013). Языки – это живые организмы, и, чтобы выжить, они должны ежедневно использоваться людьми.

В связи с тем, что такая большая часть нашей жизни проходит в Интернете и связана с цифровыми устройствами, цифровое пространство представляет собой контекст, который нельзя игнорировать. Носители мажоритарных языков могут получить доступ к неограниченному объему веб-контента, легко осуществлять поиск, взаимодействовать, общаться при помощи социальных сетей и голосовых приложений. Они могут наслаждаться интерактивными электронными книгами, получать удовольствие от словесных игр для мобильных телефонов, играть в видеоигры с несколькими участниками или пользоваться инновационными средствами изучения других распространенных языков.

Для носителей миноритарных языков, напротив, подобных сервисов не предусмотрено. Так называемые «малые языки» не обладают столь широким набором возможностей. Носителям валлийского языка было отказано в публикации электронных книг на валлийском языке на платформе Amazon's Kindle в связи с отсутствием достаточного числа электронных валлийских словарей. Не существует «Википедии» на мансийском языке; для носителей саамского языка или языка тонгва (габриэлино) нет локализованного интерфейса *Facebook*, а в переводчике *Google* вы не найдете сардинского, игбо или фризского языков. Данное *неравенство цифровых возможностей* усугубляет дискриминацию миноритарных языков, ограничивая сферу их использования общением внутри семьи и обсуждением небольшого числа тем. Вместо этого языкам меньшинств необходимо обеспечить доступ во все аспекты жизни, чтобы они воспринимались как динамичные и подходящие для любых сфер. Основное значение для оказания влияния на носителей, в особенности на молодое поколение, имеет присутствие языка в Интернете. Мы должны гарантировать расширение и увеличение набора возможностей использования всех языков. Подлинное и эффективное развитие многоязычия невозможно, если не всем языкам предоставлены условия для развития в цифровом мире. Обеспечение всех языков, в особенности региональных и миноритарных, инструментами, которые уравнивают их с более распространенными языками, является

залогом равенства цифровых возможностей для их носителей. *Цифровое многоязычие должно носить устойчивый характер.*

3. Многоязычен ли Интернет?

По данным недавнего исследования (LTInnovate), в 2012 г. объем цифрового контента вырос до 2,837 секстибайтов, что почти на 50% выше по сравнению с 2011 г., а к 2015 г. он достигнет 8,5 секстибайтов. Число пользователей социальных сетей в Западной Европе в 2013 г. составляло 174,2 млн человек, это примерно 62% пользователей Интернета. *Facebook* пользуются 800 млн человек, из которых 170 млн – жители таких чрезвычайно многоязычных стран, как Бразилия, Индия, Индонезия и Мексика. Число активных пользователей *Twitter* оценивается примерно в 200 млн. У *LinkedIn* 115 млн пользователей, а у *Google+* – 180 млн²⁰.

Даже если эти цифры не совсем точны, они дают представление о глубине и масштабах проникновения Интернета. Однако что мы можем сказать о многоязычии? Как это огромное количество пользователей ведет себя с лингвистической точки зрения? Какие языки они используют? Другими словами, отражает ли Интернет лингвистическое разнообразие планеты?

Исследование, проведенное W3Techs²¹, показывает, что на момент написания данной статьи 55,9% всего онлайн-контента было представлено на английском языке. Помимо английского, испанского и португальского, только пять других языков ЕС (немецкий, французский, итальянский, польский и голландский) из порядка 60, на которых говорят в странах Евросоюза, используются на более чем 1% ведущих сайтов²².

Большинство доменов (78%) зарегистрировано в Европе или Северной Америке, что лишь подкрепляет доминирование этих двух регионов в отношении создания интернет-контента. В Азии, напротив, зарегистрировано лишь 13% доменов мира, в Латинской Америке – 4%, в Океании – 3%, а на долю Ближнего Востока и Африки в совокупности приходится еще меньшее число мировых сайтов – 2%. В мировом масштабе, на каждый зарегистрированный домен приходится примерно 10 пользователей Интернета. В США создается треть всех зарегистрированных доменов, соответственно примерно 1 сайт на каждых трех пользователей Интернета.

Что касается «Википедии», статьи в 44 языковых версиях этой энциклопедии распределены неравномерно. Немногим более половины из всех

²⁰ Источник: *Language Connect*: www.languageconnect.net.

²¹ http://w3techs.com/technologies/overview/content_language/all.

²² Источник: *LTInnovate*.

3 336 473 статей посвящено местам, событиям и людям Европы, которая занимает при этом только 2,5% мировой суши: большая часть контента в «Википедии» описывает относительно небольшой участок нашей планеты.

Интернет не так уж многоязычен. Английский по-прежнему остается наиболее используемым языком в Сети, языком, на котором создается больше всего контента, а также привилегированным языком большинства пользователей.

3.1. (Медленно) растущее лингвистическое разнообразие Интернета

Однако английский язык быстро сдает позиции: согласно исследованию 2012 г.²³, в котором происхождение пользователей считалось показателем используемого языка, использование английского языка снизилось с 39% в 2009 г. до 27% в 2011 г.

В мире существует 22 имени доменов, и более 100 скоро начнут функционировать. А также более 160 млн веб-сайтов, но из них около 111 млн заканчиваются на *.com*. Из 2 млрд пользователей Интернета для более чем 70% пользователей английский не является родным. Еще 2 млрд предположительно станут онлайн-пользователями в 2015 г., и почти все они не считают английский своим первым языком.

Что касается языка социальных сетей, так называемый «неофициальный Интернет» остается безопасным прибежищем для миноритарных языков, подтверждая догадку Даниэля Прадо, высказанную им в 2008 г. (Prado 2011). Сайт *Indigenous Tweets*²⁴ отслеживает твиты на 149 языках, твиты 61 828 аккаунтов и более 12 млн пользователей. Из них у 33 языков есть только по одному пользователю (своего рода цифровой двойник так называемого «последнего носителя языка»).

Другая массовая социальная сеть, *Facebook*, насчитывает около 83 «официальных» переводов, но персональные профайлы, группы и страницы демонстрируют гораздо большее лингвистическое разнообразие.

Интернет не так многоязычен, как «реальный мир». Имеется большая диспропорция между языками, на которых говорят, и теми, что представлены в Интернете. Сканелл (Scannell 2013b), описывая ход проекта *Crúbadán*, насчитал в Интернете 1510 языков. Как считает сам Сканелл,

²³ Источник: *Smartling*, www.smartling.com.

²⁴ <http://indigenoustweets.com>.

если эта цифра увеличится даже до 1800 языков, это будет означать, что всего лишь 26% мировых языков будут представлены в Интернете.

Очевидно, Интернет никогда не сможет идеально отражать многоязычие мира, будь то по причине возможностей связи или в силу того простого факта, что только несколько сотен языков имеют письменность (от 5% до 10% языков мира, согласно источникам). Также языки, письменность которых основана на латинице, предпочтительнее других, просто потому что Интернет изначально создавался как инструмент для английского языка. Не все языки могут похвастать такой же возможностью быть представленными в цифровых средствах. Важно, что это отразится на последствиях цифрового разрыва. Рост доступности смартфонов и цифровой связи определит рост спроса на контент и услуги на большом количестве языков. И в действительности Интернет реагирует, и лингвистическое разнообразие постепенно увеличивается. Для того чтобы соответствовать растущему многоязычному рынку, *Google* расширил языковые возможности с 43 языков в 1998 г. до 80 в 2014 г. *Facebook* в настоящее время поддерживает 83 языка, а *Twitter* – 33. Вопрос в том: *соответствуют ли темпы развития необходимому уровню?*

4. Цифровое многоязычие

Концепция цифрового многоязычия является расширением концепции многоязычия в сфере цифровых технологий. И будучи таковой, она направлена на то, чтобы охватить объем языков определенного цифрового поколения, цифровых средств и приложений. Цифровое разнообразие важно со многих сторон.

Во-первых, оно важно с точки зрения языковых прав и равных цифровых возможностей для всех языков и граждан. Во-вторых, в связи с сохранением наследия: цифровые средства позволяют документировать языки и таким образом сохранять их культуру беспрецедентным способом (чем быстрее, тем сохраннее). Однако сохранение языка – это как помещение ценного экспоната в музей, где его хранят, полируют и реставрируют, где большое число посетителей могут им восхищаться, но никогда больше не будут его использовать. Языки должны быть живыми, и язык, который не используется при помощи цифровых средств, больше не является полноценно функционирующим.

Таким образом, цифровое многоязычие также важно с точки зрения идентичности, для того чтобы люди имели возможность гордиться своим языком. Существуют и экономические предпосылки: чем больше услуг предлагается на большем количестве языков, тем больше людей и потребителей можно охватить с расширением цифрового рынка.

4.1. Цифровое многоязычие и недостаточная представленность языков

Низкий уровень цифрового многоязычия означает, что большое количество языков *недостаточно представлено*.

Концепция недостаточной представленности применима к любым языкам, которые страдают от хронической нехватки ресурсов, будь то людских, финансовых, временных или языковых (языковых данных и технологий).

В целом, мы можем выделить два основных аспекта этой проблемы: недостаточная представленность а) контента и б) использования. Недостаточная представленность контента означает, что доступного контента на определенном языке очень мало или вообще нет; недостаточная представленность использования означает, что, хотя и существует какое-то количество контента на языке, с ним ничего невозможно сделать – нет локализованного интерфейса, нет доступных услуг на данном языке, и пользователи не могут реально взаимодействовать, используя язык при помощи цифровых средств. Пользователь может лишь получить доступ к некоторым веб-страницам. Типичный пример – когда существует страница «Википедии» на данном языке, но нет локализованных интерфейсов у самых популярных приложений и программ: для того, чтобы получить доступ к Интернету и пользоваться сервисами, пользователю приходится переходить на другой язык.

Неудивительно, что согласно данному определению большинство языков являются, таким образом, недостаточно представленными.

4.2. «Цифровая диглоссия» и «цифровое исчезновение»

Язык является недостаточно представленным, когда существует немного контекстов, в которых его можно использовать, и меньше возможностей использовать именно его, а не другие языки.

Наименее представленные в цифровой сфере языки находятся под реальной угрозой изоляции и неизбежно со временем становятся *диалектными*.

По мнению Карлоса Леаньеса (процитированного в Prado 2011): «чем менее ценен язык [в глазах его носителей], тем меньше на нем говорят, меньше его используют, тем больше он теряет ценность». Сокращение контекстов использования может иметь разрушительный эффект, неизбежно приводя к отказу от этого языка в пользу другого, лучше поддерживаемого. Если это произойдет, последствия для языка будут весьма пе-

чальными: любой язык, который не может быть использован в цифровых контекстах, будет вовлечен в отношения «цифровой диглоссии» с другим, более поддерживаемым языком.

Не только языки, которые борются за доступ к цифровому миру, но даже языки, широко в нем представленные, находятся в зоне риска. Уменьшение числа цифровых контекстов использования – вот то, что может привести языки к *цифровому вымиранию*. Концепция вымирания часто ассоциируется с очень экзотическими языками или теми, на которых говорят меньшинства. Однако концепция «цифрового вымирания» связана с условием, которое может стать реальностью для многих языков, даже тех, которые далеки от исчезновения вне цифрового мира. Данным условием является уменьшение использования языка в Интернете вследствие недостаточной поддержки языковых технологий: контекст использования языка сужается, и постепенно язык исчезает из цифрового пространства.

Там, где нет благоприятных условий для использования языка при помощи цифровых средств, его использование в Интернете и цифровых устройствах становится обременительным, коммуникация усложняется, и это пагубно сказывается на удобстве использования языка. Более того, мы можем говорить о «враждебной цифровой среде»: среде, в которой невозможно печатать, искать, переводить, общаться при помощи цифровых устройств. В таких обстоятельствах язык легко исчезает.

Концепция цифрового вымирания была впервые представлена в исследовании, проведенном Экспертной сетью META-NET²⁵ и увенчаншемся публикацией 30 языковых «Белых книг» («Language White Papers») (Rehm and Uszkoreit 2012), по одной для каждого из официальных языков ЕС. В данном исследовании, которое находится в свободном доступе для скачивания на сайте META-NET, говорится о текущем и будущем положении языков с точки зрения оказываемой им технологической поддержки. Исследование широко освещалось в прессе и способствовало формированию текущих рамок европейского финансирования.

Исследование включает поддержку всех языков, которую они получают в четырех сферах применения: машинный перевод, обработка речи, анализ текстов и языковые ресурсы. Различия в уровне технологической поддержки в зависимости от языков и сфер использования серьезны и тревожны. Поддержка языковых технологий варьируется от одного языкового сообщества к другому. В этих четырех сферах английский язык впереди других языков, но даже поддержка английского языка далека от идеаль-

²⁵ www.meta-net.eu.

ной. Пока нет высококачественного программного обеспечения и доступных ресурсов для нескольких крупных языков и сфер применения, другие, малые языки, сталкиваются с более существенными проблемами. Многим языкам не хватает базовых технологий для анализа текстов и необходимых ресурсов. Для других языков существуют базовые ресурсы, но не хватает семантических методов. Недавно обновленное исследование (Rehm et al. 2014) демонстрирует, что *реальное количество языков, находящихся в опасности в цифровой сфере, в действительности значительно больше.*

5. Превентивные меры

Как можно стимулировать цифровое многоязычие и предотвратить цифровое вымирание?

Словами Джона Хобсона (цитата приведена Кевином Скэнеллом, Scannell 2013): «Интернет и цифровой мир не могут нас спасти. Они не могут спасти местные языки. Конечно, у них есть преимущества, но они не являются мессией. Нам не нужны другие веб-сайты или DVD, или мультимедийные приложения, они являются краткосрочными, непродуманными решениями. В чем мы действительно нуждаемся, так это в устойчивых инициативах, нацеленных на создание для носителей местных языков возможностей общения между собой на своем родном языке. Сделать так, чтобы люди снова стали говорить».

Исследование META-NET, описанное выше, четко показывает, что в наших долгосрочных планах мы должны еще больше сосредоточиться на содействии развитию технологий для малых языков и/или языков, не имеющих достаточных ресурсов, а также на сохранении языков при помощи цифровых средств. Следует обратить больше внимания на обмен данными исследований и технологиями между языками вместе с увеличением взаимодействия языков и передачей технологий.

Несмотря на то, что судьба языка в первую очередь определяется его носителями и более широким культурным контекстом, развитие технологий для недостаточно представленного языка дает языку стратегическую возможность иметь такие же «цифровую значимость», «цифровую идентичность» и «цифровое долголетие», как и у крупных, хорошо развитых в Интернете языков.

Если мы хотим сохранять и поддерживать многоязычие, в особенности миноритарные и региональные языки, мы непременно должны предоставить менее используемым языкам доступ к средствам и ресурсам такого

же технологического уровня, которыми обладают «крупные» языки. Момент настал: если мы не будем действовать быстро и эффективно сейчас, если не предпримем тщательно спланированных и целенаправленных мер, может быть слишком поздно.

5.1. Возможности и проблемы языковых технологий

Языковые приложения находятся в центре внимания цифрового многоязычия. Рынок языковых приложений и услуг увеличивается день за днем, и новые цифровые средства творят чудеса с языками, находящимися под угрозой исчезновения, позволяя многим из них вернуться с точки невозврата, на который, как кажется, они обречены. Вот несколько примеров того, как новые медиа и цифровые технологии помогают спасти умирающие или находящиеся под угрозой исчезновения языки. Племена Северной Америки используют социальные сети для привлечения молодежи, у iPhone есть приложение для обучения новых студентов произношению слов на тувинском языке, приложение Tusaalanga Inuktitut разрабатывается в качестве ресурса изучения нескольких инуитских диалектов (инутитут).

Сутью языковых приложений являются языковые технологии (ЯТ), то есть данные и программное обеспечение, которые позволяют проводить автоматическую обработку естественного языка, такие как проверка орфографии и грамматики, электронные словари, локализованные интерфейсы, а также поисковики, автоматическое распознавание и синтез речи, переводчики или средства для извлечения информации. ЯТ могут предложить огромную помощь языкам меньшинств, например, в сфере письменного языка, содействуя распространению языка среди детей при помощи приложений и электронных книг, создавая электронные словари, которые гораздо легче использовать, нежели традиционные. Соглашаясь с тем, что современные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) действительно являются возможностью для малых языков, мы должны признать, что, с другой стороны, они представляют большую проблему, так как требуют быстрого развития высококачественных ЯТ для сохранения темпов технологического развития.

Другими словами, ИКТ в действительности помогут миноритарным языкам занять свое место в цифровом мире только при условии, что будут разработаны качественные и эффективные ЯТ, интегрированные в ИКТ. Развитие ЯТ становится необходимой частью процесса сохранения и восстановления языка.

5.2. Базовые условия выживания языка в цифровой среде

Безусловно, миноритарный язык легко может быть вовлечен в цифровой мир. Малым языкам нужно технологически обеспечить право голоса. Проблемы пугают, они разнообразны: от цифрового разрыва и проблем доступа к связи, проблем шрифтов и их цифрового кодирования, нехватки технологий и т.д. до доступности и развития технологий языков. Однако язык способен стать частью цифрового мира, если соблюдены некоторые минимальные условия. Самый базовый набор условий, обеспечивающий минимальный «потенциал выживания в цифровом мире» для любого языка, включает, по крайней мере, следующие элементы (в порядке возрастания необходимости):

- обеспечение связи,
- достаточно развитое и принятое стандартизированное кодирование,
- развитая терминология,
- стандартизированная орфография,
- локализованные интерфейсы,
- доступные основные языковые ресурсы, по крайней мере, корпус текстов, инструмент проверки орфографии и лексикон.

Этот базовый набор условий выживания языка в цифровой среде можно расценивать как модернизацию BLaRK (Basic Language Resource Kit (Базовый комплект языковых ресурсов), см.: Krauwer 2003) – минимального набора языковых ресурсов, необходимого для любого предконкурсного исследования и обучения. В списке BLaRK для определенных языков и ряда приложений языковых технологий перечислены модули данных и ПО, которые являются необходимым условием применения этих технологий. И хотя в принципе это независимая от языка концепция, ее реализация во многом определяется конкретными требованиями отдельных языков. BLaRK может рассматриваться как «перечень» для образовательного ресурса: имея данный список и обновленный каталог доступных ресурсов можно успешно разрабатывать план развития, расставляя приоритеты в соответствии с потребностями различных языков, с тем чтобы обеспечить менее оснащенные языки хотя бы минимальным «комплексом выживания в цифровой среде».

6. Индекс цифрового многоязычия

Защита культурного и языкового разнообразия предусматривает, что в мире, управляемом ИКТ, все сообщества, все языки, все культуры должны занимать первостепенное место в цифровом пространстве. Проблемы,

связанные с получением данного статуса, могут пугать многие языки; однако для любого языка, действительно стремящегося к полноценному существованию, единственный выход – это стать частью цифрового мира.

Для оценки цифрового многоязычия на мировом или местном уровне нам нужны надежные показатели, которые позволили бы определить статус языков по отношению к их представленности и жизнеспособности в цифровом мире.

Если взять за образец ту деятельность, которая ведется в настоящий момент в биологии в сфере защиты окружающей среды (Loh and Harmon 2014), то для определения статуса сохранности цифрового языка нам необходимы следующие показатели: 1) размер «популяции» цифрового языка; 2) уровень его сокращения или распространения; 3) размеры его изменения и уровень упадка или раздробленности; 4) существующие или потенциальные угрозы.

Мы видели, как в Белых книгах языков META-NET описывается методология оценки риска исчезновения языка из цифровой среды (пункт 4 выше). Измерение размера «популяции» цифровых языков было целью проекта «Языковая обсерватория»²⁶ Университета г. Нагаоки, Япония (Mikami and Nakahira 2011), в котором языки, шрифты и кодирование веб-страниц использовались как показатели многоязычия.

Аналогично тому, как биологи, занимающиеся сохранением окружающей среды, заинтересованы в живых растениях и видах, измерение цифрового многоязычия должно быть сосредоточено на живых языках, а не мертвых. Однако в Сети могут найти свое место и языки наследия, например, корпуса древнегреческих или древнеанглийских поэтических текстов. Надежных показателей жизнеспособности цифрового языка, определяющих степень его цифрового процветания, достигнутого путем увеличения присутствия онлайн, по-прежнему нет. Корнай в своей работе «Digital language death» («Смерть цифрового языка») (Kornai 2013) предпринимает первую попытку разработки надежных показателей цифровой жизнеспособности (пункты 2 и 3 выше) путем переноса традиционных методов оценки в цифровую среду. При этом он четко определяет активное использование языка в цифровой среде как ключевой фактор цифровой жизнеспособности и, таким образом, дополняет показатели присутствия языка в цифровом мире (то есть количество веб-страниц для определенного языка) другим показателем цифрового использования языка, таким как существование активного википедиа-сообщества на данном языке.

²⁶ <http://gii2.nagaokaut.ac.jp/gii/lopdiary.php?blogid=8&catid=109>.

В развитие предыдущих работ Корная и других авторов мы предлагаем следующий предварительный перечень показателей жизнеспособности любого языка в цифровой среде:

1. Большой размер цифровой «популяции» (с точки зрения аккаунтов в *Facebook/Twitter* и учета населения в возрасте от 10 до 70 лет).
2. Использование мировых брендов (например, *Google, Microsoft, Apple* и т.д.).
3. Глубокое проникновение в Интернет.
4. Обширный интернет-контент (с точки зрения общего числа сайтов и количества сайтов на человека).
5. Наличие локализованных версий для наиболее посещаемых национальных и мировых сайтов.
6. Доступность «Википедии».
7. Социальные сети с локализованным интерфейсом.
8. Использование языка в блогах, твитах и других средствах общения (например, в электронной почте, чатах, форумах, дискуссионных списках).
9. Наличие у языка интернет-домена.
10. Наличие локализованных версий основных операционных систем.
11. Доступность языковых приложений на данном языке.
12. Наличие инструментов машинного перевода для данного языка.

Немало усилий потребуется для тщательной разработки показателей, особенно для сопоставления соответствующих моделей для показателей, таких как 1, 3 и 8, а также для разработки надежных методик измерения показателей 4 и 8.

Тем не менее идея измерения и оценки многоязычия в Сети не нова, и мы считаем, что пришло время перейти к конкретным действиям, особенно в связи с появлением в последнее время доступных и открытых методик, в особенности проекта *Crúbádan* (Scannell 2013b) и работы Корная (Kornai 2013). Было бы полезно объединить усилия, возможно, под эгидой ЮНЕСКО, в целях продолжения работы в этой сфере для разработки такого индекса цифрового многоязычия.

Заключение

Расширение цифрового многоязычия желательно и возможно, так как в принципе нет ограничений для количества языков, проникающих в Интернет, и контента на этих языках. Даже если цифровое многоязычие никогда не сможет передать все языковое богатство мира, мы можем и

должны стремиться по крайней мере к частичному его отражению. Разработчики международной и национальной стратегии должны поддерживать и поощрять цифровое присутствие миноритарных языков, в частности тех из них, которые больше подвергнуты риску исчезновения из цифрового мира. Это сопряжено с достаточно большим числом технических и политических проблем, и их нужно решать незамедлительно, чтобы наделить языки минимально необходимыми средствами для доступа к Интернету и создания контента. Разработка надежных показателей цифрового многоязычия также желательна, и мы считаем, что такая инициатива должна реализовываться совместными усилиями, возможно, под эгидой ЮНЕСКО. Такие показатели могут быть использованы для создания индекса цифрового многоязычия, который будет служить инструментом мониторинга для оценки цифрового многоязычия в определенной области и позволит выделить области, в которых необходимо вмешательство (например, отмечая, куда необходимо направить усилия и средства).

Несмотря на то, что судьба языка в первую очередь определяется теми носителями, для которых он является родным, и широким культурным контекстом, цифровая языковая стратегия могла бы помочь направить технологическое развитие языков, ресурсы которых ограничены, тем самым обеспечивая языку стратегическую возможность получить то же «цифровое значение», ту же «цифровую идентичность» и «цифровую долговечность», что и у крупных, хорошо развитых в Интернете языков.

Источники

1. Harmon, D., Loh, J. (2010). The index of linguistic diversity: A new quantitative measure of trends in the status of the world's languages. *Language Documentation and Conservation*, 4, pp. 97–151.
2. Harrison, D. K. (2010). *The Last Speakers*. National Geographic, Washington, DC.
3. Harrison, D. K. (2010). *The tragedy of dying languages*. BBC News. <http://news.bbc.co.uk/2/hi/8500108.stm>.
4. Kornai, A. (2013). Digital language death. *PLoS ONE*, 8(10).
5. Krauwer, S. (2003). The Basic Language Resource Kit (BLaRK) as the First Milestone for the Language Resources Roadmap. *Proceedings of the 2003 International Workshop Speech and Computer (SPECOM 2003)*, pp. 8–15.
6. Lewis M. P., Simons G. F., Fennig C. D. (eds.) (2013). *Ethnologue: Languages of the World*. 17th edition. SIL International, Dallas, Texas, USA.
7. Loh, J., Harmon, D. (2005). A global index of biocultural diversity. *Ecological Indicators*, 5, pp. 231–241.

-
8. Loh, J., Harmon D. (2014). *Biocultural diversity: threatened species, endangered languages*. WWF, Netherlands.
 9. LT-Innovate.eu. (2013). *Status and potential of the European language technology markets*. LT-Innovate Report, March 2013.
 10. Mikami Y., Nakahira K. T. (2011). Measuring linguistic diversity on the Internet. In: E. Kuzmin and E. Plys (eds.), *Linguistic and Cultural Diversity in Cyberspace. Proceedings of the International Conference*. Interregional Library Cooperation Centre, Moscow, pp. 136–144.
 11. Nettle, D., Romaine, S. (2000). *Vanishing voices: the extinction of the world's languages*. Oxford University Press, Oxford.
 12. Prado, D. (2011). Languages and cyberspace: Analysis of the general context and the importance of multilingualism in cyberspace. In: E. Kuzmin and E. Plys (eds.), *Linguistic and Cultural Diversity in Cyberspace. Proceedings of the International Conference*. Interregional Library Cooperation Centre, Moscow, pp. 72–82.
 13. Rehm, G., Uszkoreit, H. (eds.) (2012). *META-NET White Paper Series: Europe's Languages in the Digital Age*, Springer, Heidelberg, New York, Dordrecht, London.
 14. Rehm, G., Uszkoreit, H., Dagan, I., Goetcherian, V., Dogan, M. U., Mermer, C., Váradi, T., Kirchmeier-Andersen, S., Stickel, G., Prys Jones, M., Oeter, S., Gramstad, S. (2014). An Update and Extension of the META-NET Study “Europe's Languages in the Digital Age”. In: *Proceedings of the Workshop on Collaboration and Computing for Under-Resourced Languages in the Linked OpenData Era* (CCURL 2014), Reykjavik, Iceland, May 2014.
 15. Scannell, K. (2013). Endangered languages and social media. Presentation at the *Workshop at INNET Summer School on Technological Approaches to the Documentation of Lesser-Used Languages*, September 2013.
 16. Scannell, K. (2013). How many languages are on the Web? The Crúbadán project 10+ years on. Invited talk at the *Workshop on Corpus-based Quantitative Typology (CoQuaT 2013)*, August 2013.
 17. Sutherland, W. J. (2003). Parallel extinction risk and global distribution of languages and species. *Nature*, (423), pp. 276–279.
 18. Turin, M. (2013). *Globalization helps preserve endangered languages*. Yale-Global Online, 2013. <http://yaleglobal.yale.edu/content/globalizationhelps-preserve-endangered-languages>.

Анна ФЕНЬВЕШИ

доцент Института исследований Англии и Америки,
Университет Сегеда
(Сегед, Венгрия)

Многоязычие и использование миноритарных языков в цифровой среде

Введение

За последнюю четверть века цифровые технологии оказали влияние на многие аспекты нашей жизни, и такая область, как использование языков, не стала исключением. С появлением электронной почты, Всемирной паутины, мобильных технологий и возможностей коммуникации посредством цифровых технологий в жизни большинства из нас появилась новая сфера использования языка – цифровая. Общение в цифровой среде в немалой степени реализуется в устной форме – с помощью мобильных телефонов и средств IP-телефонии (таких как Skype), однако значительную часть этой сферы составляет письменное использование языка – чтение и написание сообщений электронной почты, текстовых и мгновенных сообщений, записей блогов и т.д. По оценкам специалистов, с применением всех этих средств цифрового общения сегодня мы стали читать и писать больше, чем до их появления (Varon 2008: 183). Поэтому письменная коммуникация с помощью цифровых технологий является весьма важным новым аспектом использования языка, к которому должны проявить интерес социолингвисты, работники сферы образования, занимающиеся проблемами двуязычного обучения, и вообще все специалисты, работающие с двуязычными сообществами языковых меньшинств, будь то редакторы и авторы газет, выпускаемых в цифровом формате, компьютерные лингвисты и программисты, создающие компьютерные лингвистические средства, или социологи, изучающие роль языка в различных аспектах общественной жизни.

«Сферы использования языка»

Понятие сферы использования языка стало широко применяться в исследованиях дву- и многоязычных сообществ после того, как Фишман (Fishman 1972: 441) перенял у Шмидта-Ропа идею «многоязычных элементов доминантных конфигураций» в качестве теоретической концеп-

ции, определяемой «с точки зрения институциональных контекстов и их конгруэнтных функциональных совпадений. Они стремятся объединить основные встречающиеся типы взаимодействия в многоязычном окружении в зависимости от типов собеседников». Фишман выделил изначально пять сфер: семья, дружеское общение, религия, образование и работа. Любопытно, что с тех пор это деление оставалось неизменным и по сей день широко применяется социолингвистами для описания моделей использования языка билингвами, указывающих на сохранение собственного языка или переход на другой язык в контексте смены поколений. Когда лингвисты, изучающие вопросы двуязычия, указывают в своих работах другие сферы, они, как правило, не заявляют открыто о том, что расширили число этих сфер использования (ср. некоторые недавние примеры сфер, приведенные в (Grosjean 2010: 29): «родители, дети, братья и сестры, дальние родственники, работа, спорт, религия, школа, посещение магазинов, друзья, отдых вне дома, увлечения и т.д.»; в (Bever 2011): «общественная сфера»; в (Örpergin 2012: 160): «экономика»).

Использование языка в цифровой сфере

Однако какими бы ни были общее число и многообразие сфер, подлежащих дифференциации, есть целый ряд причин, по которым неизбежно необходимо рассматривать и признать в качестве отдельной сферы сферу цифровую, т.е. использование языка в коммуникации посредством цифровых технологий.

Использование языка в цифровой сфере сегодня приобретает большую значимость: оно объединяет различные формы не только неофициального, но и официального общения, формирует принципиально новые функции используемого языка (например, ведение блогов) и, как свидетельствуют результаты пока еще немногочисленных исследований в этой области, способно породить модели, отчетливо отличающиеся от всех других (традиционных) аспектов использования языка билингвами. Так, Хьюбер (Huber 2013) доказал, что если первое поколение проживающих в Канаде венгров общается на венгерском языке в традиционных сферах (семья, друзья, религия) чаще, чем их дети – представители второго поколения, то по объему использования венгерского в цифровой сфере (в сообщениях электронной почты и в Интернете) дети значительно превосходят родителей. Это свидетельствует о том, что цифровое использование языка поистине способно стать для молодого «цифрового» поколения важным фактором сохранения верности языку. Башарина (Basharina 2013) также доказала, что цифровая сфера может стать площадкой для общения говорящих на языках этнических меньшинств России (якутском и саха), за счет чего новые формы ста-

рых жанров и новые жанры повествования могут содействовать укреплению сообщества носителей миноритарного языка и его жизнеспособности, культурной и языковой адаптации и развитию.

Корнай (Kornai 2013) в своей работе, подкрепленной значительным количеством тщательно подобранных эмпирических данных, утверждает, что многие существующие сегодня языки, прежде всего те, которые функционируют исключительно как языки меньшинств, ждет смерть в цифровой сфере, если их носители (и поддерживающие их специалисты) не смогут выполнить ряд важнейших требований, таких как формирование сообщества пользователей, обладающих цифровой грамотностью, и создание страниц «Википедии» на соответствующих языках.

Поддержка использования миноритарных языков в цифровой сфере

Возможность использования миноритарных языков в цифровой среде, разумеется, зависит от целого ряда факторов, начиная с технического (наличие и доступность компьютерного оборудования и программного обеспечения), включая образовательный (грамотность в традиционном понимании и в плане цифровых технологий) и персональный (наличие пользователей – носителей языка, обладающих компьютерной грамотностью и заинтересованных в использовании языка в этой сфере) и заканчивая фактором престижа (считают ли пользователи свой язык «достойным» того, чтобы пытаться использовать его в цифровой сфере). Во всех этих областях носителям миноритарных языков могут помочь члены их сообществ, например, сторонники сохранения языков и независимые специалисты: программисты, компьютерные лингвисты, создающие лингвистические средства для языков меньшинств, работники сферы образования, лингвисты и т.д. В качестве наглядного примера можно привести норвежскую компанию «Giellatekno» (<http://giellatekno.uit.no/>), программисты которой разрабатывают и предлагают пользователю множество лингвистических обучающих средств, двуязычных словарей, морфологических и синтаксических анализаторов и игр, обучающих языку саами и другим миноритарным финно-угорским языкам, находящимся под угрозой исчезновения.

Проект «FinUgRevita»

Проект «Компьютерные средства для ревитализации финно-угорских языков, находящихся под угрозой исчезновения: FinUgRevita» был разработан в 2013 г. в целях создания компьютерных лингвистических средств для коренных финно-угорских языков, находящихся под угрозой исчез-

новения, таких как удмуртский и манси в России, а также для оказания содействия носителям этих языков в использовании коренных языков в цифровой сфере (<http://www.ieas-szeged.hu/finugrevita/>).

Проект реализуется силами двух групп ученых: Хельсинкского университета (Финляндия, руководитель исследовательской группы – Роман Янгарбер) и Университета Сегеда (Венгрия, руководитель исследовательской группы – Анна Феньвешеш). Он объединяет лингвистов, специализирующихся на изучении финно-угорских языков, компьютерных лингвистов и социолингвистов. На период с 1 сентября 2013 г. по 31 августа 2017 г. проект финансируется Академией Финляндии и Венгерским национальным фондом научных исследований.

Оба языка – удмуртский и манси, на поддержку которых в данный момент направлен проект, – находятся, хотя и в различной степени, под угрозой исчезновения, согласно разработанной ЮНЕСКО классификации языков (UNESCO 2010). Удмуртский язык находится под «относительной» угрозой исчезновения, поскольку на родном языке говорят 60% (то есть около 300 тыс.) из 552 тыс. этнических удмуртов (см. показатели переписи населения России в 2010 г.) в Удмуртской Республике, к западу от Уральских гор. Даже несмотря на статус официального языка республики, возможность и право применения удмуртского в общественной сфере ограничены; он используется главным образом для общения в семейном и дружеском кругу. В Удмуртии существуют СМИ, ведется обучение и организуются культурные мероприятия на удмуртском языке; также он используется в Интернете (например, удмуртский – один из трех финно-угорских языков, на которых можно общаться в социальной сети «ВКонтакте» – российском аналоге сети *Facebook*). Манси находится в серьезной опасности, поскольку носителями этого языка является лишь одна тысяча человек (из 12 тыс. этнических манси); на нем говорит население Ханты-Мансийского автономного округа, проживающее на западе Сибири к востоку от Уральских гор. Хотя в незначительной мере язык используется в СМИ, в области образования и культуры Югры, общение на нем осуществляется главным образом в семье и среди друзей. Как это ни удивительно для столь малого языка, на нем существует интернет-ресурс – выходящая дважды в неделю газета «Luima Seripos», у которой есть и онлайн-версия.

В социолингвистическом плане сообщества носителей обоих языков находятся в стадии перехода на другой язык – распространяется использование русского языка за счет вытеснения малых языков в жизни носите-

лей с тех пор, как их предки оказались под русским владычеством в XVI и XVII вв., а также в результате насильственной ассимиляции и русификации в эпоху советской власти (Bakro-Nagi, forthcoming).

Обнаружение нефти и газа в районах распространения манси и удмуртского языков в 70-х гг. XX в. также привело к притоку рабочей силы извне, в результате чего эти районы стали многоязычными, а манси превратились в этническое меньшинство на собственной родине. К примеру, число людей, заявивших о своей принадлежности к удмуртской народности, уменьшилось с 640 тыс. чел. в 2002 г. до 552 тыс. чел. в 2010 г., а процент говорящих на удмуртском языке за тот же период снизился с 67% до 59%. В случае манси число людей, заявивших о своей принадлежности к этой народности, возросло с 11,5 тыс. чел. в 2002 г. до 12,3 тыс. чел. в 2010 г., однако процент носителей манси снизился с 23% до всего лишь 7,65%.

Проект «FinUgRevita» направлен главным образом на разработку свободно распространяемых и общедоступных компьютерных лингвистических средств: электронных словарей, морфологических и синтаксических анализаторов, лингвистических игр, а также средств обучения. Компьютерные лингвисты уже приступили к разработке этих инструментов.

Кроме того, в рамках проекта проводятся два онлайн-исследования. Первое из них, начатое в июне 2014 г., осуществляется в целях анализа использования компьютерных лингвистических средств компании «Giellatekno» для языка саами, с тем чтобы получить отзывы пользователей о применении этих средств и степени удовлетворенности ими как в интересах фирмы-разработчика, так и в интересах усовершенствования самих средств. При реализации проекта «FinUgRevita» можно будет учесть опыт сообщества пользователей средств, аналогичных тем, которые нам предстоит создать.

Второе исследование на момент написания данной статьи находится в стадии подготовки. Исследователи, работающие над проектом, планируют начать его проведение осенью 2014 г. Это социолингвистическое исследование для составления картины цифрового использования удмуртского языка и манси их носителями. В частности, с помощью исследования планируется получить у носителей сведения о том, какой язык (языки) они используют в различных формах коммуникации посредством цифровых технологий, т.е. для общения с помощью мобильного телефона, электронной почты, веб-поиска, участия в чатах, блогах, социальных сетях, написания комментариев, создания сетевого контента и т.д. Исследователи надеются, что получение подробной информации о том,

когда носители используют миноритарный язык (удмуртский/манси), а когда – язык большинства (русский) или другие языки (английский или другие миноритарные языки России), даст им ценные знания о тенденциях применения языка пользователями, их потребностях в компьютерных лингвистических средствах и в целом поможет лучше понять модели использования языка в цифровой сфере носителями языков, находящихся под угрозой исчезновения.

Заключение

Цифровая сфера, как уже отмечалось выше, стала одной из важнейших сфер использования языка билингвами и мультилингвами, в особенности в том, что касается языков меньшинств. Для того чтобы обеспечить «цифровое выживание» (Kornai 2013) этих языков, необходимо поддерживать их; хотя, возможно, главной предпосылкой здесь является твердое стремление самих носителей этих языков спасти себя от смены языка и/или цифровой смерти языка: ни один сторонний специалист этого сделать не сможет, каким бы целеустремленным и квалифицированным он ни был.

Источники

1. Bakró-Nagy, M. (forthcoming). Uralic languages. *Revue Belge de Philologie et d'Histoire*.
2. Baron, N. S. (2008). *Always on: Language in an online and mobile world*. Oxford: Oxford University Press.
3. Basharina, O. (2013). *The extent of the Sakha language on the Internet: Digital genres and language revitalization*. Paper presented at the MinorEuRus conference, Helsinki, Dec. 15–17, 2013.
4. Bever, O. (2011). Multilingualism and language policy in post-Soviet Ukraine: English, Ukrainian and Russian in linguistic landscapes. <http://www.irex.org/sites/default/files/BeverSTG2011%20Final%20report.pdf>.
5. Fishman, J. A. (1972). Domains and the relationship between micro- and macrosociolinguistics. In: Gumperz, J. J., and Dell Hymes (eds.), *Directions in sociolinguistics: The ethnography of communication*. Oxford: Blackwell, 435–453.
6. Grosjean, F. (2010). *Bilingual life and reality*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

-
7. Huber, M. (2013). *Intergenerational transmission of Hungarian as a heritage language in Canada: The macrosociolinguistics of the Hungarian community in Hamilton, Ontario*. Szeged: University of Szeged, BA thesis.
 8. Kornai, A. (2013). Digital language death. *PLoS ONE*, 8, e77056. doi:10.1371/journal.pone.0077056. <http://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0077056>.
 9. Öpengin, E. (2012). Sociolinguistic situation of Kurdish in Turkey: Sociopolitical factors and language use. *International Journal of the Sociology of Language*, 217: 151–180.
 10. Russian census 2010. http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census.
 11. Schmidt-Rohr, G. (1932). *Die Sprache als Bildnerin der Völker*. Munich.
 12. UNESCO (2010). *Atlas of the world's languages in danger*. <http://www.unesco.org/new/en/culture/themes/endangered-languages/atlas-of-languages-in-danger/>.

Андраш КОРНАЙ

старший научный советник
Венгерской академии наук
(*Будапешт, Венгрия*)

Новый метод оценки жизнеспособности языков

1. Введение

Как мы доказали в более ранней публикации (Konrai 2013), более 95% языков мира в цифровом отношении мертвы. Это означает, что имеется примерно 400 языков (многие из них распространены в России и на территории бывшего СССР (Comrie 1981)), из которых в итоге в цифровой среде выживут, возможно, порядка 200. Поскольку на данный момент обеспечивается цифровое развитие не более чем нескольких десятков языков, необходима более развернутая оценка, нежели предложенная нами (Konrai 2013) простая классификация языков по четырем категориям, с помощью которой можно выделить только языки процветающие и живые (поскольку ни мертвые языки, ни языки, несущие наследие, не смогут выжить в смысле активного использования в процессе коммуникации). На рис. 1 в конце работы показаны языки населения бывшего Советского Союза в соответствии с данными табл. 1. Процветающий язык (русский) обозначен «звездочкой» вверху справа, живые, преимущественно являющиеся основными языками бывших республик, – кругами. Квадратами обозначены языки, несущие наследие, такие как древнецерковнославянский, маленькими «стрелками» – остальные языки: пограничные («стрелка» указывает вправо), статус которых невозможно определить с помощью имеющегося статистического метода, и мертвые («стрелка» указывает вниз), к числу которых относится большинство языков бывшего СССР.

2. Рассмотрение вопроса

Поскольку цифровое будущее процветающих языков обеспечено, мы применяем опыт, накопленный в процессе их развития, для разработки более подробного метода оценки цифрового потенциала живых языков и стратегии расширения числа языков, способных преодолеть цифровой разрыв. Для оценки мы предлагаем простую логлинейную формулу, в которой единственное число D (digital vitality index, индекс цифровой жизнеспособности) выводится как взвешенная сумма вполне понятных компонентов, таких как рейтинг по шкале EGIDS, (\log) числа носителей $L1$, (\log) объема «Википедии» с учетом качества материалов, (\log) объема

поисковых результатов, существование свободно распространяемых программных средств проверки орфографии и т.д.

Некоторые ключевые факторы, такие как число носителей, представляют собой долгосрочные переменные, выходящие за рамки непосредственного контроля носителей. Другие, такие как рейтинг по шкале EGIDS, определяются на усмотрение экспертов и, несомненно, предполагают некоторый элемент субъективности. Как нам представляется, их все же следует относить к объективным факторам в том смысле, что специалисты SIL также рассматривают долгосрочные изменения, такие как уровень грамотности или степень официального использования, на которые могут только косвенно повлиять компьютерные лингвисты, в первую очередь отвечающие за цифровую жизнеспособность языков. Эти факторы, которые, как правило, являются общими для жизнеспособности языков как в традиционном, так и в цифровом понимании, составляют разительный контраст с другой группой факторов, которые мы назовем *произвольными*. Существование страниц «Википедии», блогов или сообщества в *Twitter* на том или ином языке обуславливается двумя факторами: доступностью средств (что всецело зависит от инженеров по программному обеспечению) и стремлением/мотивацией носителей языка создавать на нем контент. По сути, если есть желание – есть и возможность: значительное количество проектов на родных языках уже реализуется, даже несмотря на отсутствие программных средств, ориентированных на конкретные языки (Scannell 2013).

Для цифрового возрождения языков (в отличие от цифрового сохранения наследия, которое мы рассматриваем как запасной вариант) необходимо вести совместную работу с носителями, обладающими необходимым уровнем мотивации и грамотности. Корпус созданных ими текстов составляет основу (нулевой этап) следующей пирамиды языковой технологии: 1) языковой стандарт или поддержка интернационализации системы ввода/вывода символов языка; 2) средства, работающие на уровне слова (программы проверки орфографии, стеммеры, словари); 3) средства, работающие на уровне фраз и предложений; 4) распознавание речи и символов, машинный перевод. На 2-м этапе к требованиям 1-го этапа добавляется наличие средств углубленного морфологического анализа и синтеза (что будет просто только в случае изолирующих языков). 3-й этап (программы автоматической морфологической разметки, распознавания именных сущностей, чанкеры) предполагает наличие средств 2-го этапа, а 4-й этап – вершина пирамиды языковой технологии – наличие средств всех предыдущих уровней. Главной задачей работы по цифровому возрождению языков является анализ степени развитости имеющихся средств на различных уровнях и создание таковых по мере необходимости.

3. Выводы

Программа «Информация для всех» и ЮНЕСКО в целом могут способствовать возрождению языков путем непосредственного решения основных вопросов. С правовой точки зрения языковой корпус – живительная сила современной компьютерной лингвистики – не должен ограничиваться авторским правом; здесь ПИДВ/ЮНЕСКО способны предусмотреть в нормативно-правовой базе исключение для исследовательской деятельности. В рамках проектов на национальном уровне необходимо обеспечить не только возможность поиска по языковым корпусам, но и возможность их загрузки через систему ROAMing. Для получения международных грантов и грантов национальных научных фондов лингвистам стоит следовать примеру коллег, занимающихся бионауками, а также запрашивать открытый доступ к собираемым материалам в качестве обязательного условия получения финансирования. И наконец, «Википедия» является необходимым, однако не достаточным условием цифрового развития («без «Википедии» не выжить»). Нужны также цифровые сообщества (а не только материалы, доступные для чтения). В этой связи мы предлагаем предоставлять микрогранты небольшим сообществам (литературным, театральным и т.д.), с тем чтобы они документировали свою деятельность на родных языках.

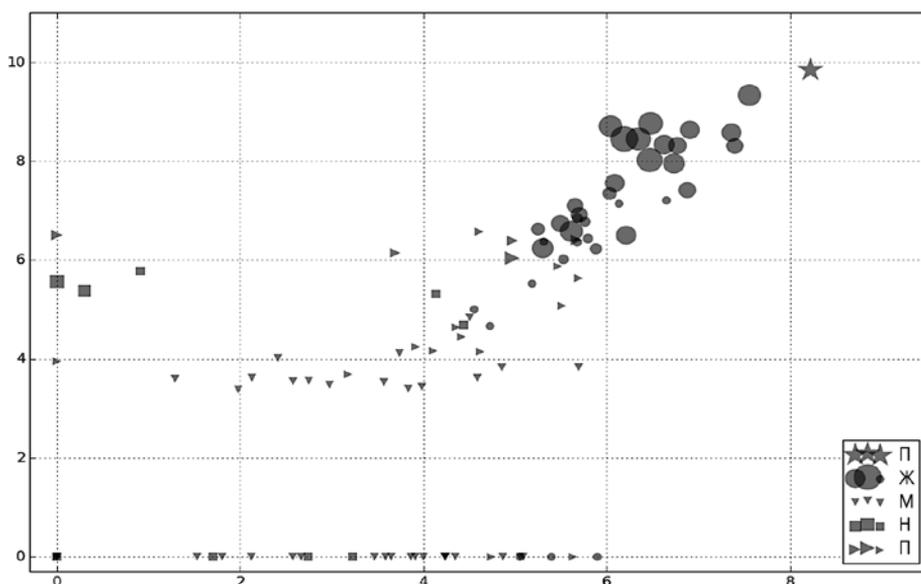

Рисунок 1. Примерная оценка жизнеспособности языков на территории бывшего Советского Союза

Ось x – \log населения; ось y – \log объема «Википедии»;
диаметр круга отражает качество материалов «Википедии»

Таблица 1. Основные показатели жизнеспособности языков на территории бывшего Советского Союза

Язык	Код SIL	Статус жизнеспособности	Население	Норм. объем «Википедии»	Качество материалов «Википедии»
абазинский	abq	м	38 732	4 169	нет данных
абхазский	abk	ж	112 741	нет данных	нет данных
аварский	ava	ж	761 961	1 696 067	0.11
агульский	agx	п	22 677	43 811	нет данных
адыгейский	ady	п	491 801	431 288	нет данных
азербайджанский	aze	ж	23 000 000	380 596 055	0.29
алтайский	alt	ж	35 745	100 571	нет данных
алоторский	alr	м	257	10 442	нет данных
армянский	hye	ж	5 902 971	207 272 470	0.26
башкирский	bak	ж	1 221 341	36 074 594	0.29
белорусский	bel	ж	2 220 001	282 784 660	0.47
бурятский	bua	п	нет данных	нет данных	нет данных
вепсский	vep	п	4 917	1 398 616	0.08
водский	vot	н	49	нет данных	нет данных
вырусский	vro	п	54 773	нет данных	нет данных
гагаузский	gag	ж	178 024	4 238 180	0.14
гилянский	niv	м	559	3 657	нет данных
горско-еврейский	jdt	м	17 156	нет данных	нет данных
готский	got	н	нет данных	369 638	0.14
грузинский	kat	ж	4 237 711	215 886 780	0.33
даргинский	dar	м	492 491	6 797	нет данных
долганский	dlg	м	3 691	3 404	нет данных
древнецерковно-славянский	chu	н	1	242 749	0.12
дунганский	dng	п	41 624	14 092	нет данных
жемайтский	sgs	н	нет данных	нет данных	нет данных
ижорский	izh	м	374	нет данных	нет данных
ингушский	inh	п	322 901	118 823	нет данных
ительменский	itl	м	133	4 191	нет данных
кабардинский	kbd	ж	1 628 501	3 187 050	0.31
казахский	kaz	ж	8 077 771	431 343 123	0.29
калмыцкий	xal	п	291 794	750 654	0.03
караимский	kdr	м	94	2 431	нет данных
каракалпакский	kaa	ж	410 411	3 841 866	0.39
карачаево-балкарский	krç	ж	310 731	5 502 178	0.25

карельский	krl	ж	53 141	46 409	нет данных
кетский	ket	м	376	3 546	нет данных
кильдин-саамский	sjd	н	551	нет данных	нет данных
киргизский	kir	ж	2 941 931	105 618 112	0.51
коми	kom	п	нет данных	3 216 590	0.09
коми-пермяцкий	koi	п	93 543	2 472 803	0.09
корякский	kpy	м	2 916	нет данных	нет данных
крымскотатарский	crh	ж	475 541	2 295 102	0.06
крымчакский	jct	н	13 627	206 329	нет данных
кумыкский	kum	п	426 551	нет данных	нет данных
лакский	lbe	ж	153 171	334 573	0.05
латгальский	ltg	ж	200 001	1 740 184	0.35
лезгинский	lez	ж	788 721	нет данных	нет данных
ливский	liv	Н	7	607 201	нет данных
литовский	lit	ж	3 001 861	581 134 721	0.45
мансийский	mns	м	941	3 026	нет данных
марийский	mhr	ж	475 874	7 053 484	0.09
марийский	mrj	п	40 531	3 759 145	0.06
марийский (Россия)	chm	м	нет данных	нет данных	нет данных
мегрельский	xmf	ж	500 001	8 274 826	0.21
мокшанский	mdf	п	92 765	1 097 308	0.16
нанайский	gld	м	3 843	нет данных	нет данных
нганасанский	nio	м	461	нет данных	нет данных
ненецкий	yrk	н	27 393	48 920	нет данных
ногайский	nog	м	73 305	нет данных	нет данных
осетинский	oss	ж	577 451	5 982 030	0.09
русинский	rue	ж	623 501	2 736 759	0.08
русский	rus	процв	167 332 231	7 019 024 883	0.56
рутульский	rut	п	25 923	28 060	нет данных
сванский	sva	м	17 171	нет данных	нет данных
североалтайский	atv	п	12 728	14 652	нет данных
селькупский	sel	п	1 501	4 918	нет данных
стандартный латышский	lvs	ж	1 552 261	282 525 870	0.58
старогрузинский	oge	п	нет данных	9 011	нет данных
табасаранский	tab	м	113 529	нет данных	нет данных
таджикский	tgk	ж	4 479 651	16 106 757	0.06
талышский	tly	ж	206 196	2 359 896	нет данных
татарский	tat	ж	5 406 111	90 404 247	0.36
татский	ttt	м	17 320	нет данных	нет данных

тер-саамский	sjt	м	18	3 987	нет данных
тиндинский	tin	м	4 440	нет данных	нет данных
тувинский	tyv	ж	248 429	нет данных	нет данных
туркменский	tuk	ж	7 560 561	26 082 541	0.23
удинский	udi	м	5 464	13 144	нет данных
удмуртский	udm	п	467 156	2 556 163	0.10
узбекский	uzb	ж	25 000 000	203 427 158	0.21
украинский	ukr	ж	36 048 891	2 168 400 162	0.40
украинский жестовый язык	ukl	м	нет данных	нет данных	нет данных
урумский	uum	м	122 654	нет данных	нет данных
хакасский	kjh	м	31 903	68 969	нет данных
хантыйский	kca	м	9 581	2 739	нет данных
хиналугский	kjj	н	1 668	нет данных	нет данных
цахурский	tkr	м	22 188	нет данных	нет данных
цезский	ddo	м	9 986	нет данных	нет данных
чеченский	che	ж	1 361 001	13 900 569	0.01
чувашский	chv	ж	1 077 421	22 366 496	0.15
чукотский	ckt	п	8 184	17 668	нет данных
чулымский	clw	м	131	нет данных	нет данных
шорский	cjs	м	6 811	2 510	нет данных
шугнанский	sgl	м	71 588	6 740	нет данных
эвенкийский	eve	м	7 295	нет данных	нет данных
энецкий	enf	м	33	нет данных	нет данных
эрзянский	myv	ж	336 315	1 041 262	0.08
эстонский	est	ж	1 100 000	510 622 720	0.41
южноюкагирский	yux	м	62	нет данных	нет данных
ягнобский	yai	м	8 124	нет данных	нет данных
якутский	sah	ж	450 001	12 642 821	0.20

Источники

1. Comrie, B. (1981). *The Languages of the Soviet Union*. Cambridge University Press.
2. Kornai, A. (2013). Digital language death. *PloS ONE*, 8(10): DOI 10.1371/journal.pone.0077056.
3. Scannell, K. P. (2013). Indigeneous tweets, indigeneous blogs (website).

Даниэль ПИМБЕНТА
директор Фонда сетей и развития FUNREDES
(Санто-Доминго, Доминиканская республика)

Даниэль ПРАДО
ответственный секретарь
Всемирной сети в поддержку языкового разнообразия МААУА
(Буэнос-Айрес, Аргентина)

Исследование положения языков Франции в Интернете: используемые методы и возможные подходы для других групп языков

Аннотация

В данной статье представлена информация о современных исследованиях, посвященных изучению и анализу положения в Интернете как французского языка, так и обширного подмножества языков, на которых разговаривают во Франции, а также методологические соображения, которые могут быть полезны в других странах при разработке похожих подходов для иных групп языков. Статья содержит в себе результаты двух разных исследований, проведенных МААУА²⁷ в 2013 г.: первое касается положения французского языка в Интернете и проводилось на средства МОФ²⁸, а второе, посвященное положению языков Франции в Интернете, было профинансировано Общим отделом французского языка и языков Франции Министерства культуры Франции²⁹.

Введение

С 1998 г. МААУА, действуя напрямую или через некоторых своих членов (Funredes³⁰, проект «Языковая обсерватория»³¹ и Латинский союз³²), провела целый ряд исследований с целью проанализировать роль языков в

²⁷ *Всемирная сеть в поддержку языкового разнообразия*: <http://maaya.org>.

²⁸ *Международная организация франкофонии*: <http://www.francophonie.org>.

²⁹ <http://www.dglf.culture.gouv.fr/>.

³⁰ *Фонд сетей и развития*: <http://funredes.org>.

³¹ *Проект «Языковая обсерватория»*: <http://gii2.nagaokaut.ac.jp/gii/blog/lopdinary.php>.

³² <http://unilat.org/>.

Интернете. В частности, такие организации, как Funredes и Латинский союз, разработали специальную измерительную методологию для определенной группы языков³³ в различных сегментах Интернета. Благодаря такому подходу в период с 1998 по 2008 г. была проведена непрерывная серия измерений. В рамках проекта «Языковая обсерватория» («LOR») с целью оценки доли миноритарных языков были проработаны все языки в большинстве доменов верхнего уровня в Азии и Африке. LOR проводил свои исследования на основе систематического веб-анализа страниц того или иного домена и применения алгоритма распознавания языков, а Funredes и Латинский союз использовали вычислительные возможности поисковой системы со специальной подборкой слов для проведения сравнений между языками.

После 2008 г. использование методики Funredes и Латинского союза было приостановлено вследствие эволюции поисковых систем. «Языковая обсерватория» также больше не проводит систематических измерений. В результате по-настоящему надежных источников для отслеживания изменений не осталось.

Пытаясь найти выход из сложившейся ситуации, МААУА при поддержке Латинского союза, ЮНЕСКО и МОФ разработала крайне амбициозный исследовательский проект DILINET (<http://dilinet.org>). Задачей DILINET было получить финансирование в рамках конкурса проектов 7-й Рамочной исследовательской программы Европейского союза. Две последовательные попытки, в 2012 и 2013 гг., не дали положительных результатов. Сейчас МААУА пересматривает этот проект с катарскими партнерами и рассчитывает в 2014 г. получить финансирование из Исследовательского фонда Катара. В силу того, что DILINET не начал полноценно функционировать, мы уже на протяжении длительного периода времени не имеем точной информации по изменению положения языков в Интернете.

Исследования, методики которых представлены в данной работе, гораздо менее амбициозны, однако дают представление о развитии языка в наиболее видимых сферах Интернета. Это позволяет заполнить пространство и время в ожидании запуска проекта DILINET и сосредоточить свое внимание на отдельных языках (французском и 15 других языках, распространенных на территории Франции³⁴), а также на контенте ряда приложений и способах их целевого использования.

³³ Латинские языки (каталонский, французский, итальянский, португальский, румынский и испанский), а также английский и немецкий.

³⁴ Баскский, бретонский, канакские языки, каталанский, корсиканский, креольский, языки Майотты, языки ойль, окситанский, таитянский, уоллиссский, франкский, франкопровансальский, футунанский, эльзасский.

Предлагаемый подход ориентирован не на единовременный результат, а на то, чтобы на определенном уровне проследить за развитием событий в предстоящие несколько лет. Были разработаны разные подходы для французского языка, одного из крупнейших языков мира и Интернета, с одной стороны, и для подмножества используемых на территории Франции языков, которые могут считаться языками «меньшинств» и обычно называются «языками Франции», с другой стороны.

Предлагаемые подходы для французского и ряда языков Франции, которые были объектом изучения³⁵, могут служить примером и для других языков с большим количеством носителей, таких как французский, или языков, которые используются на определенной территории, но имеют ограниченное количество носителей (и поэтому довольно слабо представлены в Интернете).

В нашей работе описываются методики, использованные в исследованиях, с тем чтобы их можно было заимствовать или адаптировать к другим областям лингвистики. В другой статье (Prado and Pimienta 2014) представлены результаты, полученные с помощью комбинации используемых методик.

Историческая информация и используемый подход

Несмотря на существование целого ряда показателей присутствия французского языка в сфере дипломатии, образования, науки, в международных организациях, в письменном переводе, редактировании и многих других областях (OIF 2010), однозначного мнения относительно представленности французского языка в киберпространстве нет. В последнее время говорится о некоем гипотетическом **8-м месте** в Интернете, при этом уровень понимания предмета явно нельзя считать достаточным.

Простое на первый взгляд стремление измерить «присутствие» французского языка в Интернете на данный момент постоянно трактуется неправильно, что является следствием ограниченного количества информации по этому вопросу и причиной расхождения в цифрах, которые приводят различные источники. Обычно путают два разных показателя:

³⁵ *Количество языков Франции довольно велико, их корни разнообразны, а количество носителей варьируется от нескольких десятков до нескольких миллионов. Наше исследование было сосредоточено только на подмножестве языков, которые могли бы присутствовать в киберпространстве. Таким образом, были исключены нетерриториальные языки (то есть языки, которые берут начало на территориях, не входящих на сегодняшний день в границы Французской Республики, что относится ко многим языкам иммигрантов, например, арабскому) и те из территориальных языков, количество носителей которых составляет менее 50 000, если только они не являются языками обучения.*

-
- оцениваемая доля **пользователей Интернета** – носителей определенного языка;
 - оцениваемая доля **интернет-контента** на определенном языке.

Измерение количества франкоязычных пользователей Интернета и веб-страниц на французском языке – это фундаментально разные задачи, отражающие разные реалии, и им необходимо уделять разное внимание: первая связана с **разрывом в цифровом доступе** (т.е. физическим доступом к Интернету), а вторая – с **разрывом в цифровом контенте**, который гораздо менее осмыслен, однако чрезвычайно важен.

Измерение количества носителей определенного языка подразумевает абсолютно иной подход, нежели измерение количества контента на этом языке. При рассмотрении цитируемых в прессе и некоторых докладах данных относительно «присутствия французского языка» необходимо различать, относятся они к языку пользователей Интернета или к языку контента, доступного в Сети. Следовательно, широко тиражируемое СМИ заявление о том, что французский язык занимает 8-е место в Интернете, имеет смысл только в том случае, если уточняется, что это относится к числу франкоязычных пользователей. Утверждать, что французский язык занимает 8-е место по объему контента, никоим образом нельзя.

Процентное соотношение пользователей Интернета с точки зрения используемого языка

Эти данные взяты из наиболее часто просматриваемого источника – с сайта Internet World Stats³⁶. Достоинство этого источника, несмотря на то, что он не отвечает требованиям точной статистики, как минимум в том, что он существует. Кроме того, это единственный источник, где данные по разбивке интернет-пользователей по языкам регулярно обновляются³⁷. Принцип его работы состоит в определении основных языков, используемых в той или иной стране, и сопоставлении этих данных с данными Международного союза электросвязи (МСЭ) об общем количестве пользователей Интернета в каждой стране. Однако данные для МСЭ предоставляются правительствами, а потому не всегда являются надежными. С одной стороны, некоторые страны пытаются завысить показатели, чтобы продемонстрировать свои успехи в борьбе с цифровым разрывом.

³⁶ <http://www.internetworldstats.com/stats7.htm>.

³⁷ При этом следует отметить, что данные на этом сайте в последний раз обновлялись 31 мая 2011 г., а потому не могут обеспечить полностью актуальную картину присутствия различных языков в Интернете.

С другой стороны, нигде не упоминается, какую методологию использует Internet World Stats для определения доли пользователей – носителей того или иного языка. Сайт Internet World Stats также использует различные маркетинговые источники, и, возможно, у него нет единой методологии. Наконец, этот сайт ограничивается изучением первой десятки самых распространенных языков пользователей Интернета, в отличие от компании GlobalStats, которая давала похожие данные до 2007 г., но потом исчезла (некоторые из этих исторических данных можно получить только с помощью сервиса «Wayback Machine» на сайте archive.org³⁸).

Помимо этого, существует обширная категория публикаций (обычно подготовленных маркетинговыми компаниями), в которых просто приводятся цифры и не разъясняются методики их получения. Эти результаты невозможно подтвердить. Здесь можно привести пример широко разрекламированного в 2001 г. исследования «Inktoni», которое содержало существенные ошибки. Например, когда приводилось процентное содержание количества веб-страниц на ограниченном количестве языков, общая сумма этих долей составляла 100%.

Еще более недавний пример – сайт «W3Techs – World Wide Web Technology Surveys» («Обзоры технологий Всемирной сети»), который позиционируется как источник самой надежной и самой полной информации по поводу использования Интернета. Его преимущество в том, что он делает различие между языком пользователей Интернета и контентом на этом языке, которому посвящена отдельная страница «*Использование языков контента для веб-сайтов*»³⁹. Статистика подсчитывается на основе информации компании Alexa⁴⁰, собирающей данные об использовании Интернета с помощью панели браузера, которую выборка интернет-пользователей соглашается установить на своих компьютерах. За счет этого Alexa получает информацию относительно доступа к наиболее посещаемым сайтам и затем составляет рейтинг 25 млн самых популярных веб-сайтов в Интернете, принимая во внимание, что в Интернете на данный момент существует почти 650 млн сайтов, в том числе 200 млн активных сайтов без дубликатов. Затем сайт W3Techs берет первые 10 млн сайтов из рейтинга Alexa и определяет, на каком языке они созданы, с помощью алгоритма распознавания языка. Замечательно,

³⁸ <http://web.archive.org/web/20041019013615/www.global-reach.biz/globstats/index.php3>.

³⁹ http://w3techs.com/technologies/overview/content_language/all.

⁴⁰ <http://alexa.com>.

что свои данные W3Techs обновляет ежедневно, что позволяет составить временные ряды с момента запуска этого сервиса в июне 2013 г.⁴¹

Еще один интересный момент в работе W3Techs – возможность сопоставлять некоторые данные:

- http://w3techs.com/technologies/cross/top_level_domain/content_language позволяет сопоставлять доменные имена и контент на том или ином языке (так, 27% сайтов на французском языке относится к домену верхнего уровня Франции .fr⁴²);
- http://w3techs.com/technologies/cross/content_language/top_level_domain делает обратное сопоставление (например, 92% сайтов домена .fr представлено на французском языке);
- http://w3techs.com/technologies/cross/content_language/ranking совмещает рейтинги Alexa и языковой критерий (так, 61% из первой тысячи сайтов представлено на английском языке).

Сегодняшние данные W3Tech по английскому языку (54% всех веб-страниц) выше, чем показатели, которые приводили Funredes и Латинский союз в 2007 г. в исследованиях, посвященных романским языкам (44%), и значительно выше, чем наша сегодняшняя оценка (около 34%). Существуют две возможные причины такого расхождения:

1) Управление многоязычием: Funredes и Латинский союз, а также «Языковая обсерватория» сосредоточили свое внимание на веб-страницах и анализируют язык каждой отдельной страницы на каждом отдельном сайте, а языковое исследование W3Tech ориентировано на веб-сайты, и, возможно, в нем в категорию англоязычных занесены все сайты с домашней страницей на английском языке, даже если остальные страницы написаны на других языках.

2) Использование Alexa: поскольку Alexa устанавливается пользователем добровольно, этот браузер является полезным инструментом оценки страниц, которые просматривает данный конкретный пользователь. Однако, для того чтобы последовательно оценить характер использования Интернета, необходимо, чтобы этот инструмент был известен и

⁴¹ См. временные ряды для французского языка <http://w3techs.com/technologies/details/cl-fr-/all/all>, или для языков, присутствие которых составляет более 0,1%, http://w3techs.com/technologies/history_overview/content_language.

⁴² В исследовании Funredes и Латинского союза от 2007 г. приводилась цифра, немногим превышавшая 26%, а количество французских сайтов, размещенных во Франции, составляло тогда 57% (в том числе сайты домена .fr и более общих доменов .com или .org).

использовался в равной мере в различных регионах планеты. А на нынешний момент дело обстоит не так. К тому же Alexa используется для изучения использования Интернета, а не существования веб-страниц; страницы, не посещаемые пользователями Alexa, никак не учитываются. Кроме того, W3Tech изучает только 10 млн самых посещаемых пользователями Alexa сайтов, т.е. 1,5% от всех существующих сайтов (10/650⁴³). Следовательно, эти самые посещаемые сайты обязательно включают в себя основные СМИ и самые известные коммерческие сайты различных стран, в основном западных, среди которых лидируют США, но не всегда научные сайты, или сайты местных и небольших магазинчиков большинства стран мира.

3) Алгоритмы распознавания языков склонны преувеличивать роль английского языка. Рассматривая возможные ошибки этого исследования, следует отметить, что страниц на чешском языке в нем насчитывается больше, чем на корейском, а страниц на китайском меньше, чем на немецком или русском, несмотря на то, что носителей последних двух языков среди пользователей Интернета почти в 10 раз меньше, чем носителей китайского.

И все же даже с такими ограничениями W3Techs дает наиболее привлекательный набор показателей из доступных на сегодняшний день. Следует с удовлетворением подчеркнуть прогресс, которого мы достигли благодаря этому сайту.

Развитие поисковых систем после 2008 г.

После 2008 г. разнообразие поисковых систем сокращалось, и все оставшиеся на рынке универсальные поисковики (*Google, Yahoo, Bing/Live Search, Ask, AOL, Lycos, Excite, Exalead, Teoma*⁴⁴) развивались в одном направлении:

- значительное сокращение проиндексированной части Интернета (от более 80% до менее 10% общего пространства);
- полная потеря доверия к публикуемым данным о частотности ключевых слов;

⁴³ По данным сайта <http://news.netcraft.com/archives/2012/11/01/november-2012-web-server-survey.html>, активными сейчас являются 650 млн веб-сайтов.

⁴⁴ На долю Google сейчас приходится немногим более 80% рынка (по данным сайта http://en.wikipedia.org/wiki/Web_search_engine), однако с 2010 г. наблюдается тенденция к сокращению этого показателя.

-
- повышенная «разумность» системы поиска по ключевым словам, которая привела к потере связи между ключевым словом и результатами (в связи с введением автоматического перевода или синонимов или подразумеваемого исправления орфографических ошибок).

С 2008 г. – и со временем это все заметнее – размер Интернета стал неконтролируемым, и можно считать, что в практическом плане⁴⁵ он приближается к бесконечности. В этой связи в настоящее время по финансовым соображениям невозможно провести всеобъемлющий систематический веб-анализ всей Сети⁴⁶ с помощью поисковых систем; сейчас они могут анализировать менее 5% общего количества веб-страниц⁴⁷.

Одновременно с развитием Веб 2.0 изменилась природа Интернета, и статические страницы (простые страницы HTML) все чаще уступают место динамическим. В то же время коренным образом изменилась топология языков Интернета, и это произошло одновременно со стабилизацией относительного роста изначально хорошо представленных языков (в частности, западных) и резким распространением азиатских языков, а с недавних пор – и арабского. Параллельно изменилась и природа контента: в нем сократилась доля текстовых данных и увеличилась доля аудио и особенно видео (к концу 2012 г. видеотрафик составлял около 50% всего сетевого контента, и прогнозируется дальнейший рост его объема⁴⁸).

В данных условиях количество страниц фиксированного текста на заданном языке может оставаться довольно важным показателем, однако, принимая во внимание усложнившуюся реальность, необходимо создавать другие показатели, лучше отражающие эту сложность, и соглашаться на работу с частями этой мозаики, а не с ограниченным количеством цельных показателей.

⁴⁵ Что означает затраты на вычисление при систематическом анализе Интернета.

⁴⁶ В 2008 г. различные источники (в частности, ныне не существующая поисковая система CUIL, которая, заявляла о том, что проводит анализ всего Интернета) приводили цифру в 127 млрд страниц (см. веб-страницу, которую поддерживает сайт [archive.org: http://web.archive.org/web/20100916001435/http://www.cuil.com/](http://web.archive.org/web/20100916001435/http://www.cuil.com/)).

⁴⁷ Если и есть какая-либо область, в которой отсутствие прозрачности является правилом, то это объем проиндексированных страниц. Очевидно, используются различные уловки (например, не изучать все страницы одного сайта) для сокрытия этих ограничений, и, конечно же, они по-разному используются с различными языками, что представляет собой препятствие для развития языков меньшинств.

⁴⁸ Cisco Visual Networking Index – Forecast and Methodology, 2010–2015. http://www.cisco.com/en/US/solutions/collateral/ns341/ns525/ns537/ns705/ns827/white_paper_c11-481360_ns827_Networking_Solutions_White_Paper.html.

В 2010 г. Латинский союз совместно с Funredes сделал первую попытку представить комплексную реальность разрозненного положения языков в наборе элементов Интернета. Этот первый опыт не завершился отдельной публикацией из-за невозможности полагаться на слишком обширные данные и приблизительности большинства собранных данных; однако косвенным образом эта работа была отражена в целой серии публикаций⁴⁹.

Исследование 2010 г. проводилось во всех направлениях, с тем чтобы выявить признаки изменений и изучить наиболее известные приложения (социальные сети, блогосферу, одноранговые сети, поисковые системы и, конечно, сервисы VOIP⁵⁰, «Википедию» и *YouTube*). Зачастую в отсутствие альтернатив данные выстраивались **на основе географического происхождения трафика на этих приложениях** (в отличие от прямой работы с языками). Эти принципы, способствовавшие выделению другого методологического подхода, были расширены и углублены в нашем новом исследовании.

Методология для французского языка

Предлагаемая методология основана на подходе 2010 г., который был расширен и применен к определенному языку – французскому⁵¹, при этом его сравнивали с другими крупными языками, используемыми в Интернете. В новом исследовании мы ориентировались на максимально возможное число признанных областей применения. Подход с точки зрения географического трафика, который предполагал сбор данных по языковым сообществам, использующим то или иное приложение, был дополнен интенсивными систематическими исследованиями языкового контента этих приложений.

Описываемый подход основан на серьезной открытой работе по сбору информации о языках в интернет-приложениях, компиляции и организации данных, их оценке, подтверждению и проверке с помощью различных отдельных исследований, что в конце концов позволило составить мнение относительно тенденций и комплексных показателей, свидетельствующих о происходящих изменениях⁵².

⁴⁹ См.: *Pimienta 2012, ITU 2010*.

⁵⁰ *Технология Voice over IP (связь по протоколу IP), одним из примеров которой является Skype*.

⁵¹ *Это не исключает полностью работу с другими языками, поскольку она иногда необходима для проведения сравнений*.

⁵² *Для того чтобы составить впечатление о масштабе проведенной работы, следует отметить, что исследование 2007 г. позволило отобрать около 30 ссылок (напр., ресурс <http://socialmediastatistics.wikidot.com/>, дающий представление о распределении твитов и страниц в сети Facebook по языкам). Нашей задачей было собрать, сравнить и оценить как минимум сто ссылок на потенциальные источники для расширения масштаба исследования. Было проверено несколько сотен потенциальных источников, а затем отобрано, проанализировано и классифицировано 200 из них*.

Перечислим ключевые методологические элементы данного подхода:

- изучение пространств и приложений;
- отбор и анализ источников информации о месте французского языка в рассматриваемых пространствах и приложениях;
- демолингвистические данные, использованные для построения прогнозов на основе собранных данных;
- попытка собрать и синтезировать разрозненные данные, дающие значимую информацию о месте французского языка в Интернете, и проследить тенденции на их основе.

Изученные пространства и приложения

Было выявлено около сотни приложений и сетевых пространств, которые могли бы пролить свет на роль языков в Интернете. Тридцать из этих источников были временно исключены, так как не в полной мере обеспечивали надежность и применимость данных; однако после исправления этого недочета соответствующие ресурсы будут использоваться в дальнейшем исследовании.

Ниже представлен список изначально отобранных пространств и приложений (включая те, которые были впоследствии дисквалифицированы) в виде таблиц с разбивкой по типу приложений или пространств.

Технические возможности	Онлайн-книги	Телефоны и планшеты	Короткие сообщения и IP-телефония
Количество пользователей Интернета для заданного языка	Виртуальная библиотека	Смартфоны	Skype
Количество компьютеров в заданной стране	GoogleBooks	Планшеты G3	QQ
Количество веб-сайтов на долю населения	Amazon	SIM-карты для доступа в Интернет	AIM
Отношение количества сайтов к количеству пользователей	GoogleScholar	3G	ICQ
Проникновение Интернета			Yahoo!
Проникновение широкополосного Интернета			
Трафик машинного перевода			
Сетевые языковые инструменты			

Скачивание файлов и передача данных от пользователя к пользователю	Социальные сети	Блоги	Подсчет веб-страниц
Megaupload	Wikipedia	Technorati	W3 Counters
Rapidshare	Facebook	Blogs	WebBoar
Filefactory	Twitter	WordPress	Internet Archive
Depositfiles	LinkedIn	Google Blogs	Google
Hotfile	Viadeo	Blogger	Baidu
Uploading	Xing	Blogspot	Wolfram Alpha
Uploaded	Yahoo	Sina Weibo	MSN
Fileserve	Google+	Technorati	Bing
Mediafire	Windows Live Profile		Foofind
Gigasize	MySpace		Rtbot
Bitshare	Livejournal		CC Search
4shared	Secondlife		Altavista
	Ning		Yandex
	Tuenti		Wikia Search
	Hi5 Orkut		Open Directory Project (DMOZ)
	Badoo		
	Tumblr		
	Instagram		
	Sonico		
	Qzone		
	YouTube		
	Googleplay		

Электронная почта	Поисковые системы	Браузеры	Операционные системы и пакеты приложений
Gmail	Google	Chrome	Windows
Hotmail	Bing	Firefox	Linux
Yahoo	Yahoo!	IE	Mac
Yandex Mail	Yandex	Safari	iOS
iCloud	Baidu	Opera	Android
Outlook	другие	другие	Openoffice
			Microsoft Office
			другие

Проанализированные источники

Были приложены значительные усилия для сбора источников сведений о присутствии языков в Интернете в целом и французского языка в частности. Этот раздел посвящен источникам, на основе которых были получены представленные результаты.

Исходные соображения

Из-за приостановки проектов Funredes и «Языковой обсерватории» образовалось пространство, в котором подавляющее большинство источников приходится на долю компаний, занимающихся бизнес-аналитикой или онлайн-маркетингом и бесплатно отбирающих некоторые разрозненные данные (обычно без раскрытия методологии) в целях продвижения своих платных услуг. Существуют традиционные надежные статистические источники, которые дают полезную информацию для работы по языкам: ООН, ЮНЕСКО, МСЭ, ОЭСР, ЕС и т.д. Кроме того, некоторые консультанты или эксперты, которые стремятся собрать максимум информации о каком-либо отдельном сетевом пространстве или приложении, сталкиваются со схожими проблемами в изучении языкового вопроса в Интернете и делятся результатами на своих сайтах для продвижения собственного опыта. Анализ таких профессиональных сайтов зачастую бывает очень полезен. Благодаря нашей методике и несмотря на некоторые проблемы, сбор столь обширной, хоть и несовершенной информации дает возможность подвести некоторые итоги, разделив проблемы по приложениям (*Wikipedia, Twitter, YouTube, Facebook* и пр.) или областям (поисковые машины, электронная почта и т.д.).

Другое ограничение, которое необходимо учитывать при анализе, состоит в том, что уровень глобализации приложений все больше варьируется. Различные страны и регионы все чаще используют свои специальные приложения, а не крупнейшие мировые продукты (например, *Baidu* вместо *Google* в Китае, «ВКонтакте» и «Одноклассники» вместо *Facebook* в России). Мы должны учитывать этот фактор при сборе количественных данных по использованию языков (или по странам) для какого-либо отдельного приложения или пространства. Поэтому вывод о том, что в непрофессиональных социальных сетях французский язык, например, занимает четвертое место, а в сетях *Facebook* или *Viadeo* – первое, не имеет смысла, поскольку подразумевает, что для всех этих приложений характерно равномерное географическое, а значит, и языковое проникновение. Для получения достоверных показателей относительно места французского языка каждое приложение из категории непрофессиональных социальных сетей должно рассматриваться в зависимости от своей распространенности в мире (общий вес и относительное присутствие в конкретной стране), что выходит за рамки данного исследования.

При первом рассмотрении можно было бы подчеркнуть, что самыми распространенными в мире приложениями являются *Wikipedia*, *Twitter* и *YouTube*⁵³, относительно глобальными – *Facebook* и *Google* за исключением некоторых стран (Китай, Россия, Казахстан, Корея и т.д., которые используют местные поисковые системы) или имеют иные привычки (так, в Японии *Yahoo!* используется гораздо чаще, чем *Google*).

Со многими другими приложениями необходимо быть осторожнее и делать лингвистические выводы, учитывая возможные отклонения в их использовании.

Отбор источников

С 2010 г. мы проанализировали и сохранили несколько сотен потенциальных источников; ведется их постоянный мониторинг с помощью ключевых слов или внешних ссылок. Многие из потенциальных источников были исключены по одной или нескольким причинам из нижеперечисленных:

- область изучения было слишком ограниченной или неполной,
- источники оказались слишком необъективными,

⁵³ Что в меньшей степени верно для *YouTube*, поскольку у этого сайта есть конкурент, занимающий второе место – *Dailymotion*, крупнейшим акционером которого является компания «France Telecom». Он весьма распространен в франкоязычном мире (даже если по названию об этом и не догадаешься) и в будущем может быть перекуплен *Yahoo*.

- данные не обновлялись, или в источниках отмечались значительные расхождения в данных,
- используемая методология не позволяла сравнивать данные,
- используемая методология не показалась нам релевантной, адекватной или достоверной,
- возникали сомнения в надежности источника.

В итоге было отобрано, классифицировано, оценено и ранжировано около 200 источников информации (URL, статьи, книги или др.), которые могут выявить показатели присутствия языков в различных областях.

Классификация источников

Каждый элемент этой подборки оценивался по шкале от 10 (отлично) до 5 (средне); источники с меньшей оценкой были автоматически отброшены. Рейтинг составлялся с учетом различных критериев: релевантности, доверия, доступности, прозрачности методики и т.п.

Ниже представлены результаты классификации:

Рейтинг	10	9	8	7	6	5	<5
Количество источников	6	4	19	37	38	25	59

Для каждого источника были записаны следующие параметры:

- последний год публикации,
- целевая аудитория (весь мир, франкоязычные страны и пр.),
- обновлялся ли источник регулярно,
- тип источника (напр., метаинформация),
- область применения (напр., *Facebook*),
- является ли он специфичным для данного языка.

В дальнейшем эти источники будут храниться в некоем информационно-аналитическом центре, своего рода базе данных веб-ссылок с соответствующими параметрами, для того чтобы можно было продолжать наблюдение. Однако устаревание источников и динамическое создание/удаление интернет-страниц идет так быстро, что упоминать все источники в данной статье нет смысла.

Демографические и демолингвистические данные

Подлинно моноязычные страны – это исключение; правилом же скорее является многоязычие, как, например, во Франции, США, Китае или Камеруне (одной из самых лингвистически разнообразных стран мира) и даже в микросоударствах, таких как Монако, Мальта или Сингапур.

Если мы хотим преобразовать данные по стране (которые в большинстве случаев являются естественными источниками) в данные по языку (которые необходимы для нашего исследования), то необходимо производить подсчет носителей различных языков практически во всех странах мира.

Большинство исследований (и в этом их слабость в лингвистическом плане) приводят данные по стране или региону и пытаются экстраполировать результаты на официальный язык каждой из стран⁵⁴ в тех местах, где дается информация по языку, что является упрощением и влечет за собой значительные ошибки⁵⁵.

Для сравнения французского языка с другими языками необходимо установить достоверные данные по всем языкам мира или, по крайней мере, по языкам, на которых говорят крупные группы населения. Достоверная статистика доступна для языков, которые существуют на четко очерченных территориях развитого мира, имеют официальный статус или определенную защиту и по-прежнему используются диаспорой, которая хорошо изучена. Это верно для многих европейских языков, например, итальянского, литовского, польского и каталанского. Однако задача усложняется для тех языков, которые не отвечают ни одному из вышеперечисленных условий.

Сложности с языками, за которыми не ведется наблюдение

Приводя примеры, которые имели бы значение для французской публики, можно отметить, что в случае с такими языками, как окситанский или франкопровансальский, отсутствие институтов или какой-либо опеки влияет на качество данных о количестве носителей этих языков, хотя на них и говорят в развитых регионах и на четко определенных территориях.

⁵⁴ Один из редких противоположных примеров – это опять же «Википедия», которая приводит замечательные лингвистические данные: http://meta.wikimedia.org/wiki/List_of_Wikipedias/sortable.

⁵⁵ Пропорциональное распределение данных в зависимости от количества носителей – это еще одно упрощение (поскольку цифровой разрыв неравномерно проявляется среди населения и зачастую мигранты имеют меньший доступ к цифровому миру); однако масштаб ошибок, связанных с такого рода упрощением, меньше.

Сложности с языками, имеющими обширный ареал распространения

По некоторым языкам, существующим на достаточно обширной территории и в различных социально-экономических условиях, существует относительно надежная статистика. Это касается, например, французского и испанского языков, благодаря МОФ и Институту Сервантеса, соответственно.

Однако по другим языкам со схожими характеристиками, в том числе английскому, китайскому или португальскому⁵⁶, в различных источниках существуют значительные расхождения, в частности по поводу количества тех, кто использует эти языки в качестве второго (L2)⁵⁷.

Противоречия демолингвистических источников

Ситуацию дополнительно усложняет наличие различных методик подсчета носителей языка в многочисленных демолингвистических исследованиях. Сравнить все доступные исследования по числу носителей всех языков в мире и создать сопоставительную «супертаблицу» – это масштабнейшая задача, выходящая за пределы возможностей данного исследования. Следовательно, немыслимо приравнивать друг к другу результаты различных исследований без их подробного анализа, поскольку мы рискуем поставить на один и тот же уровень цифры, полученные с применением несопоставимых определений или разнородных методик.

Языковая типология

Еще одна проблема, которую необходимо решить, – это типология языков. Если вернуться к примеру окситанского языка, вопрос состоит в том, считать ли носителей гасконского также носителями окситанского или учитывать их отдельно? Если да, то учитывать ли отдельно такие языки, как провансальский, овернский, лангедокский? Некоторые выступают в поддержку такого подхода, другие меньше уверены в его правильности. Следует ли рассматривать немецкий язык в целом или в его многочисленных диалектах, которые иногда очень сильно отличаются друг от друга? Что делать с арабским языком, у которого также очень большое количество разнообразных диалектов? Должны ли мы рассматривать только литературный или классический арабский язык или все диалекты арабского (алжирский, ливанский, египетский арабский и т.д.)? Относится ли ка-

⁵⁶ Хотя Институт Камозенса уже начал давать данные с приемлемым пределом погрешности.

⁵⁷ L1 используется для обозначения носителей языка, а L2 – для обозначения лиц, которые владеют или свободно используют в качестве второго язык, не являющийся для них родным.

лабрийский к неаполитанскому языку, как считают создатели Ethnologue, или это можно сказать только о северном калабрийском, а южный калабрийский следует отнести к сицилийскому, как предлагает «Википедия»?

Лица, использующие язык в качестве второго (L2)

Однако самой острой дилеммой, несомненно, является вопрос о том, как учитывать лиц, которые используют какой-либо из языков межнационального общения в качестве второго. Для них этот язык не является родным, но они владеют им достаточно хорошо, чтобы широко применять. Если для некоторых языков количество таких носителей незначительно повлияет на результаты данного исследования⁵⁸, то ясно, что количество людей, использующих в качестве второго английский, французский, испанский или русский языки, будет иметь существенное значение. Даже если по данным Ethnologue в Гане нет носителей английского языка, для которых он является родным, миллион жителей страны, использующих английский как второй язык, производят больше контента в Интернете, чем 2,5–3 миллиона проживающих в Гане носителей языка эве.

Существуют также примеры того, что для некоторых народов движущей силой обладают несколько языков (английский и суахили в Восточной Африке, английский и хинди в Индии, французский и хауса во франкоязычной Африке и т.п.). Какой язык окажется в таком случае предпочтительнее для использования в Интернете? По данным исследований «Языковой обсерватории» и М. Дики-Кидири (Diki-Kidiri 2007), хауса и суахили явно уступают французскому и английскому, а вот в случае с хинди это происходит все реже.

Хотя существуют некоторые достоверные данные по количеству тех, кто использует французский и испанский языки в качестве второго в странах, где эти языки являются официальными (де-юре и де-факто), невозможно получить точные и соизмеримые статистические данные по использованию основных языков коммуникации⁵⁹ в других странах, где они официальными не являются. При этом обычным делом является существование веб-сайтов на английском языке или их дублирование на английском в тех странах, где он не является официальным языком. Также существует множество сайтов на французском языке в Испании,

⁵⁸ Поскольку это связано с технологиями, которые не всегда широко используются в менее развитых странах, где вторыми языками могут быть, например, кечуа или суахили.

⁵⁹ Английский, французский, испанский, русский, китайский, арабский и т.д.

Германии или США, в связи с чем предыдущие исследования Funredes и Латинского союза показали, что Испания и США производят больше французского контента, чем все страны франкоязычной Африки.

Следовательно, с учетом всей сложности общей картины нам приходилось делать определенный, не всегда полностью удовлетворявший нас выбор, который тем не менее за неимением лучшего позволил нам добиться логичных и измеримых результатов.

Демонингвистический выбор

Чтобы лучше учесть все эти аспекты, мы приняли ряд решений с целью получения наилучшего баланса между однородностью и надежностью демонингвистических данных.

1) Ethnologue для родного языка

При подсчете количества носителей родного языка выбор естественным образом был сделан в пользу ресурса Ethnologue⁶⁰ – единственного источника, который приводит постоянно обновляющиеся данные относительно всех языков мира. Его данные бывают неточными (это как раз касается французского языка) или неполными, а обновления не всегда однородны, однако только он обеспечивает динамические данные по всем языкам мира с применением относительно последовательной методики.

Еще одним из рассматриваемых нами вариантов была «Википедия», однако эта знаменитая энциклопедия не имеет устойчивой методики подсчета носителей языка (и на то есть причина, поскольку по природе своей «Википедия» не дает централизованной информации и каждая статья независима от остальных). И хотя первичным источником в отношении большинства перечисленных в ней языков является Ethnologue, для других языков она использует в качестве источников разрозненные исследования, предлагающие различные методики и потому не сопоставимые друг с другом. Помимо этого, в отношении некоторых языков «Википедия» с осторожностью приводит не точную статистику, а порядок цифр⁶¹.

⁶⁰ После того как мы завершили свое исследование, Ethnologue объявил о публикации новой версии сайта с многочисленными статистическими изменениями. Подчеркиваем, что демонингвистические данные с сайта Ethnologue, использованные в описываемом исследовании, были взяты в мае 2013 г.

⁶¹ Это, в частности, касается английского языка, количество носителей которого в «Википедии» указывается в диапазоне от 309 до 380 млн.

Сообщества профессиональных лингвистов часто весьма критично относятся к Ethnologue, и естественно, что наш выбор может провоцировать определенные затруднения⁶², однако они лишь незначительно затрагивают наше исследование, поскольку по большей части относятся к языкам, определенным в разделе «данные по другим языкам».

2) Различные надежные источники по использованию языка как второго

В том, что касается использования языка как второго, Ethnologue приводит совсем неудовлетворительные данные по некоторым языкам, в том числе английскому, французскому, испанскому и португальскому (по которым в других его разделах есть надежные данные); он послужил нам только в качестве ссылки в тех случаях, когда других вариантов не было. В целом использовались следующие, более достоверные источники:

- по английскому языку: «Википедия» – список стран с классификацией по англоговорящему населению по всему миру⁶³,
- по французскому языку: Международная организация франкофонии⁶⁴,
- по немецкому языку: National Geographic Collegiate Atlas of the World. Willard, Ohio: R.R Donnelley & Sons Company. April 2006, p. 257–299, который цитируется во многих источниках, в том числе в статье «Википедии», посвященной немецкому языку (английская версия)⁶⁵,
- по португальскому языку: Comunidade dos países de língua portuguesa (R & D Unit)⁶⁶,
- по испанскому языку: «El español en el mundo», доклад Института Сервантеса⁶⁷.

3) «Википедия» для демографических данных

После изучения различных источников по поводу демографических данных всех стран мира была использована французская версия «Википедии»⁶⁸, которая собрала самые лучшие и хорошо обновляемые

⁶² В ходе данного исследования было выявлено и отмечено множество проблем.

⁶³ http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_English-speaking_population.

⁶⁴ <http://www.francophonie.org/IMG/pdf/Synthese-Langue-Francaise-2010.pdf>.

⁶⁵ http://en.wikipedia.org/wiki/German_language.

⁶⁶ <http://www.idcplp.net/?idc=30&idi=5623>.

⁶⁷ http://cvc.cervantes.es/lengua/anuario/anuario_12/i_cervantes/p01.htm.

⁶⁸ http://fr.wikipedia.org/wiki/Liste_des_pays_par_population.

источники. Остается лишь одна небольшая проблема (разрешимая): текущая версия, в отличие от предыдущих, не делает демографического различия между заморскими территориями Франции, как это было для Великобритании, США, Норвегии, Нидерландов, Китая и т.д. В сравнительных целях расчеты велись на основании предположения о том, что эти заморские регионы включены в большинство исследований об инструментах Интернета отдельно.

4) Погрешности в результатах по некоторым сегментам

Были представлены две разные модели по отдельным областям или приложениям: одна – с разбивкой по языкам, вторая – с учетом широкого использования основного рабочего языка. Соответственно, мы не приводим точные данные по поводу использования того или иного приложения, а даем диапазон значений, указывающий на относительные позиции французского языка по сравнению с другими языками и относительную долю контента или использования.

5) Разбор отдельных ситуаций

Необходимо было также делать произвольный выбор по отдельным случаям, поскольку в некоторых исследованиях рассматривался макроязык, а в других – только один язык из семьи. В этом случае макроязык был взят как единственный образец, чтобы его можно было сравнивать с другими. Т.е., когда мы говорим о китайском, речь идет обо всех вариантах китайского языка (мандарин, хакка, юэ и т.д.), то же самое верно и для арабского, немецкого, малайского, фулани и других групп языков.

Хотя эти соображения совсем незначительно отразились на результатах данного исследования, главным предметом которого является французский, мы отдельно рассказали о них, поскольку с критической точки зрения может показаться, что наш выбор противоречит рациональным принципам обработки различных вариантов языка.

Глобальная методика оценки

После представления настолько разрозненных результатов относительно места французского языка в Интернете (как родного или второго языка, L1+L2), встает вопрос о возможности составить статистически значимое глобальное представление о нем на основе этих пятидесяти рейтингов по различным пространствам или приложениям. Существует ли надежный способ дать осмысленные и комплексные результаты относительно места французского языка в Интернете?

Кажется ясным, что нет большого смысла определять простое среднее арифметическое рейтингов различных пространств и приложений ни для первого языка, ни для суммы L1+L2. Один из вариантов – сравнить различные классификации в соответствии с относительной значимостью пространства или приложения и получить средний взвешенный результат, который можно учитывать при общей оценке. И наконец, можно определить ряд квалификационных параметров для каждого результата на основе достоверности результата и среднего взвешенного значения с учетом значимости параметров.

Все три метода использовались в целях сравнения, а также для разработки глобального рейтинга, который мог бы включить в себя все результаты и отразить с определенным уровнем точности место французского языка в Интернете.

В итоге **среднее арифметическое взвешенное составляет 7,4 для первого языка и 4,3 для L1 + L2**. Исходя из установленных параметров и собранных результатов, разумно было бы заключить, что общее место французского языка в Интернете, включая все критерии, **находится между 7-м и 8-м для первого языка и между 4-м и 5-м, скорее ближе к 4-му, для L1+L2**.

Сравнение этих результатов с данными о месте французского языка в различных сферах реальной жизни дает основания полагать, что в Интернете французский язык может похвастаться большей популярностью, хотя есть и другие области, где он стоит на еще более высоком месте (например, в международных организациях, создании литературных произведений и переводах).

Для завершения статистической обработки результатов было бы интересно понять, в каких пространствах или приложениях французский язык занимает наиболее высокие позиции:

Тип	L1	L1+L2	
Книги		3	*
Блоги	6,5	3,3	
Приложения	6,7	3,6	
Социальные сети	7	4	
Инфраструктуры	7,9	4	
Пользователи	9	4	*
Контент	8	4,1	
Видео	7	6	*
P2P		6,3	

(*) только один результат для этого типа

Регулярный мониторинг всех этих результатов позволит наблюдать за местом французского языка в Интернете, что весьма полезно для определения мер политики по поддержке и укреплению его присутствия.

Методология для языков Франции

Введение

Отбор

В связи с бюджетными ограничениями изначально не планировалось включать в данное исследование все языки, на которых говорят на территории Франции в широком смысле слова. **Использовался следующий критерий отбора: это должен быть местный язык, насчитывающий более 50 000 носителей или являющийся официально признанным языком обучения.**

Соответственно, были отобраны следующие языки и языковые семьи (*), в алфавитном порядке: **баскский, бретонский, канакский, каталанский, корсиканский, креольский(*), языки Майотты, языки ойль, окситанский(*), таитянский, уоллиссский, франкопровансальский, франкский, футунанский, эльзасский.**

Методика

Естественно, что ряд методических элементов, использованных в той части данного исследования, которая была посвящена французскому языку, будет полезен и для других языков Франции. Однако методика для французского языка, на долю которого приходится несколько десятков миллионов носителей по всему миру и более 4% всего интернет-контента, не может применяться к языкам, чей уровень представленности в Интернете ниже в 10 раз (как у каталанского) или в 100, 1000 или даже 10 000 раз (как у канакского). Причина проста: практически не существует интернет-ресурсов, обеспечивающих данные по классификации отобранных языков в киберпространстве⁶⁹.

Следовательно, требовался подход одновременно менее амбициозный в том, что касается масштаба исследования, и более системный в отношении глубокого исследования ресурсов. Необходимо было не столько

⁶⁹ За исключением, наверное, каталанского языка, который в Испании уже давно и значительно распространен в Интернете и был первым из вышеперечисленных языков, который обзавелся собственным доменом верхнего уровня .cat. Этот домен существует с 2005 г. и сейчас насчитывает более 50 000 субдоменов.

просматривать сайты, дающие информацию о количественном присутствии определенного языка в том или ином приложении или пространстве Интернета, сколько собирать в как можно более полной мере сетевые ресурсы, дающие информацию о присутствии этого языка в Сети. Если в рамках подборки будет получена информация о количественном присутствии определенного языка в некоторых областях Интернета или приложениях, тем лучше. Однако неразумно было бы делать это своей конечной целью.

Основными вопросами являлись следующие:

- Как определить *границы* сайтов, связанных с тем или иным языком?
- Какие *параметры* необходимы для последующей статистической обработки этой подборки сайтов, чтобы она была осмысленной?
- Какая *методика* использовалась для переписи и создания этой подборки?
- Что происходит с языковыми *семьями* в этом исследовании?

Критерии отбора ресурсов

Отобранные сайты должны были быть связаны (прямо или косвенно) с языком (но не с территорией). Например, это должен быть сайт не о Корсике, а о корсиканском языке. Мы не оставляли в нашей подборке сайты туристического характера, если только они не внесли значительный вклад в развитие того или иного языка. Исключительно культурные сайты рассматривались, если были связаны с языком (поэзия или проза на региональных языках, например). Сохранялись ссылки только на те статьи или книги, которые были выложены онлайн в бесплатном доступе. В случае если один сайт воспроизводил содержание другого, мы систематически искали и выбирали оригинальную ссылку.

Итак, среди лучших ссылок (к сожалению, немногочисленных) были веб-сайты, книги, научные работы и даже презентации о присутствии отобранных нами языков в Интернете и/или приводящие данные о них.

Наиболее полезны в этом отношении:

- метассылки о языке (базы данных, зонтичные организации, связанные с данным языком, информационные центры и т.д.);
- лингвистические ресурсы (словари, переводчики и пр.);
- дискуссии по языковым вопросам;

-
- культурологические ресурсы, имеющие прямое отношение к языку;
 - серьезные бесплатные предложения онлайн-языковых курсов;
 - блоги на данном языке или о нем.

Тестирование и сбор данных

Мы использовали пошаговый алгоритм для отбора ссылок для каждого языка:

1) Простой поиск по самому распространенному названию языка в Интернете и поиск основных сайтов с изучением первой сотни результатов.

2) Анализ и обработка выявленных сайтов/страниц, учет связанных с ними внешних ссылок, если таковые имеются и обладают определенным уровнем релевантности.

3) Составление списка веб-сайтов или веб-страниц из связанных ссылок, а далее возврат к предыдущему пункту.

4) Более сложный поиск для завершения процесса с тем же методом для внешних ссылок: *GoogleScholar*, книги, блоги, другие номенклатуры, прочие поисковые системы.

Этот метод, который применялся интенсивно, но в ограниченный промежуток времени (несколько дней на один язык), дал возможность получить реалистичную картину того, что есть в Интернете. Однако необходимо подчеркнуть, что итоговая подборка, особенно на данном этапе развития поисковых систем, не является исчерпывающей. Хотя нашей задачей было дойти до 80% сайтов, отвечающих критериям поиска, многие качественные сайты, которые неправильно проиндексированы, могли ускользнуть от нашего внимания⁷⁰.

Конечно, данный метод может быть повторно использован для различных языков, сайтов или страниц с общей информацией обо всех языках мира или общими данными по всем (или подмножеству) языков Франции. Эти элементы были сгруппированы в две дополнительных категории: «общие» или «языки Франции».

⁷⁰ Именно поэтому усилия по созданию информационного центра должны сопровождаться возможностью для участников приносить свои ссылки или предложения по другим сайтам.

Избранные параметры

При отборе источников учитывались следующие параметры:

- URL;
- описание;
- год;
- наличие обновлений;
- сфера: правительственная, научная, неправительственные организации, личная, деловая;
- тип: научная работа, база данных, библиотека, блог, метаинформация, портал, социальная сеть, языковой ресурс;
- язык: местный язык, французский, немецкий, английский, испанский или несколько;
- количественные данные (да/нет);
- комментарии.

Оценка

Речь не идет о том, чтобы выносить оценочное суждение о ресурсе! Рейтинги были составлены в зависимости от вклада (или близости) к теме «присутствие языка в Интернете».

В результате были присвоены следующие оценки:

9 – выдающийся вклад в обозначенную тему, представлены весомые данные.

8 – большой вклад или интересные данные.

7 – интересный вклад или оригинальные данные.

6 – средний вклад.

5 – косвенная связь с темой.

4 – косвенная связь с темой, но небольшой объем контента.

3 – недоступен, но оставлен в списке как представляющий отдельный интерес.

<3 – удален.

Статистика

В ходе работы было собрано более 1000 ссылок, с разбивкой по языкам от всего чуть более 30 на язык (уоллиссский) до около 250 (окситанский), 10% из них получили оценки выше 8.

На основе этого материала появилась возможность вывести целую серию интересных статистических результатов, которые дают информацию о месте изученных языков в Интернете.

Разбивка результатов по типам дает интересную информацию, как видно из следующей таблицы по нашему подмножеству языков

Типы	Общие	Языки Франции	Бретон.	Корс.	Креольск.	Франко-провансальский	Канак.	Окситан.	Таитян.	В среднем
Публикации	23%	40%	15%	22%	25%	21%	40%	23%	13%	24%
Базы данных	4%	2%	0%	4%	0%	7%	2%	2%	4%	3%
Блоги	0%	2%	6%	22%	2%	6%	8%	15%	0%	9%
СМИ	0%	2%	0%	2%	1%	2%	0%	3%	0%	1%
Мета	14%	7%	16%	2%	10%	2%	5%	2%	19%	9%
Порталы	10%	10%	44%	24%	28%	25%	14%	24%	30%	23%
Языковые ресурсы	48%	38%	18%	23%	31%	28%	26%	30%	28%	29%
Социальные сети	1%	0%	1%	0%	2%	10%	3%	0%	4%	2%
Итого	7%	6%	8%	9%	10%	10%	12%	24%	4%	100%

	Среднее значение	Группа с наиболее высокой долей	Группа с наиболее низкой долей
Сайты на английском языке	10%	общие	окситанский
Сайты на французском языке	48%	языки Франции	таитянский
Сайты на местном языке	7%	корсиканский	языки Франции
Сайты на французском и местном языке	19%	бретонский и корсиканский	языки Франции
Многоязычные сайты	18%	таитянский	корсиканский

И наконец, основные результаты по языкам представлены в следующей таблице

Язык	Использование сообществом в целом	Присутствие в Интернете	Характеристики
Баскский, корсиканский	Ограниченное	Сильная динамика	Сбалансированное присутствие, в том числе в местных органах власти
Бретонский, франкопровансальский, окситанский	Ограниченное	Хорошая динамика	Поддержка со стороны населения, но необходимо большее поощрение со стороны местных органов власти
Франкский, языки ойль	Ограниченное	Затруднено	Низкий интерес со стороны научных кругов и местных органов власти (за исключением языка галло)
Креольские языки, канакский, футунанский, языки Майотты, таитянский, уоллиссский	Достаточно значительное	Слабое (за исключением таитянского)	В основном продвигают академические круги
Эльзасский, каталанский	Относительно активное	Хорошее	Сбалансированное присутствие, в том числе в местных органах власти

После обработки всех статистических данных изученные языки были распределены по следующим категориям:

1. Языки, которые ограничено используются в том или ином регионе, однако демонстрируют сильную динамику развития в Интернете, в равной мере поддерживаются различными секторами, в том числе местными органами власти: это корсиканский и баскский языки. В этой группе корсиканский отличается сильной поддержкой местных властей и участием граждан. В отношении баскского языка, напротив, более активны неправительственные организации и частный сектор.

2. Языки, которые ограничено используются в регионе, демонстрируют сильную динамику развития в Интернете с помощью граждан, однако не всегда пользуются поддержкой местных органов власти: окситанский, бретонский и франкопровансальский. В этой категории следует отметить активную роль частного сектора в случае бретонского языка, но слабую и практически отсутствие таковой – для окситанского и франкопровансальского. Зато наблюдается высокий уровень гражданского участия в случае окситанского и еще больший – для франкопровансальского.

3. Языки, которые ограничено используются в регионе и не очень динамично развиваются в Интернете: языки ойль и франкский. Без поддержки местных органов власти и при низком уровне интереса со стороны академических кругов они в основном пользуются поддержкой неправительственных организаций и волонтеров.

4. Языки, которые активно используются в регионе, но слабо представлены в Интернете: креольские языки, канакский, футунанский, языки Майотты, таитянский и уоллиссский. Их поддерживают научные круги (что примечательно, большей частью вне сообщества), но поддержка со стороны местных органов власти низкая. Частный сектор, в особенности туристический, активно продвигает таитянский и креольские языки, средне – языки Майотты, слабо – канакский, и совсем не продвигает уоллиссский.

5. Языки, которые относительно активно используются в регионе и присутствуют в Интернете: эльзасский и каталанский. Они оба пользуются сбалансированной поддержкой всех секторов, хотя их реальная ситуация очень разная. В случае эльзасского языка большинство ссылок относится к местному сообществу. Что же касается каталанского, местные органы власти, научные круги, а также общественные организации готовы оказывать ему поддержку, однако усилия, которые предпринимает в этом отношении Каталония, во многом удовлетворяют потребности носителей каталанского, что сдерживает другие местные инициативы.

Заключение

В данной статье представлены первые многообещающие результаты в той области, которая еще не изучалась систематически. На следующем этапе было бы желательно создать открытый ресурсный центр, в котором различные участники могли бы хранить свои работы, для поощрения диалога между активистами различных языков Франции.

Этот подход может быть применим и к другим странам, в которых существует большое разнообразие миноритарных языков, таким как Германия, Испания, Италия или Россия.

Общие выводы

Оба методологических подхода, предложенных в этой области, для которой был характерен затяжной кризис, позволяют частично закрыть имеющиеся информационные пробелы в отношении присутствия языков в Интернете и вносят оригинальный вклад в развитие данной темы. Есть основания полагать, что они могут быть адаптированы без внесения значительных изменений к другим языкам, а не только к французскому и положению языков Франции.

Источники

1. Albuquerque, A., Esperança, J. P. (2010). El valor económico del portugués: lengua de conocimiento con influencia global. http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano/contenido?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/zonas_es/lengua+y+cultura/ari127-2010.
2. Barbara, W. (2000). What global language, *The Atlantic Monthly* 286: 5, pp. 52–66.
3. Calvet, L. J. (2002). *Le marché aux langues*. Paris. Plon.
4. Calvet, L. J. (2012). Poids des langues (Baromètre Calvet). <http://wikilf.culture.fr/barometre2012/>.
5. ConseilsMarketing (2010). Etude sur les blogueurs francophones. <http://www.conseilsmarketing.com/e-marketing/resultats-de-lecture-sur-les-blogueurs-francophones>
6. Crystal, D. (1997). *English as a global language*, Cambridge University Press.
7. Crystal, D. (2000). *Language Death*, Cambridge University Press.
8. Crystal, D. (2006). *Language and the Internet*, 2nd Edition, Cambridge University Press, (ISBN-13: 9780521868594 | ISBN-10: 0521868599).
9. DGLFF (2011). Fiche repères: Le numérique au service de la langue française et des langues de France. http://www.dglff.culture.gouv.fr/publications/Reperes12_Numerique.pdf.

-
10. DGLFF (2013). Rapport au Parlement sur l'emploi de la langue française, 2013. http://www.dglff.culture.gouv.fr/publications/Reference13_Synthese%20du%20Rapport%20au%20Parlement%20sur%20l%27emploi%20de%20la%20langue%20fran%C3%A7aise.pdf.
 11. Diki-Kidiri, M. (2007). Comment assurer la présence d'une langue dans le cyberspace? UNESCO-Union latine. <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001497/149786f.pdf>.
 12. European Commission (2011). Flash Eurobarometer: User Preferences On Line. http://ec.europa.eu/public_opinion/flash/fl_313_en.pdf.
 13. European Union (2012). Special Eurobarometer 386 Europeans and their Languages Report. http://ec.europa.eu/public_opinion/archives/ebs/ebs_386_en.pdf.
 14. Franchini, P. (2013). Le français sur l'Internet, réalisé pour la Sous-direction de la diversité linguistique et du français du Ministère français des Affaires étrangères.
 15. Gomes, D., Silva, M. J. (2005). Characterizing a National Community Web. <http://xldb.fc.ul.pt/daniel/gomesCharacterizing.pdf>.
 16. Graddol, D. (1997). The Future of English? British Council. <http://www.britishcouncil.org/learning-elt-future.pdf>.
 17. Graddol, D. (2006). English Next, British Council. <http://www.britishcouncil.org/learning-research-english-next.pdf>.
 18. Grefenstette, G. & Nioche, J. (2001). Estimation of English and non-English Language use on the WWW. Technical report from Xerox Corporation Center Europe. <http://arxiv.org/ftp/cs/papers/0006/0006032.pdf>.
 19. ITU (2010). World Telecommunication/ICT Development Report 2010 – Monitoring the WSIS Targets. A mid-term review, Target 9 (content), pp. 175-192, 2010. <http://www.itu.int/pub/D-IND-WTDR-2010>.
 20. MAAYA (2012). Net.Lang : Réussir le cyberspace multilingue, C&F Edition. <http://net-lang.net/>.
 21. Maurais, J., Morris, M. (eds.) (2003). *Languages in a globalizing world*, Cambridge University Press.
 22. Millan, J. A. (2005). La lengua en el medio digital: un reto político. <http://jamillan.com/lenmedi.htm>.

-
23. OIF (2001). *Trois espaces linguistiques face aux défis de la mondialisation*. Paris, Organisation Internationale de la Francophonie.
 24. OIF (2010). *La langue française dans le monde, édition 2010*. Organisation Internationale de la Francophonie, Nathan.
 25. Paolillo, J., Pimienta, D., Prado, D. et al. (2005). Mesurer la diversité linguistique dans l'Internet, UNESCO. <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001421/142186f.pdf>.
 26. Pereira, J. P. (2011). O Google quer um mundo em que todos se entendam. http://publico.pt/Tecnologia/o-google-quer-um-mundo-em-que-todos-se-entendam_1489868?all=1.
 27. Pierre, J. (2007). La langue au cœur du numérique, les enjeux culturels des technologies de la langue, DGLFLF.
 28. Pimienta D. (2001). Quel espace reste-t-il dans l'Internet, hors la langue anglaise et la culture "made in USA" ?, dans "Nord et Sud numériques", Les Cahiers du Numériques, Vol 2, No 3/4 Hermès, Numéro spécial sur la fracture numérique.
 29. Pimienta, D. (2011). Chapter 4, Linguistic Content, in: *Making The Web More Effective For Supporting Economic And Social Development*, World Wide Web Foundation.
 30. Pimienta, D., Prado, D., Blanco, A. (2009). Douze ans de mesure de la diversité linguistique dans l'Internet: bilan et perspectives, UNESCO. <http://unesdoc.unesco.org/images/0018/001870/187016f.pdf>.
 31. Prado, D., Pimienta, D., Lemoulinier, A. (2010). Diversité linguistique et cyberspace : état de l'art, enjeux et opportunités, Cosmopolis. http://agora.qc.ca/cosmopolis.nsf/Articles/no2010_1_Diversite_linguistique_et_cyberspace__etat_de_l?OpenDocument.
 32. Suzuki, I., Mikami, Y. et al. (2002). A Language and Character Set Determination Method based on N-gram Statistics, *ACM Trans. on Asian Language Information Processing*, Vol 1 N3, pp. 270–279.
 33. Union Latine (2010). Présence, poids et valeur des langues romanes dans la société de la connaissance, actes de la journée d'étude du 30 avril 2010 sous la direction de Daniel Prado.

Сетевые ресурсы

- Обсерватория португальского языка: <http://observatorio-lp.sapo.pt/pt>.

-
- Латинский союз: http://dtil.unilat.org/LI/2007/index_fr.htm.
 - Фонд сетей и развития FUNREDES: <http://funredes.org/lc>.
 - Летний институт лингвистики, «Ethnologue: языки мира»: <http://www.sil.org/Ethnologue>.
 - CIRAL, Междисциплинарный центр исследований языкового планирования Университета Лавалья: <http://www.ciral.ulaval.ca>.

Фризский язык и его представленность в Интернете

1. Введение

Фризский язык – это родственный английскому германский язык, на котором говорят в северо-западной Европе. Он главным образом распространен в провинции Фрисландия в современных Нидерландах. Его разновидность – западнофризский язык, которому дали такое название, чтобы отличить от других ветвей, распространенных в Германии (северофризский и восточнофризский языки). Западнофризский, восточнофризский и северофризский языки не являются взаимопонимаемыми.

В Средние века Фрисландия была мооязычной и автономной. Старофризский был официальным языком правительства и многих сохранившихся с того времени юридических документов. Однако с XVI в. в качестве официального языка Нидерландов в залах правительства, суда, в сфере образования и религии использовался голландский язык. Фактически фризский язык не использовался в письменной форме до своего возрождения в конце XIX в., в результате которого язык постепенно вновь стал использоваться в большем количестве сфер.

В настоящее время фризский имеет официальный статус второго государственного языка в Нидерландах и в последние десятилетия во Фрисландии занял определенное место наряду с голландским в правительстве, суде и в сфере образования. Сейчас население Фрисландии составляет около 650 000 человек, для половины из которых фризский язык является первым, но понимают его в той или иной степени практически все. Значительное число граждан владеет также навыками чтения и письма благодаря присутствию фризского языка в сфере образования, однако в силу того, что такое положение он занял только после Второй мировой войны, многие представители старшего поколения все еще используют только голландский язык.

В прошлом использование языка во Фрисландии можно охарактеризовать как ситуацию стабильного двуязычия (фризский язык использовался в сельских районах и неофициальных сферах, голландский – в городах и официальных сферах). На протяжении XX в. голландский язык также занимал прочное положение и во многих неофициальных сферах, в основном вследствие миграции и смешанных браков. Таким образом, си-

туацию с использованием фризского языка можно было охарактеризовать как своего рода неофициальный (и рецептивный) полилингвизм. В действительности общее отношение к фризскому языку стало более положительным, и теперь его принято использовать в большем количестве сфер (радио, газеты, социальные сети и т.д.).

Работа Фризской академии и Европейского центра по исследованию многоязычия и изучения языков «Mercator» посвящена изучению миноритарных языков Европы. Фризская академия в основном занимается историей, литературой и культурой западнофризского языка. В данной статье мы рассмотрим, как новые технологии применяются для сохранения фризского языка и как изменяется его использование.

2. Фризский язык в сфере образования

Определенную роль в начальном образовании фризский язык играет с 1907 г., когда правительство провинции предложило грант в поддержку проведения уроков фризского языка в послеурочное время. Фризский в то время преподавали как факультативный предмет. Законодательные нормы использования фризского языка появились только с 1937 г. вместе с поправками к Акту об образовании 1920 г. Тем не менее фризский язык еще не был официальным языком обучения. В 1950 г. девять начальных школ начали эксперимент с образованием на двух языках и в 1955 г. получили официальное признание. Фризский язык стал предметом по выбору в начальной школе, и было разрешено использовать его в качестве языка обучения в младших классах. К 1959 г. число двуязычных школ выросло до 47.

С 1980 г. фризский язык преподается во всех начальных школах Фрисландии, где он также используется в различной степени как язык обучения наряду с голландским. В начальной школе преподавание исключительно на фризском языке не осуществляется, хотя некоторые дошкольные группы обучаются только на фризском. В средних классах также возможно преподавание некоторых предметов на фризском языке, но это происходит не часто. В начале 1980-х гг. данный предмет предлагался в 25% всех средних школ на выборной основе, хотя только около 5% всех учащихся воспользовались этой возможностью. С 1993 г. фризский язык является обязательным в течение первых двух лет среднего образования.

Были инициированы специальные проекты в сфере трехязычного образования. Например, в настоящий момент фризский, голландский и английский языки используются совместно в качестве языков обучения в пятидесяти начальных школах Фрисландии. Фризская академия выступает координатором этих проектов и проводит оценку их результатов.

2.1. Новые технологии в образовании

Для целей дошкольного образования в 1996 г. был начат проект «Томке», (<http://www.tomke.nl>). Томке (Томке) – мультипликационный персонаж, говорящий на фризском языке, который был создан с целью продвижения многоязычия и весьма популярен среди маленьких детей (чаще всего в возрасте от двух до пяти лет). Проект «Томке» включает книги, журнал, фильмы и некоторые товары по франшизе. Первоначально мультфильмы про Томке демонстрировались только на региональном телевизионном канале *Omrop Fryslân*, а впоследствии издавались на DVD. Однако, так как сейчас они также доступны на *YouTube*, у учителей и родителей есть возможность показывать их в любое время. Это способствовало более широкому использованию мультфильмов и позволило фризскому языку попасть в дом практически любой фризландской семьи, где есть дети.

Новые технологии сделали образование на фризском языке гораздо более привлекательным для детей и гораздо более удобным для учителей. Новый метод обучения, *Studio F*, в настоящий момент применяется в более чем 80% школ Фрисландии. С февраля 2013 г. можно получать доступ к цифровым материалам в учебных классах при помощи цифровых досок, персональных компьютеров и планшетов. Сайт *Studio F* (<http://www.studiof.nl>) предоставляет учителям и ученикам доступ к потокам видео- и аудиоданных, интерактивным играм и учебным материалам. Интерактивный характер образовательных материалов весьма привлекателен для детей. Похожий метод обучения, *Freemwurk* (<http://www.freemwurk.nl>), пользуется популярностью в средней школе: ежегодно создается около 2500 отдельных аккаунтов.

В некоторых школах используется дистанционное обучение, и этот метод особенно полезен, когда группы учащихся слишком малы и не могут оплачивать работу учителей фризского языка. Некоторые учителя используют на своих занятиях возможности *Twitter*, давая задания ученикам отправлять твиты на фризском языке и исправлять ошибки в твитах, полученных от их одноклассников.

3. Фризский язык в медиaprостранстве

3.1. Печатные издания

На фризском языке издается относительно большое количество литературной продукции, примерно 100 наименований книг ежегодно. Ни ежедневных, ни еженедельных газет на фризском языке не выпускается. Ежемесячные журналы на фризском языке, такие как *De Moanne*, имеют ограниченный тираж.

3.2. Театр и музыка

Во Фрисландии есть одна профессиональная фризскоязычная театральная группа, которая чрезвычайно популярна. В большинстве городов и деревень также есть любительские фризскоязычные театральные студии. Ежегодно выпускается примерно 20 наименований компакт-дисков популярной фризской музыки.

3.3. Радио и телевидение

С 1994 г. региональный телеканал *Omrop Fryslân* обеспечивает один час регионального вещания в день и порядка тридцати часов вещания на фризском языке ежегодно во всех Нидерландах (по воскресеньям). *Omrop Fryslân* также обеспечивает более восьмидесяти часов радиовещания на фризском языке в неделю, в том числе около двадцати минут в неделю отводится на школьные радио- и телепрограммы. У *Omrop Fryslân* есть сайт, на котором регистрируется около 700 000 посещений в месяц. Компания также разработала приложение для смартфонов и планшетов, которое было скачано свыше 70 000 раз. На станцию *Omrop Fryslân* в *Twitter* подписаны более 16 000 отдельных лиц и организаций, а его страница на *Facebook* получила около 4000 «лайков». Практически все общение там ведется на фризском языке. Подобное сочетание используемых медийных форматов (телевидение, радио и Интернет) оказалось весьма успешным.

4. Afûk и продвижение фризского языка

Algemene Fryske ûnderjocht Kommissje (далее Afûk, <http://www.afuk.nl>) – культурно-просветительское учреждение в Леувардене, задачей которого являются продвижение знаний о Фрисландии и поддержка использования фризского языка в традиционных и новых медиа. Издательский дом Afûk выпускает многочисленные книги на фризском языке, особое внимание уделяется образовательным материалам, детским книгам и ежемесячному журналу о культуре на фризском языке *De Moanne* (<http://www.demoanne.nl>). Afûk также организует языковые курсы фризского языка, в том числе и для носителей этого языка, имеет переводческую службу *Stipepunt Frysk*, которая обеспечивает перевод текстов с/на фризский язык.

4.1. Afûk и новые технологии

Наравне с этими традиционными методами Afûk применяет новые технологии. Его аккаунт в *Twitter* (@praatmarfrysk) и страница на *Facebook* могут похвастаться примерно 6000 пользователей каждый. Ежегодно в третий четверг апреля Afûk организует День «Твиттера» на фризском

языке (the Frisian Twitterday). В День «Твиттера» в 2013 г. почти 10 000 твитов на фризском языке были отправлены в двадцать пять стран – от США до Австралии. Твиты просмотрели около 6 млн человек. Кампания *Praat mar Frysk* вдохновляет многих людей отправлять твиты на фризском языке хотя бы раз в год, а по возможности и чаще. Доступ к новым медиа сделал эту кампанию намного более эффективной. Это история успеха, которая могла бы служить примером для любого миноритарного языка.

Afûk также проводит онлайн-обучение на *eduFrysk*. Это хороший пример того, как новые технологии могут открыть широкий спектр возможностей для изучения и преподавания языка. С 2010 г. свыше 4500 человек зарегистрировались на сайте. Для студентов с различным уровнем знаний предназначена программа, предлагающая обучение языку вместе с рассказом о фризской культуре с использованием тщательно отобранных текстов, музыки и песен. Данный ресурс также включает подкасты и игры, которые особенно ценят младшие пользователи. Другие его характеристики включают персонализированные профайлы и виртуальные сообщества, которые позволяют пользователям общаться друг с другом и использовать язык в дружеской и неформальной беседе. Разработаны специализированные учебные модули для отдельных целевых групп, например, для специалистов в области юриспруденции или медицины. *eduFrysk* могут воспользоваться как студенты, изучающие в данный момент фризский язык, так и те, кто никогда ранее его не учил. Эмиграция из Фрисландии в такие страны, как Канада и Новая Зеландия, привела к тому, что дети обнаруживают, что их дедушки и бабушки говорят на совершенно непонятном для них языке. *eduFrysk* позволяет людям с фризскими корнями узнать больше о родине их родителей или дедушек и бабушек, а также о фризском языке.

Наконец, Afûk создал онлайн-словарь, широко известный под названием «*wat wurd it*», который переводит слова с голландского языка на фризский и наоборот. Он доступен на различных сайтах, а не только на сайте Afûk. Afûk ежедневно популяризирует какое-нибудь фризское слово при помощи *wurdboek* и различных медиа. Использование новых медиатехнологий привело к тому, что Afûk стал ближе к жителям Фрисландии, и они могут использовать его ресурсы практически в любое время.

Другая история успеха – это появление и использование «Википедии». Фризская версия этой многоязычной энциклопедии, которая стартовала в начале нашего века, сейчас насчитывает около 30 000 страниц, а число пользователей продолжает расти. Таким образом, применение новых технологий сделало фризский язык доступным для людей во Фрисландии и за ее пределами.

5. Фризская академия

Главным авторитетом в области фризского языка является Фризская академия. Она была основана в 1938 г. с целью поддержания научного подхода к фризскому языку, фризскому народу и фризской культуре. Сегодня она включает кафедры истории, лингвистики и социальных наук.

5.1. Кафедра лингвистики и новые технологии

Кафедра лингвистики проводит лингвистические исследования по всем периодам развития фризского языка. В настоящий момент организованы специальные проекты по фризской фонологии и грамматике и лингвистическим характеристикам разговорного фризского языка в городской и сельской среде. Академия широко использует новые технологии. Например, было собрано несколько языковых корпусов, в частности корпус нового фризского языка (25 млн слов), который представляет собой цифровую коллекцию фризских книг, научных журналов и газетных статей. Тексты в этом корпусе служат инструментом для проведения научных исследований по современной фризской культуре. Корпус со временем появится в свободном доступе в Интернете.

Создание *Словаря фризского языка (Wurdboek fan de Fryske Taal (WFT))* стало итогом одного из важнейших проектов Фризской академии. В рамках проекта WFT был подготовлен словарь современного фризского языка (начиная с 1800 г.), опубликованный в формате книги ежегодно в период с 1984 по 2011 г. Сбор материалов был завершен в 2011 г., и теперь онлайн-версия (<http://gtb.inl.nl>) доступна в Интернете из любой точки мира. Другими результатами лексикографической работы Фризской академии являются фризско-английский и фризско-фризский словари, а также специализированные словари, например юридический. Интернет способствовал более интенсивному сотрудничеству с другими исследователями языков меньшинств, в частности, обмену научно-исследовательскими работами и сравнению результатов. Кафедра лингвистики внесла большой вклад в сохранение фризского языка – прежде всего посредством разработки словарей и их дальнейшей оцифровки, а также создания новых (онлайн-овых) цифровых приложений.

С 2011 г. кафедра разрабатывает фризскоязычный ресурс *Taalweb*, объединяющий новую онлайн-овую программу проверки правописания, программу машинного перевода (*Oersetter*) и словарного портала. Смысл создания *Taalweb* в том, чтобы поощрять людей к использованию фризского языка в повседневной рабочей деятельности, предлагая удобные прило-

жения и включая множество практических примеров в сервисы перевода/ проверки правописания.

Отделение фризского языка также является частью кафедры лингвистики. Данная служба, с которой можно связаться по электронной почте, свободно отвечает на вопросы по орфографии, формулировкам или терминологии и может дать совет по структуре текстов на фризском языке. Она также специализируется на переводе на фризский технических текстов, таких как нотариальные акты, и прочих официальных и технических документов. Можно также получить информацию по географическим названиям во Фрисландии и за рубежом, по компьютерной терминологии, внутреннему судоходству и т.д.

5.2. Кафедра социальных наук и новые технологии

Кафедра социальных наук изучает фризское общество. Многоязычие как центральная тема представляет собой отправную точку для многих проектов, которые включают:

1. Многоязычие и языки меньшинств:

- Регулярное изучение использования языка во Фрисландии;
- Фризский язык за границей: язык эмигрантов;
- Технологические разработки в изучении языка;
- Доступность онлайн-материалов для изучения языка;
- Когнитивное воздействие многоязычия на детей;
- Региональные разновидности разговорного фризского языка.

2. Исследования в сфере образования. Работа кафедры в области многоязычного образования включает поддержку и оценку деятельности в сфере образования, с особым вниманием к следующим аспектам:

- оценка политики провинции в сфере образования в 2007–2014 гг.;
- овладение языком и развитие языка у маленьких детей;
- трехязычные школы;
- технологические разработки в сфере образования.

Часть этих мероприятий проводится Европейским центром по исследованию многоязычия и изучения языков «Mercator» (<http://www.mercator-research.eu>), который отвечает на растущий интерес к многоязычию и увеличивающуюся потребность в лингвистических сообществах для обмена

опытом и сотрудничества в рамках Европы. Факультет социальных наук применяет новые технологии почти во всех аспектах своей работы, используя онлайн-анкеты и такие социальные сети, как *Twitter*, *Facebook* и *LinkedIn*.

5.3. Кафедра истории и новые технологии

Кафедра истории занимается изучением истории, литературы и топонимов Фрисландии, уделяя первостепенное внимание историческим источникам. Новые технологии оказали большое влияние на ее работу. Собрания были оцифрованы и размещены в свободном доступе в Интернете. В качестве примера можно назвать сайт проекта HISGIS (<http://www.hisgis.nl>), название которого расшифровывается как «Историко-географическая информационная система» (Historical Geographic Information System). Это пакет цифрового программного обеспечения, который способствует уточнению географической и исторической информации. Первоначально были оцифрованы самые старые кадастровые карты Фрисландии (с 1832 г.), по ссылкам можно перейти к более поздним версиям, текстам и иллюстрациям, которые могут быть в той или иной форме взаимосвязаны. На сайте любой человек может осуществить поиск по историческим географическим картам и картам владений. Фризская академия постепенно дополняет данный сайт картами других регионов Нидерландов.

5.4. Европейский исследовательский центр «Mercator»

Европейский центр по исследованию многоязычия и изучению языков «Mercator» является важной частью Фризской академии. Он призван удовлетворить растущий интерес к многоязычию и увеличивающуюся потребность в лингвистических сообществах для сотрудничества и обмена опытом в рамках Европы. Центр собирает и привлекает профессиональные знания в сфере изучения языка в школе, дома, а также посредством участия в культурной деятельности в поддержку лингвистического разнообразия в Европе.

Во всех проектах «Mercator» Фрисландия используется в качестве живого примера билингвальной «лаборатории». Для фризского языка Центр разработал региональное досье, которое представляет собой обновленное описание положения миноритарного языка на всех уровнях образовательной системы. Структура данного досье позднее была использована для описания свыше сорока миноритарных языков в других государствах-членах ЕС. Таким образом, эти досье также могут быть использованы для сравнительного исследования. В 2012 г. региональные досье были скачаны более 12 000 раз. Более подробную информацию о других видах де-

тельности Европейского исследовательского центра «Mercator» можно найти на сайте <http://www.mercator-research.eu>.

В рамках Фризской академии Исследовательский центр «Mercator» также возглавляет исследование влияния новых медиа на языки меньшинств. Недавно «Mercator» начал исследование, посвященное изучению влияния социальных сетей на использование языка. Во-первых, будет проанализировано использование языка фризскими подростками в социальных сетях. Только что было завершено изучение 6000 твитов пятидесяти представителей данной возрастной группы. В обычный день на фризском языке пишется 13% твитов, в то время как на голландском языке – 65%. Когда твиты направляются на один или более адресов, начинающихся с @, доля сообщений на фризском языке увеличивается до 25%. В целевой группе исследования (24 юноши и 26 девушек) фризские юноши оставляют больше твитов на фризском, чем девушки. В День «Твиттера» на фризском языке (Frisian Twitterday) фризский язык используется целевой группой гораздо чаще: 53% сообщений на фризском языке, на голландском – 29% (в 2013 г.). Для проверки результатов и более детального изучения использования языка с учетом различных контекстов, исходных демографических данных и других переменных исследование будет продолжено при помощи крупномасштабной онлайн-анкеты. Анкета будет распространяться в социальных сетях, а также в средних образовательных учреждениях.

Собранные твиты на фризском языке также анализируются с лингвистической точки зрения. Результаты данного анализа, в частности, будут использованы для дальнейшей оптимизации новой программы проверки правописания, которая разрабатывается Фризской академией. Уже сейчас можно отметить интересное явление – фонетическое написание, примеры которого были обнаружены в процессе анализа твитов на фризском языке. Фонетическое (неправильное) написание будет включено в новую программу проверки орфографии. В программу будет добавлено много вариантов, основанных на современном написании слов; это сделает ее еще более практичной. По результатам анализа также можно отметить регулярное переключение с одного языка на другой: голландские и фризские слова и знаки часто перемешаны в одном сообщении.

Стоит сказать, что многие исследователи задаются вопросом о значимости социальных сетей и обеспокоены качеством используемого в них языка. Социальные сети нередко ограничивают физические возможности пользователя, пример тому – отправка и просмотр текстовых сообщений с небольших мобильных телефонов и крошечных экранов или ограничения программного обеспечения, в частности, лимит в 140 зна-

ков в сообщениях *Twitter*. По этой причине молодое поколение ощущает потребность разрабатывать своего рода «турбоязык», в котором слова часто заменяются символами или укорачиваются до одного или двух знаков.

6. Заключение

В Европе растет осознание значимости лингвистического разнообразия, потребности говорить на разных языках и важности защиты языков, находящихся в опасности. Случай фризского языка показывает, что новые технологии могут играть в этом все более важную роль. Преимущество социальных сетей в том, что они могут активизировать использование миноритарных языков в неформальном письменном общении, как это произошло с фризским языком у молодежи, и усилить чувство причастности к миноритарной языковой группе. Только время покажет, помогут ли новые технологии спасти фризский язык, но на данный момент отмечаются положительные сдвиги.

Сетевые ресурсы

Дополнительную информацию можно найти на следующих веб-сайтах о фризском и других миноритарных языках:

- Вебсайт Фризской академии: <http://www.fryske-akademy.nl>.
- Общая информация о фризском языке и его родстве с другими языками: <http://www.languages-on-the-web.com/links/link-frisian.htm>.
- Вебсайт фризско-американского автора Питера Тирсма: <http://www.languageandlaw.org/FRISIAN/FRISIAN.HTM>.
- Культурно-просветительский институт, специализирующийся на образовании на фризском языке: <http://www.afuk.nl>.
- О первой интерактивной книге для детей: <http://www.berneboek.nl>.
- Сайт об использовании фризского языка в повседневной жизни и способах содействия этому: <http://www.praatmarfrysk.nl>.
- Домашняя страница Исследовательского центра «Mercator» (на сайте находится ряд региональных досье, информация о сети школ, база данных организаций и библиография, а также большое количество ценных ссылок по миноритарным языкам): <http://www.mercator-research.eu>.

-
- Европейская сеть центров по исследованию многоязычия «Mercator» и портал для партнеров сети: <http://www.mercator-network.eu/>.
 - Сайт сети, объединяющей около 100 школ в Европе, в которых обучение проходит на региональных и миноритарных языках (поддерживается Центром «Mercator»): <http://www.networkofschools.org>.
 - Информационная сеть по вопросам образования в Европе «Eurydice» (сайт предоставляет информацию по всем европейским системам образования и политике в сфере образования): <http://www.eurydice.org>.
 - Каталог языков мира «Ethnologue»: <http://www.ethnologue.com>.
 - Информация о поддержке региональных или миноритарных языков на сайте Совета Европы: <http://europa.eu.int/comm/education/langmin.html>.
 - Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств (1992 г.) и Рамочная конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств (1995 г.): <http://conventions.coe.int/>.
 - Фонд языков, находящихся под угрозой исчезновения: <http://www.ogmios.org>.

Источники

1. Bangma, I., van der Meer, C., Riemersma, A. (2011). *Trilingual Primary Education in Europe; some developments with regard to the provisions of trilingual primary education in minority language communities of the European Union*. Fryske Akademy publication.
2. Cenoz, J., Gorter, D. (2005). Trilingualism and minority languages in Europe. In: *International Journal of the Sociology of Language* 171: 1–5.
3. Gorter, D. (2012). *Minority languages and new technologies: solutions and threats*. Unpublished paper presented at the European Expert Seminar on Social Media and Lesser Used Languages, Fryske Akademy.
4. De Graaf, T., Tiersma, P. (1980). Some phonetic aspects of breaking in West-Frisian. In: *Phonetica* 37: 109–120.
5. European Charter for Regional or Minority Languages. *Explanatory Report*. (ETS no. 148) (1998). Strasbourg: Council of Europe.

-
6. Extra, G., Gorter, D. (2008). The constellation of languages in Europe: an inclusive approach. In: G.Extra and D.Gorter (eds.), *Multilingual Europe: Facts and Policies*, 3–60. Berlin: Mouton de Gruyter.
 7. Gorter, D. (2005). Three Languages of Instruction in Fryslân. *International Journal of the Sociology of Language* 171: 57–73.
 8. Jones, E. H. G., Uribe-Jongbloed, E. (2013). *Social Media and Minority Languages. Convergence and the Creative Industries*. Bristol: Multilingual Matters.
 9. Jongbloed-Faber, L., Van der Meer, C. & Klinkenberg, E. (2013). Language use and social media of Frisian Adolescents. Unpublished raw data. Fryske Akademy.
 10. Riemersma, A., de Jong, S. (2007). *Frisian. The Frisian language in education in the Netherlands (4th edition)*. Ljouwert: Mercator Education [Regional Dossiers Series]. On-line at www.mercator-research.eu.
 11. Sijens, H. & Dykstra, A. (2013). *Language Web for Frisian*. E-Lex 2013 conference on electronic lexicography. Talinn. (Forthcoming).
 12. Tiersma, P. M. (1985, 1999). *Frisian Reference Grammar*. Dordrecht: Foris Publications.
 13. Ytsma, J. (2007). Language use and language attitudes in Friesland. In: D. Lasagabaster and A.Huguet (eds.), *Multilingualism in European Bilingual Contexts (Language use and attitudes)*, 144–163. Clevedon: Multilingual Matters.

Харальд ХАММАРСТРЕМ

научный сотрудник,
Институт психолингвистики им. Макса Планка (Нидерланды)
(Стокгольм, Швеция)

***Glottolog*: бесплатный полный интерактивный библиографический онлайн-указатель языков мира**

База данных *Glottolog* (<http://glottolog.org>) включает *библиографический указатель* описательных материалов по языкам мира (эта часть известна также как LangDoc) и *классификатор* мировых языков. *Glottolog* является постоянно обновляемым бесплатным ресурсом, доступным для просмотра, поиска и скачивания.

Библиографический указатель *Glottolog* был создан в целях восполнения недостатка всеобъемлющих и доступных библиографических данных в мировом масштабе. Существуют и другие крупные библиографические указатели, однако у всех из них имеются те или иные недостатки. Например, библиографический указатель SIL⁷¹ к базе данных *Ethnologue* (Lewis et al. 2013) содержит большое количество библиографических записей по менее известным языкам, однако ограничен лишь сферой деятельности Летнего института лингвистики (SIL). База *Bibliographie Linguistique*⁷² не ограничивается работами из какого-то одного источника, однако в ней часто отсутствуют ссылки на дипломные работы и диссертации, а также на работы из малых стран, которые составляют значительную часть всего объема информации. Кроме того, доступ к данному ресурсу является платным. База *Worldcat*⁷³ представляет собой колоссальное собрание, однако в ней также отсутствуют крупные разделы ссылок на материалы из наиболее важных стран. Кроме того, в основе ресурса отсутствует систематический подход к вычленению необходимых тематических языковых публикаций или языков. *Google Books*⁷⁴ даже превосходит *Worldcat* по сфере охвата, однако в том, что касается менее известных языков, также не имеет систематического подхода к выделению необходимых языковых публикаций или языков.

⁷¹ <http://www.ethnologue.com/bibliography.asp>.

⁷² <http://bibliographies.brillonline.com/browse/linguistic-bibliography>.

⁷³ <http://www.worldcat.org>.

⁷⁴ <http://books.google.com>.

Всеобъемлющий характер библиографического указателя *Glottolog* объясняется соблюдением следующих принципов:

1. Включение *максимально объемной документальной информации (MED)*.
2. Включение «как можно большего количества информации».

Это означает, что для малого языка, документация по которому ограничивается лишь списком слов, указание на таковой должно содержаться в базе *Glottolog*. Для более крупных языков, по которым существует бесчисленное количество статей/книг, база должна содержать большой объем словарных/текстовых/грамматических указаний, однако не обязательно ссылки на все до единого материалы, когда-либо написанные по этому языку (хотя их количество не ограничивается). По сути, в *Glottolog* учитываются лишь опубликованные или размещенные в общественном доступе материалы, в отличие от неопубликованных работ и рукописей, существование и доступность которых трудно подтвердить. Включаются также ссылки на дипломные работы и диссертации, поскольку в принципе к ним можно получить доступ через соответствующее учреждение, давшее на это разрешение.

Поскольку в мире существует более 7000 языков, практика получения ссылок на максимально объемную документальную информацию в высшей степени нетривиальна. Кроме того, составление документации по языкам и их описаний является в значительной мере децентрализованным процессом, который вот уже несколько столетий осуществляет миссионерами, антропологами, путешественниками, натуралистами, любителями, колониальными чиновниками, этнографами и не в последнюю очередь лингвистами. В сущности же систематического исследования описательных материалов по языкам мира никогда не проводилось, хотя по крайней мере Аделунг (Adelung 1820) и Шмидт (Schmidt 1926) могли позволить себе провести таковое во времена, когда эта задача была еще не столь масштабной.

В таком случае закономерен вопрос: кто разбирается во всем этом смутном множестве библиографических ссылок? Ответ базы *Glottolog* таков: специалистам по языковым семьям или областям известны библиографические ссылки на материалы по соответствующим семьям/областям. Они пишут справочники и обзоры, в частности библиографические указатели, сравнительные/описательные обзоры и обзоры социолингвистической направленности. Следуя этой логике, для получения всеобъемлющего

перечня нужно изучить все эти справочники и обзоры и собрать ссылки (подробнее см. Hammarström and Nordhoff 2011). Задача по изучению всех справочников/обзоров может оказаться ничуть не менее масштабной, их в мире существует больше, чем языков (более 8100; их перечень с соответствующими метками также приведен в *Glottolog*). Однако такая работа лучше систематизирована, поскольку страны, области и семьи языков легче поддаются подсчету и нумерации.

Помимо строго систематизированного собрания ссылок, *Glottolog* включает в себя все доступные библиографические указатели. В табл. 1 приведена подборка наиболее крупных библиографических баз данных, доступ к которым предоставлен их составителями. Полный перечень с исчерпывающим описанием библиографических списков – источников и указанием их происхождения размещен в Интернете по адресу: <http://glottolog.org/langdoc/langdocinformation>. Общее количество ссылок после выявления и исключения дублирующих друг друга записей составляет на данный момент 193 407. Это не все, что было когда-либо написано по каждому из языков, однако в базе содержится максимально развернутое описание, касающееся каждого языка.

Таблица 1. Некоторые из существующих библиографических ресурсов и их объем, содержание, аннотация и время, когда была отображена информация

	Порядковый № ссылки	Содержание	Область распространения	Охват	Аннотация		Дата
EBALL	60 164	Все	Африка	Полный	100%	Я, Т	2009
НН	34 197	ОД	Весь мир	85%?	100%	Т	2014
Fabre	30 176	Все	Южная Америка	Полный	100%	Я	2009
SIL	18 464	В основном ОД и МП	Весь мир	70%?	100%	Я, Т	2009
MPIEVA	13 966	Все	Весь мир	?	62–93%	Я, Т	2009
SILPNG	13 110	В основном ОД и МП	Папуа	Полный	100%	Я, Т	2004
ANLA	11 627	В основном ОД и Р	Аляска	Полный	100%	Я	2012
OZBIB	10 377	В основном ОД	Австралия	Полный	100%	Я	2010
WALS	5 633	В основном ОД	Весь мир	?	99%	Я	2005

Я = язык, Т = тип, ОД = описательные данные, МП = местные публикации, Р = рукописи

Для оптимизации возможностей в области отбора и фильтрации материала ссылки в *Glottolog* снабжены аннотациями. С точки зрения лица, осуществляющего поиск, чем более подробными являются содержание и аннотация, тем лучше; однако с точки зрения составителей, более подробные аннотации означают больший объем работы, если только процесс не является (полу)автоматическим. В целом мы имеем доступ лишь к самой библиографической ссылке (автор, название, год публикации и т.д.), а не к документу, на который она указывает. Таким образом, на основе количества страниц или слов, присутствующих в названии, можно сделать некоторые выводы. Например, часто в заголовке фигурирует название рассматриваемого языка (языков) (см. ниже), однако мы не можем утверждать, имеется ли в данной работе глава/раздел, посвященные прилагательным, и включены ли в список слов числительные. В аннотациях указывается язык и тип описания, что является неким компромиссом между желаемым результатом поиска, аннотированием и (полу)автоматическим процессом. Что касается языка, то ссылки помечаются языковым кодом (кодами)⁷⁵ ISO-639-3. Это позволяет осуществлять поиск области распространения, числа носителей и т.д. В настоящее время ведется работа над реализацией идеи указания в аннотации информации надъязыкового уровня, например (под)семьи, или более низкого уровня, например (суб)диалекта (ср. Sussow and Good 2013). В отношении типа описания ссылки в *Glottolog* снабжаются аннотациями согласно порядку, приведенному в табл. 2. Приблизительно для половины ссылок аннотации составляются вручную, часто путем перевода аннотационной схемы, использованной в библиографическом указателе – источнике; другая половина снабжается аннотациями в автоматическом режиме на основе слов в заголовке ссылки. По сути, ссылка с названием «Грамматика языка тойя» (подробнее см. Hammarström 2008, 2011) позволяет сделать предположение о типе описания («грамматика») и языке («тойя»). Поскольку в автоматически генерируемых аннотациях показатель ошибок значительно выше, чем в аннотациях, составляемых вручную, для каждой ссылки отмечается способ составления аннотации; по этому критерию информацию можно отфильтровать. Однако оценка качества, требующая специальных знаний, выходит за пределы сегодняшней сферы охвата *Glottolog*.

⁷⁵ См. <http://www.sil.org/iso639-3/default.asp>.

Таблица 2. Типология описаний, применяемая в *Glottolog*

Тип	Объяснение
Грамматика	Описание большинства элементов грамматики (~ 150 стр. и более)
Краткий обзор грамматики	Менее развернутое описание многих элементов грамматики (~ 50 страниц)
Словарь	~ 75 страниц и более
Текст	Текстовый материал
Особенности	Описание какого-либо из элементов грамматики (например, система классификации имен существительных, морфология глаголов и т.д.)
Список слов	~ 200 слов
Минимальный	Небольшое количество морфем
Обзор	Документ, содержащий метаданные о языке (например, где он используется, степень неразборчивости для носителей других и т.д.)

Веб-сайт *Glottolog* предоставляет варианты простого поиска по ссылкам, простого поиска по языкам и (под)семьям, а также развернутого поиска по ссылкам и под(семьям) одновременно. В последнем случае, например, можно задать поиск всех грамматик африканских языков семитской подсемьи, изданных в 1984 г.

Примерный вид окна *Glottolog* при просмотре результата поиска по запросу о языке саха (якутском) представлен на рис. 1. Дерево классификации языка саха показано вверху слева, а география его распространения – на карте справа. По дереву можно перемещаться, а приведенные внизу ссылки объясняют, почему язык помещен в данный (под)класс. Классификация осуществляется в соответствии с единым во всем мире стандартом⁷⁶, предьявляемым к доказательствам в отношении семей/языков/областей. Поскольку эти доказательства в отношении большинства языковых семей не являются бесспорными, «стрелки» вкратце указывают на доводы в поддержку каждого из вариантов со ссылками на соответствующую литературу и комментарии, если это необходимо. В перечне, помещенном внизу страницы, приведены библиографические ссылки, относящиеся к языку саха. Данный перечень можно отфильтровать, отсортировать или скачать.

⁷⁶ Для получения более подробной информации см.: glottolog.org/glottolog/glottologinformation.

The screenshot shows the Glottolog website interface. At the top, there is a navigation bar with 'Home', 'Languages', and 'Langdocs'. Below this, the 'Yakut' language page is displayed. On the left, a tree view shows the classification of Turkic languages, with 'Yakut' highlighted under 'North Siberian Turkic'. A map on the right shows the location of Yakutia. Below the map, there are sections for 'Classification references', 'References', and a table of search results.

Details	Name	Title	Year	Pages	Doctype	Provider
Elizaveta I. Ubrigatova and L. N. Zaitonov and N.E. Petrov 1992.		Grammatika sovremennoego jakutskogo literaturnogo jazyka: Fonetika i morfoloĭija		1092	grammar	nh
Ubrigatova, Elizaveta I. 1976		Issledovanie po sintaksisu jakutskogo jazykapredlozhenie	1976		wordlist	npieva
Pallas, Peter Simon 1796, 1799		Linguarum totius Orbis Vocabularia	1796		wordlist	nh, eobll

Рисунок 1. Примерный вид окна Glottolog при просмотре результата поиска

Существует возможность скачивания всей базы данных *Glottolog*⁷⁷, включающей классификатор и библиографический указатель, в том числе ее старых версий. Версии, начиная с *Glottolog* 2.3, архивируются для долгосрочного хранения с помощью системы DOI⁷⁸ («Digital Object Identifier»). Данные также доступны на ресурсе *Linked Open* (см. Forkel 2014).

Источники

1. Adelung, F. (1820). *Uebersicht aller bekannten Sprachen und ihrer Dialekte*. St.Petersburg: Nic. Gretschn.
2. Cysouw, M. & Good, J. (2013). Languoid, Doculect, Glossonym: Formalizing the notion “language”. *Language Documentation and Conservation* 7. 331–359.
3. Forkel, R. (2014). The Cross-Linguistic Linked Data project. In: C. Chiarcos, J. P. McCrae, P. Osenova & C. Vertan (eds.), *3rd Workshop on Linked Data in Linguistics: Multilingual Knowledge Resources and*

⁷⁷ Со страницы загрузок <http://glottolog.org/meta/downloads>.

⁷⁸ See <http://dx.doi.org/10.5281/zenodo.10899>.

Natural Language Processing, 60–66. Reykjavik, Iceland: European Language Resources Association (ELRA).

4. Hammarström, H. (2008). Automatic annotation of bibliographical references with target language. In: *Proceedings of MMIES-2: Workshop on Multi-source, Multilingual Information Extraction and Summarization*, 57–64. ACL.
5. Hammarström, H. (2011). Automatic Annotation of Bibliographical References for Descriptive Language Materials. In: P. Forner, J. Gonzalo, J. Kekäläinen, M. Lalmas & M. de Rijke (eds.), *Proceedings of the CLEF 2011 Conference on Multilingual and Multimodal Information Access Evaluation* (LNCS 6941), 62–73. Berlin: Springer.
6. Hammarström, H. & Nordhoff, S. (2011). LangDoc: Bibliographic Infrastructure for Linguistic Typology. *Oslo Studies in Language* 3(2). 31–43.
7. Lewis, P. M., Simons, G. F. & Fennig, C. D. (2013). *Ethnologue: Languages of the World*. 17th edn. Dallas: SIL International.
8. Schmidt, W. (1926). *Die Sprachfamilien und Sprachenkreise der Erde* (Kulturgeschichtliche Bibliothek. Reihe 1, Ethnologische Bibliothek 5). Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung.

Дитрих ШЮЛЛЕР

член Президиума,
руководитель Рабочей группы по сохранению информации
Межправительственного Совета
Программы ЮНЕСКО «Информация для всех»
(Вена, Австрия)

Апокалипсис в мире магнитных лент: к вопросу о сохранении языкового и культурного разнообразия в киберпространстве

«Как предотвратить утрату аудиовидеодокументов, обеспечивающих сохранение языкового разнообразия и устных культур» – таково было авторское название доклада на II Международной конференции «Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве», которая прошла в Якутске в июле 2011 г.⁷⁹

Доклад был посвящен уникальной роли аудио- и видеозаписей как документов, обеспечивающих сохранение языкового и культурного разнообразия человечества, и их незаменимости для документирования и изучения устной речи, музыки, танцев, обрядов и других визуальных и акустических феноменов культуры. Многие научные дисциплины возникли только в связи с развитием технологий аудио- и видеозаписи в конце XIX в. Появление портативного аудио- (начиная с 1950-х гг.) и видеозаписывающего (с 1980-х гг.) оборудования привело к стремительному увеличению числа аудиовидеоколлекций по всему миру, которые составляют сейчас основу наших современных знаний в соответствующих дисциплинах. В отличие от традиционных текстов аудиовидеодокументы подвержены большому количеству особых рисков: они непрочны и, будучи машиночитаемыми, нуждаются в специальном оборудовании для воспроизведения. Данная ситуация делает невозможным сохранение оригиналов документов традиционным способом, что уже примерно к 1990 г. привело к изменению системы хранения, суть которого заключается в том, чтобы сконцентрировать усилия на сохранении *содержания (контента)* путем извлечения контента с исходных носителей и перевода его в цифровые файлы и в сохранении этих файлов за счет постоянного цифрового – и, таким образом, не допускающего потерь – переноса с одной платформы хранения на другую. Применение данной системы привело к тому, что по-

⁷⁹ Со страницы загрузок <http://glottolog.org/meta/downloads>.

степенно хранение аудио-, видео-, а с недавнего времени и кинозаписей стало частью мира информационных технологий. Данный процесс, называемый в разговорной речи оцифровкой, требует надлежащей логистики и финансирования. Архивы радио и телевидения, а также национальные архивы богатых стран уже начали или даже завершили его, в то время как развивающиеся страны отстают по причине нехватки финансирования. В особой опасности – во всех частях мира – находятся документы исследований, так как они по большей части находятся вне архивных хранилищ (в более узком смысле слова), что приводит к непониманию рисков и необходимости немедленных действий.

По сравнению с 2011 г., в 2013–2014 гг. ситуация выглядит куда более драматично: количество доступной аудиовидеотехники в рабочем состоянии снижается с устрашающей скоростью. По оценкам на 2011 г., предполагалось, что на решение проблемы у нас есть еще 10–15 лет, но эти сроки необходимо пересмотреть, особенно в отношении оборудования для воспроизведения магнитных лент. В последнее время особое беспокойство было связано с выпуском последней партии воспроизводящих головок для Studer A 807, самого популярного и распространенного в мире современного магнитофона, используемого для оцифровки аналоговых магнитных аудиозаписей. Воспроизводящая головка – это основа процесса выделения сигнала, та деталь, которая конвертирует магнитную информацию на ленте в электронный сигнал для последующей оцифровки. Воспроизводящие головки являются деталями высокой четкости, их качество большей частью зависит от специализированного производственного оборудования и – самое важное – от опыта технического персонала. По инициативе Технического комитета Международной ассоциации звуковых и аудиовизуальных архивов (IASA) был размещен общий заказ на 600 головок воспроизведения. Это будет последняя партия изделий – после выполнения заказа компания прекратит свою деятельность. Срок службы головки составляет от 2000 до 3000 часов, и маловероятно, что когда-либо еще удастся дополнительно выпустить высокоточные головки после того, как последняя партия будет израсходована.

Аудио- и видеовоспроизводящие головки крайне важны для устройств воспроизведения магнитной ленты, однако дело не только в недоступности запасных деталей: датчики, двигатели, механизмы выключения являются высокоспециализированными запасными частями, которые вряд ли можно произвести отдельно, а заменить вышедшие из строя микросхемы («чипы») после прекращения производства будет невозможно. Для аналоговых аудиомэгнитофонов нужна соответствующая лента – сегодня ее производит лишь одна компания. Кроме того, для воспроизведения

аудио- и видеопленок необходимы и более простые детали, такие как ремни, шкивы, прижимные валики, а также такие комплектующие, как ракорды, склеечные ленты, катушки и кассеты, и в последнее время достать их все труднее.

Удручающая ситуация с запасными деталями усугубляется вследствие снижения качества профессиональных услуг и навыков. Производители больше не поддерживают в надлежащем состоянии оборудование устаревших форматов, а высокоспециализированные инженеры достигли пенсионного возраста. Сегодня ответственность за профессиональное обслуживание переходит к аудиовидеоархивам, но только некоторые из них могут продолжать оказывать подобные услуги в том объеме и на том уровне, которые раньше обеспечивали производители оборудования.

Менее драматичная ситуация складывается с воспроизведением записей с механических аудионосителей, в частности грампластинок, которые также называют долгоиграющими или виниловыми. С 1980-х гг. они уступали по популярности компакт-дискам, но в настоящее время наблюдается «возрождение винила», что несколько улучшило положение дел в сфере воспроизведения дисков для механической записи. Однако рассчитывать на аналогичное развитие событий в отношении воспроизведения магнитной ленты не приходится.

Реалистично оценивая ситуацию, мы вынуждены предположить, что через несколько лет проиграть даже самые популярные и распространенные форматы магнитных аудио- и видеопленок будет невозможно; подобная участь уже постигла многие форматы видеозаписи, такие как Video 2000, Betamax или МП, которые в свое время не смогли завоевать рынок. В результате значительное число коллекций магнитных пленок может быть утрачено, несмотря на их физическую целостность, вследствие отсутствия оборудования для воспроизведения. Такое развитие событий повлияет не только на профессиональный мир, оно также затронет компакт-кассеты и кассеты MiniDV, которые массово производились и использовались в личных целях.

Для того чтобы предотвратить эту утрату – или, по крайней мере, минимизировать ее, – Рабочая группа по сохранению информации Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» предложила ЮНЕСКО провести просветительскую кампанию «Апокалипсис в мире магнитных лент». Кампания призвана информировать правительства и заинтересованные стороны об опасности, угрожающей документам, которые хранятся на магнитных лентах. Сообщества программы «Информация для всех» и программы «Память мира», архивные НПО, а также научные сообщест-

ва будут участвовать в процессе оценки качественных и количественных показателей при помощи краткой анкеты на сайте ЮНЕСКО. На основе полученной информации будет разработан конкретный план действий.

Данная кампания стартует осенью 2014 г., к концу года мы планируем получить результаты, на основе которых в начале 2015 г. будет разработан план действий. Этот план предусматривает не только действия просветительского характера и будет во многом зависеть от реакции государств-членов и заинтересованных научных/культурных институтов и организаций.

В заключение хочу напомнить, что одной из ключевых миссий ЮНЕСКО являются защита и развитие языкового и культурного разнообразия человечества. Письменные документы не могут в полной мере представить разговорные языки, диалекты и такие передаваемые устно культурные феномены, как музыка, танец и обряд. Таким образом, аудиовидеодокументы обеспечивают фиксацию языкового и культурного разнообразия и устных культур, а следовательно, их сохранение тесно связано с ключевой миссией ЮНЕСКО.

Неспособность сохранить аудио- и видеодокументы станет беспрецедентным примером пассивного разрушения первоисточников, подрывающим основополагающие принципы научно-исследовательской деятельности. Без подобных первоисточников подтверждение современных знаний, равно как и новая их интерпретация в свете эволюции научного и культурного интереса, будут невозможны.

Такая потеря в конечном счете значительно сократит ресурсы языкового и культурного разнообразия в киберпространстве.

Источники

1. Публикации Технического комитета Международной Ассоциации Звуковых и Аудиовизуальных Архивов (IASA) (<http://www.iasa-web.org/iasa-publications>):
 - The Safeguarding of the Audio Heritage: Ethics, Principles and Preservation Strategy, edited by Dietrich Schüller. (= IASA Technical Committee – Standards, Recommended Practices and Strategies, IASA TC-03), Version 3, 2005. (Также доступно на немецком, французском, шведском, испанском, русском, итальянском и китайском языках.)
 - Guidelines on the Production and Preservation of Digital Audio Objects, edited by Kevin Bradley. (= IASA Technical Committee –

Standards, Recommended Practices and Strategies, IASA TC-04).
Second edition, 2009.

- Handling and Storage of Audio and Video Carriers, edited by Albrecht Häfner and Dietrich Schüller. (= IASA Technical Committee – Standards, Recommended Practices and Strategies, IASA TC-05), 2014.
2. Schüller, D. (2008). Audiovisual research collections and their preservation. http://www.tape-online.net/docs/audiovisual_research_collections.pdf.
 3. Schüller, D. (2012). Challenges for the Preservation of Audiovisual Documents. A General Overview. In: L. Duranti and E. Shaffer (eds.), Proceedings of the Conference “The Memory of the World in the Digital Age”, 26–28 September 2012, Vancouver, Canada. 863–869. http://www.ciscra.org/docs/UNESCO_MOW2012_Proceedings_FINAL_ENG_Compressed.pdf.

Адольф КНОЛЛЬ
заместитель директора по науке и
международному сотрудничеству
Национальной библиотеки Чешской Республики
(Прага, Чехия)

Международная агрегация многоязычного контента в цифровой библиотеке «Manuscriptorium»

Введение

Оцифровка библиотечных фондов в нашей библиотеке началась благодаря отдельным проектам очень давно, в частности, с работы над первыми проектами в поддержку программы ЮНЕСКО «Память мира» в 1992 и 1993 гг. Таким образом, возникло несколько продуктов, которые показали, что цифровые технологии – даже на ранней стадии развития – могут способствовать охране редких рукописей, исключая прямой физический контакт с редкими рукописными памятниками и тем самым замедляя их повреждение в процессе изучения.

Эта идея привела нас к созданию первого Центра оцифровки рукописей в нашей библиотеке в 1995–1996 гг. С тех пор оцифровка рукописей стала составной частью регулярной библиотечной работы. В 2000 г. в рамках дотационных программ Министерства культуры Чешской Республики нам удалось создать несколько подпрограмм, касающихся производства цифровых данных, в том числе и подпрограммы поддержки оцифровки рукописей и старых редких печатных изданий. Кроме этого, начали работать также подпрограммы ретроспективной конверсии каталогов, охраны и оцифровки периодических изданий и пр. Начинается оцифровка рукописей с помощью отдельных годовых проектов и в других научных и публичных библиотеках, музеях, архивах, монастырях, а также в библиотеках, сохранившихся при чешских замках. Проект Национальной библиотеки Чешской Республики становится национальным проектом, работающим на основе единых технических стандартов.

Постепенно пробуждается интерес ученых к онлайн-доступу к цифровым копиям рукописей и редких изданий, поэтому в 2003 г. начинается работа цифровой библиотеки рукописей «Manuscriptorium» («Манускрипториум»). Она содержит прежде всего документы, оцифрованные в рамках вышеуказанной национальной программы, кроме того, в

нее включаются важные каталоги рукописей, а также возникает желание обогатить ее информацией о рукописях и редких документах, которые имеют отношение к нашей культурной традиции. Этот интерес появляется не только у нас, но и в некоторых зарубежных библиотеках. Необходимо иметь в виду, что границы государств в Средней Европе раньше часто изменялись и многие государства входили в состав Священной Римской империи, на территории которой наблюдалось развитие подобных подходов к созданию рукописей и широкий культурный обмен. Эта территория охватывала в разные времена такие современные государства, как Германия, Австрия, Чехия, Словакия, Швейцария и Люксембург, север Италии и запад современной Польши (Силезия). Носителем культурного сходства являлось и западное христианство, так что в Европе можно говорить о западноевропейской рукописной традиции – в отличие от славянской (славянские рукописи, написанные кириллицей), греческой и еврейской. На протяжении веков в связи с военными и другими событиями большое количество этих рукописей меняло место своего нахождения, поэтому очень важно попытаться объединить их хотя бы виртуально в единой цифровой библиотеке. Кроме того, в европейских библиотеках находятся также рукописи и старинные книги неевропейского происхождения, например, в фондах нашей библиотеки есть интересные арабские, персидские, османские и индийские рукописи.

По этим причинам к «Manuscriptorium» начинают подключаться и некоторые иностранные библиотеки, первой из которых была Университетская библиотека г. Вроцлава (Польша). Основное развитие агрегации контента из-за рубежа происходило далее в рамках европейского проекта «ENRICH», которым наша библиотека руководила в 2007–2009 гг. и в котором приняло участие 18 партнеров из ряда европейских стран. С тех пор «Manuscriptorium» еще больше расширился благодаря дальнейшим европейским проектам в рамках программы «Культура» и различным двусторонним инициативам.

Проблематика метаданных

Когда в 1995 г. мы решили приступить к ежедневной оцифровке рукописей, нам стало ясно, что надо максимально освободиться от влияния конкретных программных средств на доступ к цифровому содержанию. Поскольку тогда в мире не было достаточно надежных и реальных комплексных подходов к решению этой проблемы, мы пошли своим путем и стали строить собственный подход на платформе SGML. Так возник язык, названный нами DOBM, – на его основе мы работали до 2002 г. Любой подход предполагает наличие не только описания документа, но

и его структуры и репрезентацию путем цифровых изображений, к которым мы сочли целесообразным добавлять и определенное количество технической информации с целью верного воссоздания цифровой копии в компьютерной среде таким образом, чтобы показать рукопись в точности в том виде, в каком она была во время оцифровки. Наш подход к оцифровке документов разных видов (мы показали, что таким образом можно обработать, например, и звуковые записи) представлен на компакт-диске, изданном в 1999 г. Он был рекомендован ЮНЕСКО как образцовый для программы «Память мира»⁸⁰.

В 2002 г. мы перешли на платформу TEI. Это случилось благодаря разработке нового подхода к электронному описанию рукописей, являющегося продуктом европейского проекта «MASTER», в котором мы также приняли участие. Мы обогащаем master.dtd⁸¹ структурными элементами и элементами, которые делают возможным хранение технической информации о процессе оцифровки и о самих цифровых изображениях. Расширенный стандарт masterx.dtd⁸² фактически использовался как национальный стандарт оцифровки рукописей в нашей стране до 2009 г., когда он был заменен стандартом enrich.dtd⁸³, разработанным в рамках проекта «ENRICH» на платформе TEI P5.

В отличие от предыдущих стандартов, enrich.dtd был создан как стандарт обмена данными или, точнее, как единая платформа для агрегации оцифрованных рукописей (а также старых печатных изданий), поэтому он поддерживает только кодирование описания рукописи и ее структуры, в том числе и изображений, которыми структура реализуется. С учетом пожеланий партнеров проекта «ENRICH» этот стандарт внедряется как внутренний стандарт цифровой библиотеки «Manuscriptorium», т.е. не только как формат обмена данными, но и как формат их агрегации в единой базе данных. Это стало возможно благодаря тому, что нам удалось в ходе разработки стандарта учесть требования двух основных подходов к описанию рукописей в электронной среде – библиотечного и научного.

С точки зрения требований к описанию рукописей библиотечный подход, осуществляемый в большинстве случаев на основе формата MARC и

⁸⁰ *Digitization of Rare Library Materials: Storage and Access to Data / Project Management, by Adolf Knoll and Stanislav Psohlavec. Authors: Adolf Knoll, Stanislav Psohlavec, Jan Mottl, Jan Vomlel, Tomáš Mayer, ... Prague, National Library - Albertina icome Praha, 1999. Memoriae Mundi Series Bohemica, <http://digit.nkp.cz/knihcin/digit/WWW/ENTER.HTM>.*

⁸¹ http://www.tei-c.org/About/Archive_new/Master/Reference/oldindex.html.

⁸² <http://digit.nkp.cz/MMSB/1.1/msnkaip.xsd>.

⁸³ <http://projects.oucs.ox.ac.uk/ENRICH/>.

различных его вариаций, недостаточно эффективен, поэтому уже в конце 90-х гг. прошлого столетия возникли попытки воспользоваться языком TEI. К сожалению, первое решение на этом языке (master.dtd) не учитывало некоторую специфику форматов MARC (прежде всего в области формального подхода к записи имен физических лиц), но было предложено подробное и даже иерархическое описание содержания рукописи. Оба подхода позволили осуществить необходимую работу с рукописями в обеих областях: их элементарную регистрацию в библиотеках и подготовку описаний учеными. Однако когда мы хотели их объединить в одной базе данных, обнаружилось, что происходит потеря информации. В связи с тем, что MARC вообще не позволяет достичь нужной глубины и подробности описания и одновременно не обеспечивает возможности гибкого расширения, было решено перейти на платформу TEI.

В целях генерации собственных данных в 2012–2013 гг. были разработаны подробные требования к созданию информационного пакета (определение цифрового документа для потребностей доступа и постоянного хранения в подпрограмме VISK6)⁸⁴, содержащего оцифрованную рукопись. Определяется структура пакета (что, где и как надо разместить), и конечно, одной из его составных частей становится формат enrich.dtd, но не только: в пакете также определяются правила создания уникальных наименований файлов, из которых образована цифровая форма рукописи, правила записи технической информации о цифровых изображениях и других видов данных, как, например, профили ICC, сведения о калибровке приборов, необходимость присутствия двух конкретных калибровочных таблиц и запись колориметрических характеристик представленных в них цветов.

Необходимо учесть, что каждое изменение формата рукописи влекло за собой комплексную миграцию всего содержания цифровой библиотеки и изменение всей среды, т.е. программ и инструментов, поддерживающих создание документов, их индексирование и изображение, а также работу с ними на стороне пользователя.

Принцип агрегации

Желание сосредоточить необходимую информацию о ресурсах в цифровом пространстве возникло сразу же после появления Интернета. Для любых решений этой задачи общими характеристиками будут аккумуля-

⁸⁴ *Definice digitálního dokumentu pro potřeby zpřístupnění a trvalého uložení v podprogramu VISK6 / Olga Čiperová, Štěpán Čermohorský, Tomáš Klimek, Tomáš Psohlavec, online na: http://www.manuscriptorium.com/sites/default/files/docs/manuscriptorium_visk6_definice.pdf.*

ляция информации из разных ресурсов, их индексация и возможность осуществления поиска с целью удовлетворения информационных потребностей пользователя. В этой связи появляются поисковые машины, например *Google*, порталы и даже цифровые библиотеки. Когда заходит речь об этих ресурсах, часто возникают проблемы с классификацией. Так, например, портал довольно часто называют цифровой библиотекой, хотя он таковой не является. Поисковые машины работают со всем доступным материалом Интернета, в то время как порталы агрегируют лишь информацию от сотрудничающих ресурсов. В обоих случаях пользователь находит метаинформацию и в случае необходимости получает отсылку к ресурсу, с которым можно работать. В области культуры таким порталом является, например, EUROPEANA. С точки зрения усилий пользователя, необходимых для доступа к ресурсу, портал заменяет физическое путешествие от одной библиотеки или организации к другой переходом от ресурса к ресурсу в виртуальном пространстве. Вместо поведения библиотекарей или кураторов собраний пользователь сталкивается с определенными особенностями ресурса, точнее его интерфейса. И библиотеки, и интерфейсы имеют свои характерные черты, к каждому нужен специальный подход.

Стремление облегчить работу пользователя порождает желание агрегировать не только метаинформацию/метаданные, но и информацию как таковую: данные, т.е. файлы, содержащие тексты, изображения, звуковые или видеозаписи. Самый простой способ сделать это – сконцентрировать их в едином банке данных, в одном физическом цифровом хранилище, но для этого надо договориться с их владельцами, перевести каждый полученный документ в формат своего ресурса и полностью его загрузить в свое цифровое хранилище. Таким образом работает, например, Всемирная цифровая библиотека при Библиотеке Конгресса США. В связи с трудоемкостью этого процесса Библиотека Конгресса способна принять от каждого участника лишь небольшую долю цифровых собраний.

Иным решением является агрегация таких метаданных, которые позволяют не только узнать о характере нужного документа и месте его нахождения, но и понять, каким образом он организован в партнерском цифровом хранилище, первым заданием которого является служить собственной цифровой библиотеке партнера. У каждой цифровой библиотеки есть база метаданных, в которой пользователь осуществляет поиск и которая содержит информацию о том, где находятся необходимые данные (в нашем случае – тексты или изображения страниц рукописи), и есть само цифровое хранилище этих данных, из которого пользователь получает нужные ему изображения или тексты рукописи.

Если у файлов изображений в партнерском хранилище постоянные неменяющиеся адреса (что отвечает абсолютному большинству случаев), эти файлы могут быть востребованы разными системами презентации данных, т.е., например, разными цифровыми библиотеками, в которые включены данные об их местонахождении и о том, каким образом из них можно составить целую рукопись.

Агрегация «Manuscriptorium» основана именно на этом последнем принципе, так что пользователь работает в реальном времени в едином интерфейсе с данными разных цифровых библиотек. Создается впечатление, что все данные находятся на одном месте, в то время как «Manuscriptorium» для этой цели «путешествует» от одного цифрового хранилища к другому. Такая агрегация данных из разных источников называется бесшовной, и в ее основе лежит абсолютная договоренность с партнерами.

«Manuscriptorium» предпочитает получать необходимые для агрегации метаданные в автоматизированном режиме посредством протокола OAI-PMH. Он требует, чтобы в профиле OAI присутствовали описание документа и его структура со ссылками на файлы, из которых его можно воспроизвести в цифровом пространстве. Мы, со своей стороны, используем для каждого партнера особые инструменты трансформации/конверсии этих метаданных из оригинального формата в объединяющий внутренний формат «Manuscriptorium». Определенный набор этих инструментов, соответствующих конкретному партнеру, называется «коннектор». Преимущество нашего решения заключается в том, что коннектор разрабатывается раз и навсегда, а сбор метаданных путем OAI проводится регулярно, так что, когда партнер добавляет в свою цифровую библиотеку новые документы/рукописи, они после необходимых процедур (сбора и обработки) включаются и в виртуальный фонд «Manuscriptorium».

Есть, конечно, и другие методы сотрудничества в тех случаях, когда партнер не может работать с протоколом OAI или не располагает собственной цифровой библиотекой. На этот случай в «Manuscriptorium» есть целый ряд онлайн-инструментов, которые могут способствовать созданию описаний во внутреннем формате «Manuscriptorium», их контролю и загрузке в нашу цифровую библиотеку.

Содержание и персонализация пользовательской среды

В настоящее время «Manuscriptorium» содержит около 331 тыс. описаний, из которых более 25 тыс. единиц составляют оцифрованные документы, к которым параллельно существует более 600 полных текстов.

Полных текстов, как таковых, более двух тысяч – некоторые документы представлены лишь текстами без изображений.

В цифровой библиотеке находятся прежде всего рукописи, но есть и очень редкие печатные издания, включая географические карты. В «Manuscriptorium» представлены данные приблизительно от 120 организаций, из которых 55 – чешских. Около 70% полностью оцифрованных документов предоставляют зарубежные партнеры. Самым крупным поставщиком документов является наша библиотека (более 3500 документов), другими крупными поставщиками в нашей стране являются Моравская библиотека в Брно, Библиотека Страговского монастыря в Праге и Библиотека Национального музея; затем идет большое количество организаций разных типов, в том числе, например, библиотека замка в Кинжварте (Кенигсварт, в западной Чехии), т.е. фактически библиотека князя Меттерниха, министра иностранных дел Австрийской империи. Из иностранных партнеров самыми крупными поставщиками контента являются (в соответствии с количеством документов): Мадридский университет Комплутенсе (Испания), Свято-Троицкая Сергиева Лавра (Россия) и Библиотека университета в г. Вроцлав (Польша); за ними следуют национальные библиотеки Италии (Флоренция), Испании, Исландии и Румынии, университетские библиотеки в Вильнюсе (Литва), Гейдельберге (Германия), Братиславе (Словакия) и в Зелена-Гуре (Польша), а также многие другие. В некоторых случаях партнеры сами администрируют группу участвующих цифровых библиотек (Кельнский университет, Германия) или занимаются в своем роде национальной агрегацией (прежде всего швейцарский проект eCodices).

Что касается количества, первое место занимают западноевропейские рукописи, но благодаря усилиям некоторых наших партнеров значительную часть коллекции составляют также славянские рукописи и редкие книги (Сергиев Посад, Национальная библиотека Сербии, Научная библиотека Пловдива, Национальная библиотека Румынии и даже наша Славянская библиотека). Кроме того, в цифровой библиотеке имеется ряд важных рукописей на иврите, арабском и персидском языках.

С разнообразием содержания цифровой библиотеки связаны проблемы доступа к документам, потому что библиотечные описания сделаны на современных живых языках кураторов собраний или, в случае некоторых латинских рукописей, на латыни. Этим ограничено иногда и само понимание содержания рукописи. Так, румынский куратор при встрече с чешской средневековой рукописью способен прочесть текст и понять, что речь идет о славянском языке. Он зафиксирует это в описании документа по-румынски, но будет уже не способен определить, что рукопись

написана именно на чешском языке, скажем, XV в. Дальнейшие проблемы появляются прежде всего в тех случаях, когда текст рукописи написан нелатинским шрифтом (например, греческим, арабским или кириллическим), а транслитерация названия производится с помощью правил, которые используются в данной организации, культурной или языковой среде. В случае кириллицы будет очень трудно совместить чешскую/среднеевропейскую, румынскую, английскую транслитерацию и запись без транслитерации. Кроме этого, рукопись не является стандартно изданной книгой, поэтому зачастую надо использовать искусственные названия рукописных томов. Общеизвестно, что, когда латинская рукопись включает в себя разные тексты, ее часто называют просто *Textus varii* (Разнообразные тексты) или, если она отличается необычайно большим размером, *Codex Gigas*. Что касается рукописей на других языках, искусственное название просто записывается на языке каталогизации. Поэтому в «*Manuscriptorium*» можно найти искусственные названия славянских рукописей, например на румынском языке (*Molitvenic slavonesc*, т.е. Славянский молитвенник), на русском в чешской транслитерации (*Pritči o četyrech vremenach goda*, т.е. Притчи о четырех временах года) или прямо на русском языке кириллическими буквами (Октоих на линейных нотах). Может появиться и румынская транслитерация кириллицы, которая выглядит так: *Evanghelie naprestol“noe, napesc. Diakom‘ Koresi i Manuilom, bez” oznaceniija measta pecatanija*.

То же самое получается и с арабским шрифтом, поэтому объединить все с помощью технических средств очень непросто. По нашему мнению, выходом является подключение пользователей к процессу организации контента за счет средств персонализации пользовательской среды и возможной публикации в ней полученных результатов.

В свое время мы занимались возможностью автоматического перевода, но он имеет смысл только в части языка каталогизации/описания. Это язык современный, в то время как язык конкретных документов находится на разных уровнях своего исторического развития, причем орфография порой весьма разнится, да и правила ее в рукописной форме далеко не всегда точно соблюдались. С учетом всего этого автоматизированный перевод нецелесообразен и даже не имеет смысла, потому что ученые, желающие изучать определенный документ, обладают необходимыми культурными и языковыми знаниями для этой деятельности. А язык каталогизации или описания можно легко перевести с помощью свободно доступных в Интернете инструментов, чтобы получить основную информацию, добавленную каталогизатором или ученым, занимающимся рукописью.

Еще одно направление работы связано с необходимостью совершенствовать поисковые возможности с учетом всех неравномерностей, несправностей и возможных нарушений орфографических нормативов определенных языков на пути их развития. В области латинского шрифта большой проблемой является применение диакритических знаков. В исторических текстах и при обработке документов вне их языковой среды очень часто наблюдается хаотическое использование диакритики – знаки неоднородно используются даже в рамках одного слова в разных документах и трактовках. В итоге на правильно сформулированный вопрос не всегда можно получить верный ответ, даже если в индексах базы данных представлена точная информация, записанная авторами, учеными и библиотекарями. В этом направлении уже удалось добиться определенных успехов, но очень многое еще предстоит сделать.

Каждый пользователь может свободно и бесплатно зарегистрироваться в «Manuscriptorium» и тем самым получить возможность создавать свою собственную библиотеку на основе любого контента цифровой библиотеки. Он может хранить в ней свои информационные запросы, что позволит ему автоматически обогащать результаты поиска новыми поступлениями в цифровую библиотеку от всех ее партнеров, может создавать собственные собрания документов без географического ограничения в единой среде и, несмотря на то, что отдельные тома рассеяны по всей Европе, может создавать новые виртуальные книги, самостоятельно подбирая отдельные страницы из любых документов и любых собраний. Благодаря бесшовной агрегации контента обеспечивается единообразие создаваемых пользователем продуктов. Каждый отдельный пользователь может динамически создавать такие виртуальные документы в своем интерфейсе в «Manuscriptorium» снова и снова и таким образом виртуально путешествовать по всей Европе, даже не отдавая себе в этом отчета. Пользователи могут обмениваться результатами своей работы, а в будущем также смогут совершенствовать содержание цифровой библиотеки и обмениваться в ней своими знаниями.

Место «Manuscriptorium» в более широкой информационной среде

«Manuscriptorium» является самой объемной цифровой библиотекой рукописей в Европе. Благодаря этому и в связи с тем, что источниками находящихся в нем документов являются многочисленные и разнообразные коллекции разных стран, «Manuscriptorium» используют различные международные порталы и профессиональные службы, в том числе библиотечные и культурные, например EUROPEANA, Европейская библиотека

TEL или портал рукописей Консорциума европейских научных библиотек CERL-MSS, а также такие известные службы поиска научных информационных ресурсов, как EBSCO Discovery Service или The Summon® Service. На практике это означает, что данные любого нашего партнера, даже маленького регионального музея, автоматически становятся частью важнейших научных и культурных мировых информационных ресурсов.

С этой точки зрения интересно посмотреть, как подобные глобальные службы или порталы появляются среди важных генераторов трафика самого «Manuscriptorium». Статистические данные, касающиеся всех посещений нашего сайта, показывают, что больше всего пользователей обращаются к нам напрямую (почти одна четверть трафика) или приходят через *Google* (чуть меньше четверти трафика). Среди остальных важное место занимают EUROPEANA, сайты партнерских организаций, чешская поисковая машина seznam.cz, а также «Википедия» и *Facebook*.

Однако, если оценивать генерацию трафика с точки зрения страниц со ссылками, по которым пользователь приходит изучать определенный документ, то на первом месте стоит EUROPEANA (27,5%), на втором наша Национальная библиотека, на третьем чешская «Википедия». На шестом месте при этом окажется *Facebook*, причем ссылающиеся страницы, вместе взятые, генерируют около половины всего трафика.

Присутствие таких генераторов трафика, как *Facebook* или «Википедия», показывает, что пользователи активно работают с контентом «Manuscriptorium» и этот контент у них вызывает желание делиться полученной информацией. Для нас это свидетельство того, что имеет смысл непрерывно работать над совершенствованием инструментов персонализации сайта.

За последний год «Manuscriptorium» посетили пользователи из 174 стран. В списке государств с наибольшим количеством посетителей первые места (по количеству визитов) занимают такие страны, как Германия, Польша, США, Италия, Австрия, Испания, Франция, Словакия, Великобритания, Румыния, Россия, Украина, Канада и Нидерланды. За ними следуют Мексика, Япония, Бразилия, Аргентина и другие страны всех континентов.

«Manuscriptorium» – очень специфический ресурс с определенной целевой аудиторией: далеко не все способны читать и изучать старинные рукописи и книги. Он создан как виртуальная научная среда и в этом направлении и развивается. Тем не менее, судя по статистике доступа к информационным ресурсам Национальной библиотеки Чешской Республики, у «Manuscriptorium» больше поисков или сессий, а также просмо-

тренных документов или объектов, чем у всех наших лицензированных (купленных) электронных ресурсов вместе взятых. А ведь они по количеству в несколько раз превышают объем «Manuscriptorium» и включают в себя документы на современных языках, то есть доступны широкому кругу читателей (например, только в базе данных «ebrary» у нас более 120 тыс. англоязычных научных книг).

Философия бесшовной агрегации, конечно, имеет свои слабые места: технические (не все всегда бесперебойно работает у всех партнеров в реальном времени) и политико-культурные (не все хотят делиться своими ресурсами, не все согласны сотрудничать именно с нами, некоторые блокируют открытый широкий доступ к цифровым копиям сокровищ своих фондов). Самое важное требование для сотрудничества – это надежность партнера. Необходимо, чтобы все изменения, которые меняют правила трансформации агрегированного контента, каждый партнер с нами обговорил или хотя бы нас о них информировал и непременно отразил изменения в размещении данных, на которые даны ссылки, в своих цифровых хранилищах в профиле ОАИ, посредством которого предоставляются ресурсы для агрегации.

Наша библиотека заключает с каждым партнером «Manuscriptorium» письменный договор, в котором точно указано, чьей собственностью являются данные и метаданные (они остаются собственностью партнера) и что нам разрешено с ними делать (в принципе, речь идет о сборе и индексировании метаданных и о манипуляциях с изображениями на расстоянии для показа контента), т.е. мы получаем для этого лицензию. Причем надо иметь в виду, что с изображениями манипуляции производим не мы, а только пользователь нашей цифровой библиотеки. Изображения в наш интерфейс поступают в ответ на пожелания читателя, находящие отражение в его поведении и командах, которые он задает в рамках своей сессии в «Manuscriptorium».

Все содержание «Manuscriptorium» находится в свободном доступе. Разумеется, мы стараемся привлекать к работе новых партнеров. Так, в настоящее время нашим новым партнером стала Национальная библиотека Армении. Мы постоянно работаем над совершенствованием функционирования нашей цифровой библиотеки путем новых аппликационных исследований и внедрением новых функций и услуг. Не все еще включено в официальную версию «Manuscriptorium», многие новшества работают в тестовом режиме.

Конечно, регулярно добавляется и контент, являющийся результатом оцифровки собраний нашей библиотеки. В ближайшем будущем можно

ожидать, помимо поступлений новых цифровых копий наших рукописей, также массового внедрения цифровых копий десятков тысяч книг XVII и XVIII вв. из нашего совместного проекта с компанией *Google*.

Администратором «Manuscriptorium», согласно договору с нашей библиотекой, является чешская компания «AiP Beroun», но за функционирование «Manuscriptorium» отвечают оба субъекта, причем финансирует его развитие и четкую работу только наша библиотека при поддержке Министерства культуры Чешской Республики. В настоящее время, помимо официальной, второй версии «Manuscriptorium» (<http://www.manuscriptorium.eu>), начал свою работу новый, третий «Manuscriptorium» (<http://v3.manuscriptorium.com>). Новая версия была разработана с учетом замечаний наших пользователей, она работает с тем же контентом, что и официальная, но содержит большое количество усовершенствований, прежде всего в области пользования контентом и персонализации. После окончания тестового периода будут введены все ее дополнительные модули, к которым пользователь привык в официальной версии (или их замена), и новая версия появится на странице официальной версии. Отрадно, что она умеет работать со всеми видами шрифтов не только в дисплейном режиме, но и в поисковом. Интерфейс обеих версий выполнен полностью на чешском и английском языках.

Мы будем рады сотрудничать со всеми, кто пожелает стать партнером нашего проекта.

Анатолий Васильевич ЖОЖИКОВ

директор Центра новых информационных технологий,
Северо-Восточный федеральный университет
(*Якутск, Российская Федерация*)

Светлана Ивановна ЖОЖИКОВА

ведущий программист
Центра новых информационных технологий,
Северо-Восточный федеральный университет
(*Якутск, Российская Федерация*)

Коренные малочисленные народы Севера в киберпространстве: опыт и перспективы

На рубеже тысячелетий мы вступили в век формирования информационного общества. Это период становления интегрального социокультурного строя как основы диалога и взаимодействия цивилизаций, культур, религий, который уже во многом зависит от уровня использования информационных и коммуникационных технологий.

Бурное развитие Интернета послужило толчком в развитии социальных сетей, в результате чего возникла новая среда поликультурного общения, в которой нет границ, расстояний и временных ограничений. Однако очень серьезной проблемой является то, что сегодня получить информацию и услуги в Интернете можно только на доминирующих языках. Например, народы, языки которых не представлены в Интернете (а в нем используется лишь около 400 языков из 6700 существующих), не могут адекватно участвовать в информационном обмене и вынуждены жить как бы в тени «господствующих» наций, которые, навязывая свой язык, навязывают также свое мировоззрение и свои обычаи. Все это значительно ускоряет темпы вымирания языков и культур малочисленных народов.

Вместе с тем, при обдуманном и правильном использовании глобальная сеть Интернет может выполнять интегрирующую роль в выстраивании нового мироустройства и не только открывать новые возможности для сохранения языков и культур всех народов, населяющих нашу планету, но даже способствовать их развитию.

Российская Федерация, как и многие другие государства мира, по своей структуре полиэтнична. На ее территории соседствуют более 160 этносов, 45 из которых относятся к коренным малочисленным народам Рос-

сийской Федерации. Из этих 45 народов 40 – коренные малочисленные народы Севера (КМНС), Сибири и Дальнего Востока.

Каждый язык является уникальным хранилищем информации о говорящем на нем этносе и его культуре, о своей собственной эволюции, а также о природе человека как биологического вида. На протяжении всей истории человечества происходило рождение одних языков и отмирание других. Однако в последнее время процесс исчезновения языков приобретает угрожающие темпы. По пессимистическим прогнозам, к концу XXI в. может остаться лишь около 10% существующих ныне языков. Поэтому, для того чтобы сохранить языковое (а вместе с ним и культурное) разнообразие в нашей стране и на всей планете, необходимо предпринимать экстренные меры.

Коренные малочисленные народы Севера являются создателями и хранителями уникальной человеческой культуры и составляют важную часть современной мировой цивилизации. Они были и остаются носителями адаптационных систем жизнеобеспечения в суровых условиях Арктики и Крайнего Севера, уникальных самобытных традиций и своеобразных духовных ценностей. Обитатели Севера на протяжении многих веков осваивали арктические ландшафты, адаптировались к экстремальным природно-климатическим условиям в условиях вечной мерзлоты, развивали свою самобытную культуру и жили в гармонии с природой, не нарушая экологию ранимой северной природы и сохраняя ее. Однако эти народы как никто испытывают на себе вызовы современного общества: углубляющиеся процессы глобализации, техногенные процессы, активное промышленное освоение их исконной среды обитания оказывают разрушительное воздействие на традиционный образ жизни. В итоге эти народы оказываются сегодня на грани исчезновения. Как подчеркивалось на IV Съезде коренных малочисленных народов, в таком положении находятся 12 из 40 малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока.

В начале XXI в., 2 ноября 2001 г. ЮНЕСКО приняла Всеобщую декларацию о культурном разнообразии, в которой утверждается, что уважение разнообразия культур, терпимость, диалог и сотрудничество в обстановке доверия и взаимного понимания являются лучшим залогом мира и международной безопасности. Будучи источником обменов, новаторства и творчества, языковое и культурное разнообразие так же необходимо для человечества, как биоразнообразие – для живой природы. Для сохранения и развития этого уникального наследия необходимо сохранить язык и культуру каждого народа на цифровых носителях и представить в глобальной сети Интернет, тем самым обеспечив их присутствие в мировом информационном пространстве.

Анализ материалов о коренных малочисленных народах Севера в сети Интернет показал, что системно представленных интернет-ресурсов по данной тематике нет, а имеющиеся ресурсы очень разрозненны и малоинформативны. Достаточно подробный анализ этих ресурсов был сделан А. А. Бурыкиным в статье «Интернет-ресурсы по теме «Языки малочисленных народов Крайнего Севера, Сибири и Дальнего Востока России». Обзор имеющегося материала и пользовательские запросы» [1]. Данные по состоянию многоязычия в киберпространстве в регионах и в целом по России были приведены в сборниках, изданных Российским комитетом Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» и Межрегиональным центром библиотечного сотрудничества [2, 3]. Однако и на сегодняшний день ситуация мало изменилась. В связи с этим возникла идея создания единого портала о коренных малочисленных народах Севера, проживающих на северо-востоке Российской Федерации (www.arctic-megapedia.ru).

Реализация данного проекта начата по Программе развития Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова в рамках проекта 4.1 «Сохранение и развитие языка и культуры народов Северо-Востока Российской Федерации», мероприятия 2.50 под названием «Программа сохранения и развития языков и культуры коренных малочисленных народов Севера на цифровых носителях и в киберпространстве» Центром новых информационных технологий (ЦНИТ) СВФУ совместно с ведущими учеными Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН [4].

В рамках данного проекта организованы экспедиции в места компактного проживания КМНС для организации видео- и фотосъемки уже исчезающих носителей языка и культуры этих народов (юкагиры, долганы, эвены, эвенки, чукчи).

Собранный материал использован в двух направлениях:

1. Для создания цифровых образовательных мультимедийных DVD-дисков по языку и культуре КМНС.
2. Для создания общедоступного многоязычного портала коренных малочисленных народов Севера www.arctic-megapedia.ru.

На основе собранных материалов подготовлено 17 очень содержательных образовательных DVD-дисков по языку и культуре КМНС, проживающих на территории Республики Саха (Якутия), разработан мегапортал КМНС www.arctic-megapedia.ru, на котором уже размещены практически все имеющиеся материалы.

Созданные диски были представлены на региональных конкурсах и заняли призовые места:

- Учебное пособие по юкагирскому языку и фольклору завоевало Диплом I степени в номинации «Электронное издание» на VII межрегиональной выставке-ярмарке «Печатный двор Якутии–2011» в июне 2011 г.
- Серия учебных пособий (5 дисков) по юкагирскому языку и фольклору завоевала серебряную медаль в конкурсе «Лучшее электронное издание» в XV Дальневосточной выставке-ярмарке «Печатный двор–2011» в сентябре 2011 г.
- Арктический многоязычный портал КМНС www.arctic-megapedia.ru стал финалистом Дальневосточной интернет-премии «Стерх» в секции «Лучший некоммерческий или тематический проект Дальнего Востока» в апреле 2013 г.

Работа по данному направлению показала большую востребованность проекта не только в Республике Саха (Якутия), но и в других регионах Российской Федерации, где проживают представители КМНС (уже поступили предложения о сотрудничестве от представителей КМНС Ямало-Ненецкого автономного округа, Чукотки и Хабаровского края). Данный проект также был представлен в марте 2013 г. на VII Съезде коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, проходившем в г. Салехарде, где вызвал большой интерес и поддержку.

На наш взгляд, необходимо еще более активизировать работу в этом направлении, поскольку с каждым годом становится все меньше носителей языка и культуры КМНС. Информацию о них нужно сохранять на цифровых носителях и представлять в сети Интернет. Это позволит не только сберечь, но и оживить язык и культуру КМНС в мировом информационном пространстве.

Источники

1. Языковое разнообразие в киберпространстве: российский и зарубежный опыт. Сборник аналитических материалов / Сост.: Е. И. Кузьмин, Е. В. Плыс. – М.: МЦБС, 2008. – С. 111–129.
2. Многоязычие в России: региональные аспекты. – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2008. – 136 с.

-
3. Развитие многоязычия в киберпространстве: пособие для библиотек / Авторы-составители: Кузьмин Е. И., Паршакова А. В. – М.: Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2011. – 128 с.
 4. Жожиков А. В., Жожикова С. И. Языковое и культурное разнообразие коренных малочисленных народов Севера в век цифровых технологий // Науки о культуре в перспективе «digital humanities»: Материалы Международной конференции, 3–5 октября 2013 г., Санкт-Петербург / Под ред. Л. В. Никифоровой, Н. В. Никифоровой. – Астерион, 2013. – С. 438–441.

СЕКЦИЯ 2. ЯЗЫКОВОЕ И КУЛЬТУРНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ

Кацуко ТАНАКА

доцент Технологического университета г. Нагаоки
(Нагаока, Япония)

Понимание социальных явлений в киберпространстве: акцент на языке, инфраструктуре и содержании⁸⁵

1. Введение

В этой статье нам хотелось бы привести один пример, который полезен для понимания социальных явлений в киберпространстве, и сосредоточиться на трех важных компонентах: человеческом факторе/факторе субстрата и продуктах, средствах связи всех компонентов и социальных системах/условиях. Сталкиваясь с некими явлениями в киберпространстве, мы, как правило, ограничиваем внимание фактором субстрата. Разумеется, невозможно быть пользователем Интернета и не осознавать значение этого фактора. Однако явления в киберпространстве включают и второй фактор – сами продукты, а также третий фактор – деятельность по их производству/потреблению. А центром всей этой деятельности является *человек*. Поэтому мы должны прийти к пониманию всех явлений в киберпространстве с *антропоцентрической* точки зрения.

Деятельность человека в киберпространстве в основном связана с *грамотностью* по той причине, что большинство сообщений в Сети являются словесными; человек не умеет в полной мере передавать всю невербальную информацию словесно или буквально. Поэтому очень важно понимать роль словесного языка в киберпространстве как комплексной системе, включающей три фактора.

Для построения этой комплексной системы мы вводим новое понятие «*электронная Сеть*» [*e-Network*. – прим. перев.], предложенное Накахирой (Nakahira 2012).

⁸⁵ Данная работа проводилась с использованием средств гранта №24500308 Японского общества содействия науке (JSPS KAKENHI).

2. Три компонента электронной Сети

Первым шагом в построении комплексной системы является определение ее компонентов, или факторов. Мы обозначили следующие три фактора *электронной Сети*.

Человеческий фактор. Человеческий фактор – это компонент, обусловленный человеческой деятельностью, и в контексте электронной Сети он означает мыслительную деятельность, осуществляемую пользователем. Это наиболее важный компонент, задающий динамику производства/потребления информационного контента или социальной системы, обеспечивающий взаимодействие на уровне факторов человек–человек или человек–субстрат.

Фактор субстрата. Фактор субстрата играет роль механизма, с помощью которого действует человеческий фактор. Он взаимодействует с человеческим фактором напрямую. Этот фактор создается клиентами, производителями/потребляющими продукты, серверами, хранящими/потребляющими продукты, и Интернетом, распространяющим продукты. Его внедрение и управление находится в зависимости от внешних условий, таких как социальная система или традиции, сформированные человеком.

Продукты. Это информационный контент, производимый в результате взаимодействия человеческого фактора и фактора субстрата. Он включает веб-страницы, электронные сообщения, средства программного обеспечения и т.д. Потребление продуктов может привести к взаимодействию между продуктами и человеческим фактором или продуктами и фактором субстрата. Оно также способно содействовать эволюции/инновационному развитию фактора субстрата.

Три компонента связываются между собой различными *средствами*. Это механизм, обеспечивающий связь всех компонентов. Он семантически взаимодействует с человеческим фактором, соединяет человеческий фактор и фактор субстрата посредством символов, в кодированной форме взаимодействует с фактором субстрата.

Принимая во внимание эти компоненты, мы легко сможем точно понять суть многих явлений в киберпространстве. Каждый из компонентов снабжается подробным описанием, выведенным на основе наблюдений и мысленных экспериментов.

3. Фактор субстрата

Наиболее легкий для наблюдения компонент – *фактор субстрата*. Многие учреждения или организации собирают статистические данные

по аппаратной/программной инфраструктуре. Сегодня широко доступна статистика не только по техническому оборудованию, но и по трафику (программному обеспечению). Таким образом, мы можем с легкостью рассмотреть и сконструировать микропроцессы для фактора субстрата, что иллюстрирует рис. 1.

Мы используем статистические данные Международного союза электросвязи (МСЭ) для построения структуры. Данные распределены по нескольким категориям. Используя это, анализируем отношения между категориями. Категории можно разделить по типу человеческой деятельности, такой как доход информативной функции и инвестиции от информативной функции. Вся деятельность по передаче выполняет информативную функцию. Функция Интернета состоит в обеспечении взаимодействия компонентов.

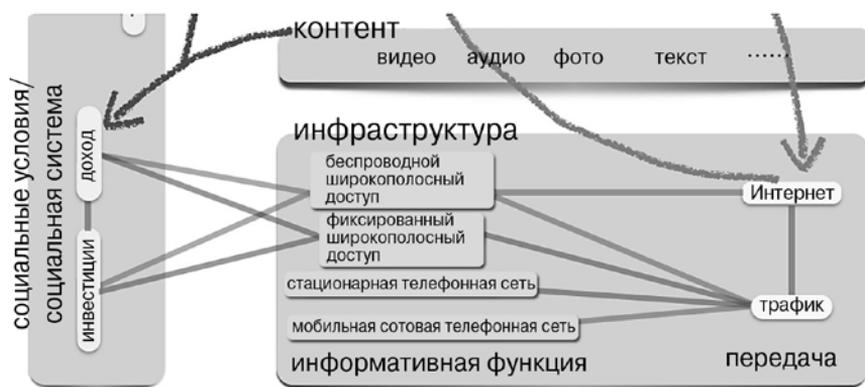

Рисунок 1. Микроструктура фактора субстрата

4. Продукты

Теперь рассмотрим продукты. Можно выделить два типа материалов: визуальные и аудиоматериалы. Комплексные материалы создаются из сочетания аудио- и визуальных материалов, состоят из видео, книги в сочетании со звуком и т.д. Мы с легкостью опознаем содержательные материалы, включающие насыщенную (сигнальную) *информацию*. Это означает, что нам необходимо подготовить субстрат, обладающий достаточными характеристиками, чтобы обеспечить возможность распространения таких содержательных материалов. Исходя из этих соображений, мы можем понять, что текстовые продукты легче остальных поддаются распространению в киберпространстве, поскольку обладают необходимыми техническими возможностями, а именно, возможностями передачи насыщенной информации при помощи минимума сигналов. Именно такова

изначальная природа *языка*. Таким образом, мы приходим к важному заключению: способность людей работать на родном языке на компьютере в электронной Сети будет оказывать значительное воздействие на процесс производства и потребления ими информации в этой сети.

5. Человеческий фактор

Наиболее сложным фактором является *человеческий*, поскольку он выполняет множество функций. Рассмотрим его поэтапно. Во-первых, человек в киберпространстве рассматривается как пользователь, получающий опыт. В процессе получения этого опыта мы выделяем два вида деятельности: потребление и производство (рис. 2). Каждый из них является производным внутренней деятельности человека – мозговой активности. Мы осознаем, что эта деятельность осуществляется нашим мозгом. Деятельность мозга тесно связана с деятельностью по передаче *знаний*. Поэтому для того, чтобы сконструировать процесс внутренней деятельности, нам необходимо сконструировать структуру знаний.

Рисунок 2. Микроструктура человеческого фактора

На рис. 3 показана связь контента, информации и знаний. Если мы извлекаем знания из контента, то одна из ведущих ролей принадлежит *грамотности*. Когда мы осознаем материалы как контент, мы начинаем преобразовывать их в информацию, применяя *грамотность для извлечения*. Преобразование осуществляется внутри мозга, мы его не замечаем. Затем человек начинает накапливать и хранить информацию. Однако если он начинает организовывать информацию, которую накопил или сохранил, она уже преобразуется в знания. Далее кто-то решает просто хранить знания в собственном мозге, а кто-то принимает решение поделиться ими с

тем, кто желает их получить. На этом этапе человек применяет грамотность, и в том числе язык, для продвижения. В этом процессе язык играет важную роль с точки зрения производства контента. Без языка человек не может осуществлять никакой деятельности, связанной с потреблением/производством продуктов в электронной Сети.

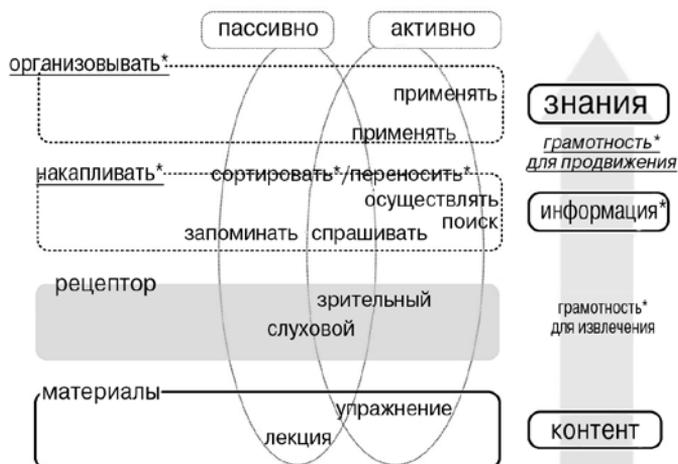

Рисунок 3. Модель микропроцесса знаний (воспроизводится по Nakahira et al. 2014)

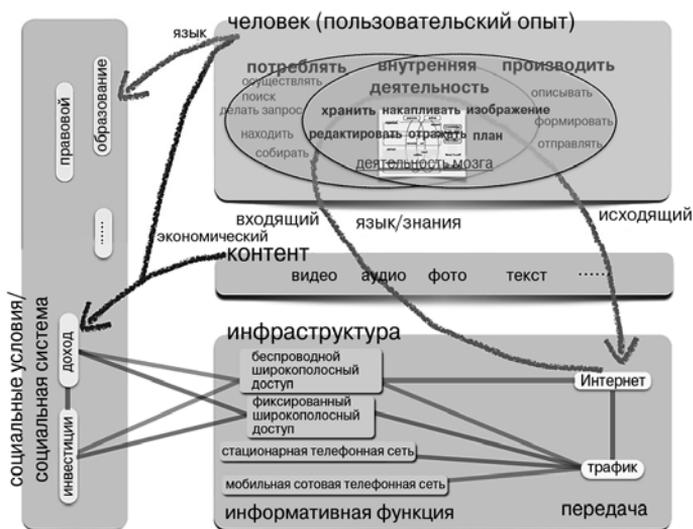

Рисунок 4. Модель микропроцесса электронной Сети

6. Обеспечение связи компонентов при помощи средств

Мы рассматриваем три компонента в контексте *языка*. Все они связаны с языком, поэтому мы используем его для того, чтобы связать компоненты между собой. Большинство пакетов в Интернете содержит языковые сигналы, и, когда компьютер получает пакеты, он старается преобразовать их из электрических сигналов в языковые материалы, то есть *продукты*. Когда человек определяет продукты как информацию, его мозг проделывает ряд операций по накоплению или организации информации. Это можно рассматривать как деятельность по потреблению/производству контента.

Подобная деятельность также способствует созданию социальных систем или внешних условий, таких как экономика, образование и т.д. С помощью дохода или инвестиций формируется последующий цикл распространения продуктов. Эта схема отображена на рис. 4.

7. Пример явления в киберпространстве: вирусные средства распространения информации

Теперь мы подготовлены к пониманию сути явлений в киберпространстве. В качестве примера применим предложенную нами схему для того, чтобы разобраться в таком явлении киберпространства, как вирусные средства.

Давайте проделаем мысленный эксперимент. Предположим, что некие пользователи Интернета, обладающие достаточной грамотностью для продвижения информации, общаются друг с другом с помощью функции Интернета. То есть у них есть надлежащее образование и хорошие правовые/экономические условия. Однако субстрат, которым они могут пользоваться в данный момент, является недостаточным для обработки содержательных продуктов. Однажды они обнаруживают функцию, которая дает им возможность обрабатывать и распространять содержательные средства с большой легкостью. Они начинают использовать эту функцию и перерабатывать эти продукты с использованием имеющихся у них языков и компьютерных технологий. Переработанные продукты являются достаточно легкими для того, чтобы их мог обработать более примитивный субстрат, как с точки зрения инфраструктуры, так и с точки зрения мобильной среды. В результате многие люди, существующие в мобильной среде, могут получать переработанную информацию, а те, кто заинтересован в данных продуктах, могут начать использовать новую функцию; это своего рода «лавинный эффект». Другие пользователи могут захотеть приобрести новые технические средства, чтобы потреблять переработанную информацию и производить собственную. Как только процесс запу-

скается, воспроизводство информации приобретает лавинный характер. И первоосновой для развития всех этих событий является язык.

В этом смысле существует возможность углубления разрыва – не только цифрового, но и разрыва в знаниях. В такой ситуации важным фактором является вопрос о том, может ли человек использовать свой родной язык. По этой причине необходимо продолжать мониторинг явлений в киберпространстве с использованием «языка».

Источники

1. Nakahira, K. T. (2012). A framework for understanding humane-network – interactions among language, governance, and more. Presented at the III Symposium international sur le multilinguisme dans le cyberspace. <http://www.maayajo.org/IMG/SIMC/paris-v2.pdf>.
2. Nakahira, K. T., Watanabe, M., and Kitajima, M. (2014). Assessment of developmental stages of generic skills: A case study. In: *Proceedings of the 22nd International Conference on Computers in Education*, pp. 200–205.

Значение мультикультурализма для процветания человечества

Почему важно поощрять многоязычие и мультикультурализм? В своей статье я попробую дать один из возможных ответов на этот вопрос. В целом, я бы сказала, что мультикультурализм может внести значительный вклад в благополучие народа, который пользуется подобным благом. Мультикультурализм дает такой эффект, воспитывая чувство сопричастности. Принадлежность к определенной культуре и обществу – это серьезная сила в нашей повседневной реальности. Чувство культурной принадлежности – важный элемент нашего благополучия.

Первый вопрос, который возникает в этой связи: принадлежность к какой культуре мы можем ощущать? Культуру можно понимать двояко.

Во-первых, культура в традиционном понимании – это данность, воздействующая на членов общества через сформировавшиеся институты. Ожидается, что в такой культуре люди принимают определенные правила и нормы, подчиняются определенным институтам и поступают соответствующим образом. Культуру диктуют ее институты. Это могут быть театр, балет, библиотека и т.п. – определить их легко. То, что происходит вне этих институтов, не считается культурой в принципе, а тем более – «правильной культурой». В худшем варианте такого типа понимания культуры, эти институты недоступны для других культур, они относятся к одной культурной форме и стремятся ее защищать.

Вторая модель рассматривает культуру как процесс бесконечный, динамический и занимательный. В ходе этого процесса члены общества и культура влияют друг на друга, а также на культуру, в рамках которой они действуют. Это процесс совместного становления человека и окружающей его культуры. Людям не нужно подчиняться, следовать указаниям культурных институтов. Они рассматривают такие институты как равные себе, а не как вышестоящие. Благодаря сложности такого совместного становления, культура рассматривается как многовариантное понятие и трактуется очень широко.

Эта вторая модель *культуры* была разработана антропологами в конце XIX в. и значительно эволюционировала на протяжении XX в. В соответствии с этой моделью, *культура* – это стиль жизни, общественное наследие, которое люди получают в своей социальной группе. Это способ мышления и верования; это также способ действия и исполнения; это система социализации и набор обучающих инструментов; это наше прошлое и будущее, система символов и их значений, с помощью которых осуществляется общественное взаимодействие.

Такое широкое понимание культуры зиждется на принципах западного гуманизма, направленного на развитие *уникальной личности каждого человека*. Эти основы дают человеку возможность прожить жизнь, наполненную смыслом, развиваясь в ходе непрерывного и ничем не ограниченного *изучения* культурных компонентов и *культур* других, а также *диалога* с ними.

Основы этой концепции были заложены в конце XVIII – начале XIX в. группой британских и (в основном) немецких ученых, поэтов и прозаиков, среди которых были в том числе Шефтсбери, Байрон, Милль (с британской стороны) и Гете, Шиллер, Шлегель, Новалис, Гельдерлин, Гумбольдт (с немецкой стороны). В этот период были разработаны два основных понятия: «Bildung» (образование) и «Kultur» (культура)

Понятием «образование» определяется «процесс и продукт самореализации», в ходе которой человек проявляет инициативу в развитии и создании своей личности, совершая исследовательское путешествие по *культуре*. Хотя изначально оно применялось к подросткам и молодым людям (см., напр., «Эмиль, или О воспитании» Жан-Жака Руссо), сегодня это понятие касается постоянной смены жизненных этапов, которую переживает каждый в любом возрасте. *Культура*, как следует из этимологии этого термина, изначально рассматривалась как площадка для культивирования «жизненных планов» и «образов жизни». Жизнь подобна чашке Петри, в которой культура является питательной средой, а образование – это идущий в ней процесс.

В этом понимании образование обеспечивает устойчивую осмысленность существования, что является *важным условием благополучия*. Достижение благополучия возможно на основе стабильного чувства принадлежности к чему-то большему, нежели сам человек, и принятия этим «чем-то» (сообществом, обществом или культурой). Ожидается, что этот процесс достижения благополучия будет идти правильно в культуре, открытой другим культурам и свободной от ограничений в том смысле, что она избегает детерминизма и телеологических речей.

Что лежит в основе такого взгляда на благополучие?

Необходимость подобной концепции проявилась во второй половине XVIII в. Когда среди интеллектуальной элиты начал распространяться атеизм, начался поиск новой концепции достижения хорошей и счастливой жизни как альтернативы религии.

Тогда было совершенно ясно, что для этого понимание *культуры* должно быть открытым и ничем не ограниченным, что принадлежность к какой-либо культуре не должна требовать жесткого подчинения правилам и что соответствующее общество должно обеспечивать оптимальный уровень свободы, безопасности и экономического благополучия, для того чтобы человек мог изучать свою собственную культуру наряду с другими культурами. Интеллектуалы осознали, что культура должна предоставлять как можно большее количество точек доступа для различных типов экспериментов и образов жизни. Такой культурой и является мультикультурализм.

Как может культура способствовать благополучию?

Я предлагаю рассматривать связь между многообразием культур и благополучием сквозь призму теории самодетерминации. Это крупнейшая теория в современной психологии, разработанная Ричардом Райаном и Эдвардом Деси. Теория самодетерминации рассматривает условия, которые способствуют (или препятствуют) раскрытию позитивного человеческого потенциала. Изучая эти условия, авторы теории подчеркивали важнейшую роль общества в самореализации человека (теория касается не только конкретной сути позитивных тенденций развития, но также и общественной среды, которая препятствует развитию).

Райан и Деси предлагают определенное понимание благополучия, которое выходит за рамки сиюминутного счастья и гедонистического наслаждения. Они пишут: «Наиболее яркие примеры в истории человечества показывают, что люди любопытны, энергичны и мотивированы. В своем лучшем виде они деятельны и вдохновенны, они стремятся к знаниям и расширению горизонтов, получают новые навыки и ответственно применяют свои таланты». Авторы определили несколько общих характеристик, применимых ко всем людям вне зависимости от того, где они находятся, сколько им лет и к какой культуре они принадлежат. Эта теория предполагает, что все люди обладают тремя группами базовых психологических потребностей: в автономии (в смысле способности самостоятельно действовать и распоряжаться своей жизнью), компетентности (в смысле владения определенным набором навыков) и сопричастности (в смысле принадлежности к какой-либо группе и признания). Их можно выразить также следующими формулировками: «я хочу делать», «я могу делать» и «меня принимают».

Потребность в автономии включает потребность человека ощущать, что главные действия в его жизни отражают его базовые нужды, устремления и ценности, и соответствуют им. Это потребность в подлинном самовыражении, независимости, смысле жизни и возможности выбора.

Вторая категория – это чувство компетентности. Оно подразумевает потребность ощущать себя способным что-то делать, чего-то достигать, превращать свои мечты в реальность.

Третья категория включает ощущение принадлежности и принятия. Это необходимость быть окруженным любящими и заботящимися о тебе людьми, чувствовать, что тебя принимают «таким как есть», которая дополняется чувством принадлежности к группе, к обществу, культуре. Эти два типа дополняющих друг друга ощущений иногда называют эмпатией. Эмпатия идет во благо не только тому, на кого она направлена, но и тому, от кого она исходит⁸⁶!

Культура и язык

Выше уже говорилось о том, как культура выступает в качестве ключевого фактора формирования идентичности. Однако в ходе построения идентичности в рамках определенной культуры важную роль играет и язык. Максимум внимания стало уделяться языку в XX в. Этот период известен в философии как «лингвистический поворот». Витгенштейн, Хайдеггер, Фуко, Барт и многие другие – все они обсуждали определяющую роль языка в человеческой жизни.

Дэниэл Эверетт писал: «Все человеческие способности, в том числе к языку, происходят из двух источников – гены и окружение. Идея о том, что язык – это исключительно продукт нашей культуры или общественного окружения, настолько же упрощенческая, бесполезная и неправильная, как и противоположная идея о том, что язык растет, как волосы, и формируется нашим геномом без какого-либо обучения» (D. Everette. Language: The Cultural Tool. 2010). Тесная связь между языком и биологией не должна использоваться для того, чтобы минимизировать важность и неразрывность связи между языком и культурой.

Мы рождаемся в языковой среде, которая отражает определенную культуру в исторической перспективе. Мы принимаем ее как свою, хотя

⁸⁶ Эта последняя категория включает в себя социальные аспекты ощущения счастья и самомотивации и подчеркивает важность связей с обществом и культурой, в которой живет человек. Философ Дэниэл Хейброн писал: «Все, что нам нужно – это любовь, сказали нам «Битлз», и они были не так уж далеки от истины». И добавил: «Сказать, что отношения важны для человеческого счастья, – то же самое, что сказать, что вода важна для рыбы». (D. Haybron. Happiness: A Very Short Introduction, p. 68).

не участвовали в ее становлении и формировании. Но она является «нашей» в самом глубоком смысле. Язык важен не только с точки зрения прошлого, но и с точки зрения будущего. Когда мы начинаем использовать язык, он формирует наше восприятие мира. Давайте сравним язык, в котором есть 10 слов для описания озер различных форм и размеров, с языком, в котором существует 10 слов для описания различных видов песка – какие-то с легкостью сдувает ветер, другие более устойчивы к нему. Эти два языка отражают два разных опыта взаимодействия с окружающей средой, с погодными и географическими условиями, которые формировали местные сообщества на протяжении веков. Каждый из этих наборов слов образует целый склад метафор, которыми оперирует местная культура. Другой пример – это названия цветов. На французском и иврите (это два языка, на которых я говорю) цвет неба летом обозначается одним четким словом – *azur* на французском и *tkhelet* на иврите. Для того чтобы выразить самое близкое к этим словам понятие, в английском потребуются два слова – *light blue*. Все, кто был в Лондоне, знают, что цвет неба там скорее серый и очень редко бывает светло-голубым. Эта тенденция отражена даже в тезаурусе, где для голубого цвета в английском языке 12 синонимов, а для серого – 29! Разница больше, чем в два раза! Все это отражается на идентичности человека. Другими словами, чувство принадлежности формируется с помощью языка, который, в свою очередь, формируется под воздействием окружающей среды.

Дэниэл Эверетт рассматривает языки как «инструменты, соответствующие своей культурной нише» (Everett 2010). Он признает, что не первым заявил о том, что язык – это инструмент. Об этом уже говорил Аристотель, а в современные времена – Лев Выготский. Эверетт видит истоки этой концепции в библейской притче о Вавилонской башне, строители которой использовали язык, для того чтобы общаться с различными людьми самого разного происхождения. Инструменталистская концепция Эверетта ограничена решением коммуникационных задач.

Несколько примеров, которые я приведу, доказывают это утверждение, однако я хотела бы его расширить и говорить скорее о процессе совместного построения языка, культур и людей. В этом я опираюсь на знаменитую фразу Мартина Хайдеггера из его книги «На пути к языку». Хайдеггер говорит, что язык – это «дом бытия». Мы живем в нашем языке. Язык – это ментальный дом, к которому мы относимся.

Такое широкое понимание языка позволяет Хайдеггеру утверждать, что язык формирует наше мышление. Такой подход является более ради-

кальным, поскольку он рассматривает язык как орудие мышления, когда человек общается сам с собой. Почему это более радикально? Давайте рассмотрим работы другого, французского философа.

В своей книге «Удовольствие от текста» Ролан Барт делает интересное различие между «*texte lisible*» и «*texte scriptable*». Первый – это «текст, достойный прочтения», текст, приносящий удовольствие, «забавный». А второй – «текст, достойный написания», ставящий под вопрос положение читателя как субъекта. Барт утверждает, что текст, достойный написания, важнее, чем тексты, достойные прочтения, потому что в них целостность текста навсегда меняется композицией и формирующимися и постоянно скользящими внутри текста кодами. Читатель текста, достойного прочтения, пассивен, тогда как человек, который работает с текстом, достойным написания, должен предпринимать активные усилия и даже самостоятельно восстанавливать действия писателя. В терминах немецкого романтизма текст, достойный написания, является частью языка, участвующей в процессе образования. Говоря словами Хайдеггера, текст, достойный написания, – это инструмент мышления.

Как цифровая реальность может поддержать исследование культур?

Некоторые ученые утверждают, что сейчас, в эпоху Интернета, процесс образования становится виртуальным. Например, Шерри Теркл в своей книге (S. Turkle. *Life on Screen: Identity in the Age of the Internet*. 1997) заявляет, что сегодняшнюю идентичность необходимо рассматривать во множественном числе. Люди «проходят через разные идентичности» (с. 179), это общая тенденция развития, а не исключение. «Образование» – это уже не путешествия по другим странам или чтение книг. Это брожение по виртуальным пространствам. Теркл пишет: «Интернет стал серьезной цифровой лабораторией для экспериментов по формированию и реконструированию себя, что характерно для жизни в период постмодерна. В нашей виртуальной реальности мы изменяем и создаем самих себя» (с. 180). Он объясняет, что мы формируем свою идентичность во взаимодействии с экраном компьютера (в том числе и мобильного телефона), вместо того чтобы взаимодействовать лицом к лицу с другими людьми. Однако необходимо понимать, что некоторые виды деятельности на экране компьютера происходят с участием других людей с помощью электронных писем, чатов, постов в соцсетях и всего того, что называют общением с использованием компьютера. В таких видах взаимодействия люди склонны к тому, чтобы «играть с наборами ролей, которые могут перемешиваться и совпадать, и необходимо обговаривать, что для этого необходимо»

(с. 180). Коммуникация через компьютер способствует формированию множественной идентичности.

Цифровая среда содержит бесконечный объем информации и является средством, поддерживающим и обеспечивающим взаимодействие между множеством людей. Эти два компонента сами по себе могут поддерживать и поощрять исследование культур. Похоже, что новое цифровое пространство, в котором мы живем, практически автоматически гарантирует все условия, необходимые для такого исследования: это бесконечная возможность проводить различные эксперименты в рамках многочисленных культур.

В окружении, основанном на множественности, естественно существование более чем одного языка. Многоязычие можно легко использовать в Интернете, как с технической, так и с психологической точки зрения. Наша задача – гарантировать, что это будет возможно с социальной и культурной точек зрения. Мы должны обеспечить сохранение лежащего в основе многоязычия многообразия культур.

Как же мы можем гарантировать, что наши цифровые технологии будут способствовать культурному разнообразию? Здесь я хотела бы использовать концепцию эпифилогенетики Бернара Стиглера. Стиглер показывает, что технологическое развитие всегда шло параллельно с развитием человека и в тесной связи с ним. Он утверждает, что человеческое и технологическое тесно переплетены и одно влияет на другое в бесконечном процессе совместного становления и формирования. Стиглер показывает, как в доисторические времена использование таких простых инструментов, как топор, способствовало развитию коры головного мозга и прямохождению – нам нужно было освободить руки и выстроить необходимые нейронные циклы. Человеческое и технологическое создавалось одновременно. Стиглер обозначает свою концепцию эпифилогенетики как комбинацию эпигенетики и филогенетики: генетика относится к наследованию генетического кода, тогда как эпигенетика – это генетические изменения, происходящие вне ДНК, способствующие изменениям и диверсификации. Филогенетика – исследование истории этих изменений. Технология, по мнению Стиглера, – это человеческая память, выходящая за рамки генетической памяти; это экстернизация человеческой памяти.

Процесс эпифилогенетики никогда не останавливается. Он продолжается в каждый момент, поскольку мы используем старые и современные технологии одинаково – когда носим одежду, едим приготовленную пищу, работаем перед экраном и используем язык. Все это – техники и технологии, которые формируют нас как людей. Такое формирование, или, ско-

рее, совместное формирование, идет бесконечно. Все эти технологии участвуют в формировании идентичности, в образовании («Bildung»). Они не просто объясняют наше прошлое и настоящее, они также определяют наше будущее.

Сегодня процессы формирования идентичности, естественно, гораздо сложнее. Проще говоря, сохранение мультикультурной среды подталкивает людей к творческому использованию имеющихся у них цифровых инструментов для поддержания многоязычия. Верно и обратное: чем больше инструментов существует для поддержания многоязычия (например, быстрое переключение с одного языка на другой), тем больше языков используется, поддерживается и обновляется. Помимо этого, наши технологии должны поддерживать многоязычие так, чтобы отражать различные лежащие в его основе культуры, чтобы в переводе слова с несколькими значениями имели более одного эквивалента. Необходимо сохранять такое языковое богатство.

Наше общество несет ответственность за обеспечение мультикультурализма. Мы также должны поощрять к участию в этом разработчиков новых технологий. Наверное, в более общем плане необходимо, чтобы наши технологии поддерживали диалог между языками и культурами (см. Хайдеггер, «На пути к языку», с. 5). Когда мы учим новый язык, важно также ознакомиться с культурой, лежащей в его основе.

Выводы

Языковое разнообразие – это один из основных столпов культурного разнообразия, и в этой связи с исчезновением языков необходимо бороться. В своей статье я хотела не только ответить на вопрос о том, что можно сделать, чтобы минимизировать исчезновение языков, но также показать, какое логическое обоснование следует использовать для данной стратегии. Это переход от вопроса «как?» к вопросу «почему?».

Я убеждена, что необходимо четко определить цель сохранения языкового разнообразия. Это сделает наши усилия более направленными и эффективными. Предлагаемая цель – это благополучие носителей исчезающих языков. Мы утверждаем, что сохранение языка важно для благополучия тех, кто говорит на нем, поскольку язык является одним из важных маркеров культурной идентичности. Если мы можем идентифицировать себя с определенной культурой, в том числе если мы говорим на языке этой культуры, то с гораздо большей вероятностью сможем самореализоваться и справиться с проблемами, которые ставит перед нами жизнь – как в развивающихся, так и в развитых странах. Возьмем,

к примеру, экономический кризис, сопровождаемый высоким уровнем безработицы. Мы предполагаем, что члены местного сообщества, чье благополучие надежнее обеспечивается, смогут справиться с кризисом более эффективно, их уровень счастья будет выше, и они найдут решения, которые позволят им восстановить свое положение.

Сохранение исчезающих языков также может помочь тем, кто говорит на других языках, поскольку исчезающие языки могут открыть новые перспективы в мире, породить новые метафоры и обогатить наше мышление в мультикультурном коллективе.

Цифровые технологии способны помочь нам в этой важной миссии. Их можно приспособлять под различные языки в сравнительно короткие сроки, используя относительно ограниченные ресурсы. Они могут помочь исчезающим языкам зазвучать в любом уголке мира. И их влияние может быть быстрым, как доказывает пример внедрения различных интернет-технологий в нашу повседневную жизнь.

Висент КЛИМЕНТ-ФЕРРАНДО
доцент Университета Помпеу Фабра
(Барселона, Испания)

Преимущества многоязычия: языки мигрантов как социальный капитал городов. Сравнительный анализ ситуации в Лондоне и Барселоне

Аннотация

Миграция и перемещения людей достигли беспрецедентного масштаба в последние несколько лет. В 2010 г. впервые в истории жители городов составили более половины населения мира, и их число продолжает расти. К 2050 г. более 70% мирового населения будет жить в городах. Такая высокая концентрация людей в городских условиях привела к росту лингвистического разнообразия – тенденции, которая в ближайшие годы будет сохраняться. Цель данной работы – проанализировать, будут ли города XXI в. относиться к лингвистическому разнообразию как к социальной и экономической ценности с точки зрения развития, и если да, то в какой степени. Рассмотрим ситуацию в двух крупных городах, Лондоне и Барселоне, чтобы детально описать, как эти города подходят к вопросу лингвистического разнообразия как следствия миграции.

Введение

В последние несколько лет международная мобильность и миграция переживают быстрый рост. Это подтверждают последние данные за 2013 г., представленные в Докладе ООН по вопросам международной миграции: в период между 1990 и 2013 гг. число международных мигрантов по всему миру увеличилось на 50% и превысило 77 млн человек. В основном рост происходил между 2000 и 2010 гг. В этот период число мигрантов увеличивалось примерно на 4,6 млн человек в год, для сравнения – в период с 1990 по 2000 г. прирост составлял в среднем 2 млн человек в год, а в 2010–2013 гг. – 3,6 млн⁸⁷. Другими словами, приблизительно

⁸⁷ Доклад ООН по вопросам международной миграции за 2013 год доступен по ссылке: http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/migration/migrationreport2013/Full_Document_final.pdf#zoom=100

1 из 7 млрд жителей земли – мигранты. Около 214 млн – международные мигранты, 740 млн – внутренние мигранты⁸⁸.

Исторически миграция является процессом, при котором происходит контакт между различными этническими, культурными, языковыми и религиозными группами, и, таким образом, и перед мигрантами, и перед принимающими сообществами ставится большое число вызовов. В современную эру глобализации потенциал таких смешений достиг беспрецедентного уровня, теперь главная задача заключается в том, чтобы справиться с разнообразием, и она будет стоять перед государствами еще много лет. Каслз и Миллер (Castles and Miller 2003: 14) выделили две центральных проблемы, которые возникли в связи с массовыми перемещениями населения в последнее время: регулирование международной миграции, с одной стороны, и ее влияние на этническое, культурное и языковое разнообразие – с другой.

Усиливающееся разнообразие стало более очевидно в городских условиях. Правда, традиционно одним из предметов анализа были национальные государства, но теперь при анализе и измерении текущих тенденций в отношении населения в центре внимания все больше оказываются города. По словам Адриана Фавелла (Adrian Favell), «наиболее перспективным представляется сосредоточение внимания не на сравнении национальных государств, а на сравнении городов и населяющих их мигрантов. Новейшие и самые острые перемены можно в первую очередь наблюдать именно в городах, вопреки различиям, находящим отражение в национальных идеологических спорах, здесь-то в определенной степени и происходит сближение различных наций в отношении как политических проблем, так и политических решений. И именно на уровне городов имеет смысл вести исследования по транснациональным вопросам и «глобализации места». Париж, Лондон, Амстердам, Брюссель, Берлин и Милан, среди прочих, стали мультикультурными городами непреднамеренно и довольно неожиданно для национальных правительств, и чтобы объяснить, как это произошло, необходимо учитывать специфику каждого города в национальном, региональном и международном контексте» (2001: XIX).

На протяжении последних десятилетий рост городов шел в геометрической прогрессии, и в ближайшие годы он продолжится. Сто лет назад двое из десяти людей жили в городских условиях, к 1990 г. в городе жило

⁸⁸ *Миграция и ООН. Программа развития после 2015 г.*: http://publications.iom.int/bookstore/free/Migration_and_the_UN_Post2015_Agenda.pdf.

менее 40% мирового населения, а в 2010 г. – более половины всего населения. К 2030 г. в городской среде будут жить шесть из десяти людей, а к 2050 г. это соотношение увеличится до семи человек из десяти. В настоящий момент около половины всех городских жителей живут в городах с населением от 100 000 до 500 000 человек и менее 10% – в мегаполисах (по определению программы ООН-Хабитат, мегаполис – это город с населением более 10 млн человек). В абсолютных величинах цифры вырастут с 3,5 млрд городских жителей в 2010 г. до 6,4 млрд к 2050 г.

1. Управление разнообразием в городской среде: сложная задача для общества XXI в.

Иммиграция и мобильность людей повлекли за собой глубокие демографические, экономические и социальные перемены, и здесь на первый план выходит одна из основных проблем, с которыми в данный момент сталкиваются общества принимающих стран: управление разнообразием. Именно на местном уровне (ближе всего к гражданам) демографические и социальные перемены стали более ощутимы, а соответственно, именно на этом уровне должно предприниматься подавляющее большинство мер по управлению разнообразием. «Больше действий на местном уровне» – одна из рекомендаций Европейской повестки дня в вопросах интеграции выходцев из стран третьего мира⁸⁹. В Рекомендациях Еврокомиссии по интеграции иммигрантов говорится, что местные органы власти во многом определяют механизмы взаимодействия между мигрантами и принимающим обществом. Считается, что ключевую роль в управлении этим разнообразием играют города.

В одном из последних докладов «Состояние городов мира» (2012–2013 гг.) настоятельно рекомендуется, чтобы современные города XXI в., ориентированные на человека, поощряли обеспечение роста занятости на местах, содействовали социальному разнообразию, поддерживали устойчивость окружающей среды и признавали важность общественного пространства. Это должны быть города, охватывающие всех и доступные для каждого⁹⁰.

Следуя той же логике, в рамках проекта Совета Европы 2008–2013 гг. «Межкультурные города» (Intercultural Cities project)⁹¹ был предло-

⁸⁹ <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2011:0455:FIN:EN:PDF>.

⁹⁰ UN Habitat: <http://www.unhabitat.org/pmss/listItemDetails.aspx?publicationID=3387>.

⁹¹ http://www.coe.int/t/dg4/cultureheritage/culture/Cities/ICCOutcomes_en.pdf.

жен новый способ мышления и действий в отношении аналитического и концептуального инструмента разнообразия в целях исследования преимуществ растущего многообразия, далекого от негативных, узких стереотипов в отношении иммиграции. Разнообразие – будь то религиозное, культурное или языковое – действительно может порождать конфликты: принимающее общество зачастую с предубеждением относится к мигрантам, злоупотребляющим теми возможностями, которые предоставляют им система социальной защиты или рынок труда. Однако разнообразие может также обеспечивать и преимущества, например, повышение разнообразия товаров, услуг и навыков, доступных в городских условиях. Увеличившееся число компетенций и навыков, порожденных разнообразием, может также стимулировать творчество, инновации и экономический рост (Berliant and Fujita 2003).

Различные исследования последних лет подтверждают, что тщательно выверенная стратегия управления разнообразием может обеспечить социальные и экономические преимущества для общества в целом. Опубликованный Советом Европы доклад «Свидетельства экономических и социальных преимуществ подхода межкультурных городов» (*Evidence of the Economic and Social Advantages of Intercultural Cities Approach*)⁹² представляет анализ опытных данных о том, как города, используя свое положение, разрабатывают возможности управления последствиями иммиграции для общества путем увеличения преимуществ разнородных сообществ и сокращения их негативного влияния. И хотя иммиграция по-прежнему остается злободневным вопросом, существует необходимость в разработке подходящего инструмента общественной политики в целях обеспечения более крупномасштабных преимуществ для гетерогенного общества.

2. Языковое разнообразие в городах. Вавилонская башня или источник возможностей?

Одной из наиболее заметных перемен в городской среде стало распространение ситуации сосуществования различных языков. Сегодня языковое разнообразие в городах является не исключением, а нормой. Согласно результатам переписи населения г. Торонто 2011 г.⁹³, для 48% городских жителей родным языком является не английский или французский (официальные языки Канады), а какой-то другой язык. Похо-

⁹² <http://www.coe.int/t/dg4/cultureheritage/culture/cities/research/literature%20review.pdf>.

⁹³ 2011 г., Городской совет Торонто: http://toronto.ca/demographics/pdf/language_2011/backgrounder.pdf.

жая ситуация наблюдается в Нью-Йорке⁹⁴, где 47% населения говорит еще на одном языке, помимо английского. Жители Хельсинки, где уровень иммиграции ниже (7,2%), говорят примерно на 150 языках (Kraus 2011: 30). Это немногим меньше, чем в Манчестере, где, в соответствии с исследованием Университета Манчестера⁹⁵, сосуществуют свыше 200 языков, или в Лондоне, жители которого говорят на более чем 300 языках⁹⁶. Список подобных городов может быть бесконечным.

Сегодня города отказываются от традиционных националистических подходов и идеологий, в основе которых лежал характерный для XIX в. принцип «один язык – одно государство», и более тщательно учитывают динамичность и разнородность своего населения. Именно на местном уровне можно получить реалистичную языковую картину.

3. От теории к практике. Пользуются ли города «преимуществом языкового разнообразия»? Примеры Барселоны и Лондона

Несмотря на то, что представители научных кругов и международных организаций сходятся во мнении относительно преимуществ многоязычия, необходимо проанализировать, могут ли теоретические постулаты быть транслированы в конкретные, реальные городские инициативы или программы, направленные не только на осознание языкового разнообразия, но и на его активное продвижение. В данном разделе представлен краткий общий обзор языкового разнообразия в двух городах – Барселоне и Лондоне; дальнейший анализ будет представлен в следующем разделе.

3.1. Языки, на которых говорят в Барселоне. Общий обзор

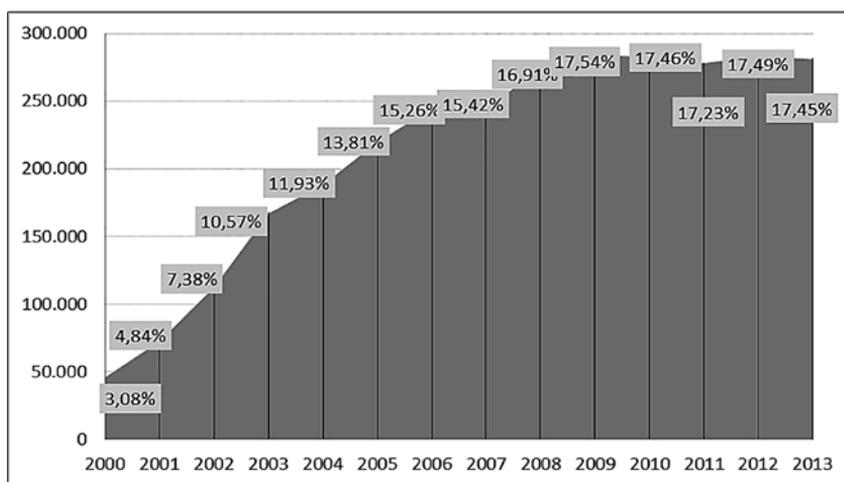
За последнее десятилетие иммигрантское население Барселоны увеличилось в шесть раз – с 3% в 2000 г. до более 17% в 2013 г. Табл. 1 иллюстрирует эту беспрецедентную перемену, произошедшую в самые короткие сроки.

⁹⁴ *Language and Education in New York. Migration Policy Institute (Язык и образование в Нью-Йорке. Институт миграционной политики):* <http://www.migrationinformation.org/datahub/state2.cfm?ID=NY>.

⁹⁵ *Доступно по ссылке:* <http://mlm.humanities.manchester.ac.uk/aboutus.html>.

⁹⁶ <http://www.independent.co.uk/news/london-multilingual-capital-of-the-world-1083812.html>.

Таблица 1. Рост иностранного населения Барселоны (2000–2013 гг.)

Источник: авторская разработка по данным Каталонского института статистики (март 2014 г.)

Новые жители приезжают в города со всех континентов мира, как отражено в табл. 2, где показано количество национальностей в каждом районе: максимальное разнообразие отмечается в районе Эшампле (145 национальностей), а самый низкий показатель характерен для Санкт Андреу (115 национальностей). В Табл. 3 перечислены основные национальности, представленные в Барселоне.

Таблица 2. Количество национальностей, представленных в Барселоне (2013 г.)

Район	2009	2010	2011	2012	2013	Кол-во национальностей
Старый город	14,3	14,5	14,7	15,2	15,7	139
Эшампле	16,4	16,5	16,4	16,9	17,5	145
Сантс-Монжуик	12,1	12,3	12,5	12,9	12,9	131
Лес Кортс	3,3	3,3	3,2	3,3	3,3	120
Саррия-Сант Жервази	5,8	5,7	5,5	5,6	5,8	135
Грасия	6,6	6,7	6,4	6,6	6,6	134
Орта	7,6	7,7	7,6	7,5	7,6	127
Нуу Баррис	9,6	9,5	9,7	9,8	9,5	123
Сант Андреу	6,5	6,7	6,8	6,7	6,7	118
Сант Марти	11,9	12,3	12,5	12,8	13,1	138
Не указано	6,0	4,9	4,6	2,7	1,3	94

Источник: Каталонский институт статистики (2013 г.)

Таблица 3. Основные национальности, представленные в Барселоне (2013 г.)

Основные источники иммигрантского населения	
Страна	% всего иммигрантского населения в Барселоне
Италия	8,63
Пакистан	7,69
Китай	5,79
Эквадор	4,93
Боливия	4,8
Марокко	4,73
Франция	4,52
Перу	4,5
Колумбия	4,15
Филиппины	3,11
Доминиканская республика	2,7
Аргентина	2,49
Румыния	2,49
Германия	2,46
Бразилия	2,24

Источник: Авторская разработка на основе данных Каталонского института статистики (IDESCAT, март 2014 г.)

С количеством языков, на которых говорит новое население, не все так просто, поскольку официальных данных не существует. Мы можем только определить страны происхождения мигрантов, но не их языки, и руководствоваться при этом упоминавшимся выше подходом «одно государство – один язык», который не учитывает языковое разнообразие государств мира, нельзя.

Таким образом, помимо стран происхождения, необходимо использовать другие источники информации для изучения языкового разнообразия, наблюдаемого в городе. С учетом этого я остановился на двух других дополнительных источниках:

1. Родные языки, на которых говорят учащиеся языковых курсов из числа иммигрантского населения. Государственный департамент образования Каталонии систематически ведет учет языков, на которых говорят дома учащиеся так называемых языковых курсов с «погружением» (*Aules d'Acollida*), созданных специально для недавно прибывших в страну и не говорящих на каталанском и/или испанском языках. Понимая, что это далеко не исчерпывающие данные, Департамент предоставил нам некоторую информацию об основных 30 языках этих студентов, которая дает частичное представление о языковой разнородности населения Барселоны. Согласно этим данным, помимо испанского, чаще всего разговорными языками таких студентов-иммигрантов являются арабский, китайский, тамазигхт, панджаби и урду.
2. Опрос населения 2007 г. Мы также проанализировали результаты проведенного в 2007 г. опроса, посвященного тому, на каких языках, помимо испанского и каталонского, население говорит дома. Результаты показательны: более 10% интервьюируемых заявили, что говорят на каком-либо другом языке (самые распространенные из них приведены в табл. 4).

Таблица 4. Языки, на которых говорит население, помимо испанского и каталонского

Язык	% опрошенных
арабский	16,7
румынский	14,3
тамазигхт	12,2
французский	6,5
португальский	6,2
галисийский	5,1
английский	4,7
русский	4,1
немецкий	3,8
китайский	2,3

Источник: Авторская разработка по результатам опроса населения 2007 г.

На основе собранных и проанализированных данных мы можем составить подробный отчет о лингвистическом разнообразии, представленном в Барселоне: это панджаби и урду (языки выходцев из Пакистана); северо-китайский (мандаринский), у и кантонский диалекты (китайское население); кечуа, гуарани и аймара (языки части латиноамериканского населения); арабский и в особенности тамазигхт (приблизительно 50–80% живущих в городе выходцев из Марокко); тагальский (филиппинское население); румынский, португальский, русский, итальянский, французский и английский языки. Таким в общем виде будет перечень основных языков и сообществ, представленных в городе.

3.2. Языки, на которых говорят в Лондоне. Общий обзор

Лондон рассматривает многоязычие как одну из своих самых сильных сторон. Во вступлении к Плану Лондона, определяющего стратегию развития города, отмечается, что Лондон – «самый разнообразный в культурном отношении город мира». Далее приводится веский довод в пользу международной иммиграции: «Многоязычие Лондона – одно из его самых больших исторических социальных, экономических и культурных преимуществ. Новые люди, приезжающие в Лондон со всего мира, будут и дальше способствовать этому. Лондон уже является крайне многоязычным городом, одним из самых многорасовых городов мира. Почти одна треть лондонцев – представители сообществ афроамериканцев и этнических меньшинств. В ближайшие 15 лет и далее их доля существенно вырастет. Уровень международной иммиграции и эмиграции всегда был высок и продолжает оставаться таковым» (MoL 2004)⁹⁷.

Что касается происхождения иммигрантского населения, основные национальности, представленные в городе, показаны в табл. 5.

Таблица 5. Происхождение населения Великобритании

Западная Европа	18%
в том числе Франция	5%
Центральная/Восточная Европа	14%
в том числе Польша	5%

⁹⁷ См. *The Impact of Recent Migration on the London economy. London School of Economics (2007)*.

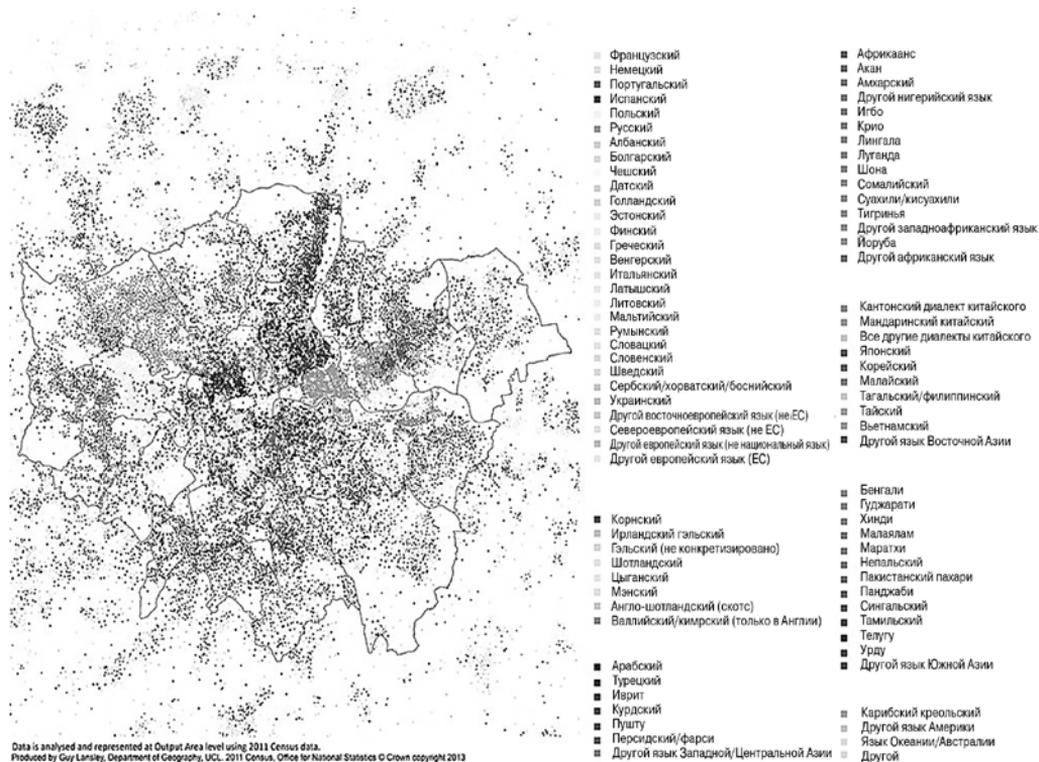
Австралия/Новая Зеландия	9%
Северная Америка	6%
в том числе США	5%
Карибский бассейн	2%
Центральная/Южная Америка	5%
в том числе Бразилия	3%
Средний Восток	4%
Южная Азия	12%
Африка	19%
в том числе ЮАР	6%

Источник: The Impact of Recent Migration on the London Economy, LSE (2007) («Влияние последней волны миграции на экономику Лондона»)

В отличие от Барселоны, существуют официальные цифры по языкам, на которых говорят в Лондоне и в Соединенном Королевстве в целом. Статистические данные на основе переписи населения 2011 г. показывают, что для 78% жителей столицы основным (но необязательно (единственным) родным языком) является английский. Однако у оставшихся 22% – а это чуть более 1,7 млн человек – другой первый язык. Самый распространенный язык, помимо английского, – польский, на нем говорит приблизительно 2% иностранных жителей Лондона. За польским следуют бенгали, гуджарати, французский, урду и арабский. Самый многоязычный пригород – Хиллингдон, где говорят приблизительно на 107 языках, за ним идет Ньюэм со 104 языками. Цифры также показывают, что в 30 из 33 пригородов столицы используется свыше 300 языков; только в районах Сити, Ричмонд и Хаверинг этот показатель ниже.

На основе данных переписи населения 2011 г. специалист по географии народонаселения Гай Лэнсли (Guy Lansley) продемонстрировал масштаб лондонского языкового разнообразия, выделив основные 80 языков, помимо английского, на которых говорит зарегистрированное население. Они перечислены в табл. 6.

Таблица 6. Самые распространенные в Лондоне языки (помимо английского)

Источник: Языковая карта Лондона на основе переписи населения 2011 г.

4. Городское многоязычие. Важнейшее преимущество города

В последние несколько лет международные организации, исследователи и национальные институты стали проявлять интерес к преимуществам языков иммигрантов как знаку современности, открытости и прежде всего к экономическим преимуществам растущего языкового разнообразия. Еще в 2007 г. Европейская комиссия опубликовала доклад ELAN, посвященный экономическим последствиям недостаточного владения иностранными языками для коммерческой деятельности европейских предприятий (*Effects on the European Economy of Shortages of Foreign Language Skills in Enterprise*), где подчеркиваются пагубные последствия для коммерческой и экономической деятельности многих европейских компаний в связи с недостаточным знанием иностранных языков, многие из которых – это языки мигрантов. Стоит также упомянуть запущенную недавно Международной организацией по миграции кампанию «Вклад

мигрантов»⁹⁸, показывающую, какие преимущества и выгоды обеспечивают мигранты принимающим обществам, в том числе с точки зрения языков, а также Конференцию Совета Европы по вопросам важности использования преимуществ языков мигрантов в городской среде, которая пройдет в Бильбао 18–19 сентября 2014 г.

Еще в 2005 г. подход «Продуктивное разнообразие» («Productive Diversity»), примененный в Австралии (Pyke 2005), доказал значительные преимущества от использования языков и культур мигрантов. С недавних пор в научных кругах появился еще один термин для обозначения этого явления – «преимущество разнообразия» («Diversity Advantage») (Landry & Wood 2008).

5. Осознают ли местные власти преимущества городского разнообразия? Анализ ситуации в Барселоне и в Лондоне

5.1. Барселона: План иммиграции на 2012–2015 гг.

В Плане иммиграции на 2012–2015 гг. содержатся рекомендации относительно политики города в сфере иммиграции и обеспечения социальной сплоченности, а вопрос языков мигрантов является одним из ключевых: они должны не просто получить признание, но также активно поддерживаться и продвигаться.

С учетом того, что «культурное и языковое разнообразие населения – это дополнительное преимущество, которое выгодно всему обществу и потому должно быть усилено», План Барселоны определяет специальные направления действий по поддержанию разнообразия языков мигрантов:

1) Образование на родном языке. План предполагает работу над увеличением числа школ, где ведется преподавание языков мигрантов в рамках Программы Министерства образования Каталонии «Образование на родном языке» для объединения языковых талантов студентов различного происхождения (Мероприятие 50 Плана). Целью является развитие скрытых способностей к языкам у молодых людей, говорящих дома на различных языках, так как потенциальное многоязычие расширит их карьерные возможности.

В Плане говорится: «С учетом текущей ситуации, в том числе финансового кризиса и изменения промышленного цикла, вследствие которых мы должны обеспечить людей ресурсами, необходимыми для того, чтобы

⁹⁸ <http://migrantscontribute.com/>.

справиться с растущей конкуренцией, мы намерены создать условия, в которых общественная политика будет способствовать успеху в образовании и карьере, уделяя особое внимание второму поколению иммигрантов. Мы будем поддерживать таланты, развивать возможности обучения, доступ к ресурсам и общество благосостояния» (стр. 42).

В этой связи власти заверили, что, несмотря на экономические трудности, сегодня обеспечивается больше возможностей для образования на родном языке (см. табл. 7), чтобы новые граждане Барселоны сохраняли свои языки.

Таблица 7. Рост числа образовательных программ на родном языке в Каталонии, 2004–2012 гг.

Рост числа записавшихся на курсы родного языка

	Арабский	Тамазигхт	Китайский	Румынский	Голландский	Украинский	Бенгальский	Португальский	Урду
2004-2005	981								
2005-2006	981	81	80						
2006-2007	1121	81	71		144				
2007-2008	1200	91	129	180	130				
2008-2009	1596	109	185	465	125	35			
2009-2010	1596	134	217	308	15	58	25	227	
2010-2011	1682	98	390	204	137	53	57	227	20
2011-2012	2409	49	199	210	137	42	30	300	20

Источник: Департамент образования. Правительство Каталонии

2) Проект «ProMES». Продвижение многоязычия в малых и средних предприятиях, ориентированных на экспорт. Этот европейский проект, реализуемый в разных городах и регионах Европы, нацелен на обмен опытом использования потенциальных преимуществ языков жителей различных городов. В Барселоне он реализуется городской Торговой палатой, в настоящий момент 10 аудиторов на местах проводят оценку того, как компании выявляют и используют потенциальные преимущества городского многоязычия. Результаты проекта, вдохновленного упомянутым ранее проектом ELAN, подтверждают, что в ближайшие годы

потребность в многоязычных гражданах будет расти в геометрической прогрессии. Несмотря на то, что данный проект напрямую не упоминается в барселонском Плана иммиграции, город и Правительство Каталонии принимают в нем активное участие.

3) Продвижение многоязычия в компаниях Барселоны (Проект «Развитие Барселоны», Мероприятие 54 Плана иммиграции). В Плана говорится о настоятельной необходимости создать специальную программу для поощрения использования языков развивающихся стран, то есть содействовать интернационализации бизнеса, а также улучшению карьерных перспектив для тех, кто владеет данными языками.

4) Предпринимательство и миграция (Мероприятие 27 Плана иммиграции). В Плана идет речь о поощрении иностранцев к участию в программах *Barcelona Activa*, городского агентства, которое занимается продвижением предпринимательства среди всех жителей Барселоны. Основными целями при этом являются повышение участия мигрантов в учебных программах и предоставление им ресурсов для предпринимательской деятельности. Согласно имеющимся данным, мигранты в большей мере стремятся заниматься предпринимательством, нежели коренное население Барселоны; 23,4% пользователей данной программы – иммигрантского происхождения, хотя мигранты составляют 17% всего населения. Языки могут играть ключевую роль, когда они связаны с экономикой.

5.2. Пример Лондона

Общественная полемика часто связывает лондонское многоязычие с экономическим процветанием города. В 2007 г. администрация Лондона выпустила доклад «Влияние миграции на современную экономику Лондона» (*The Impact of Migration in London's recent economy*), в котором подчеркиваются благотворные последствия разнообразия и гетерогенности населения с точки зрения имеющих у граждан навыков. Отмечается, что «миграция обеспечивает *качественные* улучшения для трудовых ресурсов и экономики Лондона за счет разнообразия, гибкости, международного опыта и навыков, а также *количественные* – за счет прироста рабочей силы».

В данном докладе языки рассматриваются как ценность. Подчеркивается, что «с гетерогенностью населения связано множество плюсов, одним из которых является упрощение торговых отношений с родными странами мигрантов за счет использования их языковых навыков, знания рынка,

связей и социального капитала. Таким образом, доклад побуждает представителей органов власти использовать «преимущества разнообразия» и ставить его на службу города.

Совсем недавно, в июле 2011 г., Администрация города опубликовала всеобъемлющий стратегический план (План Лондона), представляющий собой полностью интегрированную программу экономического, экологического, транспортного и социального развития столицы на период до 2031 г. В Плате несколько раз упоминаются языки и роль, которую они должны играть:

«Разнообразие Лондона – одна из его самых сильных сторон и то, что его жители ценят в нем больше всего: в столице представлено больше языков и культур, чем в любом другом крупном городе. Мэр стремится обеспечить, чтобы Лондон был еще более инклюзивным городом, где признаются как общие ценности, так и различные потребности разнообразных групп и сообществ столицы». По-прежнему подчеркивается потребность «с максимальной выгодой использовать энергию, динамизм и разнообразие, характерные для города и его жителей; приветствуются изменения при условии сохранения наследия, добрососедских отношений и идентичности; а также подчеркивается ценность ответственности, сострадания и гражданской сознательности».

Несмотря на то, что все проанализированные официальные документы говорят о языковом разнообразии и языках мигрантов как одной из самых главных ценностей города, мы не находим особых ссылок на разработанные местными органами власти реальные, конкретные проекты или инициативы, которые объясняли бы, как теоретические постулаты переходят в конкретные действия. Однако масса примеров обнаруживается в научных кругах, в особенности на местном уровне. Так, исследовательский проект Лондонской школы экономики LUCIDE показал, что происходит на местном уровне в сфере образования и языков мигрантов. Школы Лондона предоставляют образование для учащихся, о разнообразии которых лучше всего свидетельствует количество языков, на которых они говорят: 360. Свыше 50% учащихся лондонских школ – билингвы (London Challenge Figures 2008). В некоторые школы записано свыше 90% учеников, говорящих на двух языках. Кроме того, существует 16 международных школ, и появляется все больше двуязычных школ, в частности французский лицей, немецкая средняя школа и итальянская школа, в которых учебная программа формируется с опорой на два языка и две культуры. Что касается дополнительного образования, согласно оценкам, несколько сотен школ, где преподаются родные языки, помогают детям-билингвам сохранить языки, на которых они говорят в семье.

Заключение

В данной работе подчеркивается растущий интерес к управлению разнообразием на местном уровне, в особенности к языкам мигрантов как к социальной и экономической ценности. Анализ ситуации в двух городах, Барселоне и Лондоне, позволяет сделать следующие ключевые выводы:

1. Хотя официальных данных о числе языков, на которых говорят в Барселоне, нет, городской План иммиграции рассматривает языки мигрантов как ключевые элементы иммиграционной стратегии, содержит конкретные предложения и предполагает работу с региональными органами власти Каталонии в целях использования языкового разнообразия города.
2. Перепись населения Соединенного Королевства 2011 г., напротив, содержит детальную информацию о языках, на которых говорят в Лондоне (самым распространенным среди них является польский).
3. В барселонском Плана иммиграции на 2012–2015 гг. языки мигрантов определяются как один из важнейших ресурсов – его развитие не просто является предметом официальных заявлений, но и обеспечивается с помощью конкретных инициатив и мер, таких как образование на родном языке, проекты ProMES, «Barcelona Growth» и «Barcelona Activa».
4. Различные планы и документы администрации Лондона подчеркивают значимость лингвистического разнообразия и описывают его как одно из основных достояний Лондона, но, к сожалению, не предусматривают конкретных и реальных действий. Разнообразные инициативы реализуются только снизу на местах.

Как отмечено в данной статье, сегодняшняя общемировая ситуация предполагает дальнейшее повышение концентрации людей в городах. Население более мобильно, многоязычно и разнородно, чем когда-либо, и управление данным разнообразием в ближайшие годы станет одним из основных приоритетов. На это указывает беспрецедентное изменение тенденций и схем в результате экономических и социальных трансформаций во всем мире. Мы считаем источником этих перемен города, центры экономической активности. В урбанистическом обществе знания языковое разнообразие может стать отнюдь не проблемой, а величайшей ценностью. Источником процветания, развития, прогресса, сплоченности и инклюзивности, а также личной, социальной и экономической выгоды. Личная выгода обеспечивается за счет того, что, хотя для мигран-

тов гарантом интеграции и включенности может стать изучение языка принимающей страны, языки, на которых говорят они сами, могут быть весьма полезны для поддержания личных связей. Социальные выгоды обусловлены тем, что мигранты обогащают принимающее общество в целом, делая его более разнообразным и разносторонним. Наконец, многоязычие экономически выгодно в силу того, что мигранты говорят на языках развивающихся стран, а это очень ценно для ведения бизнеса в странах их происхождения. Языковое разнообразие, которое у многих вызывает печальные ассоциации с Вавилонской башней, может стать для общества одной из главных ценностей.

Источники

1. Berliant, M. & Fujita, M. (2003). *Knowledge creation as a square dance on the Hilbert Cube*, Washington University, Department of Economics, Mimeo.
2. Castles, S. and Miller, M. J. (2003). *The Age of Migration (Third Edition)*, Macmillan, London.
3. Favell, A. (2001). *Philosophies of Integration: Immigration and the Idea of Citizenship in France and Britain (2nd ed.)*. London: Macmillan and New York: St. Martin's Press.
4. Freeman, O. Business partnerships with migrants' countries of origin: sharing the diversity advantage.
5. Kraus, P. (2011). "The Multilingual City. The Cases of Helsinki and Barcelona". *The Nordic Journal of Migration Studies* 1(1).
6. Landry, C. & Wood, P. (2008). *The Intercultural City: Planning for Diversity Advantage*. Earthscan, London.
7. London city Council. (2007). *The Impact of Recent Migration on the London economy*. London School of Economics.
8. Pyke, J. (2005). *Productive Diversity: Which Companies Are Active and Why?* Victoria University, Phd Thesis.
9. Sassen, S. (2001). *The Global City*, 2nd ed. Princeton University Press, Princeton.
10. Vertovec, S. (2007a). 'Super-diversity and its implications'. In: *Ethnic and Racial Studies* 29(6): 1024-54.

Сетевые ресурсы

- International Migration Report 2013 (Доклад о международной миграции за 2013 г.): http://www.un.org/en/development/desa/population/publications/pdf/migration/migrationreport2013/Full_Document_final.pdf#zoom=100.
- European Commission Communication. European Agenda for the Integration of Third-Country Nationals (Европейская комиссия. Европейская повестка дня по вопросам интеграции выходцев из стран третьего мира): <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2011:0455:FIN:EN:PDF>.
- Migration and the United Nations Post-2015 Development Agenda (Миграция и Программа развития ООН на период после 2015 г.): http://publications.iom.int/bookstore/free/Migration_and_the_UN_Post2015_Agenda.pdf.
- ООН-Хабитат (Программа ООН по населенным пунктам): <http://www.unhabitat.org/pmss/listItemDetails.aspx?publication-ID=3387>.
- Проект Совета Европы «Межкультурные города»: http://www.coe.int/t/dg4/cultureheritage/culture/Cities/ICCOutcomes_en.pdf.
- Evidence of the Economic and Social Advantages of Intercultural Cities Approach (Доклад «Свидетельства экономических и социальных преимуществ подхода межкультурных городов»): <http://www.coe.int/t/dg4/cultureheritage/culture/cities/research/literature%20review.pdf>.
- Языки Торонто. Совет города Торонто: http://www.toronto.ca/demographics/pdf/language_2011_backgrounder.pdf.
- Язык и образование в Нью-Йорке. Миграционная политика: <http://www.migrationinformation.org/datahub/state2.cfm?ID=NY>.
- Университет Манчестера. Языки Манчестера: <http://mlm.humanities.manchester.ac.uk/aboutus.html>.
- The Independent London: Multilingual Capital of the World («Независимый Лондон: многоязычная столица мира»): <http://www.independent.co.uk/news/london-multilingual-capital-of-the-world-1083812.html>.
- Каталонский институт статистики (IDESCAT): www.idescat.cat.

-
- UK Census Analysis. Languages in England and Wales 2011 (Анализ переписи населения Соединенного Королевства. Языки Англии и Уэльса, 2011 г.): <http://www.ons.gov.uk/ons/rel/census/2011-census-analysis/language-in-england-and-wales-2011/index.html>.
 - CILT, the National Centre for Languages. ELAN: The Effects on the European Economy of Shortages of Foreign Language Skills in Enterprise, 2006 (Исследование Британского национального центра языков «Экономические последствия недостаточного владения иностранными языками для коммерческой деятельности европейских предприятий»): http://ec.europa.eu/languages/policy/strategic-framework/documents/elan_en.pdf.
 - Migrants Contribute (Проект Международной организации по миграции): <http://migrantscontribute.com/>.
 - Барселонский План иммиграции на 2012–2015 гг.: http://www.bcn.cat/novaciutadania/pdf/pla_immigracio/pla_immigracio_en.pdf.
 - The London Plan (План Лондона): <https://www.london.gov.uk/priorities/planning/london-plan>
 - LUCIDE project (Лондонская школа экономики. Проект LUCIDE): <http://www.urbanlanguages.eu/events>.

Василий РИВРОН

координатор проекта «Metroscope», научный сотрудник
Национального института информатики и автоматизации,
Университет Нижней Нормандии в Кане
(Кан, Франция)

Социальные медиа и проблема сохранения языков в Центральной Африке: между культурной объективацией и культурной мутацией

Аннотация

Успех социальных сетей среди африканцев и африканских диаспор привел к созданию групп в сети Facebook, которые формируются по этническому принципу. Каждая из пяти подобных групп, описанных в данном исследовании, может насчитывать до 8 000 участников. Такие пространства для общения между членами сообщества позволяют сделать интересные выводы относительно сохранения языкового разнообразия в эпоху цифровой глобализации, а также изменения понимания национальной принадлежности.

С одной стороны, мы присутствуем при «спонтанном» кодировании языков, которые до сих пор не имели письменности, что способствует их текущему письменному использованию, передаче этой способности и литературного наследия, унификации и гармонизации языков.

С другой стороны, подобные новые измерения языка приводят к глубоким изменениям статуса этих языков и организации связанных с ними культурных групп: созданию публичного пространства (исключающего другие национальные языки), где центральную роль играют члены диаспоры; установлению наднациональных связей с бывшими родственными группами в соседних странах (повторное введение забытых этнонимов, переписывание генеалогий, повторное утверждение объединяющих легенд о происхождении), что способствует появлению проектов организации встреч в реальной жизни, разработки политики публикаций, организации культурных фестивалей, создания наднациональных политических партий и т.д.

Введение

Язык этон, на котором говорят в основном в центральном и южном Камеруне, принадлежит к многочисленным языкам банту, распростра-

ненным в Центральной и Южной Африке. В Камеруне два официальных языка (английский и французский) и около 200 племенных языков, лишь малая часть из которых имеет свою письменность и может преподаваться в школе. На языке этон говорят около 250 000 человек. У этого языка нет собственных грамматики, синтаксиса и орфографии в виде особых общепринятых правил, установившихся для его письменной формы, отмечается очень мало случаев его письменного использования и еще меньше письменных публикаций.

В своей программной работе (Rivron 2012) мы описали своего рода колаборативный процесс кодификации системы письма и использования этого языка в социальных сетях и на форумах, который начался в 2009 г. В то время схожие явления отмечались во многих исследованиях, например у амазигов в Северной Африке (Azizi 2010) или хмонгов в Китае (Mayhous 2010). В них было показано, как ресурсы Веб 2.0 могут способствовать консолидации культурных сообществ. С тех пор в Центральной Африке произошли значительные изменения в этой сфере. Благодаря более широкому проникновению Интернета на местах и процессам культурной афfirmации у нас сейчас есть новые типы «культурных» или «этнических» групп в сети *Facebook* в этом регионе, некоторые из них насчитывают до 8 000 членов. Произошел эффект масштабирования, в результате которого самые популярные «культурные группы» сейчас присоединяются к многочисленным понимающим языки друг друга группам в лингвистической категории фанг-булу-бети, распространенной на территории Камеруна, Габона и Экваториальной Гвинеи.

Рост письменного использования родного языка в сети *Facebook* в настоящее время связан с процессом «патримониализации», формального создания культурного наследия: происходит концентрация, унификация и кодификация культурного капитала (Bourdieu 1994). Этому процессу присущи типичные, но одновременно и весьма специфические характеристики, которые служат наглядным подтверждением гипотезы, сформулированной Ренато Ортизом (Ortiz 1995): «фиксация традиций всегда происходит в процессе модернизации». Под фиксацией традиций я понимаю «объективацию/объективизацию» культуры в том смысле, в каком понимал ее Джек Гуди (Goody 1979): это материализация культурных черт путем производства средств коммуникации, позволяющих осуществлять систематизацию и передачу данных на расстоянии, во времени и пространстве. Ведь, как напоминает нам Эрик Гишар (Guichard 2003), в основе информатики и Интернета (от кодов до контента) лежит письменность, и их необходимо анализировать как «интеллектуальные методики», имеющие социальную направленность.

Сегодняшний подход к языковой и культурной аффирмации сформулирован Жан-Лу Амселем и Эликией Боколо в работе «В сердце этноса» (Amselle & Mbokolo 1999), в которой они представили нестатичное понимание культуры и этноса: это относительные конструкции (за исключением изолированных культур); они представляют собой динамичные, а не «холодные общества», как сказал бы Клод Леви-Стросс. Культурные категории и практики являются полисемичными и контекстуальными, а не эссенциалистскими... Таким образом, в данной работе мы попробуем проанализировать, как сохранение и передача языков через их письменную кодификацию и общение в электронном виде становятся частью процесса трансформации группового мышления и реконфигурации групп.

Письменная форма языка этон в группах сети *Facebook*

В 2009 г. я с изумлением обнаружил, что произошло несколько попыток перестройки этнических сообществ в одной из самых известных кооптированных социальных сетей (или социальных СМИ). Это происходило в условиях, когда язык этон находился под угрозой исчезновения или, чаще, под угрозой деградации из-за недостаточно частого использования и тенденции к смешению его с другими, более прочно утвердившимися языками, например эвондо. Однако этот язык не включен в составленный ЮНЕСКО Атлас языков мира, находящихся под угрозой исчезновения (Moseley 2010), и можно было бы усмотреть за словами об уязвимом положении этона стремление подтвердить культурную ценность с использованием «риторики утраты» (Gonçalves 1996), что характерно для процессов формирования культурного наследия. В то же время мы ежедневно получаем свидетельства недостаточной межпоколенческой передачи этого языка в городских сообществах, говорящих на этоне. Во многом это связано с процессами миграции, урбанизации, социальной мобильности, глобализации культурной индустрии и креолизации соседствующих языков, носители которых понимают друг друга.

Этот родной язык не был специально кодифицирован для обычного письма, до сих пор на нем писали только в исключительных условиях: лингвисты, этнографы, фольклористы, деятели культуры, возможно, существует небольшое количество записей частного характера. Текущая общественная и письменная практика на языке этон началась спорадически, через электронные сети. Мы впервые заметили это в 2004 г. на веб-форумах (непринужденное общение, только междометия) до того, как в группах в сети *Facebook* появились первые примеры полноценного письменного общения. В то же время этот процесс показал, что на письме использовался не только этон, основное текстовое пространство занимали французский и английский.

Вопреки расхожему мнению о социальных сетях, в этих группах велись далеко не пустые разговоры, а глубокие дискуссии о том, как правильно говорить (чтобы сократить поколенческий и географический разрыв) и правильно писать на языке этон. Затем начались масштабные обсуждения вопросов этимологии, ритуалов, истории, генеалогии, политических структур, региональных новостей.

Иногда мы встречали посты, ссылавшиеся на французско-этонский словарь (который на самом деле представляет собой докторскую диссертацию с приложенным к ней лексиконом) и на грамматику этона (написанную на английском языке) одного и того же автора: бельгийского лингвиста Марка Ван Дер Вельда (Van Der Veld 2003, 2008). И хотя эти тексты унифицируют и систематизируют логику языка, сам автор (см. интервью с ним от 12 января 2011 г.) признает необходимость разработки практических инструментов для создания обычного письма на этом языке. Эти два документа полны сложных лингвистических соображений и фонетических символов, которые на стандартных клавиатурах встречаются не часто. Поэтому ссылка на два этих документа скорее служит подтверждением значимости языка, а в практическом плане они могут пригодиться только наиболее эрудированным представителям сообществ, говорящих на этоне: среди тысяч членов данных групп нам встретились от силы 5 или 6 человек людей, использующих такое сложное фонетическое написание. В коротких текстах и беседах на языке этон обычно используется алфавит на основе письменности эвондо (это близкородственный язык из Яунде, который был кодифицирован миссионерами и сейчас преподается в школах в качестве дополнительного предмета). В таких разговорах часто полностью игнорируются тональные аспекты языка и используется графическая редукция, как ее трактует Джек Гуди (транскрипция сокращает богатство устной и контекстуальной коммуникации) и одновременно в том смысле, о котором говорил сам Марк Ван Дер Вельд в своем интервью: миссионеры оказались неспособны услышать все тоны, которые использовались в устном общении, что привело к лексическим потерям. Подобная практика письменной фиксации языка, в основном в городском контексте, объясняет также большое количество лексических заимствований из языка эвондо, а также необходимость читать вслух или по губам, порой неоднократно, чтобы понять смысл текста.

Эффекты письменности: объективация, патримониализация и графическая редукция

Описываемые нами «этнические» или «культурные» группы из Камеруна в сети *Facebook* не ограничиваются попытками компенсировать недостаточную передачу языка из поколения в поколение в контексте урбанизации, миграции и вертикальной социальной мобильности. Они также

осваивают универсальные ресурсы, предлагаемые платформой *Facebook* для интеграции или передачи традиционных кодов, процедур и ритуалов коммуникации. Требование формальной самопрезентации для новичков, которые должны пройти через «дом представления» в одной из этих групп, существование тем, посвященных брачным сделкам, или распространение слухов направлены на интеграцию электронных коммуникативных ресурсов в культурные схемы.

Как и эффект «материализации» речи через язык, другие процессы «объективации» способствуют сохранению и передаче культурных традиций, производя в то же время переобозначения, о которых упоминал Ортиз, говоря о модернизации, которая подразумевается при любых попытках материально зафиксировать традиции.

Примером тому может служить создание совместных и публичных архивов, когда такие исторические документы, как фото-, видеоизображения и тексты, постепенно компилируются в новостной ленте или в прикрепленных документах. Это действительно часть процесса создания наследия путем своеобразной концентрации, унификации и капитализации на одном графическом интерфейсе разнообразной информации, которая изначально хранилась в личных архивах. Тем самым вновь подчеркивается значимость визуальных символов этнической принадлежности, которые уже были частично уничтожены, в основном в ходе обращения в христианство и в результате колониального правления.

Другой эффект модернизации, который можно отметить (пусть даже он связан не только с подобными практиками), – это привязка коллективного этнического мышления к конкретной территории. Компьютерные ресурсы и распространение Интернета привели к активному составлению карт, что характерно и для изученного нами материала. Как показал Поль Боанан (1963), африканские этнические группы не всегда связаны с определенной территорией, и их фиксация и привязка к территории в основном является следствием колониального и независимого правления.

Общее следствие подобной этнической коммуникации и создания культурного наследия в сети *Facebook* – формирование культурной гордости: позитивного восприятия принадлежности к определенной традиции в современной и глобализованной жизни, где в силу социальной мобильности родной язык и национальная принадлежность утрачивают свою ценность и воспринимаются как архаизмы.

Эффект масштаба и возрождение этнонима «эканг»

Вскоре после создания в сети *Facebook* двух относительно небольших (до 1500 членов) групп, использующих язык этон, появилось еще

несколько групп, гораздо более масштабных: бети и фанг-булу-бети. Эти термины подразумевают более широкое определение культурной группы: пространство взаимопонимания между Северным Камеруном, Северным Габоном и Экваториальной Гвинеей, которые изначально различные лингвисты идентифицировали по отдельности. Эту более широкую концепцию поддержали несколько групп, каждая из которых сейчас насчитывает от 3000 до 8000 членов.

На рис. 1 мы соединили⁹⁹ период взаимодействий внутри и между четырьмя «метаэтническими группами» такого рода, включив в них, по другим соображениям, группу, созданную специально для камерунской диаспоры (А). Узлы соответствуют постам, опубликованным отдельными людьми, а связи означают обмен постами, лайки и комментарии других членов группы.

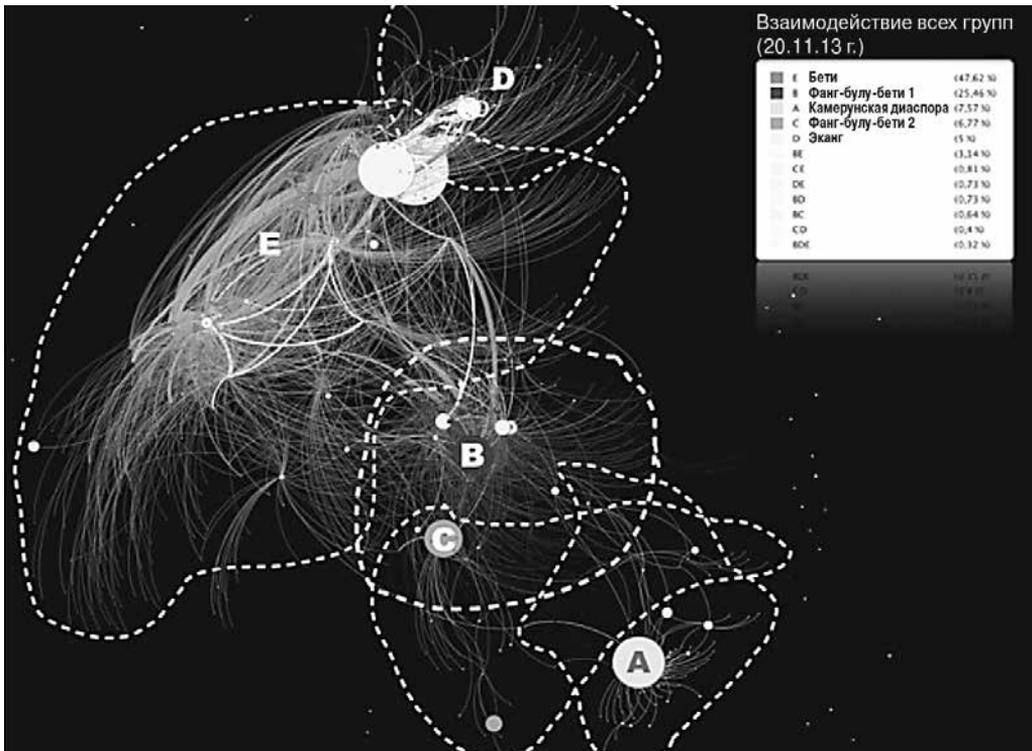

Рисунок 1. Взаимодействие между метаэтническими группами

Общая топология этих сетей демонстрирует совершенно различные типы взаимодействия и организации. У группы В предельно централи-

⁹⁹ Неоценимую помощь в этом нам оказал Симон Шарно, инженер INRIA/D2T.

зованная структура взаимодействий: главный модератор регулярно (почти ежедневно) поднимает темы языка или культуры, задавая подробные вопросы, а другие члены реагируют, также регулярно, отвечая на его сообщения, однако редко публикуют свои собственные посты. Это похоже на взаимодействие в рамках школы или церкви: основной активист, который инициирует все публикации, и ученики или последователи, которые весьма дисциплинированно следуют за ним. Напротив, для группы E характерна чрезвычайно распределенная структура, соответствующая другой динамике публикаций: свой вклад вносят многие члены группы, публикуя посты культурной, медийной, политической или коммерческой тематики, и взаимодействие вокруг этих постов выходит даже за пределы группы (например, мы видим размещение некоторого контента группы E в группе D). Анализ состава группы также показывает серьезное взаимопроникновение этих групп: некоторые из них насчитывают до 20% членов, состоящих одновременно еще в одной или нескольких группах данной категории.

Если мы сосредоточим наше внимание на двух группах фанг-булу-бети, мы увидим, что они отдельно занимаются патримониализацией, развитием письма на родном языке и формированием культурной идентичности. Эта деятельность в то же время привела к возникновению другого этнонима, «эканг» или «экан», который сначала просто обсуждался, а потом стал использоваться для обозначения появившихся впоследствии в *Facebook* групп, относящихся к языковому кластеру фанг-булу-бети. Работая с языками этон и эвондо с конца 1990-х гг., я никогда не замечал этой культурной категории, хотя позже нашел подтверждения ее присутствия в космогоническом эпическом сказании Мвет. Быстрый поиск с помощью программы *Google Trends*, подсчитывающей частотность ключевых слов в поисковых запросах, также показал, что до 2011 г. понятие «эканг» в Сети не использовалось.

Таким образом, благодаря деятельности этнических сообществ в сети *Facebook* мы становимся свидетелями восстановления или повторной активации категории для обозначения нового типа метаэтнической группы, существование которой прежде было ограничено языковой привязкой к группам фанг, булу и бети. Примечательно, что начатое этими группами культурологическое исследование языкового родства и этимологических соображений в итоге привело к унификации общей генеалогии, появлению общих легенд о происхождении и выработке общих культурных схем. При обсуждении вопросов о воссоединении эканг заходит речь о возрождении культурных и родственных связей, разорванных вследствие процессов колонизации и построения государственности.

Политические интересы в общинном и языковом процессе

На первый взгляд может показаться, что описываемый нами процесс является исключительно виртуальным (онлайновым), спонтанным и носит горизонтальный характер в соответствии с идеологией тех, кто продвигает Интернет и дистанционное обучение. Однако при более пристальном рассмотрении становится очевидной центральная роль отдельных доминирующих компонентов этих разных этнических групп. Процессы, идущие в социальных сетях, – это не только факторы, но и показатели текущей динамики социальной, экономической и политической взаимозависимости и организации.

Демографический подход к изучению групп этон и эканг в сети *Facebook*, хотя и очень базовый в силу технических ограничений, а также необработанности информации в профилях *Facebook*, показывает, что подобная этническая аффирмация и этническое строительство ведутся в основном живущими в городах студентами-космополитами или представителями диаспоры. И особенно типичны эти характеристики для главных активистов таких групп, которые в большинстве своем пишут из Франции, США, Канады, Бельгии и Германии, а также из Яунде или Либревиля.

Это неудивительно, если принимать во внимание по-прежнему низкий уровень проникновения Интернета и *Facebook* в Камеруне, Габоне и Экваториальной Гвинее в сравнении со странами Европы или Америки, а также неравномерность использования письменных и компьютерных методик. Не приходится удивляться и составу активистов эканг в сети *Facebook*, если учитывать политические соображения, связанные с этим проектом объединения, который даже воплотился в реальных встречах и идее организации культурных фестивалей (поддержанной одним меценатом и издателем). Появление публичного пространства фанг-булу-бети (в понимании Хабермаса), возникновение сомнений по поводу политических границ, установленных в процессе колонизации и государственного строительства, также вылилось для Экономического и валютного сообщества Центральной Африки в потенциальный проект создания наднациональной политической партии.

Заключение

Начиная с первичных наблюдений за активностью в социальных сетях на языке этон и заканчивая сегодняшней динамикой эканг в Сети, мы отчетливо видим, что Интернет и социальные сети являются эффективными инструментами сохранения и развития родных языков. Однако некоторые лингвистические проблемы остаются нерешенными: развитие

письменного общения между носителями взаимопонятных языков – это, безусловно, один из факторов повышения значимости языка, однако стоит ли рассматривать его как угрозу для письма на таких языках, как этон, когда преобладающими ресурсами являются уже кодифицированные и заученные алфавиты? Не приведет ли процесс унификации этих языковых сообществ к созданию нового *лингва франка* или стандартного алфавита?

Подобная стандартизация, которая может охватить более широкие слои населения, возможно, является условием развития электронных ресурсов для этих языков (машинный перевод, онлайн-публикации, электронные словари или переводчики). Однако это также и угроза изначальным родным языкам и языковому разнообразию...

И даже если подобное электронное общение дает надежду на восстановление жизнеспособности и укрепление позиций родных языков Центральной Африки, само по себе оно вряд ли может служить системным и надежным решением проблемы кодификации языков, не имеющих письменности, и преподавания их носителям других языков. Существует необходимость в организации и систематизации – не в рамках социальных сетей, а в уполномоченных специализированных организациях. И это уже совсем другой процесс.

Источники

1. Amselle, J.-L., Mbokolo, E. (dir.) (1999). *Au cœur de l'ethnie*, Paris, La Découverte.
2. Azizi, S. (2010). “Les Idaw Facebook. Typologie de groupes Amazighs sur un réseau social virtuel”. In: *La culture amazighe. Réflexions et pratiques anthropologiques*.
3. Bohannan, P. (1963). “Land, tenure and land-tenure”. In: Biebuyck, D. *African agrarian systems*, Oxford University Press, Oxford, p. 106 et suiv.
4. Bourdieu, P. (1994). “Esprits d'état: Genèse et structure du champ bureaucratique”. In: *Raisons Pratiques*, Seuil, Paris, pp. 99–135.
5. Gonçalves, J. (1996). *A retórica da perda. Os discursos do patrimônio Cultural no Brasil*, Ed. UFRJ/MinC-IPHAN, Rio de Janeiro,.
6. Goody, J. (1979). *La raison Graphique*, Éditions de Minuit, 274 p.
7. Guichard, E. (2003). “Does the 'Digital Divide' Exist?”. In: *Globalization and its new divides: malcontents, recipes, and reform* (dir. Paul van Seters,

-
- Bas de Gaay Fortman & Arie de Ruijter), Dutch University Press, Amsterdam.
8. Guyer, J. I. (2000). “La tradition de l’invention en Afrique équatoriale”, *Politique africaine*, n°79, octobre, pp.101–139.
 9. Mayhoua, M. (2010). “Diversité culturelle et usages du web. Les pratiques communautaires à travers le forum “hmong””. *Réseaux*, 1 (n°159), p. 199–218.
 10. Moseley, C. (ed.) (2010). *Atlas of the World’s Languages in Danger*, 3rd ed. Paris, UNESCO Publishing.
 11. Ortiz, R. (1995). *A moderna tradição brasileira – cultura brasileira e indústria cultural*, ed. Brasiliense, São Paulo.
 12. Rivron, V. (2012). “The use of Facebook by the Eton of Cameroon“, in *Net.lang: Towards the Multilingual Cyberspace*, C&F éditions, pp. 160–166.
 13. Sayad, A. (1985). “Du message oral au message sur cassette: la communication avec l’absent”, *Actes de la recherche en sciences sociales*, n°59, pp. 61–72.
 14. Van de Velde, M. (2006). *A description of Eton: phonology, morphology, basic syntax and lexicon*, thèse de doctorat.
 15. Van de Velde, M. (2008). *A grammar of Eton*, Mouton de Gruyter/ Department of Linguistics, University of Leuven, 432 p.

Осмысление общественных движений посредством отслеживания ключевых слов в социальных медиа

Введение

Социальные медиа содержат огромное количество сведений для понимания социального поведения, а высокоскоростной Интернет обеспечивает обилие данных для мониторинга глобального контекста. Эти два источника информации отражают текущее состояние общества и окружающей среды. В современном быстро меняющемся мире необходимо понимать ситуацию и своевременно реагировать на ее изменения. Последствия событий и природных катаклизмов все чаще наносят огромный широкомасштабный ущерб. Великое землетрясение «Хансин» в 1995 г., землетрясение и цунами в Индийском океане в 2004 г., ураган «Катрина» в Иллинойсе в 2005 г., арабская «весна», вылившаяся в серию антиправительственных протестов в 2011 г., восстание в Тунисе, перекинувшееся в Йемен, Египет, Сирию, Ливию и большинство арабских стран, землетрясение и цунами в Тохоку в 2011 г., «Захвати Уолл-стрит» в 2011 г., недавний переворот в Таиланде (2014 г.) заставляют задаться вопросом: можем ли мы извлечь какие-то уроки из этих исторических событий?

Если объектом нашего интереса становятся общественные события, достаточно собрать данные социальных медиа из популярных сетевых приложений, таких как *Facebook*, *Twitter*, *Whatsapp*, *Line* или *WeChat* – в большинстве случаев эти медиа активно использовались. Грамотный подход к их анализу может помочь предсказывать нежелательные события и избегать их, предупреждая сообщества или воздействуя на них для того, чтобы облегчить последствия бедствий или предотвратить нежелательное развитие событий. В действительности информация социальных медиа обширна, зачастую искажена, рассредоточена, несистематизирована и переменчива.

Для изучения эволюции социального поведения на фоне конкретного события мы проанализировали временные ряды твитов по теме недавнего переворота в Таиланде в 2014 г. По данным исследования 2013 г., в Таиланде насчитывалось 12 млн пользователей *Twitter* при 200 000 активных

пользователей в день. Это значит, что, выведя на экран соответствующие твиты, мы сможем наблюдать за изменениями в общественной сети.

В нашем эксперименте подсчитывались тематические ключевые слова из целевого документа, которые можно выбрать из новостных интернет-сообщений. Твит представляет собой короткий текст из 140-знаков, имеющий скорее диалоговый характер по сравнению с письменным документом, который содержит политические новости или обзор. Выделенные ключевые слова разные. Поэтому мы применили метод WAM (Word Article Matrix) из программы GETA (Generic Engine for Transposable Association) для расширения набора ключевых слов, отражающих характер текста из *Twitter*.

Перемещение облака тегов во временных рядах может показывать, с чем на данный момент связан общественный интерес. Из совокупности тематических твитов мы выделяем ключевые слова и представляем их в виде облака тегов, которое затем помещаем во временной ряд для создания хронологического облака тегов. В каждый конкретный момент облако отражает общественный интерес, который существенно изменяется в ходе события.

Расширение ключевого слова

Матрица WAM (Word Article Matrix) представляет собой таблицу средневзвешенной зависимости между документом и ключевым словом. Для заполнения таблицы подсчитываются ключевые слова в документе.

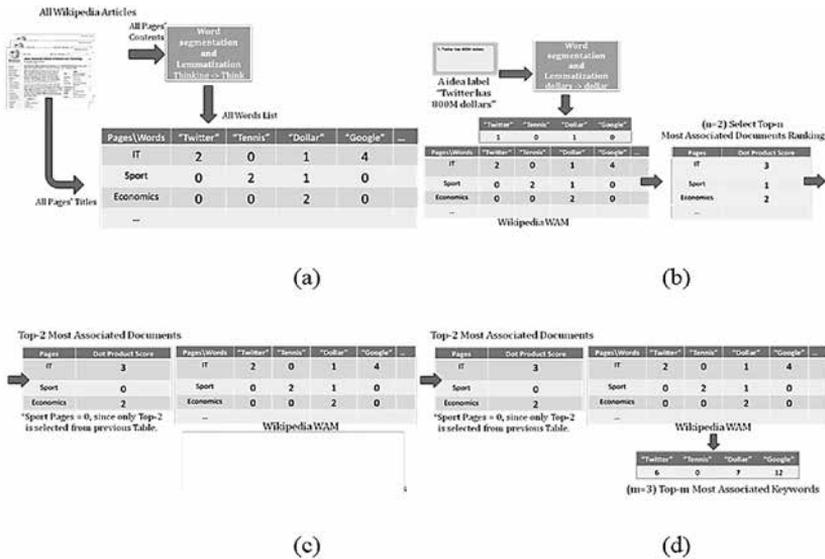

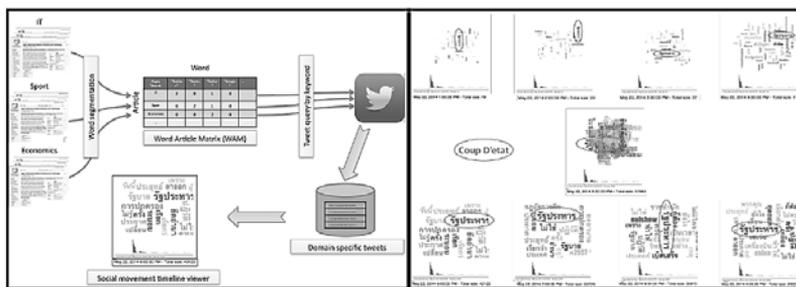
Рисунок 1. WAM и расширение ключевого слова

WAM на рис. 1(a) создается, когда входящие документы делятся на слова (в случае несегментированного языка, такого как тайский) или компонуются для подсчета соответствующих ключевых слов. Двумерная таблица, используемая для работы точечной матрицы с вводом обучающей выборки твитов, показана на рис. 1 (b). В результате получаем таблицу документов, наиболее тесно связанных с выборкой. Число ранжированных документов может быть сокращено путем установления порога для ассоциативного значения, как показано на рис. 1 (c). Благодаря еще одной точечной матрице, представленной на рис. 1 (d), можно получить расширенное ассоциативное ключевое слово необходимой плотности. Проходя через совокупность целевых твитов, можно создать ассоциативные ключевые слова в целевом домене. Теперь можно выстроить ключевое слово по его ассоциативной плотности для нахождения тематических сообщений из *Twitter*.

Хронологическое облако тегов

На рис. 2(a) представлен процесс формирования облака тегов *Twitter*. Для создания WAM комплектуются тематические документы, а WAM используется для выделения ключевого слова из первоначальной совокупности твитов. Повторяющаяся операция по выделению ключевого слова позволяет нам отправлять запрос в *Twitter* для лучшего охвата твитов. При программном ограничении в 100 твитов на запрос и поиске в течение 7 дней, мы многократно делаем запрос, используя интерфейс API Twitter и набор ключевых слов. В результате было зарегистрировано 339 148 твитов, сконцентрированных на дате переворота – 22 мая 2014 г. Каждый день формируется облако тегов для почасового сравнения.

Рассмотрим события, связанные с захватом власти Национальным миротворческим комитетом 22 мая 2014 г. в 16.30. Рис. 2(b) показывает трансформацию облака тегов по мере приближения указанного времени. Важно отметить, что слово «переворот» каждый час встречается как самая популярная тема. К моменту появления информации о событии становится очевидно, что сообщество в *Twitter* уже допускает возможность переворота. Частота упоминания ключевого слова значительно возрастает по мере приближения кульминации. Хронологическое облако тегов точно показывает критическую точку. Для стратегического планирования реакции на это событие достаточно наблюдать за изменениями хронологического облака тегов.

(a)

(b)

Рисунок 2. Облако тегов и хронологическое облако тегов

Заключение

Хронологическое облако тегов является эффективным средством мониторинга социального поведения с учетом того, что виртуальное сообщество пользователей социальных медиа может служить достаточно надежным источником. При современном использовании Интернета невозможно игнорировать рост социальных медиа и считывающей сети. Понимание смещения интереса в сообществе социальных медиа может иметь важное значение в процессе стратегического планирования и принятии решений. В будущем пространственно-временная информация может учитываться для более масштабного мониторинга социального движения, и события будут восприниматься с большей точностью.

Источники

1. Gundecha, P. and Liu, H. (2012). Mining social media: a brief introduction. *Tutorials in Operations Research, Informs*, 1(4).
2. Murakami, T., Hu, Z., Nishioka, S., Takano, A., and Takeichi, M. (2004). An Algebraic Interface for GETA Search Engine. *Proceedings of the Programme and Programming Language Workshop, Japan*.

СЕКЦИЯ 3. СОХРАНЕНИЕ ЯЗЫКОВОГО И КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ: НАЦИОНАЛЬНОЕ ВИДЕНИЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ

Панчанан МОХАНТИ

профессор Университета Хайдарабада
(Хайдарабад, Индия)

Сохранение языкового разнообразия: опыт Индии

Аннотация

Несмотря на то, что вопрос сохранения биоразнообразия обсуждается в мире уже довольно долгое время, проблема сохранения языкового разнообразия стала подниматься лишь недавно. Беглый обзор ситуации с использованием языков в мире свидетельствует о том, что в Азии население говорит на 33% от числа существующих языков. Если рассматривать пример Индии, то, согласно переписи населения 2001 г., 96,56% ее населения говорят всего на нескольких официально признанных языках, тогда как лишь 3,44% населения говорят на сотнях непризнанных языков, большинство из которых находится под угрозой исчезновения. Это означает, что, если эти 3,44% индийцев в силу каких-то обстоятельств сменят свой язык на какой-то из доминирующих, Индия лишится статуса одной из наиболее разнообразных в языковом отношении стран мира. Почему же языковое разнообразие так важно?

ЮНЕСКО уже отмечала, что культурное разнообразие является важной движущей силой развития, а языковое разнообразие представляет собой важный фактор культурного разнообразия. Культурное, языковое и биологическое разнообразие являются взаимозависимыми. Нет необходимости говорить о том, что, только обеспечивая сохранность упомянутых сотен языков, находящихся под угрозой исчезновения и используемых лишь несколькими процентами индийского населения, мы сможем поддерживать наше языковое разнообразие.

Сохранение исчезающих языков весьма важно для такой страны, как Индия. Что показательно, в таких развитых странах, как США, Австралия, государства Европы, языки коренных народов постепенно исчеза-

ли, а вот в Индии они весьма успешно выживают уже не одну тысячу лет. Однако в последнее время ситуация изменилась, и теперь мы отмечаем, что значительное число носителей этих языков малых и коренных народов переходит на использование основных и доминирующих языков. С учетом этого факта мне хотелось бы рассмотреть в данной статье вопрос о том, как и почему этим языкам удавалось так долго выживать, а также в чем причина их внезапного угасания в современных условиях глобализованного мира.

1. Введение

Хотя биоразнообразие и языковое разнообразие во многом взаимосвязаны, большинство людей, в том числе представители высших кругов и влиятельных групп, этого не осознают. Именно поэтому в Индии новостные агентства крайне редко уделяют внимание освещению деятельности по сохранению языков. Шокирует тот факт, что из всей совокупности языков мира треть – а это более двух тысяч языков – до сих пор не задокументирована. Если в силу каких-то обстоятельств эти языки вымрут, прежде чем будут задокументированы, мы утратим колоссальный объем знаний коренных народов, даже не узнав о том, что именно существовало и было потеряно. Представители мировой интеллигенции в этом определенно не заинтересованы.

В одном из исследований, опубликованных в 1999 г. Летним институтом лингвистики, содержатся следующие количественные данные по состоянию ряда языков, находящихся под угрозой исчезновения: 51 язык имел лишь по одному носителю; из них 28 языков были распространены в Австралии. Приблизительно для 500 языков число носителей составляло менее 100 человек, для 1500 языков – менее 1 тыс. человек, еще для 3000 языков – менее 10 тыс. человек. Если мы представим эти данные в таблице, то увидим впечатляющие цифры: львиная доля населения – 96% – говорит на языках, составляющих лишь 4% от общего языкового разнообразия, тогда как носителями остальных 96% языков является всего 4% населения. Несмотря на то, что данная проблема явно грозит катастрофическими последствиями, к ней до сих пор не удавалось привлечь внимание людей, имеющих влияние в мире. На основании двух оценок Фонда языков, находящихся под угрозой исчезновения, согласно которым в течение ближайших 100 лет с угрозой исчезновения столкнутся 50% всех языков мира, Кристал (Crystal 2000: 19) подсчитал, что «при таких темпах в среднем каждые две недели должен вымирать один язык. Это наверняка недалеко от истины». Согласно еще более тревожному прогнозу, «...до 90% языков мира могут быть вытеснены доминирующими языками к кон-

цу XXI в.; в результате число языков, составляющее сегодня почти 7 тыс., сократится до менее чем 700» (Brenzinger & de Graaf n.d.:1). Парадокс в том, что, в отличие от усилий по сохранению биоразнообразия, для охраны этих стремительно умолкающих голосов мало что предпринимается на национальном или международном уровне. Несколько групп волонтеров пытаются докричаться до мирового сообщества, однако их усилий недостаточно, чтобы добиться положительного результата.

Практически полное молчание царит и вокруг языковой ситуации в Индии, где в повседневной жизни практикуется многоязычие и проявляется разнообразие. Это неизбежно ведет к дискриминации индийских языков, несмотря на то, что их права гарантированы конституцией. В силу ряда экономических и политических причин языковые сообщества воспринимают некоторые языки как предпочтительные – они получают все большее распространение, в то время как сфера использования остальных языков сокращается. В данной работе мы рассмотрим эти вопросы подробнее, а также приведем соображения относительно укрепления статуса и возрождения языков, находящихся под угрозой уничтожения, в условиях Индии.

2. Утрата языков коренных народов в развитых странах мира

Более двухсот лет назад, до прибытия европейских переселенцев, коренное население территории нынешних Соединенных Штатов Америки говорило на 250–350 языках (Crawford 1999). На протяжении столетия в стране еще допускалось языковое и культурное разнообразие, после чего получил распространение подход, ориентированный на использование только английского языка в общественной и частной сферах. Например, в 1855 г. в Калифорнии было закреплено обязательное преподавание исключительно на английском языке. Затем в 80-х гг. XIX в. Управление по делам индейцев приступило к реализации политики жесткого подавления языков (там же). В итоге английский возобладал над ни в чем не повинными языками коренных народов и по прошествии некоторого времени стала повсеместно внедряться система одноязычного обучения на английском языке. В 1919 г. Департамент американизации Министерства образования США принял резолюцию, рекомендующую осуществлять преподавание во всех школах, как государственных, так и частных, в том числе и в младших классах, на английском языке (Garcia 1992).

Несмотря на принятие в 1964 г. Закона о гражданских правах, направленного на борьбу с дискриминацией по признаку цвета кожи, расы и происхождения, меры со стороны судебной системы, а также усилия различных групп активистов, английский остается основным языком препо-

давания в образовательной системе США. Что касается мер со стороны судебной системы, то в 1970 г. состоялся процесс по иску нескольких не говоривших по-английски китайских студентов против школьного округа Сан-Франциско. Он вошел в историю как дело «Лау против Николса» и стал вехой в судебной практике. Хотя иск был отклонен федеральным окружным судом и апелляционным судом, в 1974 г. Верховный суд принял его к рассмотрению и постановил: «Равенство в отношении к учащимся не обеспечивается посредством простого предоставления им одинаковой учебной базы, учебников, преподавателей и программы обучения; поскольку учащиеся, не владеющие английским языком, в сущности, лишены права на получение достойного образования» (цит. по Baker 2001: 186). В итоге была введена компенсаторная «программа для бедняков», в рамках которой поощрялось использование некоторыми учителями «родных языков» в процессе преподавания в классе на фоне общего обучения на английском языке. Название «программа для бедняков» свидетельствует об отношении правительства к людям, для которых она предназначалась. Даже президент Рональд Рейган позволил себе следующее высказывание в отношении обучения представителей языковых меньшинств на их родных языках, процитированное в газете «Нью-Йорк таймс» от 3 марта 1981 г.: «Наличие программы двуязычного обучения, которая сегодня открыто и очевидно направлена на сохранение родных языков народов и мешает им освоить английский язык в достаточной мере, чтобы они могли выйти на рынок труда, в корне неверно и не соответствует американской концепции» (там же, 187–188). Так родилась известная шутка, которую мне рассказали друзья-американцы: «Если ты говоришь на многих языках, ты многоязычен. Если на двух – ты двуязычен. Если на одном – ты американец». Поэтому совсем не удивительно, что сегодня 155 из 175 языков коренных народов Америки находятся под угрозой исчезновения (Krauss 1992).

Теперь давайте взглянем на общую языковую ситуацию в Европе. Европейский союз объявил 2001 г. Европейским годом языков, поставив перед собой цель заложить основы многоязычной Европы: «Все лица, завершающие обязательное образование, должны уметь общаться по меньшей мере на двух европейских языках, помимо родного, и стремиться расширять свои языковые познания в течение всей жизни». Однако в жизни, похоже, наблюдается противоположная картина. Многие европейские страны убеждены в том, что «...знание национального языка в лучшем случае необязательно, а в худшем – препятствует интеграции в доминирующее общество» (Schmid 2002: 355). Об этом недвусмысленно свидетельствует сокращение финансирования различных программ по обучению национальным языкам в государственных школах европейских стран.

Не лучше обстоят дела и в Австралии. Подробно проанализировав языковую ситуацию в стране, Фишман (Fishman 1991) пришел к неутешительному выводу о том, что у языков австралийских аборигенов отсутствует долгосрочная перспектива выживания. Какая бы ни велась пропаганда в отношении защиты и сохранения «малых» языков, все эти факты свидетельствуют о жестокой реальности, преобладающей в развитых странах мира.

3. Индийский сценарий

В последнее время на различных языковых семинарах и конференциях, проходящих в Индии, ученые начали представлять свои исследования по проблемам утраты языков и смены языка. Несомненно, это является добрым знаком, поскольку указывает на повышение уровня осведомленности в данной сфере. Однако внимания заслуживают два вопроса:

- Сравнима ли ситуация в Индии с положением в США и Австралии?
- Достаточно ли простого обсуждения проблем? Если нет, то каковы пути и средства их решения?

Остановимся на этом более подробно.

Внимательный взгляд на ситуацию в Индии позволяет понять, что она отличается от ситуации в развитых странах. Как следует из вышеизложенного, в западном мире в основе языковых систем лежит одноязычие, в то время как опорой индийского общества изначально являлось разнообразие языков. И если в США и Австралии за какие-то двести лет использование большинства языков *адиваси*, или примитивных языков, резко сократилось, то на индийской земле тысячелетиями выживают несколько сотен языков. Языки Индии научились сосуществовать, сохраняя свою индивидуальную идентичность при имеющей место конвергенции. Это подтверждает удивительное исследование Гумперца и Уилсона (Gumperz and Wilson 1971), посвященное изучению языковой ситуации в индийской деревне Купвар. В деревне говорят на трех языках: дравидийском языке каннада, а также на урду и маратхи, принадлежащим к индоарийской языковой семье. В Купваре широко распространены явления двуязычия и многоязычия; часто можно увидеть, как люди с легкостью переходят с одного языка на другой и обратно. В результате такой практики грамматические структуры этих трех языков стали настолько схожи, что возможен буквальный пословный перевод. Финиган и Безнье (Finegan and Besnier 1989: 386) сравнивают это с попыткой «сидеть на двух стульях».

Несмотря на то, что Майерс-Скоттон (Myers-Scotton 1992: 33) утверждает, что «...переключение с языка на язык способствует смерти языка» и что «...по меньшей мере в нескольких случаях смерти языка можно проследить фактор повсеместного дополнения или замещения грамматикой другого языка в условиях переключения языковых кодов», приведенный выше пример Купвара не подтверждает справедливость этого суждения. Поскольку выводы Майерс-Скоттон основываются на изучении африканских языков, можно утверждать, что языковая ситуация в Индии отличается не только от ситуации в западном мире, но и от ситуации в Африке.

Разумеется, правда и то, что многие известные нам языки вымерли в течение какого-то периода времени и что такая естественная смерть является неизбежной. Среди этих языков есть такие крупные и сильные, как санскрит и различные пракриты, пользовавшиеся поддержкой правителей, религиозных лидеров и народных масс. Однако в ситуации, касающейся языков малых народов, Ло Бьянко и Ридвен (Lo Bianco and Rhydwen 2001:394) обозначили два следующих возможных варианта утраты языков: «...внезапная дислокативная резкая форма и более медленное увядание в процессе смены поколений. Если первый путь часто приводит к полному прекращению любой передачи (и перспектив последующего восстановления) языка, то при втором в лучшем случае в памяти живых носителей сохраняются достаточные языковые ресурсы, способные послужить базой для возрождения или восстановления языка. Первый вариант можно охарактеризовать как утрату языка в силу резкого *прекращения* использования, а второй – в силу *истощения* ресурсов». Ученые применяют данное разграничение к языкам коренных народов Австралии, однако оно вполне применимо и к процессу утраты языков в целом. Любопытно, что тогда как утрата языка в связи с резким отказом от его использования является типично западным явлением и вряд ли когда-либо имела место в Индии, постепенное увядание языка – явление для Индостана привычное.

Интересно, что в настоящее время западный мир с большим энтузиазмом и решимостью занялся вопросами защиты языков малых народов и языков, находящихся под угрозой исчезновения. Кристофер Мозли (Christopher Mosley 2007: x) в «Общем введении» к своей «Энциклопедии языков мира, находящихся под угрозой исчезновения» утверждает: «В течение десятилетия, предшествовавшего выходу данной книги, принимались различные инициативы, направленные на повышение информированности общества об ускоряющихся темпах утраты языков. «Пробным камнем» в этом направлении стала «Красная книга» ЮНЕСКО, опубликованная в 1993 г. Затем, в 1995 г., при Токийском университете был учрежден информационный центр по вопросам языков, находящихся

под угрозой исчезновения. Акцент в его работе делается не на мерах по сохранению исчезающих языков, а на фиксации впервые выявляемых исчезающих языков. Вскоре после этого, в том же 1995 г., по обе стороны Атлантики начали появляться группы «активистов»: «Фонд сохранения языков, находящихся под угрозой исчезновения (ELF)», в США и «Фонд языков, находящихся под угрозой исчезновения», в Великобритании. Эти организации принимают активное участие в практической работе по сохранению вымирающих языков, выступая в качестве благотворительных организаций, присуждающих гранты ученым, которые занимаются ценной исследовательской работой. Основным требованием фондов является полезность публикуемых результатов проделанной работы для заинтересованного сообщества. Повышению престижа изучения проблематики языков, находящихся под угрозой исчезновения, дополнительно способствовало создание Фондом Раузинг в 2002 г. первой университетской кафедры по этому предмету в Школе восточных и африканских исследований в Лондоне. Данный фонд также выделяет гранты на исследовательские проекты, которые, могут способствовать восстановлению языков». К сожалению, в Индии пока не предпринимается подобных усилий. Проблематика языков, находящихся под угрозой исчезновения, не является отдельным предметом в большинстве индийских вузов и изучается на индивидуальной основе. Разрабатываемые меры языкового планирования, несомненно, не соответствуют чрезвычайной сложности языковой ситуации в Индии и являются в значительной мере поверхностными. Шиффман (Schiffman 1996) предложил концепцию «языковой культуры», которая оказывает значительное влияние на перспективы языковой политики государства. Он утверждает, что если мы не поймем скрытую языковую культуру страны, включающую в себя системы верования, идеи и отношение к языку, то не добьемся успеха в осуществлении публичной языковой политики. Мне не известно ни об одном исследовании, направленном на выявление скрытой языковой культуры Индии. Поэтому неудивительно, что проекты государственной языковой политики продолжают скапливаться «под сукном» в правительственных кабинетах.

Известно, что индийское общество в настоящее время находится в состоянии беспрецедентно активного движения и перехода; огромное число индийцев, принадлежащих к различным слоям общества, стремятся прикнуться к национальному/международному массовому потоку, на который кардинальным образом повлияли глобальные экономические преобразования. Это привело к распаду структуры традиционной единой семьи и распространению тенденции к созданию малых семей. Такие семьи обитают в «жилых домах», а понятие дома как семейного очага для них кануло

в небытие. Они покидают родную землю и забывают родной язык. Встает вопрос: что здесь может сделать лингвист? Я хотел бы снова процитировать Мозли (Mosley 2007: ix): «Лингвисты, оценивающие ситуацию со стороны, должны быть достаточно квалифицированными антропологами, достаточно наблюдательными и методичными учеными и достаточно сострадающими и чуткими людьми, чтобы напрямую заняться поиском решения обеих проблем. Когда язык находится на грани исчезновения, его носители часто оказываются деморализованы и в других, неязыковых, сферах: находятся в неблагоприятном экономическом положении, нуждаются в помощи, страдают от недоедания, не могут или не желают поддерживать свои культурные или религиозные традиции; эти факторы могут накладываться друг на друга в любом сочетании. Хотя не стоит ожидать от лингвиста способности обеспечить все эти потребности, он не имеет права делать вид, что не замечает их».

Интересное наблюдение принадлежит Остлеру (Ostler 2005: 527–8): «Все языки, составляющие первую двадцатку наиболее распространенных языков мира, имеют южно- или восточноазиатское либо европейское происхождение. ... Что же в таком случае столь эффективным образом способствует их развитию? Очевидно, что значительное число языков (девять из двадцати) распространены в цивилизациях, выживающих за счет риса как основной культуры (бенгали, японский, корейский, китайские у и юэ, яванский, тамильский, маратхи, вьетнамский). Несомненно, рис может поддерживать существование населения, которое характеризуется высокой плотностью и масштабом распространения, а выращивание риса с применением метода контролируемого затопления требует высокого уровня организованности. Другие языки, чей ареал распространения не находится преимущественно в зонах произрастания риса, используются населением областей, примыкающих к этим зонам (мандаринский китайский, хинди и урду, которые плавно переходят друг в друга, если вообще могут быть четко разделены)». Если добавить к вышеприведенному перечню язык телугу, не упомянутый Остлером, то получится, что на 50% из двадцати наиболее распространенных языков мира говорит население территории, на которой основным продуктом питания является рис. Эти любопытные наблюдения укрепляют приведенную выше гипотезу о том, что «укоренненность» на определенной территории является ключевым фактором сохранения языков. Следовательно, изменение физической среды явно должно привести к изменению языковой и культурной среды рассматриваемого общества. Ввиду широкомасштабной миграции из деревни в город, а также быстрого распространения городской поп-культуры второе поколение переселенцев уже повсеместно не имеет ни «родной

земли», ни «родного языка». Они становятся частью «пестрых масс», практически одинаковых по всему миру.

Следует также отметить, что люди старшего поколения, особенно пожилые женщины, проживающие в отдаленных индийских деревнях, вообще не знакомы с английским календарем. Вся их жизнь течет по традиционному индийскому календарю, которого не понимает большинство современных жителей Индии. Многие из молодых также с трудом приведут на родных языках по пять названий цветов, фруктов, птиц и животных. Возможно, они смогут дать больше названий на английском языке или хинди, однако большинства этих вещей они могли никогда не видеть. Здесь мне следует привести слова Уорфа (Whorf 1956: 135), который, исследуя причины возникновения пожаров в современных ему США, отметил: «В своем анализе я рассматривал исключительно физические условия, такие как неисправность проводки, наличие или отсутствие воздушного зазора между дымовыми трубами и элементами деревянных конструкций и т.д., и изложил результаты соответствующим образом. Я проделал эту работу, не задумываясь о том, что в ее процессе могут быть или будут выявлены какие-либо иные значимые факторы. Однако с течением времени стало очевидно, что не только сама физическая ситуация, но и значение этой ситуации в сознании людей ассоциируется с возникновением пожара. И этот фактор был наиболее понятен в случае, когда рассматривалось **языковое значение**, заложенное в названии или языковом описании, которые обычно применяются к ситуации. Так, например, в месте хранения «бензиновых бочек» люди будут вести себя определенным образом, а именно проявлять большую осторожность, тогда как рядом с местом хранения «пустых бензиновых бочек» их поведение будет иным – беспечным: люди будут меньше воздерживаться от того, чтобы курить или бросать окурки. А ведь именно «пустые» бочки могут представлять наибольшую опасность, поскольку в них содержатся взрывоопасные пары бензина. Это опасно с точки зрения физики, однако при лингвистической оценке данного выражения на основе обычной аналогии на первый план выходит слово «пустой», что для обывателя подразумевает отсутствие опасности». Значит, язык оказывает существенное влияние на мышление человека. Приведу одно удивительное новостное сообщение, которое прозвучало в эфире индийских телеканалов несколько лет назад. В окрестностях Мадья-Прадеш урожай местных жителей безмятежно уничтожали животные, носящие на местном языке название «ниил гаай», что буквально означает «синяя корова», и никто из людей даже не пытался остановить этих животных, просто потому что в названии фигурировало слово «корова». По сути же животные не имели никакого отношения к корове.

Правительство штата намеревалось изменить название животного, чтобы устранить эту проблему. Следуя такой логике, мы можем утверждать, что эти люди, которым трудно привести названия пяти цветов, фруктов, птиц или животных на родном языке, должны воспринимать окружающую их естественную среду как недифференцированный и не самый ценный континуум. Если принять этот довод, то как можно ожидать, что они проявят чуткость и беспокойство в отношении сохранения биоразнообразия? Таким образом, хорошее знание родного языка имеет ключевое значение для способности ценить биоразнообразие и заботиться об окружающей среде. Кроме того, в языках этих людей местные слова, обозначающие числа низшего порядка, степень родства и части тела, с досадной частотой замещались словами на английском и хинди.

Нет необходимости напоминать о том, что диглоссия для большинства коренных языковых общин в Индии является нормой жизни. Они говорят на «низком» языке в повседневном эмоциональном общении, а на «высоком» – в более престижных сферах и для получения и передачи информации. Если сообщество начинает использовать высокий язык в эмоциональном общении и в социальной сфере, это сигнал об опасности. Таким образом, использование слов на английском языке и хинди в быту свидетельствует о явном случае утраты языка. Если это происходит с официально признанными и государственными языками, можно с легкостью представить, каково положение дел в области языков малых племен и коренных народов.

4. Что следует предпринять?

Лингвисты могут повышать осведомленность населения о серьезности проблемы и изыскивать оптимальные способы возрождения языков, находящихся под угрозой уничтожения, расширения прав и возможностей их носителей в процессе консультаций с другими учеными и самими носителями этих языков. Это подводит нас к вопросу о возрождении языков и упрочении их положения. Жиль (Giles 1977) предложил концепцию «этнолингвистической жизнеспособности», позволяющую прогнозировать возможность поддержания языка его носителями. Он выделил три ее составляющих:

- 1) отношение языкового сообщества к своему языку;
- 2) размер сообщества и его распространенность;
- 3) институциональная поддержка языка.

Мне не известно ни об одном крупномасштабном исследовании, направленном на выявление отношения носителей различных индийских языков к своим языкам. Однако все исследования по вопросу о вымирающих языках Индии свидетельствуют о безразличном и/или отрицательном отношении к ним. Нет необходимости упоминать, что для того, чтобы незамедлительно приступить к решению проблем языков, находящихся в конце списка, необходимы надлежащие документирование и упорядочивание различных индийских языков.

Несомненно, решающим фактором в сохранении языка является размер сообщества его носителей. Правильнее было бы говорить о «концентрации носителей или представителей языкового сообщества в одном месте». Так, известно, что правительства штатов Махараштра, Орисса и Тамилнад обязаны создавать в своих штатах необходимую базу для обучения детей телугу их родному языку, однако в первую очередь следует беспокоиться о статусе телугу в штате Андхра-Прадеш, где телугу является доминирующим языком. Аналогичным образом поддержание языков нага мигрантами нага в Дели или Хайдарабаде является второстепенной проблемой, а основную озабоченность вызывает вопрос о том, поддерживаются ли эти языки нага на родной земле, т.е. в Нагаленде. И если нет, то приоритетной является задача возрождения языка на исконной территории.

Третья составляющая – институциональная поддержка языкового образования в Индии – в лучшем случае пародия на то, что она должна собой представлять. Двое моих студентов окончили школу и колледж в Ориссе, где им в том числе преподавали язык одиа как школьный предмет, однако они вообще не владеют этим языком. Общеизвестно, что к образованию на языках племен в Индии никогда не относились серьезно. Многие образованные люди и преподаватели считают языки племен «диалектами», поскольку те не имеют письменной формы, и потому не видят смысла их преподавать или использовать в качестве средства общения в процессе образования. Все вышеперечисленное дает основание для полного пересмотра системы преподавания на родном/первом языке на всех уровнях образования в Индии, а также тщательного планирования процесса образования на языках племен. Хотя мы много слышим об управлении статусом языка и созданием языковых корпусов, значительно важнее «управление освоением» языка (см. обсуждение этого вопроса в Kaplan and Beldant 1997), которое может обеспечить решение проблем сохранения языка и сократить разрыв между родным языком и языком обучения. С учетом этого в Индии началась реализация Программы многоязычного образования на основе родного языка – в первую очередь в интересах носителей языков малых и коренных народов. Программа делает акцент

на роли родного языка в образовательном процессе, хотя учащимся также преподаются и другие важные языки. Несмотря на то, что программа реализуется только в нескольких штатах, она уже дала весьма позитивные и многообещающие результаты.

Под воздействием глобализации в стране происходит ряд неконтролируемых преобразований. Распад единых семей уже нельзя остановить. Невозможно прекратить перемещение языковых групп с исконных территорий в районы использования других языков в поисках более зеленых пастбищ. Нельзя помешать заключению межъязыковых браков. Но мы можем предпринять ряд действий, которые в конечном итоге приведут к расширению прав и возможностей сообществ носителей языков, находящихся под угрозой исчезновения.

Первый и самый простой шаг – фиксировать данные, касающиеся всех до единого языков Индии, в отчетах о проводимых каждые десять лет переписях населения. Следующий важный шаг – создание письменности на этих языках с привлечением сообществ их носителей, что будет способствовать формированию у них самосознания и чувства гордости за то, что их язык стоит в одном ряду с так называемыми развитыми языками. Как мы знаем, племенные общины располагают весьма богатой устной литературой и обширными запасами альтернативных систем знания. Когда для каждого из данных языков будет создана письменность, можно будет поощрять их носителей к работе по документированию этих ценностей, благодаря чему будет обеспечиваться общественное признание и известность. Кроме того, можно будет публиковать газеты, книги и журналы для носителей этих языков, что поспособствует их вовлечению в деятельность по развитию родных языков.

Сегодня радио и телевидение не просто являются неотъемлемой частью любого дома – они самое мощное средство созидания или уничтожения. С помощью имеющихся у Индии передовых технологий вполне можно создать общинные радио- и телеканалы для большинства групп носителей коренных языков. Это не только способствовало бы возрождению сферы литературного творчества, но и открыло бы новые перспективы в сфере культурно-развлекательной деятельности на таких языках, что, в свою очередь, ограничило бы чересчур благосклонное отношение к другим, доминирующим языкам.

В последнее время правительство Индии запустило на базе Центрального института индийских языков в г. Майсур проект под названием «План защиты и сохранения языков, находящихся под угрозой исчезновения» (SPPEL). Был подготовлен первый перечень из 520 языков, число

носителей которых составляет менее 10 тыс. человек; уже ведется работа по документированию некоторых из этих языков.

Департамент языковых вопросов Министерства внутренних дел Правительства Индии также приступил к реализации проекта исследования родных языков, в рамках которого ведется документирование и изучение ряда языков малых народов.

5. Выводы

В заключение мне хотелось бы подчеркнуть, что каждый язык, будь то язык тода среди холмов Нилгири или савара в густых лесах южной Ориссы, имеет право на полноценное существование и не уступает любому «международному» языку в этом мире. Потому уже давным-давно один из родоначальников современной лингвистики Сепир (Sapir 1979: 219) отметил: «Когда речь идет о лингвистических формах, Платон стоит рядом со свинопасом-македонянином, Конфуций – с диким охотником за головами из Ассамы». В завершение своего рассуждения приведу слова Дэвида Кристала (David Crystal 2000: IX-X), опубликованные в его ставшей классикой книге «Смерть языка»: «Я знаю только, что вопрос (смерти языка) сегодня является таким острым в своем беспрецедентном масштабе, что нам нужны усилия всех – ученых, журналистов, политиков, лиц, занимающихся поиском средств, художников, актеров, режиссеров... если мы хотим пробудить общественное сознание, не говоря уже о совести, в достаточной мере, чтобы добиться сколько-нибудь значимых результатов. Для сотен языков уже поздно что-то либо делать. Пришло время помочь остальным».

Источники

1. Baker, C. (1993). *Foundations of Bilingual Education and Bilingualism*. Clevedon: Multilingual Matters.
2. Baker, C. (2001). *Foundations of Bilingual Education and Bilingualism*. Clevedon: Multilingual Matters. (3rd edition)
3. Brenzinger, M. (ed.) (1992). *Language Death: Factual and Theoretical Explorations with Special Reference to East Africa*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.
4. Brenzinger, M. and de Graaf, T. (n.d.). Documenting endangered languages and language maintenance. Contribution to the UNESCO Encyclopedia of Life Supporting Systems (EOLSS) 6.20B.10.3.

-
5. Crawford, J. (1999). *Bilingual Education: History, Politics, Theory and Practice*. Los Angeles: Bilingual Educational Series. (4th ed.)
 6. Crystal, D. (2000). *Language Death*. Cambridge: Cambridge University Press.
 7. Evans, N. (2010). *Dying Words: Endangered Languages and What They Have to Tell Us*. MA and Oxford: Wiley-Blackwell.
 8. Finegan, E. and Besnier, N. (1989). *Language: Its Structure and Use*. San Diego: Harcourt Brace Jovanovich.
 9. Fishman, J. A. (1978). Positive bilingualism: some overlooked rationales and forefathers. In: *International Dimensions of Bilingual Education*, ed. by J Alatis. Washington, DC: Georgetown University Press, pp. 42–52.
 10. Fishman, J. A. (1991). *Reversing Language Shift*. Clevedon: Multilingual Matters.
 11. Garcia, O. (1992). For it is in giving that we receive: A history of language policy in the United States. Paper presented at the conference “American Pluralism: Toward a History of Discussion” held at SUNY, Stony Brook on 7 June 1992.
 12. Giles, H. (ed.) (1977). *Language, Ethnicity and Intergroup Relations*. London, New York: Academic Press.
 13. Grenoble, L. A. and Whaley, J. (2006). *Saving Languages: An Introduction to Language Revitalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
 14. Gumperz, John J. and Wilson, R. (1971). Convergence and creolisation: a case from the Indo-Aryan/Dravidian border in India. In: *Pidginization and Creolization of Languages*, ed. by Dell Hymes. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 151–167.
 15. Harrison, K. D. (2007). *When Languages Die: The Extension of the World's Languages and Erosion of Human Knowledge*. Oxford: Oxford University Press.
 16. Holmes, J. S. (2000). The name and nature of Translation Studies. In: *The Translation Studies Reader*, ed. by L. Venuti. London and New York: Routledge, pp. 172–185.
 17. Kluyev, B. I. (1981). *INDIA National and Language Problem*. New Delhi: Sterling Publishers.
 18. Krauss, M. (1992). The world's languages in crisis. *Language* 68, pp. 6–10.

-
19. Lo Bianco, J. and Rhydwen, M. (2001). Is the extinction of Australia's indigenous languages inevitable? In: *Can Threatened Languages Be Saved?*, ed. by J. A. Fishman. Clevedon: Multilingual Matters, pp. 391–422.
 20. Mackey, W. F. (2003). Forecasting the Fate of Languages. In: *Languages in a Globalized World*, edited by G. Maurais and M. A. Morris. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 64–81.
 21. Mohanty, P. (2008). The other maternal uncles in Indian languages. In: *Ethnographic Discourse of the Other: Conceptual and Methodological Issues*, ed. by Panchanan Mohanty, Ramesh C. Malik and Eswarappa Kasi. New Castle: Cambridge Scholars Publishing, pp. 69–90.
 22. Mosley, C. (ed.) (2007). *Encyclopedia of the World's Endangered Languages*. London and New York: Routledge.
 23. Myers-Scotton, C. (1992). Codeswitching as a mechanism of deep borrowing, language shift, and language death. In: Brenzinger (ed.), 1992, pp. 31–58.
 24. Ostler, N. (2006). *Empires of the Word: A Language History of the World*. New York: Harper Perennial. (first published in 2005).
 25. Pattanayak, D.P. (1981). *Multilingualism and Mother Tongue Education*. Delhi: Oxford University Press.
 26. Sapir, E. (1979). *Language: An Introduction to the Study of Speech*. London: Granada. (first published in 1921).
 27. Schiffman, H. F. (1996). *Linguistic Culture and Language Planning*. London and New York: Routledge.
 28. Schmid, M. S. (2002). A new blueprint for language attrition research. In: *First Language Attrition: Interdisciplinary Perspectives on Methodological Issues*, ed. by M. S. Schmid, B. Köpke, M. Kaijzer and L. Weilmer. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Co., pp. 349–363.
 29. Whorf, B. L. (1956). *Language, Thought, and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf* (ed. by J. B. Carroll). Cambridge, Mass.: The MIT Press.

Клаудиа ВАНДЕРЛИ

научный сотрудник Университета UNICAMP
(Кампинас, Бразилия)

Реестр проектов и исследований в области многоязычия в Бразилии: один из подходов к сохранению языковой и культурной идентичности

Несмотря на возникающий у них время от времени интерес к тому, чтобы прикоснуться к иному на Западе, в метафизике, в капитализме, вопрос, которым они постоянно задаются, до крайности эгоцентричен: если мы – это не то, о чем говорят официальная история и философия, то кто же тогда мы (или кем мы не являемся), как мы живем (или не живем)??

Гаятри Спивак, 2006 г.

По историческим причинам сосуществование нескольких языков на одной политически единой территории не является объектом лингвистических исследований во многих странах мира. Многоязычие (а значит, мультикультурализм) – это новый в постколониальном контексте предмет. В большинстве стран хорошо развиты исследования, посвященные описанию и различению языков. Однако исследования языковой множественности, многоязычия, развитие социального анализа международной политики и разработка общей повестки дня для различных исследователей официально еще не начались. Эта работа – в противовес европейской академической и исторической эпистемологической традиции – направлена на: 1) осмысление языкового многообразия и цифровой интеграции местных языков Бразилии; 2) составление реестра исследователей, работающих над данной темой, и областей знаний, которые они представляют. Мы представим некоторые результаты первого года работы по проекту, осуществляемому при поддержке Исследовательского фонда Сан-Паулу (FAPESP). В следующем году местные проекты будут проиндексированы, выложены в Интернет и доступны в специальном информационном центре для исследователей, интересующихся многоязычием и мультикультурализмом. Основным результатом должен стать первый сборник материалов, содержащий информацию по проектам в области многоязычия в Бразилии, а также первичный анализ присутствия этой многоплановой темы в транснациональной академической традиции в том, что касается бразильских данных.

1. Введение

Понятие «многоязычие» можно толковать по-разному: либо с точки зрения западного, то есть европейского, понимания многоязычия, либо интерпретируя его с учетом этнического и культурного уничтожения и/или эксплуатации со стороны доминирующего языка. В данной статье, посвященной созданию предварительного реестра многоязычия в Бразилии, необходимо отдельно оговорить, что понятие «многоязычие» не будет восприниматься как данность (или пониматься в ключе европейского подхода к многоязычию). Будет учитываться наш контекст, историческая, социальная, экономическая и прежде всего образовательная ситуация в Бразилии. Поскольку данная статья предназначена для более широкой аудитории, мне кажется, что в этом предисловии необходимо дать определенную информацию о наших исторических отношениях с языком и культурой с момента «появления Бразилии» (или того, что впоследствии стало Бразилией) в западном нарративе. Я буду рассуждать с позиций постколониального критического восприятия, ссылаясь на таких авторов, как Гаятри Спивак, Хоми Баба, Саид Али и Франц Фанон.

В данной статье я хотела бы привести лишь краткую историческую справку, чтобы ввести вас в бразильский исторический контекст многоязычия, как я понимаю его сегодня. В 1452 г. португальская королевская семья дала разрешение на порабощение африканцев с целью обращения их в христианство при поддержке официальной церкви, папы римского, что было записано в буллах папы Николая V *Dum diversos* и *Divino Amore Communiti*. В 1492 г. флотилия Христофора Колумба достигла американского континента, пережив несколько штормов и «думая», что она прибыла в Индию. Первый документ, в котором упоминается о нашем существовании, – это Тордесильясский договор, заключенный в 1494 г. между Испанией и Португалией, которые разделили между собой «открытые» земли. Однако название континенту – Америка – дал Америго Веспуччи, который прибыл к нашим берегам в 1497 г. «Открытие Бразилии» датируется 1500 г. и приписывается португальцу по имени Педру Алвариш Кабрал. До 2003 г. единственной версией происхождения нашей страны, отраженной в школьных учебниках, был рассказ о европейцах, приплывших к нашим берегам, при полном пренебрежении информацией о порядка 1300 различных коренных этнических групп (Aryon Rodrigues 2002), населявших регион, который впоследствии стал называться Бразилией.

Естественно, морские экспедиции европейских королевств к нашим берегам не предполагали культурных или языковых обменов. Прежде всего речь шла об эксплуатации и извлечении выгоды. Настоящим открытием

Португалии¹⁰⁰ была выгодность работорговли по сравнению с торговлей другими товарами. И когда в 1605 г. король это понял, Португальская империя начала бороться с любой работорговлей или другими товарными обменах на своей территории, особенно на «колонизированных» землях, не связанными с метрополией (Лиссабоном). Другими словами, со всей торговли, осуществляемой на территории Португальской империи, должны были выплачиваться налоги Лиссабону. В этом смысле процессы эксплуатации и колонизации совпадают с уроками рынка, благодаря которым король Португалии создал рынок рабов. Привоз африканцев в Америку вкупе с запретом на обращение в рабство индейцев заставил местных фермеров экспортировать свои товары в метрополию, а также обращаться к метрополии в целях импорта своих *факторов производства* (рабов).

Работорговля обеспечивала сбалансированность обменов между королевством и колониями, и португальская коммерция вышла на международный уровень. По словам Луиса Фелипе де Аленкастро, «[...] работорговля не сводилась к торговле чернокожими. Она имела решающие последствия для формирования бразильской истории, торговля экстраполировала уровень операций купли, перевозки и продажи африканцев на формирование экономики, демографии, общества и политики португальской Америки»¹⁰¹ (Alencastro 2000: 29). Атлантическая торговая система может быть вкратце описана как ограбление африканских народов и основанное на рабском труде сельское хозяйство в Америке. Работорговля была самым крупным источником поступлений в королевскую казну, а объем налогов, получаемых с этой торговли, превышал экономические выгоды использования рабского труда.

Существует несколько уровней, на которых структура депортации африканцев определялась торговым капитализмом. Аленкастро рассматривает следующие из них: 1) метрополия контролирует торговлю и поэтому осуществляет контроль и над системой рабства; 2) корона и чиновники находят для королевства новые источники финансирования, вводя различные торговые пошлины; 3) экспорт африканских рабов смягчает условия жизни в неволе туземных племен, что сокращает независимость местного населения по отношению к рабству индейцев, а также смягчает трения между иезуитами, местным населением и администрацией короля; 4) торговцы сочетают преимущества торговли сахарным тростником с

¹⁰⁰ См.: (Alencastro 2000).

¹⁰¹ “[...] *Jo trato negreiro não se reduz ao comércio de negros. De consequências decisivas, na formação histórica brasileira, o tráfico extrapola o registro das operações de compra, transporte e venda de africanos para moldar o conjunto da economia, da demografia, da sociedade e da política da América portuguesa.*” (Alencastro 2000: 29).

преимуществами работорговли; 5) укрепляется внешняя торговля, часть дохода от фермерских хозяйств идет на закупку дополнительных рабов с целью расширения производства (расходы на рабов составляли 1/5 вложений в фабрики по переработке сахарного тростника и половину вложений в работников ферм по производству сахарного тростника, сообщает Аленкастро); 6) в долгосрочной перспективе покупка африканских рабов выгодна местному населению, поскольку выжившие в процессе торговли являются самыми сильными и прошедшими интенсивную десоциализацию. Последний уровень как раз противоречит нашим намерениям, поскольку десоциализация, упомянутая Аленкастро, – это потеря своих корней, национальных и общественных ценностей. При том уровне дегуманизации, которая практиковалась по отношению к неевропейцам, собственные язык и культура были для них недоступной роскошью.

Не будет лишним еще раз подчеркнуть, что решение о дегуманизации африканцев и коренных жителей Америки, о превращении населения африканского континента в товар, о серьезных вложениях в установление монополии на торговлю людьми (африканцами) в торговом союзе Португальской империи и католической церкви, а также о приемлемости порабощения и работорговли как самого выгодного бизнеса в колониальном процессе – это часть символического наследия, которое в нашем постколониальном контексте необходимо изучить в первую очередь, если мы занимаемся серьезным исследованием языковой и культурной идентичности.

При первой попытке осмысления процесса сохранения культурной и языковой идентичности местных языков и местных культур Бразилии, основные понятия, которые приходят в голову, – это *уничтожение* и *десоциализация*. Последовательное уничтожение, растянувшееся на века, легитимизированное историей, религией и научными знаниями, а также столетиями существования определенного описания наших сообществ в западной системе знаний при игнорировании наших реалий. По нашим предположениям, такое уничтожение стало возможным из-за процесса, в ходе которого дегуманизация (десоциализация) коренных народов и народов Африки, осуществляемая европейцами с целью эксплуатации и извлечения выгоды, представлялась естественной. Вот наша точка отсчета при изучении многоязычия и мультикультурализма в Бразилии.

2. Многоязычие: вопросы

Понимание многоязычия как трансверсального предмета изучения в научной среде довольно ново. В португалоговорящих странах такого понятия пока не существует, оно должно создаваться в партнерстве с

сообществами, которые больше всего в этом нуждаются и не имеют пока никакого представления о влиянии настолько абстрактного предмета на их жизнь. Любой проект, посвященный многоязычию в португалоговорящих странах, как и наш, всегда будет основан на исторических парадоксах или, как минимум, интересных вопросах. Как поощрять многоязычие в государственных университетах с помощью языка, который исторически всегда был монополией местной элиты? Как мы можем достучаться до местных сообществ в наших странах, если большая часть усилий национальных научных кругов и национальных исследовательских фондов направлена на совместные публикации за рубежом, работу с командами ученых из США или Европы?

Задача вхождения в так называемый «первый мир» науки не совсем соотносится с нашими местными реалиями, особенно в области гуманитарных дисциплин. Для понимания рабочего класса, например, нам нужно предпринять определенные усилия, чтобы выйти за пределы нелегального третьего сектора, который в таких развивающихся странах, как наша, очень велик. Размышляя об образовании и школах, необходимо постараться заново спроецировать содержание научных работ, опубликованных в Европе и США, применительно к нашим государственным учреждениям.

Для того чтобы обеспечить соответствие нашей науки международным дискуссиям, мы должны вновь подтвердить то, что авторы из северного полушария думают о нас. Благодарно принять научные дискуссии с этой точки зрения. Возможно ли это, особенно по вопросам многоязычия в постколониальных странах? По-видимому, да, но здесь необходим особый подход, в основном предполагающий усиление открытых дискуссий в южном полушарии, обмен открытой информацией, установление свободного доступа к цифровому научному контенту и более широкое распространение местных знаний.

2.1. Португальский язык

При изучении португальской колонизации мы сосредоточились на связи между единым языком и единством территории Португальской империи. Поскольку географически ее пределы были необозримы, язык как мощный актив государства-нации был избран в качестве того инструмента, который давал завоевателям возможность объединить эти различные земли и сделать их одной территорией (лишить местной территориальной привязки). Португальский стал языком, открывающим доступ ко всем континентам. Этот доминирующий язык был средством сплочения территории и в то же время рассматривался как путь на многие континенты.

Парадоксальное единство территории, состоявшей из множества образующих ее отдельных частей, стало частью нашего языкового наследия.

В настоящее время, после того как семь бывших колоний получили независимость, португальский язык стал официальным языком семи национальных демократических республик, семи наций. Следуя исторической тенденции присоединять территории и парадоксальным образом открывать доступ к ним своим официальным владельцам, он был направлен на национальное (и постколониальное) единство. Сейчас можно перемещаться между государствами разных континентов, к тому же появился еще и новый путь: португальский язык теперь ведет в Европу. Если придерживаться этой метафоры, можно сказать, что внутри территорий наметились новые тропки – небольшие и в большинстве своем пока еще не до конца проложенные. Язык нового государства сделал (или попытался сделать) то же самое с местными сообществами. Он должен был прийти на их территории и объединить их, однако этого не всегда удавалось добиться. Некоторые государства признали другие национальные языки, однако официальным, государственным языком все еще остается португальский.

В Бразилии португальский является национальным и официальным языком, а по всей стране существует еще около 200 коренных языков, которые не признаны. Однако в других бывших колониях Португалии есть разделение: в обыденной жизни люди говорят на местных языках, а португальский используют только на официальном уровне. Параллельно и для того, чтобы приблизиться к нашим «братьям и сестрам» по постколониальной эпохе, можно также рассматривать тот бразильский португальский, который используется в официальной коммуникации как отличный от бразильского португальского, который в ходу на улицах. Выдающиеся бразильские социолингвисты, среди которых профессор Стелла Марис Бортонни (Университет Бразилиа), предлагают преподавать в школе разговорный португальский, используя методики обучения второму языку. Если мы с этим согласимся, то поймем, что в вопросах расхождений и/или представлений об образовательной среде у нас много общего с другими постколониальными странами.

Однако те сообщества, для которых родным является не официальный и не национальный язык, сталкиваются с серьезной социальной проблемой. Здесь мы поднимаем вопросы, связанные с ситуацией в сфере образования для этих социальных групп, учитывая их представительность и заметность, а также доступные им как части нашего общества технические и культурные ресурсы. Конечно, в большинстве случаев каждая социальная группа значительно отличается от других, и проблемы многоязычия и мультикультурализма находятся как раз на грани между единством и

разнообразием. С этой точки зрения государственная политика в области лингвистики и телекоммуникаций играет важнейшую роль для обеспечения возможности нашего/их самовыражения и доступа к информации.

Насколько мы понимаем, самая важная роль португальского языка – гарантировать территориальные активы государства, и его первейшая задача – это обеспечить единство. В этом случае лингвистика рассматривается в тесной связи с геополитикой и, возможно, в метафорическом смысле даже подменяет ее. Первые на нашей территории дискуссии о многоязычии и мультикультурализме – это лишь начальные попытки постичь истину после стольких веков пережитых испытаний.

2.2. Многоязычие в португалоговорящих странах

Мечты тех, кто мечтает, касаются тех, кто не мечтает, но почему? Потому что, как только кто-то начинает мечтать, возникает опасность. Ведь мечта людей всегда ненасытна, мы рискуем быть поглощенными ею.

Жиль Делез, 1987 г.

Несмотря на то, что в данной статье многоязычие и мультикультурализм рассматриваются как ресурсы наших стран и транснациональных сетей, многоязычие в таком историческом контексте, особенно в Бразилии, видится как угроза национальному единству и результат неспособности правительства продвигать гражданское образование и ценности государства-нации.

Общество знания, которое должно сформироваться на основе информационного общества, – это мечта, о которой нам рассказали в штаб-квартире ЮНЕСКО. Разве не прекрасно победить с помощью цифровой вселенной сразу и неграмотность, и несовершенство образовательных систем, и нехватку библиотек или образовательных ресурсов? Более того, в нынешней ситуации для португалоговорящих стран пришла пора восстановить контакты друг с другом, осмыслить свою историю. И сейчас в нашем академическом мире открываются новые перспективы сотрудничества.

Однако в этой группе существуют и противоречия, поскольку мы, ученые португалоговорящих стран, никогда не занимались многоязычием. *Я бы даже сказала, что многоязычие невозможно было изучать, принимая во внимание всю геополитику португальской колонизации. И я убеждена, что это должно стать отправной точкой постколониальной критики наших стран.* Итак, многоязычие замалчивается. Когда на наших совещаниях заходит речь о многоязычии, воцаряется молчание в силу отсутствия объекта обсуждения. И многие реакции связаны именно с этим. В Бразилии

некоторые коллеги считают ситуацию безнадежной и отчаянно пытаются заполнить этот лингвистический «пробел» своими предыдущими работами по различным темам – (естественно) безуспешно.

Однако, будучи лингвистом, который занимается анализом дискурса, я понимаю, что подобная ситуация на самом деле открывает нам очень значимое пространство, которое предшествует знаку или языковой практике. Потенциал этого молчания является политическим выбором, который предоставляет бесчисленные возможности для исследований. Для меня эта напряженность является хорошим признаком: это значит, что нам еще предстоит большая совместная работа в рамках кафедры ЮНЕСКО по многоязычию в цифровом мире, созданной в Университете Кампинаса в 2007 г. Однако и сейчас идеологи науки безмолвствуют. Существует группа ученых, которых интересует эта тема, мы пишем и работаем над индивидуальными или групповыми проектами, созываем международные конференции – и при этом все еще храним молчание. Тем не менее мы выпустили две книги.

Однако, хотя многоязычие и не является традиционной темой научных исследований, в Бразилии оно все же обсуждается, пусть и за пределами научных кругов. Коренное население сталкивается с многоязычием в повседневной жизни и очень часто ставит его под вопрос. Эти дискуссии еще не достигли научных кругов. Однако совсем недавно (около десяти-пятнадцати лет назад) в Бразилии были созданы специальные университетские программы для коренного населения, предпринимались усилия для того, чтобы в деревнях появились дипломированные учителя из числа местных жителей, что способствовало критичному подходу к образовательным практикам. Впрочем, выявить такие проекты в стране непросто, равно как и узнать, заинтересованы ли они в организации коллективной дискуссии.

Причина, по которой я решила составить реестр ученых, работающих над этой темой, и областей знания, к которым они относятся, стало то, что, когда в 2007 г., защитив докторскую диссертацию во Франции, я приехала в Университет Кампинаса с предложением открыть кафедру ЮНЕСКО по многоязычию в цифровом мире, в Бразилии нельзя было найти непосредственных партнеров или коллег, способных участвовать в обсуждении проблем многоязычия в киберпространстве. Тогда было неясно, какой путь выбрать для нашей исследовательской группы – а мы образовали исследовательскую группу, в которой важную роль иг-

рает ЮНЕСКО¹⁰² (благодаря инициативе *Humaniredes*, предложенной профессором Франсес Албернас, которая в то время в штаб-квартире ЮНЕСКО занималась вопросами культуры), при поддержке национальных комиссий по делам ЮНЕСКО таких стран, как Бразилия, Кабо-Верде, Сан-Томе и Принсипи, Гвинея-Бисау, Ангола, Мозамбик, Китай, Восточный Тимор и Португалия. В состав сети вошли четырнадцать высших учебных заведений, которых объединяло общее наследие – лингвистические проблемы постколониальной эпохи. Вместе с профессором Клаудио Менезесом, который в то время занимался в ЮНЕСКО вопросами многоязычия в цифровом мире, мы решили, что было бы разумнее представить предложение о создании кафедры ЮНЕСКО, а не участника программы ЮНИТВИН. Тогда мы ошибочно полагали, что решать административные вопросы в рамках кафедры ЮНЕСКО будет проще. Важно подчеркнуть, что объединение в рамках сети бывшей страны-колонизатора и ее колоний позволило нам накопить значительный опыт рассмотрения постколониальных проблем и понять, насколько сложно работать с подобной командой вне рамок постколониальной критики. Эта концепция была создана для лучшего осмысления процедур колонизации, принесенных в наши страны португальцами, а также изменений, произошедших в результате получения нашими странами независимости (в разные периоды времени) и его последствий. С первой кафедрой, созданной в Университете Кампинаса в Бразилии, возникло немало проблем на национальной и международной арене. Однако мы увидели, какую огромную работу нам предстоит проделать, и могли прогнозировать, какие исследования необходимо вести, если мы хотим заниматься этой темой. Идеи, представленные в данной статье, обусловлены проделанной ранее работой и являются очередной попыткой лучше понять характер бразильских исследований в области многоязычия и мультикультурализма. Надеюсь, что мы сможем определить, какие реальные возможности следует расширять и как лучше взаимодействовать с другими учеными в Бразилии.

Конечно, в рамках исследования, посвященного многоязычию в Бразилии, нам приходится иметь дело с весьма своеобразным контекстом в том, что касается многоязычия и мультикультурализма. Прежде всего в Бразилии, как и во всех португалоговорящих странах, исторически проводилась

¹⁰² Здесь важно выразить нашу благодарность Франсес Албернас, сотруднице ЮНЕСКО, которой удалось создать сеть *Humaniredes* для решения проблем многоязычия и мультикультурализма в португалоговорящих странах. Цели *Humaniredes* стали для нас серьезным источником вдохновения, и благодаря ей были налажены связи, необходимые для нашей исследовательской сети. Идеи Франсес до сих пор имеют огромное значение для моих сегодняшних исследований, посвященных многоязычию.

сильная политика поддержки моноязычия (как следствие, в научных кругах создается моноязычное коллективное мышление). Это первая проблема, с которой сталкивается ученый, желающий работать над данной темой: предмет исследования неочевиден – или даже невидим – для большинства ученых и научных фондов, которые могли бы поддержать ваши исследования или взаимодействовать с вами. Все думают (и это общее мнение, несомненно, является продуктом истории), что мы, бразильцы, говорим только по-португальски. За все время статус государственного получили всего два языка: португальский (в 1758 г.) и бразильский язык жестов (в 2002 г.). Никакой другой язык не признается в Бразилии национальным, хотя у нас есть около 200 живых языков коренных народов (все они на грани исчезновения). Даже на фоне такого лингвистического разнообразия и в средних школах, и в национальных, государственных и частных университетах, царит моноязычие.

Зачем же бразильскому лингвисту работать с понятиями многоязычия и мультикультурализма в столь неблагоприятных исторических условиях? По моему личному опыту, для Бразилии это было относительно новым научным подходом. И именно с такой точки зрения начать сразу же с осмысления многоязычия в цифровом мире – это интересный научный прием. Однако все было не так просто, как я думала, поскольку бразильские научные круги крайне консервативны и каждое нововведение сразу же воспринимается как неуважение к традиционной области знаний, вызывает сильные и жесткие реакции на институциональном и даже на личном уровне. Такое неприятие новых дискуссий (к которому мы можем также добавить неприятие новых источников) также связано в Бразилии с милитаризацией государственных учреждений, в том числе государственных университетов. Военная диктатура (1964–1985 гг.) оставила нам в наследство, помимо прочего, авторитаризм и нелепые представления о безопасности, основанные на исключении всего, идущего вразрез с мнением политиков, стоящих у власти. Такие установки и сейчас сохранились в бразильских государственных учреждениях и, к сожалению, играют значительную роль в нашей научной жизни. Это вторая проблема, которая требует решения. Изучение многоязычия в цифровом мире в Бразилии неизбежно повлечет за собой выстраивание новой конфигурации знаний по данной теме, и последствия такой перестройки вовсе не очевидны.

3. Многоязычие и мультикультурализм в цифровом мире

Цифровой мир – это не направление науки, равно как и многоязычие и мультикультурализм. Однако, когда дискуссия переносится в научные круги, ожидается, что эти понятия «естественным образом» должны стать

частью поля знаний, и зачастую их толкуют (ошибочно) с этой точки зрения. В настоящий момент, даже если назвать их трансверсальными, это не пояснит нашего непосредственного интереса или срочных потребностей, хотя многое скажет о партнерах, в которых мы заинтересованы, – это все, кто считает себя связанным с этой темой.

Мы предложили бразильским учреждениям, занимающимся финансированием национальных и региональных исследований, рассматривать многоязычие в рамках теории коммуникации, и FAPESP отнеслось к нему именно так. Это позволяет нам поднимать смежные ключевые вопросы: свобода самовыражения, демократический доступ к информации, интеграция в общество, интеграция в цифровую среду, доступность издательств для публикации работ на языках меньшинств, перевод важной литературы на местные языки, перевод местных важных выступлений для расширения доступа к ним и наконец, вопрос о том, как получить прямой доступ к научным работам из, например, Кабо-Верде и/или Индонезии? Как нам знакомиться с работой наших коллег, как сотрудничать с ними? Какие исследования идут сейчас на Мадагаскаре? Что сейчас обсуждают ученые из Мозамбика? Наша первоочередная задача состоит в том, чтобы выяснить, как можно развивать коммуникации и обмен информацией между нами вне американских и европейских общих трендов мышления. Действительно, если мы предлагаем сотрудничество по линии Юг–Юг, в этих регионах не всегда есть широкополосный доступ к Интернету, компьютеры или электроэнергия. Но мы все время производим знания. Очевидно, что наши культуры и наши государственные научные учреждения работают. Вопрос заключается в том, как признать произведенные нами знания, сделать их доступными всем и обмениваться ими.

К несчастью (или к счастью), доминирующим трендом в понимании этой темы у нас являются теории логоцентризма Маркса и Альтюссера. И из-за этого мы можем закрывать глаза на другие возможности коммуникации и распространения знаний. Это не отсылка исключительно к невербальным корпусам текстов, это просто один из путей, который можно рассматривать: ведь для нас так важны наши тексты и мы ищем научные публикации, но могут быть и другие способы циркуляции знаний, которые не вошли в наше непосредственное логоцентрическое и цифровое-сетевое поле зрения. Любопытно, что это может быть истолковано как отрицание современных инициатив и огромных усилий, которые предпринимаются сейчас для перевода знания в текстовую и цифровую форму. Напротив, это всего лишь попытка охватить новые варианты, признать наши традиционные и местные способы коммуникации и распространения информации, а также поддерживать этот разговор и в рамках *текстологии*, и за ее пределами.

С этой точки зрения интересно рассмотреть экономику цифрового текста, поскольку она определяет условия нашей работы в цифровом мире. В основном потому, что заложить скрипт того или иного языка в систему Unicode, перевести платформы и программное обеспечение на этот новый язык, составить руководства пользователя, осуществлять техническую поддержку и, наконец, найти соответствующее количество пользователей, которые могли бы отвечать потребностям этой цифровой лингвистической инфраструктуры, стоит довольно дорого. Сейчас в мире существует около 6000 языков, на одну только Африку приходится треть из них. В Интернете с использованием полных технологических возможностей функционируют 16 языков и около 60 способны выживать на новом программном обеспечении. Прочие доступные языки обычно используют инфраструктуру другой лингвистической системы.

По данным сайта *Ethnologue* (2014), на 96% языков мира говорит всего лишь 4% населения мира. Если рассматривать индустрию ИКТ и ее реальные возможности, похоже, что экономика и возможные стратегии государственной политики не подойдут для большинства носителей языка. Если учесть этот факт, возможны два варианта: развивать двуязычие с целью доступа к цифровым платформам и через них – к цифровым данным, или исследовать возможность дать цифровой «сигнал» для начала цифрового разговора; оба эти варианта – очень хорошие. Проще говоря, в случае выбора в пользу двуязычия мы будем искать бесплатное программное обеспечение, открытые ресурсы и дух сотрудничества, а если мы решим попытаться сигнализировать, то в целом необходимо опираться на создание коллегиальной творческой и инициативной сети. В краткосрочной перспективе это означает рассмотрение хорошо известных цифровых объектов в различных коммуникационных функциях для включения местных языков и сохранения местных культур. Мы работаем с обоими вариантами в различном масштабе.

Другой интересный момент, который я хотела бы привнести в понимание «многоязычия в цифровом мире», состоит в том, что здесь необходим мультидисциплинарный подход. Это широкий спектр знаний, в который входит овладение языком, компьютерное программирование, двуязычное/многоязычное образование, бесплатное и открытое программное обеспечение, государственная политика в области ИКТ, возрождение языков, различные этнодисциплины, признание языкового и культурного наследия на региональном и национальном уровне, антропология, моделирование данных, художественные дисциплины и т.д. Существуют мириады областей, которые могут соприкасаться с этой темой, поскольку в конце концов мы говорим о человеческих ценностях и традициях, кото-

рые мы хотим сохранить, и стремимся к укреплению многоязычия и мультикультурализма любыми средствами, которые способствовали бы развитию местных языков и улучшению жизни местного населения. Цифровой мир полон возможностей достижения этих целей. В этом смысле всегда необходимо рассматривать этические аспекты.

3.1. Некоторые данные о многоязычии в бразильских научных кругах

Первые научные и культурные высшие образовательные учреждения появились в Бразилии в XIX в., после приезда португальской королевской семьи, бежавшей от вторжения Наполеона. Приезд королевской семьи способствовал созданию образовательных учреждений. Однако первый бразильский университет появился только в 1909 г. в Манаусе, штат Амазония. Такое учреждение, как университет, появилось в Бразилии относительно недавно, хотя и способствовало продвижению интересов элиты. Мое поколение ученых (я получила докторскую степень в 2003 г.) было первым, получившим государственную поддержку Бразилии для обучения в высших учебных заведениях (магистратура и аспирантура), что позволило нам обойтись без экономической поддержки со стороны семьи. На практике это означает, что нам позволено задавать вопросы (по крайней мере, нас в этом не ограничивают).

Для того, чтобы понять, на какой стадии мы находимся и какими реальными возможностями для обсуждения многоязычия обладаем, я изучила платформу Lattes (lattes.cnpq.br), созданную Национальным советом развития науки и технологий (CNPq), который является подразделением Министерства науки и технологий. Всех ученых, работающих на национальном материале, призывают загрузить свои резюме в систему Lattes. Это дает нам представление о том, кто входит сейчас в бразильские научные круги. Если мы запросим данные этой системы об обладателях докторской степени, то увидим, что их сейчас 109 799 человек, в стране с населением около 200 млн человек. Если посмотреть отдельную область знаний, связанную с языками, то мы найдем около 2000 докторов наук в области лингвистики, филологии, искусства. Группа докторов наук, напрямую связанных с языками, может заполнить целый конференц-зал и в то же время непропорционально мала по отношению к размерам нашей страны, количеству населения и исследовательским потребностям в этой области.

Еще одна государственная платформа, которую стоит просмотреть, – это Цифровая библиотека диссертаций и научных работ Бразилии, <http://bdtd.ibict.br>, созданная на базе Бразильского института науки и технологий

(Instituto Brasileiro de Informação em Ciência e Tecnologia), который также находится в ведении Министерства науки и технологий Бразилии. С 2010 г. государственные учреждения Бразилии обязаны загружать в Цифровую библиотеку все научные работы на соискание ученой степени, авторы которых получали государственное финансирование. Библиотека и полные тексты работ находятся в свободном бесплатном доступе. Сегодня у нас 179 038 магистерских научных работ и 65 869 докторских диссертаций, что в целом составляет 244 907 научных работ на соискание ученой степени.

Поиск по обеим платформам по ключевому слову «многоязычие» даст весьма удручающие результаты: Lattes – 288 ученых, из них 166 докторов наук, Цифровая библиотека – 28 документов. По ключевому слову «мультикультурализм» мы получим следующие результаты: Lattes – 4 568 ученых, из них 2 165 докторов наук, Цифровая библиотека – 167 документов.

Мы могли бы сделать определенные выводы насчет того, почему в стране с таким обширным языковым разнообразием эта тема практически игнорируется, если бы выбор ключевого слова для регистрации на обеих платформах действительно имел конкретное значение. Возможно, наши коллеги просто незнакомы с терминами «многоязычие» или «мультикультурализм», и поэтому выбор ими других ключевых слов «скрывает» их от нас. Другая гипотеза – это влияние наших финансовых учреждений. Ведь у нас в Бразилии различные фонды, финансирующие научные исследования, в основном выбирают темы для финансирования, а ученые, если хотят это финансирование получить, должны под них подстраиваться. Помимо этого, в области коллективного мышления у нас исторически сложилась приверженность к моноязычию. Либо можно предположить, что это относительно новый научный подход для Бразилии, далекий от общих тенденций, а потому использование ключевых слов не имеет большого смысла.

Для первичного анализа данных Lattes я использовала открытое программное обеспечение Lexico¹⁰³ (<http://www.tal.univ-paris3.fr/lexico/>).

¹⁰³ Lexico3 – это издание программы Lexico 2001 г., а впервые она была опубликована в 1990 г. Функции, имевшиеся в первой версии программы (сегментация, согласования, разбивка по графическим формам, характерные элементы и факториальный анализ повторяющихся форм и сегментов), были сохранены и в большинстве своем значительно усовершенствованы. Серия программ Lexico (<http://www.tal.univ-paris3.fr/lexico/>) уникальна тем, что дает пользователю возможность контролировать весь лексикометрический процесс, от первоначальной разбивки до публикации итоговых результатов. Помимо идентификации графических форм, эта программа позволяет изучить идентификацию более сложных элементов, состоящих из последовательностей форм: повторяющиеся сегменты, совпадающие пары форм и т.д., которые являются менее неоднозначными, чем составляющие их графические формы.

После анализа 166 докторских диссертаций, авторы которых считают многоязычие одним из ключевых слов для определения своей работы, была произведена следующая разбивка по областям знаний: 82 ученых, работающих в области лингвистики (в том числе 21 из области прикладной лингвистики), 44 – в области филологии, 14 – в области образования, 11 – в области литературы, 5 – в области культуры, 4 – в области коммуникации и психологии, 3 – в области антропологии, философии и истории и 1 – в области психологии и междисциплинарных связей. Степень близости между учеными не очень высока.

После первичной обработки этих данных можно утверждать, что мы выявили отдельное поле для исследований (хотя и небольшое). И мы не можем утверждать, что они являются взаимно равными. Для первичного анализа мы использовали следующие данные: докторская степень, год получения, научный пост, основная область исследований, ключевые слова, учреждение, город, область, страна, финансирующая организация.

3.2. Интернет как среда сохранения культурной идентичности

Возможно, в силу того, что в Бразилии существует общее убеждение, что наша страна является плавильным котлом различных культур и этим нужно гордиться, идеи мультикультурализма распространены у нас немного больше. В этом плане у меня был опыт работы с многоязычием в связи с мультикультурализмом. И поскольку я хотела продолжать работать с такими понятиями, как «информация» и «технологии», я предложила подход к понятию «культура», основанный на информационных системах и процессах индивидуализации. Мы серьезно рассматривали процессы индивидуализации с помощью языка для понимания культурных процессов. Нам было интересно наглядно представить философию технологии Симондона и ее применимость к содействию процессам признания и сохранения культурной идентичности в цифровом мире.

В более широком смысле этот проект, который отражает наши попытки работать в данном ключе, направлен на поощрение научного сотрудничества на национальном и международном уровне в области науки, технологии и инноваций с целью цифровой интеграции учеников и учителей средней школы, а также осмысления условий внедрения технологических инноваций в постколониальном контексте вместе с бразильскими учеными, а также с учеными из португалоговорящих стран, таких как Кабо-Верде, Ангола, Сан-Томе и Принсипи и Восточный Тимор. Мы собираемся подумывать над различными аспектами технологических потребностей на-

ших стран, рассматривая возможности социального, культурного и экономического развития на основе более широкой циркуляции бесплатного программного обеспечения в наших странах. Наша задача – составить схему возможностей распространения открытого цифрового контента и расширения доступа к информации во взаимосвязанной сети бесплатных и открытых цифровых библиотек, в особенности в качестве средства обеспечения доступа местных сообществ к выработке и организации культуры и знания в цифровом мире. Цифровые библиотеки сейчас являются ключевыми элементами сохранения, распространения и поддержания циркуляции малых культур на международном уровне. В данном случае усилия по сочетанию нашего опыта с опытом других стран дают возможности для интересного сравнения цифровой интеграции так называемых «малых языков» и «малых культур».

Благодаря поощрению распространения бесплатного и открытого программного обеспечения в партнерстве с Университетом Вайкато (Новая Зеландия) стоимость распространения цифровой информации снижается и в целом определяется необходимыми для поддержания/создания информации и инфраструктуры кадрами. Наше предложение состоит в том, чтобы обеспечить пользование цифровыми библиотеками для исследования и сохранения культурного наследия на различных местных языках, что помогло бы направить нашу дискуссию от создания конкретного сотрудничества по оси Юг–Юг и обмена информации в цифровом пространстве в сторону производства общей информации и знаний.

Научно-культурный подход к проектам в области многоязычия и мультикультурализма представляется нам хорошим способом объединения местных языков, местных культур и научных знаний. Мы предложили дополнительный проект для учеников средних школ к Программе для молодых ученых (Programa de Iniciação Científica Junior – PICJr), направленный на составление цифровых коллекций в партнерстве с Comunidade Jongo Dito Ribeiro¹⁰⁴ Кампинаса в поселении потомков беглых негров-рабов города Кампинас. Они захотели создать цифровые коллекции всех своих традиций, видов деятельности и языков. Этот процесс также дал нам возможность лучше осмыслить роль африканских языков в таких поселениях.

В любом случае, сохранение культурного наследия очень важно для понимания многоязычия и мультикультурализма в стране, это основа цифровых коллекций.

¹⁰⁴ Comunidade Jongo Dito Ribeiro: <http://youtu.be/kJz7r57f1oA>.

3.3. Пример языкового редактора для сохранения культурной идентичности

Еще один интересный проект работы с оригинальным языком, который стоит упомянуть, говоря о сохранении культурной идентичности, – это работа профессора Университета Кампинас Вилмара д'Анжелиса, лингвиста и специалиста по аборигенным народам, который в 1992 г. адаптировал математическое программное обеспечение (ChiWriter¹⁰⁵) для записи языка кайнганг в простом текстовом редакторе. В то время текстовые редакторы не поддерживали алфавит кайнганг. Правильно было бы предположить, что текстовые редакторы будут обрабатывать слова, однако, как было доказано профессором д'Анжелисом, так же правильно было утверждать, что с помощью математических программ можно приспособить цифровое письмо к местным языкам. В цифровом мире начали появляться тексты на языке кайнганг, однако многие другие аборигенные языки были все еще не охвачены этим средством передачи информации. Они не были частью системы Unicode. А в том, что касается собственно языка кайнганг, остается проблема непосредственного письма на нем в Интернете, поскольку эта опция недоступна в большинстве современных программ. Для нас было бы интересно обсудить такие примеры цифровой интеграции/исключения и подчеркнуть творческий характер и эффективность этого решения.

Данная дискуссия, однако, интересует не только нас, она касается и коренных народов, чьи языки находятся под угрозой исчезновения. Мы с интересом следим за работой, которая ведется в рамках проекта «Web Indígena» (Аборигенный Интернет) НПО «Камури», направленного на цифровую интеграцию языка кайнганг, а Вилмар д'Анжелис обсуждает этот вопрос в этническом сообществе. Первые результаты проекта можно увидеть на сайте www.kanhgag.org.

4. Что нужно для понимания языкового многообразия и цифровой интеграции местных языков и местных культур в Бразилии

В моих политических интересах объединить свои усилия с теми марксистами, которые спасут марксизм от его европейского происхождения.

Гаятри Спивак, 1998 г.

¹⁰⁵ ChiWriter – это коммерческий научный текстовый редактор для MS-DOS, разработанный Каем Хорстманном в 1986 г. Это был один из первых WYSIWYG-редакторов, в котором можно было записывать математические формулы, даже на очень медленных компьютерах IBM PC XT, весьма распространенных в тот момент. (<http://www.wikipedia.org>). ChiWriter – это научный текстовый редактор, продававшийся компанией Horstmann Software Design Corporation в период с 1986 по 1996 г. (<http://www.horstmann.com/ChiWriter/>).

В вопросах языкового разнообразия европейская многоязычная реальность и европейская государственная языковая политика играют важную роль примера для нашей дискуссии. В постколониальном контексте статус местных языков радикально иной. Это отличие связано как с ценностью языка и его ролью в каждой из культур, так и с его социальной заметностью или интеграцией в медиасреду и возможностью его записи на цифровых носителях. Обычно мы принимаем европейские и американские стандарты многоязычия в качестве научных образцов. Как мне кажется, необходимо также обсуждать международное разделение интеллектуального труда и международную циркуляцию цифровых активов или, по крайней мере, использовать критический подход и избегать образцов, ссылок на зарубежный опыт, не вливаться в тенденцию и не преследовать каких-либо целей без учета местной истории, материальной ситуации и культуры.

Основные направления данного размышления:

А) Постколониальная критика является важным направлением данного проекта, принимая во внимание тот факт, что многоязычие в большинстве стран, где существуют малораспространенные языки и языки на грани исчезновения, связано с колониальными захватами и их особыми последствиями для местных культур. Итак, у нас есть общая отправная точка, хотя в португалоговорящих странах постколониализм никогда не был предметом научных исследований. Нам было бы интересно поощрять создание постколониальных архивов и вести дискуссии с участвующими в нашем проекте высшими учебными заведениями, укрепляя тем самым сотрудничество по линии Юг–Юг в области теоретических публикаций по общим тематическим областям.

Б) Отсутствие официальных установок в отношении языка и культуры как объектов. Язык и культура играют важнейшую роль в этой дискуссии, заключение их в отдельную область знаний значило бы запрет на появление в нашем исследовании вопросов истории, памяти, бессознательного, политики, программ, географии, экономики и т.д. Эпистемиологическая база, обеспечивающая присутствие языка или культуры в качестве абстрактного и «полного» объекта обычно навязывает метафору вариации и/или ассимиляции для контроля над различиями, что всегда связано с установившейся и исторически доминирующей концепцией языка и/или культуры.

Мультикультурная и многоязычная среда здесь не являются доминирующими, на самом деле чаще всего это то, что остается за пределами основного дискурса. Мы выбрали аспекты, связанные с коммуникацией, для того чтобы работать над информацией и коммуникацией в местных

языках и культурах. В случаях, когда это возможно, нам было бы интересно обсудить различные подходы к роли языка в обществе.

В) Технологии как актив «всемирной» коммуникации, ставящие под вопрос поэзию, разговорный язык, ценность родного языка, качество местного образования, местную недоразвитую экономику, местную подготовку кадров и т.д. В таком парадоксальном понимании технологии – это еще и возможность невозможного. Возможность мечтать о равноправии в области доступа к информации и ее наличию в рамках любых существующих культур. О хорошем образовании для всех на протяжении всей жизни. В некоторых странах, университеты которых являются нашими партнерами, просто нет минимальных необходимых условий для того, чтобы начать мечтать вместе. На нас лежит ответственность за то, чтобы признать этот факт и попытаться вместе подумать о различных путях взаимодействия.

Для того чтобы наша нынешняя сеть жила и говорила, необходимо сделать два необычных шага. Во-первых, надо отвлечься от воображаемой скорости технологического развития, а во-вторых – слегка дистанцироваться от европейских тенденций гражданственности. Поскольку для нашей группы эти два фактора не актуальны, нужно начать работать с тем, что нам действительно доступно.

Источники

1. Alencastro, L. F. de (2000). *O Trato dos Viventes: formação do Brasil no Atlântico Sul* – São Paulo, Companhia das Letras, 525 p. ISBN 85-359-0008-x.
2. Debrun, M. (2009). *Identidade Nacional Brasileira e Auto-Organização (Brazilian National Identity and Self-Organization)*. Coleção CLE, v. 53, 186 p. Organizadores: Itala M. Loffredo D'Ottaviano, M. E. Q. Gonzalez, tradução por Valéria Venturella – Campinas: Unicamp, Centro de Lógica, Epistemologia e História da Ciência. ISSN 0103-3147.
3. Miceli, S. (2001). *Intelectuais à Brasileira*. São Paulo, Companhia das Letras, 436 p. ISBN 85-359-0113-2.
4. Rodrigues, A. (2002). *Línguas Brasileiras: para o conhecimento das línguas indígenas*. São Paulo, Edições Loyola, 135 p. ISBN 85-15-01045-3.
5. Simondon, G. (1964). *L'individu et sa g n se physico-biologique*. Epim th e, Paris, Presses Universitaires de France, p. 250. In: Laymert Garcia dos Santos... [et al.]. *Revolu o tecnol gica, Internet e socialismo* / S o Paulo: Editora Funda o Perseu Abramo, 2003. – (Cole o

-
- Socialismo em Discussão). ISBN 85-86469-79-3. Outros autores: Bernardo Kucinski, Maria Rita Kehl, Walter Pinheiro.
6. Simondon, G. (2010). *Communication et Information: cours et conférences*. Les éditions de la transparence/Philosophie, Chatou, France. ISBN 978-2-35051-043-9.
 7. Spivak, Gayatri (2006). In *Other Worlds*. 409 p. Routledge Classic Edition. ISBN 10: 0-415-38956-9.
 8. Spivak, G. (1999). *A critique of postcolonial reason: toward a history of the vanishing present*. 449 p. ISBN 0-674-17763-0.
 9. Wanderley, C. (2009). *A periferia digital e o processo de descolonização*. In: *África-Brasil. Caminhos da Língua Portuguesa* / organizadores Galves, C.; Garmes, H.; Ribeiro, F. R., editora da Unicamp (colecão Unicamp ano 40), ISBN 978-85-168-0838-6.
 10. Wanderley, C. (2010). *Bibliotecas Digitais Multilíngues: uma proposta inclusiva*. In: *Greenstone: Un software libre de código abierto para la construcción de bibliotecas digitales. Experiencias em América Latina y el Caribe*. Editor: UNESCO Montevideo, Gunter Cyranek, UNESCO, ISBN 978-92-9089-149-9.
 11. Witten, I. H., Bainbridge, D. (2007). *A retrospective look at Greenstone: Lessons from the first decade*. In: *Proceedings of the 7th ACM/IEEE-CS Joint Conference on Digital Libraries, Vancouver, Canada*, pp. 147–156.

Этнические китайские языки в киберпространстве

1. Введение

После основания КНР правительство Китая определило, помимо основной китайской народности хань, 55 этнических меньшинств. Соответственно Китай представляет собой единое многонациональное государство.

Начиная с 1946 г. в стране было создано 155 этнических автономных областей, включая пять автономных регионов, 30 автономных префектур, 120 автономных уездов. В то же время в дополнение к этническим автономным областям в городах, где проживают меньшинства, были учреждены 1173 этнических автономных волости. Кроме того, еще 9 волостей были учреждены для 11 малых этнических групп, не имеющих автономии. Согласно оценкам, приведенным в издании «Languages of China» («Языки Китая») под редакцией Хонкая Суня и др. (Sun Hongkai et al. 2007), 55 этнических меньшинств Китая говорят примерно на 130 языках, которые существенно различаются между собой по количеству носителей и уровню жизнеспособности.

Сунь (Sun 2001) опубликовал статистические данные о языковом статусе 128 языков и долях населения, говорящего на этих языках. Эти данные приведены в таблице ниже.

Число носителей каждого языка	Количество языков (доля в процентах)	Общее число носителей
менее 100	7 (5,5%)	400
101–1000	15 (11,7%)	11 000
1001–10 000	41 (32%)	219 000
10 001–100 000	36 (26,5%)	1 300 000
100 001–1 000 000	17 (13,3%)	12 100 000
1 000 001–10 000 000	10 (7,8%)	31 000 000
10 000 001 и более	2 (1,6%)	1 120 000 000

Согласно предварительному исследованию, проведенному Сунем (Sun 2011), под угрозой исчезновения находится 20% языков, в том числе гэ-лао, ну, пуми и цзино. 40% языков находятся в пограничном состоянии. Три языка практически исчезли: язык и (羿语), мулао и хакасский (Sun 2006). Ряд этнических языков полностью утратили коммуникативные функции, например маньчжурский, нанайский (хэчже), татарский и шэ.

В условиях глобализации и стремительного развития информационных технологий в XXI в. – в эру цифровых средств коммуникации – центральное правительство и правительства провинций, ученые и образованные представители народностей Китая прилагают беспрецедентные усилия, чтобы обеспечить документирование, сохранение, поощрение и распространение языков этнических меньшинств с использованием киберпространства.

В данной работе мы будем рассматривать главным образом вопрос использования языков меньшинств в китайском Интернете, например в преподавании и обучении языку, бытовом общении, в системе письма, при составлении двуязычных словарей, в народных песнях на различных сетевых ресурсах, включая популярные интернет-порталы, официальные СМИ, образовательные веб-сайты и сайты, на которых размещаются аудио- и видеоматериалы. В настоящее время мы изучаем причины того, почему использование миноритарных языков Китая в киберпространстве значительно варьируется в зависимости от географического региона, политики, численности населения, культуры и этнического самосознания.

2. Языки меньшинств в киберпространстве

55 языков меньшинств Китая существенно различаются по степени своей распространенности в Интернете. Широким распространением и большим влиянием в Интернете могут похвастаться языки, пользующиеся поддержкой центрального правительства и правительств провинций. Для некоторых языков, которые активно поддерживаются местными властями, есть достаточно много лингвистических данных и интерактивных учебных материалов. Некоторые из языков не имеют правительственной поддержки, однако их распространению в киберпространстве содействуют волонтеры. Языки ряда этнических групп не имеют возможности распространения в Интернете. В этом разделе мы кратко рассмотрим вопросы продвижения и распространения радио- и аудиоматериалов, телепередач и видеоматериалов, а также использования шрифтов языков китайских народностей в киберпространстве.

2.1. Интернет-радио и сетевые аудиоресурсы

Интернет-радио и сетевые аудиоресурсы в основном подразумевают под собой сетевое вещание, а также трансляцию народных песен, языковых учебных курсов и иных аудиоматериалов.

1. Государственная радиостанция

Подведомственная Национальному радио Китая Китайская сеть этнического вещания <http://www.cnrn.cn/> осуществляет трансляции на монгольском, тибетском, уйгурском, казахском и корейском языках.

2. Радиостанции провинций

Синьцзянская радиостанция <http://www.xjbs.com.cn/aod/gushigb/> транслирует радиопередачи на уйгурском, казахском, монгольском и киргизском языках. Станция «Голос китайского Тибета» <http://www.vtibet.com/gb/> ведет вещание на тибетских языках лхаса и камском. Передачи на тибетском языке транслируют Цинхайская радиостанция <http://www.qhradio.com/> и станция «Китайский Тибет» <http://www.tibet.cn/>. Вещательная сеть Внутренней Монголии <http://www.nmrb.com.cn/> осуществляет трансляции на монгольском языке.

На канале этнических меньшинств Юньнаньской радиостанции http://www.ynradio.com/pinlv/node_125.shtml идут передачи на пяти языках меньшинств: дэхунском, тай-лы, лису, сингпхо (качинском) и лаху. На радиостанции Чусюн-Ийской автономной префектуры в провинции Юньнань транслируются новостные программы на языке и. На радиостанции Юго-Западной автономной префектуры Буи и Мяо южного Гуйчжоу выходят в эфир передачи на языках буи и мяо. На радиостанции Вэньшань-Мяо-Чжуанской автономной префектуры в провинции Юньнань транслируются новости на языках мяо и яо. Радиостанция автономной префектуры Яньбянь провинции Цзилинь ведет вещание на корейском языке.

2.2. Телевизионное вещание в Интернете и сетевые видеоматериалы

1. Телестанция национальной сети

Телестанция китайской вещательной сети <http://www.cntv.cn/> транслирует передачи для монгольского, тибетского, уйгурского, казахского и корейского телеканалов.

2. Телестанции провинций

Синьцзянская телестанция <http://www.xjtv.com.cn/>: каналы вещания на уйгурском и казахском языках. Станции «Голос китайского Тибета» <http://www.vtibet.com/tb/sp/zyws/>: телеканал «Тибетская звезда» и телевизионное шоу. Также работает телеканал «Монгольская звезда» телестанции Внутренней Монголии <http://www.nmtv.cn/vod/myws/myws.shtml>.

На базе Корейской медиасети Яньбяня действует телеканал «Корейская звезда» <http://www.ybrt.cn/>. Телесеть Сишунанбанья <http://www.bntv.cn/> транслирует новости на дайском (тайском) языке и языке хани. Государственный портал Дэхуна <http://www.dehong.gov.cn/video/> передает новости на дайском (тайском) языке, сингпхо (качинском) и цайва.

2.3. Сетевые алфавиты языков меньшинств

У портала новостного агентства «Синьхуа» (<http://www.xinhuanet.com/>) есть веб-страницы, на которых используются уйгурский, тибетский и корейский шрифты. У «Синьцзян дейли» (<http://www.xjdaily.com.cn/>) – веб-страницы с использованием уйгурского, казахского и монгольского шрифтов. У агентств «Чайна тибетан ньюс» (<http://www.chinatibetnews.com/>) и «Цинхай ньюс» (<http://www.chinatibetnews.com/>) есть тибетские страницы в Интернете.

У «Гуансийской этнической газеты» (<http://www.gxmzb.net/>) имеется веб-страница с использованием чжуанского шрифта, у «Яньбянь дейли» (<http://www.hybrb.com/>) – корейского. На веб-страницах «Дэхон юнион дейли» (<http://www.dhtjb.com/Html/20105189506-1.html>) используются дайский шрифт, а также шрифты сингпхо, лису и цайва.

«Сишунанбанья дейли» (<http://www.dw12.com/>) имеет страницы, созданные с применением старого дайского и нового дайского шрифта. У «Камс дейли» (<http://www.kbcmw.com/>) в провинции Сычуань есть страница на тибетском.

Правительственный веб-сайт Или-Казахской автономной префектуры Сыньцзяна <http://www.xjyl.gov.cn/> имеет страницу на казахском алфавите.

2.4. Базы данных языков меньшинств

Многие ученые из различных учреждений работают над созданием баз данных языков китайских народностей, таких как база данных языков меньшинств Юньнаньского университета национальностей, база дан-

ных языков и алфавитов меньшинств Юньнана Юньнаньской комиссии по делам меньшинств, фонетическая база данных языков и, цянского и эрсу Юго-Западного университета национальностей. Поскольку эти базы еще недоступны онлайн, в 2008 г. Министерство образования Китайской Народной Республики и Государственная языковая комиссия Китайской Народной Республики приступили к разработке фонетических баз данных языков народностей Китая.

«Нагано» (Национальный музей этнологии) создал *базы данных гьялронгских языков* <http://htq.minpaku.ac.jp/databases/rGyalrong/>¹⁰⁶. На веб-сайте содержатся 425/1200 лексических единиц и 200 предложений на 81 диалекте (включая некоторые языки не из гьялронгской группы).

3. Выводы

Как явствует из вышесказанного, китайское правительство предоставляет всем этническим группам полную свободу в вопросах распространения родного языка и культуры в киберпространстве, однако степень использования языков меньшинств в Сети значительно варьируется в зависимости от региона, политики и этнического самосознания.

1. Из пяти автономных регионов сетевые системы средств коммуникации на языках меньшинств, такие как радио, телевидение и веб-сайты, имеются у трех: Синьцзяна, Тибета и Внутренней Монголии.
2. 33 этнические группы населяют районы, расположенные на границе Китая с другими странами; поскольку в пограничных областях люди чаще общаются друг с другом, их языки, такие как корейский, киргизский, лису и другие, более активно распространяются в Интернете.
3. Этнические группы, представленные более значительной долей населения, имеющие более авторитетную политическую позицию и большую долю интеллигенции, такие как и, мяо и бай, распространяют свой язык в Интернете эффективно и систематично.
4. Некоторые этнические группы не имеют поддержки центрального правительства, однако поддерживаются местными правительствами. Языки подобных групп, такие как дунский, санта (дунсянский), цянский и сибинский, распространяются спорадически в процессе

¹⁰⁶ Это один из результатов проекта, получившего иностранный грант А-21241007 «Международное совместное исследование гьялронгских языков» (2009–2012 финансовые годы); координаторами проекта были Ясучико Нагано и Мариэль Принс.

сетевого общения благодаря усилиям представителей этнической интеллигенции и волонтеров-любителей.

5. По пяти языкам меньшинств данные в Интернете отсутствуют: цзинь, цзино, палаунг, китайский русский и лоба).

5–6 июня 2014 г. в г. Сучжоу китайской провинции Цзянсу состоялась Международная конференция по вопросам языка, организованная Министерством образования (МО) Китайской Народной Республики, Государственной языковой комиссией Китайской Народной Республики, Национальной комиссией Китайской Народной Республики по делам ЮНЕСКО, правительством провинции Цзянсу. В мероприятии приняли участие представители более 100 стран; всего конференцию посетили 400 человек. Конференция была нацелена на:

- изучение вопроса о важности знания языка для межкультурного взаимопонимания и устойчивого социального развития;
- усовершенствование знания языка посредством обмена информацией, передовой практикой и знаниями об инновационных подходах к языковому образованию, включая многоязычное образование;
- поощрение сотрудничества между заинтересованными сторонами в различных регионах в целях совершенствования знания языка.

Участники конференции пришли к следующим выводам: «Усилия этнических и коренных групп населения по передаче своих языков из поколения в поколение имеют решающее значение для построения более справедливого и продуктивного мира... Киберпространство должно отражать языковое разнообразие мира, и все языковые сообщества должны извлекать пользу из потенциала информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)».

Политика и практика в области языка, отвечающие потребностям национальных, коренных сообществ и сообществ иммигрантов, способны содействовать эффективной коммуникации в интересах мирного существования глобального общества.

Как нам известно, язык является наиболее важной частью человеческой культуры; языковое разнообразие лежит в основе культурного разнообразия. Тем не менее в некоторых странах язык не рассматривается как часть нематериального культурного наследия, что является большим недостатком с точки зрения процесса документирования и сохранения языков, находящихся под угрозой исчезновения, и поддержания языкового разнообразия. Предлагаем ЮНЕСКО четко определить место языка

в системе нематериального культурного наследия и предложить подписание международной конвенции, содержащей комплекс долгосрочных и действенных мер по поощрению языкового разнообразия.

Источники

1. Huang, Chenglong (2009). Qiangyu Fangyan Tuyu jiqi Huoli (Qiang subdialects and their vitalities), In: Zhang, Xi, Huang, Chenglong and Lan, Guangsheng (eds.), *Chidian Fuwei: Qiangzu Wenhua Zaihou Chongjian Xingsi (The Rescue of the Qiang People: Introspection on the Post-earthquake Reconstruction of Qiang Culture)*, 177–197. Beijing: Minzu University of China Press.
2. Huang, Chenglong, Li, Yunbing and Wang, Feng (2011). Jilu Yuyanxue—Yimen Xinxing Jiaocha Xueke (Documentary linguistics – A new interdisciplinary). *Yuyan Kexue (Linguistic Sciences)* Vol. 10 (2011).3: 259–269.
3. Sun, Hongkai (2001). Guanyu Binwei Yuyan Wenti (On the endangered languages in China). *Yuyan Jiaoxue yu Yanjiu (Journal of Language Teaching and Research)* 2001.1: 1–7.
4. Sun, Hongkai (2006). Zhongguo Binwei Shaoshu Minzu Yuyan de Qiangjiu yu Baohu (The salvage and protection of the endangered minority languages of China). *Jinan Daxue Xuebao (Journal of Jinan University)* 2006.5: 126–129.
5. Sun, Hongkai (2011). Yuyan Binwei yu Feiwuzhi Wenhua Baohu (Language endangerment and protection of intangible cultural heritage). *Yunnan Shifan Daxue Xuebao (Journal of Yunnan Normal University)* Vol. 43.2: 1–7.
6. Sun, Hongkai, Hu, Zengyi and Huang, Xing (eds.) (2007). *Zhongguo de Yuyan (The Languages of China)*. Beijing: The Commercial Press.
7. International Conference on Language: <http://icl.jsjyt.gov.cn/>.

Туранс НАНДАСАРА

директор Национальной службы дистанционного обучения,
Министерство высшего образования Шри-Ланки
(Коломбо, Шри-Ланка)

Йошики МИКАМИ

директор проекта «Языковая обсерватория»
Профессор Технологического Университета г. Нагаоки
(Нагаока, Япония)

Преодоление цифрового разрыва в Шри-Ланке: проблемы и возможности

Предисловие

«Цифровой разрыв» – это неравенство доступа к технологиям и их использованию. Ученые¹⁰⁷ и политики¹⁰⁸ в основном рассматривают данный вопрос как экономический с учетом всех демографических характеристик населения, таких как доход, пол, возраст, образование, расовая принадлежность, регион проживания, но не с точки зрения языков, используемых различными сообществами. Отсутствие ИКТ, опирающихся на родные языки пользователей, является одной из основных причин цифрового разрыва.

Система сингальского письма, используемая в Шри-Ланке, – это система силлабического (слогового) письма, производного от письма *брахми* и состоящего из гласных, согласных, полусогласных диакритических знаков и специальных символов. Некоторые из них объединены в сложные лигатуры. Общее число различных глифов достигает почти 2300. Соответственно, необходимо, чтобы все компьютерное оборудование с поддержкой использования сингальского языка учитывало сложности воспроизведения и печати с минимальными трансформациями клавиатуры или системы ввода данных. В данной статье мы продемонстрируем, как небольшие сообщества пользователей, не использующих романские шриф-

¹⁰⁷ Hoffman, Donna L.; Novak, Thomas P. (1998). *Bridging the Digital Divide: The Impact of Race on Computer Access and Internet Use*. Educational Resources Information Centre, Department of Education, U.S.A.

¹⁰⁸ NTIA (1999). *Falling Through the Net: Defining the Digital Divide*, National Telecommunications and Information Administration, U.S. Department of Commerce, U.S.A.

ты, могут преодолеть цифровой разрыв и выйти в киберпространство, где доминируют романизированные системы.

Введение

Население Шри-Ланки составляет 21 млн человек, большинство из которых – сингалцы (74,9%). Прочие этнические группы включают ланкийских и индийских тамилы (15,4%), ланкийских мавров (9,2%), малайцев и бюргеров¹⁰⁹.

Сегодня в Шри-Ланке три живых языка. Это сингалский, тамильский и английский, используемые для повседневной бытовой коммуникации, как межличностной, так и массовой. Из них сингалский и тамильский языки считаются «национальными языками», в то время как английский язык считается «связующим языком», который объединяет основные этнические группы острова. Таким образом, письменные документы, будь то на бумаге или других материалах, составляются на одном, двух или всех этих языках.

Алфавит сингалского языка – силлабический, все согласные соединены с гласной /а/. Этот алфавит отличается от других индоарийских языков, так как содержит уникальные специальные звуки, появление которых относят к VIII в. н.э.

В сингалском письме есть набор из пяти назальных звуков, известных как «полуназальные» или «предназальные остановки» (*ṅga, ṅja, ṅda, ṅda, mba*). Эти пять согласных не имеют эквивалентов в других индийских языках. Есть пара уникальных гласных символов (*æ* и *ǣ*) для представления двух гласных звуков, которые появились в IX в. н.э.

Наша статья посвящена основным проблемам и структуре сингалской письменности на уровне символов. Мы рассмотрим, как шла разработка шрифтов для технологий вывода, таких как печатные прессы и пишущие машинки, а затем перечислим основные этапы создания кодировки ISO-10646. Мы также покажем, как она использовалась для преодоления цифрового разрыва в Шри-Ланке.

Структура сингалского алфавита и основные правила

Считается, что сингалский алфавит, используемый для письма на сингалском языке в Шри-Ланке, произошел от древнего письма *брахми*, известного с III–II вв. до н.э. Впоследствии алфавит и система

¹⁰⁹ *The 2015 World Factbook (2015). US, Central Intelligence Agency.*

письма значительно изменились из-за существенного влияния южноиндийских систем письма кадамба и грантха¹¹⁰. Полный сингальский алфавит включает символы, необходимые для написания *заимствованных* из санскрита и пали, известных своими придыхательными согласными.

Сингальское письмо

Система современного сингальского письма объединяет символы алфавита *Eḷu*¹¹¹ и санскритского алфавита. Она содержит 61 букву, из которых 18 гласных, 41 согласная и 2 диакритических знака. Смешанный алфавит используется для написания слов на *Eḷu*, пали, санскрите и иностранных слов, натурализованных в языке.

Основные характеристики системы письма

В сингальском языке на основе комбинаций согласных, гласных и полусогласных знаков образуются различные фонетические единицы.

Некоторые согласные и гласные знаки объединяются в слоговые блоки (глифы). Некоторые слоговые блоки «не произносятся» и не используются в системе письма или разговорной форме сингальского языка. Другие глифы образуются иначе в соответствии со способом формирования буквы. Некоторые из них кажутся неровными, искривленными и необъяснимыми с точки зрения логики.

Каждая комбинация создается в соответствии с буквами алфавита. 41 согласная и 16 гласных комбинируются для создания глифов. Все глифы могут в дальнейшем комбинироваться с двумя специальными символами, а затем еще и с двумя диакритическими знаками. В результате получается более 2300 возможных комбинаций для использования в сингальском письме.

Эти комбинации усложняются, когда один или несколько гласных знаков присоединяются к тому же символу. Сохраняя в поле зрения основные вопросы, описанные в этом разделе, относящиеся к графическому

¹¹⁰ Florian Coulman *The Writing Systems of the World*, Blackwell Publishers Ltd., 1989; Florian Coulman, *The Blackwell Encyclopedia of Writing Systems*, Blackwell Publishers Ltd., 1996; Fernando, P. E. E., *Palaeographical Development of the Brahmi Script in Ceylon from the 3rd Century B.C. to the 7th Century A.D.*, University of Ceylon Review 7, 1949.

¹¹¹ Термин *Eḷu* относится к чистому диалекту сингальского языка, не смешанному с иностранными словами, а термин «сингальский» – к смешанному диалекту, хотя значения обоих терминов ничем не отличаются. *Sihaḷa* в языке пали, *Sinhala* в санскрите и *heḷa* в *Eḷu*.

представлению композиции и комбинации знаков в сингальском письме, было бы интересно проследить развитие сингальского языка на протяжении двух с половиной веков, пока не появились компьютеры.

Историческое развитие системы сингальского письма

Общая информация

Самые старые образцы сингальского письма датируются примерно III в. до н.э. Это по преимуществу наскальные изображения¹¹², которые обнаруживаются практически во всех частях острова. Обычно в пещерах эти изображения располагаются ниже уровня перелива, и надписи защищены от воды (см. рис. 1). В ряде случаев надпись представляет собой единую линию длиной порядка 12–15 м слева направо, а иногда справа налево.

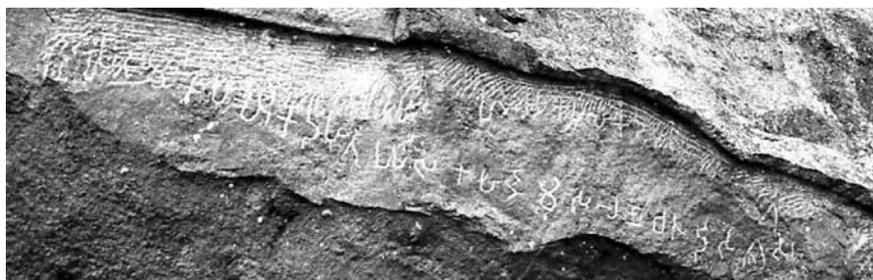

Рисунок 1. Наскальная надпись Vessagiri, II в. до н.э.
(из коллекции автора, 1998 г.)

Золотая эра пальмовых манускриптов

В Национальном музее в Коломбо имеется коллекция, насчитывающая около 3600 манускриптов на пальмовых листьях. Самые старые из них – *Dhampiyā Atuvā geṭapadaya* (X в.), *Chūla Vagga* (XII в.), *Amāvatura* (XII в.), *Saddharmaratnāvaliya* и *Pujāvaliya* (XIII в.). После XIII в. объем литературной продукции увеличился¹¹³.

¹¹² В Кембриджском университете в Англии находятся 274 тома «*Epigraphica Zeylanica*» с более чем 3000 надписей из Шри-Ланки (это превышает количество надписей всего материкового Китая), причем одна из них датируется VI в. до н.э. Было расшифровано свыше 2000 записей, которые демонстрируют последовательное развитие сингальского языка.

¹¹³ Piyadasa T. G., *Libraries in Sri Lanka, Their Origin and History from Ancient Times to the Present Time*, Sri Satguru Publication, India, 1985, pp. 1–18.

Эра книгопечатания

Существенный прогресс в системе документации наметился после прихода португальцев в Шри-Ланку в 1505 г. н.э. Это была первая европейская держава, захватившая власть во всех морских районах. Португальцы учредили администрацию с надлежащей системой документирования и тщательно составляли списки деревень, чтобы упростить сбор налогов.

Однако с 1658 г. контроль над прибрежными районами завоевали голландцы (сохранявшие его вплоть до 1796 г.). Голландцы продолжили практику ведения реестров и, что важнее, отметили данный регион на своих картах.

Переселенцы из Нидерландов открывали для европейцев и местного населения школы, в которых языком обучения был голландский. В северной части Шри-Ланки создавались семинарии, где в качестве специальных предметов преподавались сингальский и тамильский языки. Соответственно в образовательных целях требовались книги на этих языках.

Первой в истории книгой на сингальском языке был молитвенник (объемом 41 страница), опубликованный в 1737 г. *Габриэлем Шаде* (рис. 2).

විල ආරම්භය

සෙසෙසෙවකකටු සීහලෙ
අසෙසී කමාලාගෙ ගලවී=
මෙහි පුරුදුවීමටද දීපනීවී=
මටද වෙකුට ගුසකවී වීල් =
ලම් වක් ලම්සෙව්සන ග =
රුකර සෙව් මිහිසෙසුරු
උතුමාකකග.සෙසෙ පසි=
වුඩපකක සංවිසට පලවු =
වෙක් අවටුගසක්ඛි සෙසුකු
ලෙසොක

Рисунок 2. Страница из первой книги, напечатанной в Шри-Ланке (1737 г.)

Источник: Управление национальных архивов Правительства Шри-Ланки

В 1876 г. Королевская типография в Вене выпустила полный реестр алфавитов, озаглавленный «Алфавиты всех рас мира» («*ALFABETE DES GESAMMTEN ERDKREISES*»). На 29 страницах издания собраны примеры из 76 языков, в том числе сингальского. Это подтверждает интерес европейцев к сингальскому письму.

Печать газет в Шри-Ланке

Первой официально зарегистрированной газетой в Шри-Ланке была «Лакмини Пахана» («*Lakmini Pahana*»), которая начала публиковаться с 17 сентября 1862 г. Во всех выпусках использовался только один вид шрифта и одинаковый кегль, даже в заголовках. Полноценный выпуск печатной продукции на сингальском языке был налажен к середине XIX в.

Сингальские монотипные шрифты

Главное улучшение в качестве рисунка шрифтов и расположения было достигнуто с появлением новой наборной машины, монотипа. Монотипные сингальские шрифты серий 557 (*Sinhalese*), 657 (*Sinhalese Bold*), 698 (*Sinhalese Italic*) и 699 (*Sinhalese Bold Italic*) состояли из 302 символов, 26 знаков препинания и цифр для каждого из шрифтов (Monotype 1959).

Первые примеры сингальского текста на экране

С введением микрокомпьютеров BBC в Университете Коломбо в 1982 г. коллективом сотрудников университета (среди которых был один из авторов настоящей статьи) был разработан первый набор сингальских растровых компьютерных шрифтов. Он использовался для выпуска ежедневной программы телепередач Национальной телевизионной сети (Independent Television Network). Это была первая в истории Шри-Ланки попытка использования компьютеров с поддержкой национального языка.

Долгие споры по вопросам, связанным с алфавитом

С середины 1980-х гг. правительство предпринимало меры для определения несоответствий, связанных с сингальским языком. Одним из таких несоответствий было использование в разных словарях различных алфавитных порядков¹¹⁴.

К работе было привлечено несколько комитетов, которые на протяжении 1985–1998 гг. занимались созданием набора символов для сингаль-

¹¹⁴ *Working Paper, 1985. Order of Alphabet and System of Transliteration, CANLIT & NARESA.*

ского языка, определяли основные характеристики и форму для каждого символа, их порядок в алфавите, а также раскладку клавиатуры и кодировку для комплекта символов¹¹⁵. Новый символ для обозначения звука [фа] (fa) был формально представлен в стандарте SLASCIИ как последний в наборе.

Сингальский набор шрифтов для первых компьютеров

В 1998 г. Институт компьютерных технологий Университета Коломбо выступил с инициативой обеспечения поддержки сингальского языка персональными компьютерами. В дальнейшем данные возможности были учтены при создании набора знаков тамильского языка, диакритических знаков, математических и фонетических символов для операционной системы DOS¹¹⁶. При необходимости язык можно было выбрать, используя комбинацию клавиш Shift + Ctrl.

Фонетическая модель – SLS 1134:1996

Новая фонетическая модель дизайна кодировки символов сингальского алфавита пришла на смену прежней концепции на базе стандарта SLASCIИ. Совместными усилиями Международной организации по стандартизации (ISO) и Международной электротехнической комиссии (IEC) был подготовлен стандарт сингальского Unicode с учетом предложений

¹¹⁵ *Samaranayake, V. K., Disanayaka, J. B. and Nandasara, S. T., 1989. A standard Code for Sinhala Characters, Proceedings, 9th Annual Sessions of the Computer Society of Sri Lanka, Colombo; Nandasara, S. T., Disanayaka, J. B., Samaranayake, V. K., Seneviratne, E. K., and Koannantakool, T., 1990. Draft Standard for the Use of Sinhala in Computer Technology, Approved by the CINTEC on the advice of its working committee for recommending Standards for the Use of Sinhala and Tamil Script in Computer Technology; Nandasara S. T., 1990. "Working Group Paper, Draft Sri Lankan Standard proposal for Sinhala Character Code for Information Interchange", Working Group for Sinhala Code for Information Interchange, Coordinated and Managed by Computer and Information Technology Council of Sri Lanka; Samaranayake, V. K., and Nandasara, S. T., 1990. A Standard Code for Information Interchange in Sinhalese, ISO-IEC JTC1/SCL/WG2 N673; Nandasara, S. T., 1991. "Proposed Sri Lankan Sinhala Standard Code for Information Interchange (SALASCIИ)", Approved for the Computer and Information Technology Council of Sri Lanka (CINTEC) and Submitted to the Sri Lanka Standards Institute; Samaranayake, V.K. Nandasara, S.T., 1994. A Standard Code for Information Interchange in Sinhala, Proceedings of the International Conference on the Input and Output of National Character Sets, AFSIT-8, Tokyo, Japan.*

¹¹⁶ *Nandasara, S. T., 1997. Sri Lanka Experience of Development of Tamil Input/Output/Display Methods, TAMILNET'97 – International Symposium, Singapore; Nandasara, S. T., Leong, K. Y., Samaranayake, V. K., and Tan, T. W., 1997. Trilingual Sinhala Tamil English National Web Site of Sri Lanka, INET97, http://www.isoc.org/inet97/proceedings/EI/E1_3.HTM; Nandasara, S. T., Samaranayake, V. K., 1997. Current Development of Sinhala/Tamil/English Trilingual Processing in Sri Lanka, MLIT-2, November 7-8, Tokyo, Japan.*

Ирландии¹¹⁷, Великобритании¹¹⁸, США¹¹⁹, Японии¹²⁰ и Шри-Ланки¹²¹. По результатам нескольких заседаний Технического комитета с участием национальных делегатов и представителей других стран было принято решение о введении набора символов, имен и средств для сингальского шрифта¹²² на основе предложения Шри-Ланки с некоторыми дополнениями. Таблица кодов сингальского языка была включена в Стандарт Unicode 3.0¹²³. Стандарт SLS 1134:1996 и раскладка сингальской клавиатуры также претерпели соответствующие изменения¹²⁴.

Текущий статус платформы разработки приложений

Правительство Шри-Ланки начало уделять внимание вопросам информационных технологий с середины 1980-х гг. Однако даже после введения стандарта Unicode в 1998 г. разработка местной версии операционной системы Microsoft в Шри-Ланке вплоть до недавнего времени не входила в число приоритетов в отличие от Таиланда, Индии и Непала, власти которых активно действовали в данном направлении. Для преодоления этой проблемы правительству необходимо разрабатывать надежные политические стратегии и широкомасштабные планы действий, с тем чтобы способствовать развитию местного языка не только своими силами, но и в сотрудничестве с крупными корпорациями.

Кроме того, разрабатывается технология ввода с использованием нестандартной клавиатуры, чтобы дать пользователям возможность вводить, скачивать, искать и создавать новые данные и генерировать собственный контент на сингальском языке. Для воспроизведения сингальских слов и

¹¹⁷ Michael Everson, 1989. *Proposal for encoding the Sinhala script in ISO/IEC 10646 (revision 1)*. <http://www.evertype.com/standards/si/si.html>; Michael Everson, 1996. *Report of the Sinhala Standards, ISO/IEC JTC1/SC2/WG2 N1473R*.

¹¹⁸ Hugh McGregor Ross, 1996. *Sinhala proposal, ISO/IEC JTC1/SC2/WG2 N1376*.

¹¹⁹ Lloyd Anderson, Ken Whistler, Peter Lofting, Rick McGowan (Contributors), 1992. *Draft Proposals Unicode Technical Report #2 Unicode Inc.*

¹²⁰ Naito Eisuke, 1998. *Progress Report of the MLIT Project, AFSIT-12, Ha Noi, Vietnam*; Takayuki K. Sato, 1998. *Status of Cooperative Activities for the Missing Characters, MLIT Secretariat, CICC, Japan*.

¹²¹ Samaranyake, V. K., and Nandasara, S. T. 1990. *A Standard Code for Information Interchange in Sinhalese, ISO-IEC JTC1/SCL/WG2 N673; SLS 1134:1996. Sri Lanka Standard SLS 1134:1996-Sinhala Character Code for Information Interchange, SLSI publication*.

¹²² Michael Everson, Takayuki Sato, Kohji Shibano, Disanayaka J. B., Nandasara S. T., Johan van Wingen & Glenn Adams, 1997. *Minutes of Sinhala Ad-Hoc Committee, Doc. # 1613, ISO Meeting No. 33, Iraklion, Crete, Greece*.

¹²³ *The Unicode Standard 3.0, 1998. (www.unicode.org), Addison-Wesley Pub Co., ISBN 02001616335*.

¹²⁴ *SLS 1134:2004. Sri Lanka Standard SLS 1134:2004-Sinhala Character Code for Information Interchange, SLSI publication*.

предложений (в сообщениях смс и в онлайн-чатах) широко используются символы латиницы. С учетом роста спроса это может стимулировать местных поставщиков информации и интернет-услуг к созданию соответствующих стандартизированных технологий для качественной работы с информацией на всех трех языках, чтобы интернет-технологии могли закрепиться на Шри-Ланке. Необходимо отметить, что в общую повестку дня провайдеров интернет-услуг разработка таких технологий не входит.

Исследовательская инфраструктура

Инфраструктура исследований местного языка на Шри-Ланке в большей степени ориентирована на решение краткосрочных задач. Сотрудники университетов отмечают, что могут привлекать студентов-магистров к исследовательской деятельности разве что в рамках небольших трехмесячных проектов. Студенты достигают того уровня, на котором возможна действительно серьезная работа, как раз к моменту выпуска из университета. В результате они заканчивают учебу и уходят, а преподавателям приходится начинать все сначала. Ситуацию усугубляет и тот факт, что многие выходцы из Шри-Ланки работают над диссертациями за границей, неизменно отклоняясь от изучения проблем, связанных с местными языками. Область их исследовательской деятельности определяется интересами западного мира. Практически никто из исследователей, получивших степень в западных, европейских, скандинавских и даже восточных странах, не занимался проблемами локализации. Как следствие, примеры долгосрочных инвестиций в крупные проекты исследований в сфере информационных технологий практически отсутствуют. Существуют гранты и субсидии для работы в других областях – правительственные фонды Великобритании, Швеции, Норвегии и Японии выделяют средства на долгосрочные исследования проблем окружающей среды, развитие инфраструктуры, развитие людских ресурсов, но не на изучение местных языков или хотя бы исследования, связанные с информационными технологиями. В 2004 г. благодаря проектам локализации и финансированию Центра исследований международного развития (IDRC) при Школе информационно-вычислительных систем Университета Коломбо удалось открыть Центр исследований местных языков. Представители частного сектора объединились для создания Ассоциации производителей программного обеспечения, но, хотя данная организация располагает средствами на исследования, направляются они в основном на развитие местных сетей и решение других базовых проблем коммерческой инфраструктуры. Обработка лингвистической информации, увы, пока не входит в число их приоритетов.

Цифровой разрыв

Несмотря на то, что во всем мире Интернет становится средством массовой информации, использование информационных технологий на Шри-Ланке не носит столь массового характера, как в случае с другими медиа: газетами, книгами, радио, телевидением и др. Применение ИТ ограничено, в частности, государственной сферой. Несмотря на продолжительные обсуждения, для конечных пользователей ситуация меняется мало. Многого еще только предстоит сделать, и ИТ-инициативы должны найти свой путь к сингальскому языку. Однако для преодоления цифрового разрыва усилия следует направлять не только на решение проблем локализации. Этот вопрос следует обсуждать не только с языковой точки зрения, но и с учетом технических проблем, ведь требуется сочетание многих сопредельных технологий, доступных экономических ресурсов (на душу населения) и др.

Разумеется, используемые на Шри-Ланке местные языки, например тамильский, пали, санскрит и др., не могут рассчитывать на тот успех, которого добился английский и которого может добиться сингальский язык. Однако они могут повысить свою жизнеспособность, если будут всеми силами стремиться попасть в мир информационных технологий. К сожалению, на сегодняшний день большинство из них остаются в этой гонке далеко позади.

Заключение

Необходимо поддерживать языковую идентичность и обеспечивать ее признание. Подспорьем в этом могут стать местные радио- и телестанции. Сокращение затрат¹²⁵ и широкий охват могло бы обеспечить содействие ЮНЕСКО, которая направляет свои усилия на сохранение мировых языков и культур и преодоление языкового цифрового разрыва¹²⁶. Кроме того, в продвижении и сохранении языков как средства сокращения цифрового разрыва большую роль играет образование. Какой метод обучения использовать? Какие возможности для изучения языков необходимо обеспечить? Особенно полезными для многоязычных сообществ представляются создание многоязычных словарей, сохранение общего социального контекста и общего корпуса устной речи. Таким образом, для того, чтобы защитить языки мира от исчезновения, прежде всего необхо-

¹²⁵ *Wijayananda Jayaweera, Kothmale Community Radio/Internet Project: Expanding the Knowledge Base, UNESCO, June, 2001.*

¹²⁶ *Nandasara, S. T., GII/GIS for Equal Language Opportunity, MLIT-3: October 6–7, Ha Noi, Vietnam, 1998.*

димо создавать языковые корпуса в цифровом формате. В зависимости от типа лингвистического материала и доступного оборудования корпус может быть мультимодальным, содержать устные или письменные тексты. Это опять приводит нас к обсуждению роли лингвистических технологий. Возможно, ключевым фактором здесь является использование аналогичных технологий для схожих языков. Подготовленный Конференцией ООН по торговле и развитию Отчет о торговле в Интернете и развитии за 2003 г. («E-commerce and Development Report 2003»), где детально анализируется, какое программное обеспечение развивающиеся страны могут использовать для преодоления цифрового разрыва, подтверждает, что именно это может быть решением проблемы.

Благодарности

Данное исследование стало возможно благодаря проекту «Asian Language Resource Network» Технологического Университета г. Нагаоки и финансовой поддержке Министерства образования, культуры, спорта, науки и технологий Японии (MEXT).

Источники

1. Beeching, W. A. (1974). *Century of Typewriter*, Heinemann, London.
2. Daniel, J. T. K. & Hedlund R. E. (1993). *Carey's Obligation and India's Renaissance*, Council of Serampore College, Seranpore, West Bengali.
3. De Silva, M., Sugathapala, W. (1982.) *Some Consequences of Diglossia*.
4. Lankage, J. (1996). *Evolution of Sinhala Scripts*, S. Godage & Pvt Ltd, Colombo, SriLanka.
5. Miller, E. (1883). *Ancient Inscriptions in Ceylon*, PLATES, Trubner & Co. Ludgate Hill, London.
6. Paranavitana, S. (1970). *Inscriptions of Ceylon*, Vol. I.

Предпочтения в национальном киберпространстве Молдовы: отражение политических, экономических и миграционных процессов в обществе

Прежде всего я хочу высказать слова огромной благодарности и уважения настоящему энтузиасту и истинному патриоту Евгению Ивановичу Кузьмину за предоставленную мне возможность лично увидеть удивительные уголки великой страны, а также за возможность представить вам мое мнение по вопросам многоязычия в киберпространстве.

Данный доклад – это попытка нащупать взаимосвязи и понять принципы, лежащие в основе процессов, происходящих в локальной информационной среде.

Прошло сорок лет с момента, как удалось объединить два компьютера и создать прообраз распределенной вычислительной сети, ставшей основой современной **«Всемирной сети»**. Надо признать, что проект был крайне удачен и по темпам прироста количества пользователей превзошел все ранее известные человечеству технологические решения (такие как радио, телевидение, телефония). Сегодня Интернет глубоко интегрировался в нашу повседневную жизнь. В неравной борьбе с ним зачастую проигрывают такие основополагающие принципы, как внутрисемейное общение и личная свобода. Всемирная сеть позволяет нам легко найти людей со схожими интересами и взглядами на мир или старых знакомых, которые в силу жизненных обстоятельств выпали из нашего поля зрения. Начать общение в Сети психологически проще, чем при личной встрече. Все эти плюсы заложили основу для возникновения интернет-сообществ, которые стали играть ощутимую роль в жизни всего общества.

Сегодня мало кто задумывается о сути и строении Глобальной сети. Регулирующие организации, вычислительные сети, компьютерные протоколы не интересуют рядового пользователя, это стало нормой нашей повседневной жизни. Человечество мечтает об огромных структурированных массивах данных, накопленных за весь период своего развития.

Мы надеемся, что благодаря Сети и разнообразию информационных технологий каждый из нас получит долгожданный доступ к несметным хранилищам человеческих знаний, не ограниченный ни количественно, ни территориально. Опираясь на эти знания, мы совершим новый небывалый скачок в своем развитии далеко за границы информационного общества, в глубины *киберпространства*. Однако уже сегодня те из нас, кто непосредственно вовлечен в эти процессы, видят огромное количество проблем и сдвигов, препятствующих такому движению.

Учитывая отсутствие четких принципов и критериев, а также огромное количество теорий, применяемых для описания процессов, которые происходят внутри информационного пространства, я постарался максимально сузить рассматриваемую область и сфокусировался на национальном киберпространстве Республики Молдова.

Как только мы обращаемся к национальному киберпространству, становится очевидным огромное количество ограничений, вызовов и парадоксов на пути к счастливому информационному будущему (в глобальном интернет-сообществе эти проблемы не так заметны). Приведу лишь несколько из них:

1. Невозможно говорить о каком-либо физическом или логическом ограничении национального информационного пространства (государственными границами или национальными доменами).
2. Сохраняются языковые границы национального информационного пространства при полном исключении моноязычия, так как лингвистические способности каждого из членов общества увеличивают объемы самого национального пространства и формируют его мультиязычность.
3. В связи с историческими особенностями (место появления Интернета и использование английского как языка техники) преобладание англоязычного контента в мировой Сети дискриминирует по уровню доступа к информации неанглоязычные сообщества.

Чего стоит лишь недавно появившаяся задача анализа влияния Интернета на неокрепшую психику детей, которые окунаются в эту среду с первых лет своей жизни!

Количество подобных вызовов неуклонно растет вследствие расширения самого киберпространства и применения новых технологий. Еще в 1997 г. Фридман и Ниссенбаум попытались определить и классифицировать типы этих вызовов и сдвигов, но безнадежно. Однако именно в

этом динамизме и есть, как мне кажется, наше спасение. Многие из них временны. Технический прогресс и разумная регуляторная политика помогают нам справляться с этими проблемами, оставляя их в прошлом. В качестве примера можно привести развитие технологий автоматического перевода, делающих доступным контент на иностранных языках. Тем самым решается проблема дискриминации неанглоязычных сообществ по уровню доступа к информации.

Значит, перед нами будет всегда стоять задача **постоянного мониторинга, анализа и контроля за развитием Мировой паутины с целью оперативного реагирования на текущие вызовы и сдвиги.**

Все это справедливо и в рамках национальных киберпространств.

Для описания объекта я введу следующие критерии:

- наличие государственного объединения или национальной среды,
- наличие передовой или технически развитой инфраструктуры,
- наличие регуляционных правил.

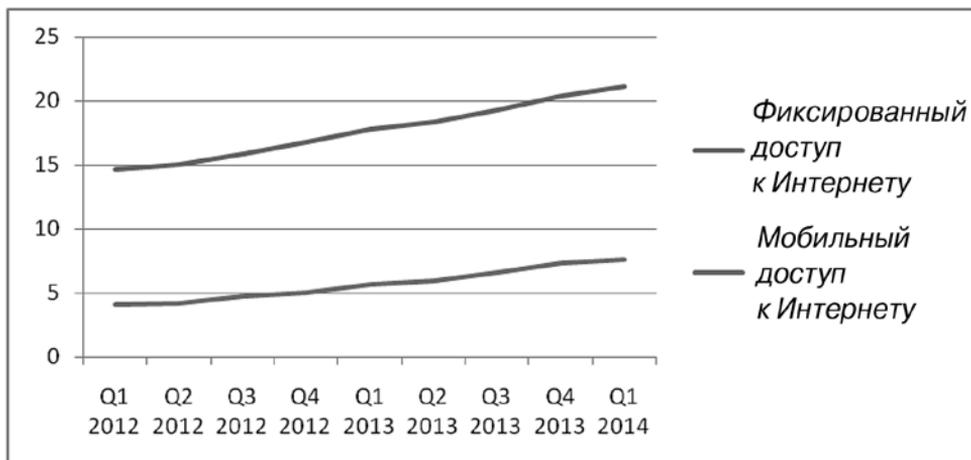
Общий обзор молдавского киберпространства

Молдавия расположена на крайнем юго-западе Восточно-Европейской равнины. Площадь страны составляет 33,7 тыс. км². Численность населения Республики Молдова на 1 января 2012 г. составила 3 559 500 человек. Из них 75,8% – молдаване, 8,4% – украинцы, 5,9% – русские, 4,4% – гагаузы, 2,2% – румыны, 1,9% – болгары, 1% – другие национальности.

Рассмотрим данные по структуре ИКТ, позволяющие сформировать представление о молдавском киберпространстве.

Согласно данным Департамента статистики, в настоящий момент в Молдове 1 439 000 домохозяйств. 78% процентов имеют в наличии как минимум один компьютер, 730 000 подключены к сети Интернет. Количество субдоменных имен в сегменте MD превысило 25 000.

На основании информации Национального агентства по регулированию в области электронных коммуникаций и информационных технологий (НАРЭКИТ) можно составить график роста в процентах пользователей мобильного и фиксированного Интернета от общего числа пользователей

Согласно рейтингу NetIndex, Молдова остается на первом месте по такому показателю, как скорость, предлагаемая сервис-провайдерами. По скорости загрузки из Интернета Молдова занимает 17-е место с показателем 17,5 мбит/сек, а по скорости передачи в Сеть – 7-е место с результатом 10,5 мбит/сек.

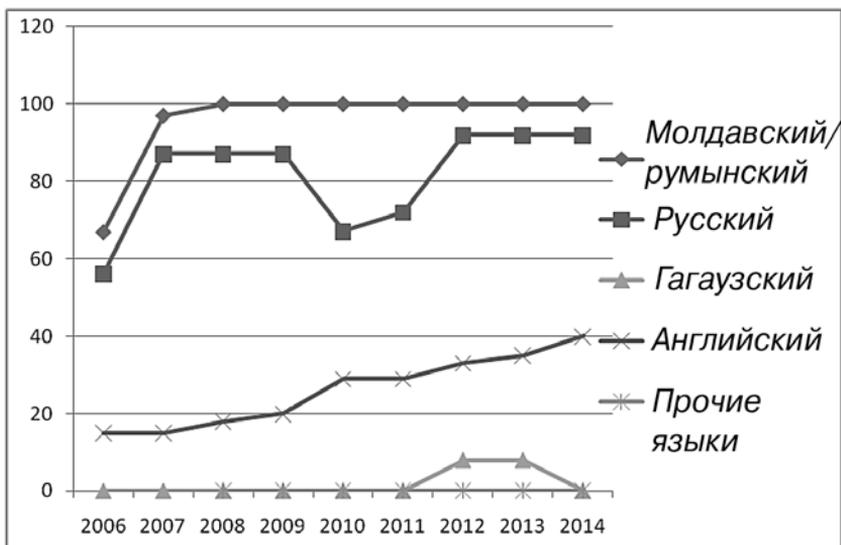
По данным Бюро аудита тиражей и Интернета (ВАТИ), интернет-пространство Молдовы насчитывает 1 502 637 уникальных пользователей. Общий вклад ИКТ в ВВП страны составляет 10%. Как видно, доля информационного сектора в национальной экономике достаточно значительна.

На базе информации, полученной от компании Alexa Internet, было выбрано 100 наиболее активных сайтов доменной зоны .md, которые разделились на следующие группы:

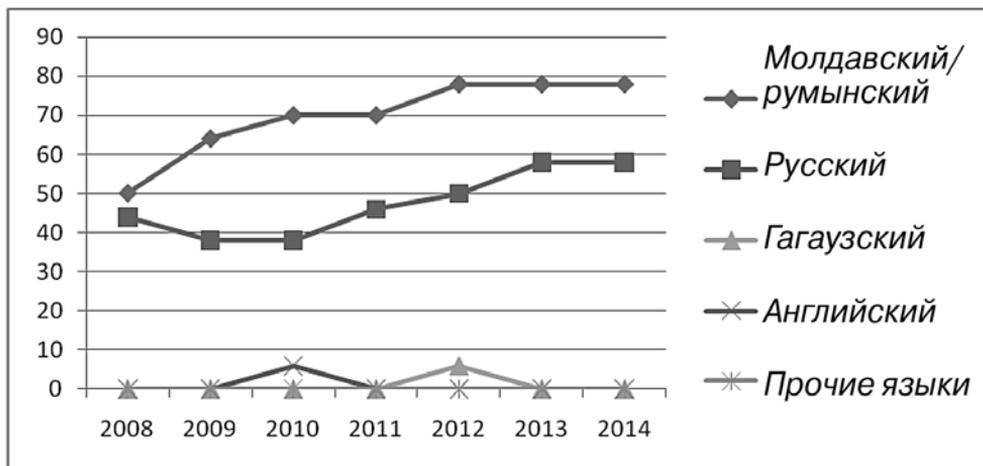
- 1) государственные – 12%,
- 2) некоммерческие – 23%,
- 3) коммерческие – 36%,
- 4) новостные – 16%,
- 5) прочие – 13%.

В течение полутора лет мы осуществляли мониторинг этих сайтов по критерию наличия языковых страниц. В результате была получена статистика, представленная ниже.

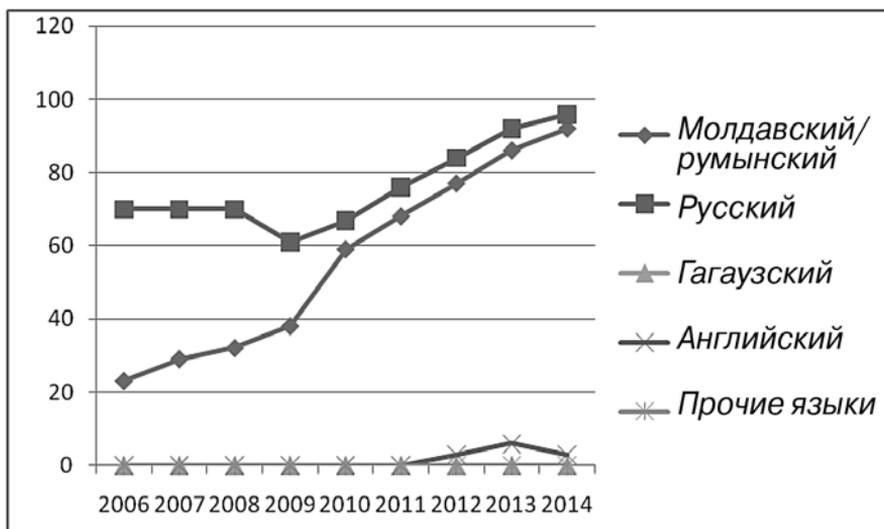
Государственные сайты

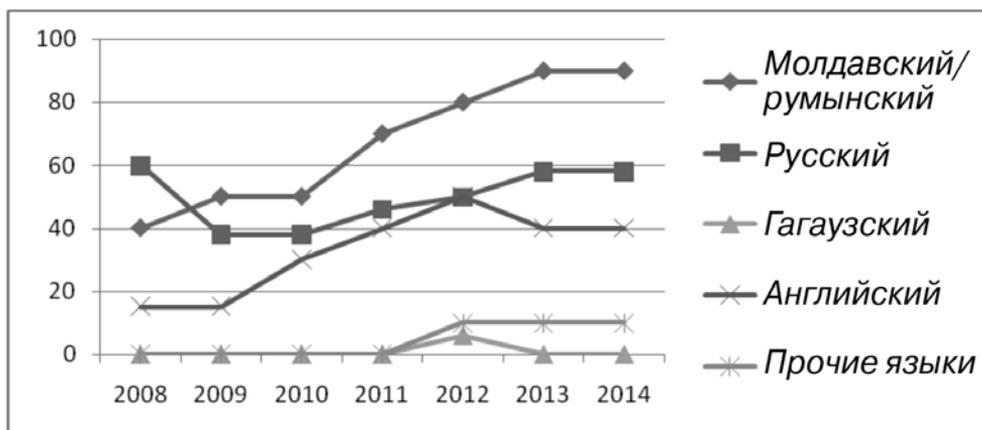
Новостные сайты

Коммерческие сайты

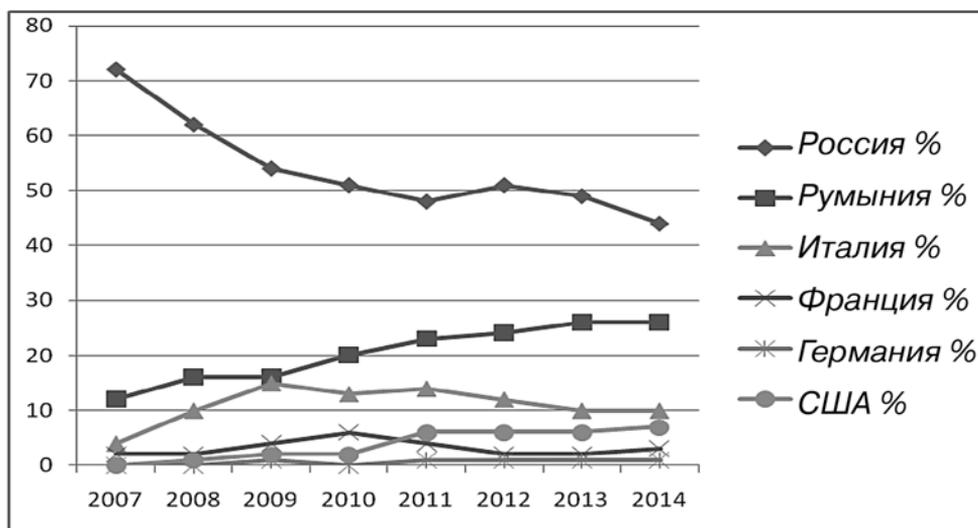

Некоммерческие сайты

Надо отметить, что все критические точки графиков характерны для периодов принятия решений в политической и социальной сфере: 2009 г. – изменение политического вектора в стране, 2012 г. – выборы в Народное собрание Автономной области Гагаузии, 2013 г. – подписание контракта по ассоциации с ЕС.

Количество уникальных пользователей молдавских сайтов по стране-инициатору запроса

Данный график удивительным образом коррелирует с официальной статистикой миграционных потоков в стране за последние годы.

Учитывая выше сказанное, можно предположить возможность создания в обозримой перспективе методик контроля и управления социальными миграционными и экономическими процессами в стране посредством изучения различных срезов киберпространства, создания отдельных информационных систем мониторинга состояния и развития общества. Однако при этом необходимо помнить и о вновь появляющихся вызовах и сдвигах.

Анурада КАННИГАНТИ
преподаватель Национального института
восточных языков и цивилизаций (Франция)
(Хайдарабад, Индия)

Защита языков в Индии: социально-экономический аспект

Аннотация

В данной работе я поднимаю несколько вопросов, касающихся пределов «родового» и «идентификационного» взгляда на защиту языка, который, судя по всему, лежит в основе многих недавних проявлений обеспокоенности по поводу культурных потерь и попыток «защиты» языков. В частности, мы обратимся к индийскому контексту.

Призывы к «защите культуры», как правило, игнорируются простым населением, озабоченным в большей степени соображениями экономической мобильности, нежели проблемами языка. Соответственно, стоит сосредоточить внимание на исследовании реальных последствий воздействия мощных социально-экономических факторов, обуславливающих опасные симптомы языкового сдвига даже основных языков.

В этой связи больше исследовательских усилий должно уделяться политекономии языка. А потому я предлагаю сделать объектом исследования «местную (языковую) экономику», чтобы определить практические пути ее развития и сохранения языкового многообразия.

Введение

III Международная конференция «Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве» заявила в качестве своих целей выработку и реализацию курса на развитие и сохранение языков путем определения соответствующей этнолингвистической политики, направленной на прекращение или замедление процессов, ведущих к языковой маргинализации; помощь языкам в их оснащении, репрезентации и употреблении, а также изучение подходов, стандартов и инструментария для достижения этих целей.

В качестве одной из основных предпосылок был назван курс на обеспечение присутствия и развитие языков в киберпространстве.

Со своей стороны я предлагаю поднять менее востребованный вопрос о языковом многообразии в экономическом поле и языковой политике применительно к экономическому развитию. В случае с киберпространством, как определить политику для «обеспечения присутствия и развития языков в экономике»? Я имею в виду здесь скорее проблематику официальной экономики, связанной с официальной системой образования, особенно в быстро развивающихся странах, где максимально активно идут маргинализация и реорганизация коренных языков при столкновении с экономически доминирующими и/или мировыми языками. Природу движущих сил маргинализации прекрасно описывает лозунг предвыборной кампании Б. Клинтона: «Это экономика, дурачок!»

Здесь же возникает вопрос: должны ли мы при определении важности языка и необходимости его защиты исходить исключительно из того, что языки будут рассматриваться как ориентиры идентичности и носители «культуры»?

Это весьма распространенная точка зрения и направление дискурса в сфере защиты языка. Каковы последствия такого недопонимания, когда фактически миллионы людей выбирают для себя язык, который должен в первую очередь максимально отвечать их личным потребностям?

Защита языка и экономика: разрыв?

Муфвине и Вигуру отмечают разногласия между сторонниками сохранения языка, которые восхищаются лингвистическим многообразием, и теми, кто разрабатывает и осуществляет экономическую политику, усматривая в многообразии языков препятствие для экономического развития.

«Защитники языка склонны рассматривать языки как репрезентативные системы культуры, которые необходимо сохранять (вне зависимости от того, приемлемы они для социоэкономического окружения или нет)» (Mufwene and Vigouroux 2014).

Защитники языка считают, что ставить в привилегированное положение один или несколько языков ради экономического развития и, в частности, развития системы образования, в которой каждый изучает экономически доминирующий язык, – значит создавать угрозу для других языков, оставляя в невыгодном положении тех, кто вынужден отказываться от своего языкового наследия на «лингворынке». Однако, хотя возможность проходить обучение в школе на «своем» родном языке способствует лучшей усвояемости материала, в конечном счете студенты могут оказаться менее конкурентоспособными в условиях широких возможностей совре-

менной экономики. По сути, языки – это активы и обязательства тех, кто на них говорит.

«Трудно отрицать тот факт, что смена языка часто помогала определенным лицам (лучше) адаптироваться к новым социоэкономическим условиям, которые в противном случае были бы для них менее выгодны» (Mufwene and Vigouroux 2014).

С другой стороны, экономисты, считая сужение языкового многообразия в экономической сфере выгодным для населения, игнорируют важность этнолингвистической идентичности и языков как таковых в качестве ориентиров социальной идентичности и носителей культурной самобытности.

Однако нельзя отрицать, что тенденции экономической интеграции на глобальном и национальном уровнях, которые подталкивают нас к принятию доминирующих национальных или мировых языков в образовании и официальной экономике («только английский»), стали основной причиной маргинализации языков или даже отказа от них. Эта тенденция не зависит от размеров языкового сообщества: не только «малые», но даже и «крупные» языки могут подвергнуться маргинализации в сфере официальной национальной экономики, как это происходит с основными языками Индии на фоне соперничества с английским.

Даже в случае экономически популярных, если не «мировых» языков, таких как многие национальные языки Европы, тенденции маргинализации нужно изучать, не упуская из вида изменения языкового статуса в пределах каждой страны. Речь в данном случае идет о том, что в некоторых европейских странах английский все больше закрепляется в качестве основного языка высшего технического образования, при этом национальному языку остается сфера искусства, гуманитарных и общественных наук (ICEF Monitor 2012). Эта тенденция, подкрепляемая и соображениями европейской интеграции, и глобальными амбициями, свидетельствует об угрозе сохранению языкового разнообразия в сфере получения знаний, их распространения, а также экономической креативности и инновации.

Рыночная стоимость многоязычия

Устинофф отмечает, что с появлением «языковой индустрии» наряду с маргинализацией возникла обратная тенденция. Несмотря на то, что экономисты не проявляли серьезного интереса к языку до конца XX в., глобализация привела к тому, что «игнорировать язык больше нельзя.

С экономической точки зрения языки сами по себе стали весомой и стратегически важной отраслью» (Oustinoff 2012: 409).

Такой новый экономический взгляд на язык акцентирует внимание на ключевом элементе – выходе на рынки, что включает изучение языка, перевод, маркетинг на местных языках и локализацию продукции. С точки зрения глобального бизнеса, многоязычие становится не просто источником издержек, которые нужно минимизировать: «лингвистический потенциал народов, который ранее имел второстепенное значение, сегодня, в эпоху экономической глобализации, становится одним из основных стратегических активов... (Это) свидетельствует о глобальной смене парадигмы – теперь языки уже не рассматриваются как нечто бесполезное, напротив, признается их высокая рыночная стоимость не только с точки зрения расходов, но с точки зрения выгоды инвестиций» (Oustinoff 2012: 416).

По сути, речь идет о том, что в глобальной рыночной экономике носители языка и их сообщества превращаются в потребителей и рынки соответственно: «приходит осознание того, что торговля должна осуществляться на языке партнера». Это изменение во взглядах произошло не только из-за трудностей распространения гипотетически выгодной общей политики «только английский» как средства облегчения глобальной коммуникации (распространение языка происходит медленнее, чем расширение рынков), но и благодаря возникновению многополярного мира, где язык становится «мягкой силой».

Однако, несмотря на признание «рыночной ценности» многоязычия, в действительности набор языков, которые рассматриваются как ценные, достаточно ограничен. Например, число студентов, изучающих каждый год *хинди* в Национальном институте восточных языков и цивилизаций во Франции, довольно значительно (по имеющимся сведениям, до 150 человек), но оно никак не соотносится с определенной рыночной ценностью *хинди* в глобальной экономике (хотя по количеству говорящих он и занимает четвертое место в мире). При этом мотивация носит скорее культурологический характер (интерес к «Болливуду»). Это действительно указывает на «культурное измерение» языковой экономики, но, как признает Грин, это «не рыночная стоимость». Грин отмечает трудности развития концепции языка как экономической ценности: «В настоящее время не представляется возможным точно вычислить (i) стоимость языка, (ii) стоимость одного лингвистического ареала по отношению к другому, (iii) ожидаемые «преимущества» (рыночные и не рыночные) определенной политики; (iv) многие из затрат, прямых и косвенных, связанных с этой инициативой ...» (Grin 2002: 21).

Даже если бы мы смогли синтезировать различные стоимости (по Грину, их четыре) в одну, общая стоимость лишь продемонстрирует, что только ограниченное количество мировых языков будет причислено к разряду экономически ценных.

Политэкономия языка

Если мы рассматриваем язык с точки зрения экономики, помимо концептуальных трудностей, с самого начала возникает вопрос о дефинициях и терминологии. Выше мы говорили об «экономичности языков», однако в программе состоявшейся недавно международной конференции в Париже можно встретить такие термины, как «экономика языка», «языковая экономика» и «язык и экономика» (Mufwene and Vigouroux 2014).

Я предлагаю дополнить эти появляющиеся формулировки и объекты исследования такими понятиями, как «язык(и) в экономике», «языковая часть экономики» (по аналогии с «языковой частью рабочей деятельности» (Буте 2001)) и «экономика языка».

Помимо традиционного для языкового планирования акцента на языке в образовании, СМИ и административных органах и недавно появившейся концепции «рыночной стоимости языков» в условиях глобализации, которая рассматривает говорящих на языке и сообщества как потребителей и рынки, я предлагаю также считать их производителями и производственными сообществами соответственно на фоне растущих показателей национальных экономик. В дополнение к «рыночной стоимости языка» предполагается исследовать такие понятия, как «язык как средство производства» и «производственные пределы языка» для данной экономики.

В рамках нашего подхода «экономика языка» может рассматриваться как «совокупность производственных действий на данном языке, оценить достоинства которой можно с точки зрения материальных или других ценностей, созданных в результате этих действий». Понятие «ценность языкового ареала», о котором пишет Грин (2002), также может быть уместно в данном контексте, равно как и «экономика миноритарных языков», о которой пишет Луканович (Lukanovic 2014).

Я бы специально ввела термин «национальная(ые) экономика(и) применительно к постколониальному национальному положению – такому, как в Индии, где колониальный язык (КЯ) играет доминирующую роль в официальной экономике, а коренные языки близки к маргинализации. Таким образом, можно говорить об «экономике французского» в Сене-

гале в противовес «национальным экономикам» *волофа*, *диолы* и т.д.; «экономике английского» в Индии в противовес «экономике *хинди*» или экономике «*телугу*».

Предлагая это, я отчасти опиралась на труды по политэкономии религии и касты – такие, как работы Хэррис-Уайт (Harris-White 2003), в которых она исследует дифференциальное накопление экономических активов и моделей занятости среди различных религиозных общин и кастовых групп.

В отношении языкового фактора тоже можно было бы провести сравнительное политэкономическое исследование, однако это несколько сложнее, ведь язык не является чем-то исключительным, в отличие от религии или касты, и не обязательно дает однозначное определение понятию «сообщество».

Другим мотивом было сложившееся в результате наблюдения за языковой палитрой Индии убеждение, что повышение «экономической жизнеспособности» языков (понятие, требующее дальнейшей разработки) является необходимым для их выживания в контексте растущих экономических чаяний. Заметим, что это не то же самое, что «экономическая жизнеспособность языковых сообществ», о которой пишет Боден (Beaudin 1996). Инструменты, применяемые для описания характера и масштабов национальной экономики, могут быть использованы, чтобы оценить и контролировать экономическую жизнеспособность языков, определить диапазон возможностей и факторы торможения и, таким образом, способствовать выработке политики, планированию и инвестированию в жизненно важную триаду: развитие языка – образование – жизнедеятельность.

Политика: язык, образование, экономика

Эти наблюдения поднимают ключевые вопросы, касающиеся выработки политики для «обеспечения присутствия языков и развития экономики». Какой тип экономического развития, в каком «социально-экономическом контексте» и в каких сферах позволит использовать экономически малозначимые языки и повысить их экономическую жизнеспособность в национальном пространстве? Как можно привести это в соответствие со стремлением к экономической интеграции, для которой чем меньше используется экономически активных языков, тем лучше? Когда одно положение лучше другого и в каком контексте?

«Действительно ли языки обладают таким же правом на образование и экономические системы, как граждане», и если да, то как должно финансироваться обеспечение этих прав? (Mufwene and Vigouroux 2014)

Муфвине (Mufwene 2014) называет это «злостной проблемой», для решения которой можно было бы довольствоваться «приемлемым» решением – таким вариантом многоязычия, который поощряет использование меньшего числа языков, нежели желательно для идеального состояния языкового многообразия. Такое решение проистекало бы из особого согласования двух пониманий языка – как репрезентативной системы и средства коммуникации в условиях частных национальных контекстов: структуры населения, систем образования, обучения, средств существования и типовой миграции, этапа экономического развития и, в не меньшей степени, коммуникационного опыта и политической составляющей языка, что в целом приводит к определенной конкуренции между языками.

В последующем я рассмотрю ситуацию в Индии – ее конфигурацию языков по отношению к экономике, обусловленную конкретным историческим этапом, который за последние двадцать лет привел к ускоренной маргинализации индийских языков по сравнению с английским не только в экономической сфере, но и в области культурных обменов (Tully 2011, Hariharan 2014).

Реакция англоязычных классов на тенденции культурной маргинализации является своеобразным отражением действующей диглоссии. Эти классы сознательно сделали свой выбор языка и, столкнувшись с языковым сдвигом, они оказываются в сильном культурном смятении и возвращаются к концепции языка как репрезентативной системы.

Язык и экономика в Индии

После обретения Индией независимости сохранение английского языка стало целью элитарных слоев и фактором, обеспечивающим их воспроизводство, в то время как дискурс демократизации сосредоточился на использовании «местных» языков (МЯ) в образовании и административных органах. (Хотя данные переписи населения свидетельствуют о том, что всего в Индии насчитывается 122 языка, на каждом из которых говорят как минимум 10 тыс. человек, я ограничусь здесь 22 официальными языками, которые охватывают 95% индийского населения. Однако я пользуюсь словом «местные», чтобы подчеркнуть их маргинальный статус в официальной экономике.) Существует двухуровневая система образования, оставшаяся с колониальных времен: частная «английская среда» для элит и государственная «местная среда» в школах для широких масс.

В школах с английской средой МЯ может изучаться как предмет (язык культуры); а в школах с местной средой английский является вторым языком. Такая структура подчеркивает двойственность «языка мобильности» и «языка культуры».

Несмотря на рост национального самосознания по отношению к языкам после обретения независимости и административного деления страны на штаты в основном по языковому принципу, «рыночная стоимость» МЯ всегда была ограничена почти полным доминированием английского в современных экономических сферах и в значительной степени даже в правительстве. Английский стал преимущественным (и единственным, по крайней мере в народном сознании) языком социально-экономической мобильности – за исключением нескольких случаев успеха студентов МЯ (по большей части на пути продвижения к английской экономике). Достоверных свидетельств обратного до недавнего времени не было. Однако недавнее назначение на должность премьер-министра Индии Нарендры Моди, который получил местное образование и лишь немного приобщился к англосфере, открывает новые пути ухода от «просторечной» Индии и меняет представление о том, что «только люди с плохим образованием» и провинциальным складом ума или представители низших классов предпочитают английскому индийские языки» (Subramanian 2014).

Как уже отмечалось выше, дуализм английского и местных языков создает собственную «кастовую систему» языка, а англоязычная элита никогда не интересовалась «языковым вопросом». В эпоху быстрого роста глобализации и рыночной экономики массовый рост «амбициозных» классов привел к ускоренному и всеобщему устремлению к английскому (который, как оказалось, стал огромным преимуществом Индии в области аутсорсинга и в других сферах обслуживания).

«Общее гуманитарное развитие Индии было принесено в жертву успехам элиты, которая имеет глобальные амбиции. Вот почему элита держится за английский, а остальная часть Индии стремится к этому» (Pillalamarri 2014).

Можно возразить, что все это связано с развитием информационных технологий (ИТ) и сферы услуг на их основе, а также с моделью социально-экономического движения, которую они обеспечивают. Именно эти технологии в одночасье сломили оборону защитников обучения на «родном языке» и потребовали разработки единой программы «Английский для всех» (не говоря уж об «Образовании для всех»). По сути, это политический вопрос, подразумевающий, что английский обеспечивает работу в ИТ-сфере, получение рабочей визы в США и т.д. Дошло до того, что

доступ к «английской среде» стал фактически частью популистских предвыборных обещаний. Стремление к освоению английского как к быстрому пути достижения мобильности приобрело даже «кастовый» оттенок, в результате чего некоторые формации рассматривают язык как «богиню» («английскую богиню»), которая поможет им избавиться от их ущербного статуса и перейти в другую «высокую», англоговорящую касту, как называл ее Неру (Devraj 2010).

Но дело в том, что сфера ИТ и услуг на их основе может предоставить в лучшем случае несколько миллионов рабочих мест. Она не способна обеспечить работой огромное количество молодых людей вне зависимости от того, знают они английский или нет, не говоря уже о тонкостях эффективного преподавания английского среди широких слоев населения, свидетелем чему являются провалы программы «Английский для всех», когда студенты в результате не осваивали ни родной язык, ни английский.

«Сколько профессий действительно требуют знания английского? Не много. Экономический рост Индии не может быть обеспечен только сферой услуг и колл-центров, которая и так уже перенасыщена. Очень небольшой процент индийцев будет занят в этих сферах, и те, кто работает в них, могут освоить английский как один из навыков, необходимых в их профессии, что в конечном итоге будет эффективнее, чем обучать языку большую часть населения» (Pillalamarri 2014).

Помимо фактора ИТ, существует стойкое, но малоосмысленное убеждение, что «английский необходим в контексте глобализации». Необходим для чего и для кого? Каковы природа и потребность в использовании языка в различных сферах и в различном масштабе? Ответы на эти вопросы пока не найдены.

Языковая дилемма и экономика: мировые языки против местных

Очень показательным случаем, иллюстрирующим борьбу за английский, стали недавние дебаты в Индии о его значимости на экзаменах для госслужащих (Rangan 2014). Те, кто отстаивает необходимость английского, убеждены, что будущим администраторам потребуется общаться в масштабе всей Индии, в то время как большая часть работы чиновника проходит на местах, где в первую очередь требуется знание МЯ. Фактически, как пишет Акуратхи, не те, кто прошел обучение в элитных школах английского языка, а кандидаты с МЯ лучше адаптированы для работы в местной администрации и приближены к реальной жизни. «Как ни странно, все усилия по изучению английского и унижения на этом пути сейчас кажутся смехотворными. Большая часть наших ежедневных деловых операций проходит

на *каннада*. Я окажусь никудышным администратором, если буду знать английский и не буду говорить на *каннада*» (Akurathi 2014).

Подобное заблуждение характерно и для спорящих о роли языка при получении высшего образования, которые считают английский незаменимым для участия в современной экономике. Типичным примером является следующее мнение, отражающее превалирующее дуалистическое понимание роли языка: «Культурному шовинизму не место в современном мире. Это не значит, что мы должны игнорировать наш язык и нашу культуру. Сохранять и язык, и культуру важно, но важно также и обеспечить нашу экономическую конкурентоспособность» (Mazumdar 2014).

Здесь конкурентоспособность в мировой экономике путают с местными компонентами экономической деятельности, как официальной, так и неофициальной, которой охвачена большая часть населения и в которой, как мы полагаем, сосредочена большая часть национальной экономики. Весомая роль МЯ в экономической деятельности и потенциал их развития в современной «местной экономике» не получает должного внимания из-за давления со стороны англоманов. Это лишь подкрепляет ошибочную убежденность в том, что языки не имеют большого экономического значения или, по крайней мере, не являются тем желательным фактором, который мог бы повысить социально-экономический статус. В результате возникает некое соотношение между языком, образованием и жизнедеятельностью: значимость доминирующего языка национальной и глобальной мобильности закрепляется и признается всеми как «то самое» средство достижения социально-экономического успеха. Это, в свою очередь, определяет выбор языка образования даже для тех, кто находится в не самой благоприятной социально-экономической ситуации – повсеместное стремление к «английской среде» наблюдается даже у сельских бедняков, готовых лишиться своих скромных сбережений ради обучения в частных школах.

Защита языка – проблема «патримониальной» точки зрения

Хотелось бы отметить, что «культуралистическая» концепция защиты языка вносит дополнительную путаницу в вопросы языка и экономики между локальным и глобальным уровнями. Эта точка зрения на потерю культуры и ее защиту, которую разделяет все большее число авторов, обеспокоенных изменениями в соотношении языков в индийском обществе, была ясно выражена в уже упоминавшейся ссылке на одного из ведущих промышленников Индии (Mazumdar 2014). Она иллюстрирует весьма спорную концепцию защиты языка в контексте «диглоссической»

конфигурации, определяющей четкие экономические и культурные функции «глобального» языка в отличие от «локального». Лингвистический дуализм «английского и местного», лежащий в основе двухуровневой системы образования в Индии, приводит к культурному, социальному и экономическому дуализму и разрывам, что, в свою очередь, обуславливает двойственность дискуссий по проблеме утраты языка и его защиты.

Интересной площадкой для изучения откликов на маргинализацию местных языков являются фестивали в «Защиту языка и культуры». Правительства разных штатов в Индии широко финансируют «Всемирные конференции» по государственному языку, нацеленные на выработку стратегии защиты языка, культуры и идентичности в контексте глобализации. Особую тревогу вызывает ситуация с детьми и молодежью, которых необходимо убеждать, что «хотя английский и необходим в контексте глобализации, это не означает, что не нужно изучать родной язык». Заявленный проект призван обеспечить молодежь необходимыми инструментами для того, чтобы «быть конкурентоспособными», и одновременно готовить их к «защите их языка и культуры»¹²⁷.

Было бы полезно посмотреть на взаимоотношения двух групп в «дискурсе утраты» – англоязычной и англоязычающей (продукты английской среды) – с местными языками.

В первую очередь, тревожные рассуждения об отказе молодого поколения от «родного языка» зачастую можно услышать как раз от тех, кто сознательно и откровенно добивался доступа к английскому для своих детей, чтобы поставить их в выгодные условия в индийском обществе и на глобальном рынке. «Культура» и «родной язык» становятся важными для представителей этого класса только тогда, когда им удается благодаря английскому добиться более высокого социально-экономического положения. Они начинают выражать беспокойство, когда их дети, которым они «купили» правильное произношение и правильный английский акцент в правильных школах (открыто или подспудно внушая им мысль об этой исключительности), доводят этот процесс до логического конца – фактически до языкового сдвига в сторону английского.

Откликом на такой нежелательный побочный эффект может стать попытка спроектировать «диглоссического» ребенка – искусное творение идеологического моделирования, – который должен рассматривать ан-

¹²⁷ См. материал о Всемирной конференции по телугу: https://en.wikipedia.org/wiki/World_Telugu_Conference.

глийский только как язык для достижения рыночного преимущества, сознательно сохраняя «родной» язык как язык культуры.

«В наше время глобализации родители могут посылать своих детей в школы английского языка, но при этом поощрять их говорить на *телугу* дома» (New Indian Express 2012).

Этот донкихотский проект аккуратного «распределения» языков («учи английский для преимущества, храни родной язык для культуры») был, судя по всему, усвоен правительствами штатов, о чем свидетельствуют, например, пост-релизы Всемирной конференции по *телугу*, состоявшейся в декабре 2012 г. в штате Андхра-Прадеш на юге Индии. Ученым и специалистам предстояло разработать подходы для того, чтобы дети, которых побуждали как можно лучше изучать английский, вернулись *к телугу и жизни с этим языком*.

Наряду с теряющим культуру классом, изучавшим английский в Индии, существует большинство населения, обучавшееся на родном языке. Сторонники такого обучения неустанно выступают в защиту целостного, как они говорят, характера образования и индивидуального развития ребенка, когда нет культурного и языкового разрыва между домом и школой. Маловероятно, что кто-то станет беспокоиться по поводу утраты языка и культуры молодыми людьми, получавшими образование на родном языке, в отличие от тех, кто вращался в «английской среде». Находясь в структурно подчиненном положении, «местные» родители вряд ли задумываются об утрате культуры, ведь у них другие, более серьезные заботы. Они готовы пойти на любые жертвы, лишь бы их дети выбрались из «местной» ловушки ограниченных возможностей, и многие уже пошли на это.

Одновременное беспокойство по поводу утраченной культуры со стороны приобщившихся к английскому привилегированных классов и социально-экономическая озабоченность тех, кто обучался в местных школах и оказался в невыгодном положении, порождает их удивительное сочетание, которое лишь подчеркивает культурологическое расслоение вокруг языка в Индии и подводит нас к сути вопроса. Те, кто находится в лингвистически невыгодном положении, стремятся преодолеть этот разрыв и всеми правдами и неправдами «купить» любой вариант английского, но не осознают, что могут оказаться проигравшими во всех отношениях. И это представляет гораздо большую угрозу, чем переживания привилегированных классов по поводу утраты культуры.

«Не соглашаясь с утверждением, что *телугу*... является одним из мировых языков, находящихся под угрозой, (Никхилесвар)... хотел, чтобы правительство придало *телугу* статус официального языка ... (Именно)

рабочие, крестьяне и другие бедные сообщества все еще говорят на своем родном языке и, не сознавая этого, вносят вклад в его защиту и развитие» (New Indian Express 2012).

Однако эти оставшиеся без внимания классы (составляющие большинство) не стали объектом изучения на спонсированных штатами фестивалях местных языков, где предлагается «признавать, воспевать, использовать, защищать, поощрять и продвигать» язык и идентичность. Поистине ключевой социальной проблемой, которая должна быть в центре внимания государства, является то, что несколько десятков, если не сотен миллионов молодых людей ошибочно полагают, что труднодоступный и дорогостоящий английский (независимо от предвыборных обещаний) – это гарантия доступа к глобальному рынку и что только такой доступ является залогом социально-экономических возможностей и успеха.

Ответ на экономическую маргинализацию: индустриальная культура местных языков

Разумеется, для обеспечения «социальной справедливости» и, в конечном счете, оживления культуры вполне возможно и необходимо создать экономические условия для «местных языков», заполняя пробелы в цепочке «язык – образование – источник существования». В контексте растущей экономики, такой как в Индии, возникают новые экономические пространства, где требуются квалифицированные работники и предприниматели. В Индии существует огромный дефицит «мастерства», что отмечается и представителями индустрии, и правительством, которые считают этот фактор ключевым для экономического роста. Данный дефицит в значительной степени обусловлен почти исключительным вниманием к университетскому образованию в сфере услуг (конечно, на английском) и пренебрежением к техническому образованию и профессиональному обучению. Даже те, кто выступает за высшее образование на местных языках, стремятся только получить «дипломы», и, перефразируя Алису, «им нужно бежать со всех ног, чтобы только оставаться на месте, а чтобы куда-то попасть, нужно бежать как минимум вдвое быстрее», чтобы угнаться за английским. С другой стороны, масса будущих работников и предпринимателей промышленной сферы может обучаться в целевых учреждениях МЯ, не обольщаясь иллюзорной привлекательностью программы «Английский и ИТ для всех». Языковую политику в образовании и обучении можно проводить в соответствии с предполагаемыми потребностями местной, региональной, национальной и глобальной экономики. Нужно только убедить промышленников инвестировать в техническое развитие выбранного МЯ для его последующего применения в индустрии.

Те, кто имеет достаточную подготовку, будь то на МЯ или на английском, могут действительно стремиться на глобальный рынок. Однако квалифицированные рабочие с МЯ должны иметь возможность хорошо зарабатывать в своей стране, а не превращаться в блуждающих по всему свету «технарей». Когда сварщики и каменщики смогут переходить в средний класс без необходимости «покупать» английский, проблема утраты языка и культуры потеряет свою остроту. По крайней мере, может наступить массовый социальный и культурный сдвиг в нужном направлении. Какой вклад в экономику могли бы внести в таком случае эти «местные» технические специалисты, квалифицированные рабочие, предприниматели... с необходимым минимумом английского?

Правительствам, занимающимся защитой культуры, следовало бы принять во внимание эти предложения, касающиеся «коренного» большинства населения, а не только озабоченности по поводу культуры «глобализированных» слоев современного поколения. Просто подсчитайте и доверьте будущее языка и культуры именно этому большинству.

Заключение

В данной статье мы остановились на экономическом аспекте языкового многообразия, что позволило рассматривать носителей языка не только как членов этнолингвистических сообществ, сконцентрированных на «культуре», или как граждан и объекты управления, но и как участников экономических процессов, то есть как производителей и потребителей.

Мы также решили выйти за рамки «защиты» языка – для значительного числа языков – и обратиться к развитию языка и расширению его возможностей, особенно в контексте экономического роста. Это будет позитивная программа, в то время как «защита языка» часто представляется трудновыполнимой задачей.

Понимание местных экономик, их потенциала для развития и инвестиций, а также их перспектив на разных уровнях национальной экономики можно, в частности, противопоставить ошибочному представлению о том, что мировые языки незаменимы для повсеместной социально-экономической мобильности. В странах с высокой степенью многоязычия должны быть найдены «приемлемые» решения проблемы распределения инвестиций и языковой инфраструктуры для конкурирующих языков.

В заключение хотелось бы отметить, что для гарантированного выживания и обогащения язык не должен быть «заклеймен» как язык культу-

ры. Он должен развиваться наряду с другими средствами производства, имеющими экономическую значимость.

Источники

1. Akurathi, P. (2014). A battle I didn't need. Outlook, August 18. <http://www.outlookindia.com/article/A-Battle-I-Didnt-Need/291639>.
2. Beaudin, M. (1996). The Socio-Economic Vitality of Official-Language Communities. New Canadian perspectives.
3. Boutet, J. (2001). La part langagière du travail: bilan et evolution. In: Langage et Société, 4, no. 98.
4. Devraj, R. (2010). 'Goddess of English' breaks caste chains, Asia Times Online, Nov 17, http://www.atimes.com/atimes/South_Asia/LK17Df02.html.
5. Grin, F. L'économie de la langue et de l'éducation dans la politique de l'enseignement des langues. Strasbourg: Language Policy Division, Council of Europe.
6. Hariharan, V. (2014). Indian languages under threat in the digital age. Hindustan Times, June 17. <http://www.hindustantimes.com/comment/analysis/indian-languages-under-threat-in-the-digital-age/article1-1230559.aspx>.
7. Harris-White, B. (2003). India Working: Essays on Society and Economy. Cambridge University Press.
8. ICEF Monitor. Trend Alert: English spreads as teaching language in universities worldwide. <http://monitor.icef.com/2012/07/trend-alert-english-spreads-as-teaching-language-in-universities-worldwide/>.
9. Mazumdar, K. (2104). The Language Conundrum. My Thoughts and Expressions, 7 May. <http://kiranmazumdarshaw.blogspot.in/2014/05/the-language-conundrum.html>.
10. Mufwene, S. S. (2014). Language and Economy: A wicked subject matter. In: Economy and Language – An Inter-Disciplinary Workshop, June 2014, Paris.
11. Mufwene S. S. and Vigouroux C. B. (2014). Concept Paper, Economy and Language – An Inter-Disciplinary Workshop, June 2014, Paris.

-
12. National Skill Development Agency, Government of India, 2009. <http://labour.nic.in/upload/uploadfiles/files/Policies/NationalSkillDevelopmentPolicyMar09.pdf>.
 13. New Indian Express (2012). Concrete action needed to protect Telugu: Nikhileswar, 21 December 2012. http://www.newindianexpress.com/states/andhra_pradesh/article1388297.ece.
 14. Novak Lukanovic, S. (2014). The value of mastering languages in economy. In: Economy and Language – An Inter-Disciplinary Workshop, June 2014, Paris.
 15. Oustinoff, M. (2012). The Economy of Languages. In: Vanini, L., Le Crosnier, H. (eds.). Net.lang. Towards the Multilingual Cyberspace. Caen: C&F Editions.
 16. Pillalamarri, A. (2014). Why India must move beyond English. The Diplomat, July 11. <http://thediplomat.com/2014/07/why-india-must-move-beyond-english/>.
 17. Rangan, P. (2014). Brown Sahib's Club? Outlook, August 18. <http://www.outlookindia.com/article/Brown-Sahibs-Club/291637>.
 18. Subramanian S. (2014). India After English? The New York Review of Books, June 9.
 19. Tully, M. (2011). Will English kill off India's languages? BBC News, 29 November. <http://www.bbc.co.uk/news/world-asia-15635553>.

Мигель Хайрович ПАЛАСИО

преподаватель Общецерковной аспирантуры и докторантуры
им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия
(Москва, Российская Федерация)

Языки индейских народов Колумбии: современное положение и роль в культурной жизни страны

Колумбия – одна из наиболее динамично развивающихся стран Латинской Америки, занимающая территорию более 1 млн квадратных километров на северо-западе южноамериканского ареала. Колумбия считается третьей экономикой Латинской Америки, а по численности населения находится на пятом месте в регионе. Названием страна обязана прославленному мореплавателю Христофору Колумбу, который, правда, на колумбийской земле никогда не был. Как известно, каравеллы Колумба достигли берегов Нового Света в 1492 г. Это событие вошло в историю как «открытие Америки», однако американцы предпочитают именовать его «встречей двух миров».

И такой подход справедлив: «открывают» безлюдные земли, а Северная и Южная Америка к моменту прихода испанских конкистадоров была населена десятками миллионов человек. Любопытно, что исконные обитатели Якутии, столь гостеприимно принимающей нас, внешне похожи на индейцев. И это не случайно. Несколько десятков тысяч лет назад по так называемому Берингову мосту, который до своего затопления в конце Ледникового периода соединял два континента, жители современной азиатской части России свободно перемещались в северную половину Нового Света. Так что якутов можно смело назвать дальними родственниками коренных американцев.

Одной из загадочнейших автохтонных культур не только Колумбии, но и всей Америки является Сан-Агустин (в южной части страны). От этой культуры остались многочисленные скульптуры людей-ягуаров и прочих антропоморфных существ, но не сохранилось свидетельств присутствия людей – словно обитатели Сан-Агустина вместе со всем движимым и недвижимым имуществом растворились во времени и пространстве. Более поздние колумбийские культуры, такие как чибча-муиски и тайрона, известны главным образом своими изделиями из золота, чьей изящности и

изысканности завидуют даже ювелиры XXI в. Золотые творения аборигенов выставлены в Музее золота в Боготе – самом посещаемом музейном собрании Колумбии.

С доиспанской Колумбией связана легенда о «золотой стране» – Эль-дорадо. Согласно древнему обычаю, новый вождь чибча-муисков совершал обряд инициации на священном озере Гуатавита, расположенном в 50 км от Боготы (на ее месте стояла столица чибчей Баката). Церемония состояла в следующем: вождь, обсыпанный золотым песком, в сопровождении жрецов выплывал на плоту на середину озера, где бросался в воду, а жрецы сбрасывали в озеро золотые изделия. То было подношение богине воды. Когда испанцы в начале XVII в. пришли во владения чибчей, они услышали эту историю и назвали место «Эльдорадо». Завоеватели задались целью осушить озеро Гуатавита, дабы найти сокровища индейцев. Предпринимались десятки попыток, но все они заканчивались провалом.

В наши дни в Колумбии к индейцам причисляются 1 392 623 человека. Это 3,4% населения, которое составляет около 45 млн человек. В стране проживают 82 индейские народности, объединенные в 41 общину. Занимают они 34 млн га, то есть 30% национальной территории (площадь, равную Финляндии или Вьетнаму).

Колумбия культурно и этнически неоднородна. Страну пересекают Кордильеры, в силу чего регионы развивались обособленно, формируя собственные традиции и менталитет. Например, побережье Карибского моря всегда было центром торговли и отличалось преобладанием либеральных тенденций. Центральная Колумбия, наоборот, консервативно настроенный регион, его жители, в первую очередь обитатели Боготы, имеют репутацию закрытых, отстраненных и даже надменных людей. Эти различия сохранились до сих пор. Географический ландшафт во многом определил исторический путь страны.

Во второй половине XX столетия Колумбия столкнулась с такими проблемами, как партизанская война и наркотрафик. Во внутригосударственном противостоянии одним из самых уязвимых сегментов общества оказалось автохтонное население. Лагеря повстанцев и лаборатории по производству наркотиков организуются в труднодоступных районах сельвы, где проживают племена аборигенов; от индейцев часто избавляются как от нежелательных свидетелей преступлений.

Удивительно, что растение, ставшее источником обогащения для наркодельцов и партизан, индейцы считают божеством. Я имею в виду коку, чьи листья при смешении с химическими веществами превращаются в опаснейший для физического и психического здоровья наркотик. Индей-

цы преклоняются перед Кокой-Мамой – богиней, защищающей от невзгод и врагов. Как только европейцы начали жестоко покорять латиноамериканские земли, их коренные жители обратились к богу Солнца. Тот сказал им: доверьтесь коке, она поможет вам; белые тоже откроют ее чудесные дары, но не смогут ими воспользоваться, и кока сделает их скотами и безумцами... Именно такой эффект оказывает кокаин. Сама же кока, по утверждению индейцев и ряда медиков, обладает лечебными свойствами, а также может быть хорошим стимулятором разных функций организма, что особенно требовалось аборигенам в колониальный период, когда испанские идалго использовали их как рабов и слуг.

Колумбия входит в число стран с наибольшим лингвистическим разнообразием. Колумбийские индейцы говорят на 65 языках, входящих в макро-чибчанскую, же-пано-карибскую и андско-экваториальную макросемьи. Наиболее распространенные индейские языки страны – чибча (регион Боготы) и зену (атлантическое побережье). Из 65 языков тремя владеют более 50 000 человек, восьмью – от 10 000 до 50 000, девятью – от 5 000 до 10 000, одиннадцатью – от 1 000 до 5 000, 34 – менее 1 000 человек.

Конституция Колумбии закрепляет за языкам индейцев статус официальных в районах их обитания, гарантирует аборигенам право на получение начального образования на двух языках – испанском и родном. В 2010 г. был принят Закон № 1381 «О коренных языках», в котором декларируется необходимость сохранения и защиты автохтонных языков (помимо индейских, к таковым относятся два креольских языка афроколумбийцев и паленкера – язык жителей некоторых карибских областей Колумбии).

Министерство культуры Колумбии провело серию социолингвистических исследований для определения уровня жизнеспособности индейских языков. Итоги были совсем неутешительными. Языки, на которых передавали друг другу секреты мастерства доколумбовы ювелиры, стремительно исчезают, что объясняется ассимиляцией индейцев и слабым интересом государства к данному вопросу. Индейская политика колумбийских властей в целом довольно вялая. Действующий президент Хуан Мануэль Сантос иногда посещает племена аборигенов, перед официальным вступлением в должность на первый срок в 2010 г. он даже прошел обряд «духовной инаугурации» у индейцев племен коги, уива и арауко в природном парке Сьерра-Невада-де-Санта-Марта, но все эти действия имеют явный популистский оттенок.

Отметим, что колумбийские ученые уделяют большое внимание коренным языкам. В Боготе и других городах функционируют центры по изучению этой проблематики (в частности, при ведущих вузах – Нацио-

нальном университете, Андском университете, Университете Антиокии). В департаменте Каука организовывается (но весьма медленно) Индейский университет, в котором преподавание будет вестись на автохтонных языках. В некоторых «индейских» районах Колумбии открыты этно-образовательные центры.

За последние несколько десятилетий колумбийская индеанистика существенно продвинулась. Каждый язык обрел как минимум одного эксперта в сообществе лингвистов. Символично, что среди них есть и этнические индейцы, сумевшие сделать карьеру на научном или образовательном поприще.

Степень включенности аборигенных народностей в общественную жизнь страны различна. В основном они свободно контактируют с остальным населением и с туристами. Лучше всех социализированы индейцы, живущие в постоянно посещаемых национальных парках. Они изготавливают и продают всевозможные сувениры, проводят экскурсии, знакомят гостей с бытом и традициями своих народов. Наименее заметны в колумбийском социуме амазонские племена, предпочитающие существовать изолированно.

А какое отражение находит индейская тема в колумбийской культуре? Всеми миру известен роман лауреата Нобелевской премии по литературе, колумбийца Габриэля Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества» (1967 г.). Многие истории из этой удивительной книги, сотворенной в популярном в латиноамериканской литературе XX в. жанре «магического реализма», представляют собой художественный пересказ легенд индейцев карибской Колумбии, откуда был родом автор. Термин «магический реализм» как никакой другой передает особенности мирозерцания аборигенов.

Одним из шедевров колумбийской литературы признана легенда о Юрупари – эпос амазонских племен Колумбии и Бразилии. Эпос передавался из поколения в поколение в устной форме, пока в конце XIX в. его не записал на языке ньенгату бразильский индеец Максимилиано Жозе Роберто. На ньенгату говорят около 8000 амазонских жителей Бразилии, Колумбии и Венесуэлы. Это своего рода язык международной коммуникации: он служит не только для межплеменных контактов, но и для общения аборигенов с неиндейцами. Оригинальный текст легенды о Юрупари был утрачен и дошел до нас в переводе, опубликованном в 1890 г. итальянским географом и фотографом графом Эрманно Страделли.

Легенда о Юрупари содержит уникальные сведения о понимании индейцами мира и исторического пути своего народа, о принятых у аборигенов правилах человеческого общежития. В этом она схожа с Олонхо –

центральным эпосом фольклора Якутии, для культуры которой, на мой взгляд, идеально подходит латиноамериканское определение «магический реализм». Нельзя не упомянуть, что мифология народов Сибири и Дальнего Востока имеет немало параллелей с мифологией Нового Света.

Однако мы ведем речь о нематериальном наследии Колумбии до Колумба. А какое место в реалиях страны занимают нынешние потомки древних племен? Как ни печально признавать, 3,4% населения воспринимаются большей частью колумбийцев (не говоря уже об иностранцах) как живая история, реликт красивого, окутанного тайной и мистикой прошлого. Если попросить городского жителя Колумбии произнести пару слов на любом индейском языке, у него это вызовет по меньшей мере удивление или улыбку.

Сегодня Колумбия стоит на пороге, вероятно, самого судьбоносного события в своей истории со дня победы в войне за независимость от Испании в 1821 г. В Гаване в течение трех лет не без успеха продолжаются мирные переговоры между правительством Сантоса и главной партизанской группировкой – Революционными вооруженными силами Колумбии. Страна как никогда близка к окончанию более чем полувекового конфликта, затронувшего прямо или косвенно каждую колумбийскую семью. Дай Бог, чтобы установление долгожданного мира способствовало росту внимания общества к насущным проблемам, которые долгие годы оставались на втором плане. В их числе в первом ряду – сохранение и популяризация индейской культуры во всех ее проявлениях.

Николай Николаевич ПАВЛОВ

руководитель проекта «Саха Википедия»
(Якутск, Российская Федерация)

Будущее вики-проектов на региональных языках России¹²⁸: два сценария

Аннотация

В условиях дефицита ресурсов людям, развивающим краудсорсинговые языковые культурные проекты на региональных языках России, следует максимально точно определить возможные стратегии развития. Они могут зависеть как от субъективных факторов, таких как собственные конечные цели, так и таких объективных факторов, в том числе от состояния и востребованности языка.

Языки «эпохи Веб 2.0»¹²⁹: общая характеристика

С развитием глобализации вместо линейного, «природно-узусального» развития миноритарных языков началось нелинейное, суперстратное развитие, характеризующееся в большей степени медийными формами выражения (и во многом ими же детерминированное). Оно обусловлено принятием жителями многих стран стандартов «западной» потребительской экономики и тесно связано с развитием всемирного социума по «глобалистской» модели. Подобные изменения в обществе заставляют миноритарные языки мигрировать в сторону (меняться в пользу) нескольких доминирующих в мире языков, попутно отказываясь от своих грамматических особенностей в области фонетики, лексики (прежде всего это касается существительных), словообразования и фразеологии (в двух последних случаях – путем прямых заимствований), до поры до времени оставляя синтаксис в покое (хотя сейчас уже и тут не обходится без нововведений).

Языки эпохи Веб 2.0 с функциональной точки зрения, видимо, целесообразнее группировать не только и не столько по общему корню, сколько по влияющему на них языку. Причем подразделение миноритарных языков по полям влияния на контактные языки со временем приобретает все большее значение. На практике это значит, что региональные языки эт-

¹²⁸ Региональные языки России – языки коренных жителей России, отличные от общегосударственного русского. Иногда к этому определению добавляют «не имеющие государственности за пределами РФ».

¹²⁹ Веб 2.0. (Web 2.0) – технически развитое общество, в котором важную роль играют коммуникации через социальные сети.

носов России, о которых пойдет речь ниже, вне зависимости от языковой семьи входят, и еще какое-то время будут входить, в поле сильного влияния русского языка. Правда, уже сейчас заметно влияние английского языка, но пока скорее опосредованное. С течением времени, с углублением процессов экономической и социальной интеграции между языковыми сообществами неизбежны и другие языковые влияния – со стороны того же английского, но уже напрямую, а также, вслед за расширением экономических и социальных связей с азиатскими странами, со стороны восточных языков (вероятнее всего, в большей степени китайского языка).

Эти тенденции следует учитывать как при развитии новых языковых проектов, так и при оценке их перспектив.

Вики-проекты на региональных языках России

Вики-проекты – это, по сути, сайты, монтируемые на CMS¹³⁰ MediaWiki. Исторически первым сайтом такого рода была «Википедия» – онлайн-вая универсальная энциклопедия. Позже она стала многоязычной, а затем к сонму википедий¹³¹ добавились другие проекты Wikimedia Foundation, такие как Викитека, Викиновости, Викисловарь и пр.

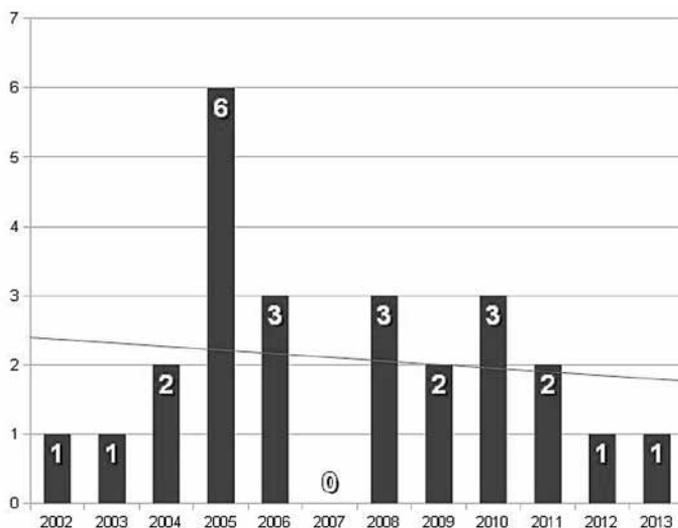

Рисунок 1. Динамика регистрации новых языковых разделов «Википедии» на региональных языках РФ

¹³⁰ CMS – Content Management System (система управления контентом) – компьютерная программа для обеспечения и организации совместного процесса создания, редактирования и управления контентом сайта.

¹³¹ Общее количество разделов «Википедии» на разных языках (по сути, самостоятельных сайтов со своими политиками и сообществами) к июню 2014 г. составило 275.

Одновременно в Сети появлялись вики-проекты сторонних производителей, также использующих CMS MediaWiki. В их числе можно назвать сервис для хостинга Викиа; сайт генеалогической программы Gramps; Арктическую мегапедию, представляющую собой энциклопедию на нескольких языках малочисленных народов; посвященный эпосу народа саха «Портал Олонхо» и др.

История развития вики-проектов на региональных языках России началась с 2003 г., когда был зарегистрирован первый подобный проект – раздел «Википедии» на татарском языке¹³². В следующем году была зарегистрирована чувашская «Википедия», в 2005 г. – уже шесть языковых разделов, и к 2014 г. было зарегистрировано 25 разделов на региональных языках России (см. рис. 1). Сейчас к этому списку можно добавить «Википедию» на крымскотатарском языке, зарегистрированную в 2008 г. Помимо этого, 41 раздел «Википедии», относящийся к языкам России, находится на т.н. тестовой стадии, то есть у этих проектов еще нет отдельного домена третьего уровня, но статьи можно писать в специальном разделе, называемом «Инкубатор»¹³³.

Кроме «Википедии», региональные языки России представлены в некоторых других вики-проектах Wikimedia Foundation, которые выходят в общей сложности на 23 языках (см. табл. 1).

Таблица 1. Количество вики-проектов Wikimedia Foundation на региональных языках РФ (по состоянию на июнь 2014 г.)

Проект	Зарегистрировано проектов	Заявлено тестовых разделов
Викиучебник	2 (татарский, чувашский)	2 (башкирский, осетинский)
Викисловарь	1 (татарский)	15 (аварский, башкирский, бурятский, вепсский, водский, ингушский, коми, мокшанский, лугово-марийский, татарский, татский, чувашский, чукотский, удмуртский, эрзянский, южно-юкагирский)

¹³² Для справки: русская «Википедия» появилась в 2001 г.

¹³³ Полный список проектов см. в русской «Википедии» в статье «Проект: Разделы Википедии на региональных языках России/Статистика».

Викицитатник		3 (башкирский, вепсский, татарский)
Викиновости		2 (чувашский, тувинский)
Викигид		2 (татарский, вепсский)
Викитека	1 (саха)	12 (адыгейский, башкирский, вепсский, горномарийский, кумыкский, луговомарийский, коми-пермяцкий, карельский, татарский, чувашский, удмуртский, эрзянский)

Вики-проекты под эгидой Wikimedia Foundation создаются по краудсорсинговой¹³⁴ модели с привлечением волонтеров на безвозмездной основе. Каких-то специальных требований к волонтерам и их уровню подготовки не предъявляется. Залогом успеха всех вики-проектов является принцип перехода количества в качество. Каждая статья (в некоторых случаях и произведение) публикуется под открытой лицензией, обуславливающей беспрепятственное ее изменение другими участниками. При этом, если речь идет об авторских произведениях (это касается в основном Викитеки – библиотеки текстов, перешедших в общественное достояние), неимущественные авторские права сохраняются в полном объеме.

Модель безвозмездного краудсорсинга предполагает, что волонтеры руководствуются исключительно нефинансовыми соображениями. Поэтому, если речь идет о проектах, связанных с миноритарными языками, можно предположить, что волонтерами, хотя бы отчасти, движет любовь к своему родному языку, стремление к его сохранению и развитию, продвижению языка в сети Интернет (в отдельных случаях может идти речь даже о ревитализации языка).

Региональные языки и предпосылки путей развития вики-проектов

Все региональные языки России можно оценивать по степени функционального развития ко времени начала господства Веб 2.0, т.к. имен-

¹³⁴ Краудсорсинг – совместная добровольческая работа (чаще всего имеется в виду координируемая с помощью информационно-коммуникационных технологий деятельность или совместная работа над контентом сайтов и локализацией софта).

но эта веха, скорее всего, станет определять будущее языков. По данному критерию региональные языки России можно разделить на две большие группы:

1. Языки, успевшие ко времени наступления Веб 2.0 наработать литературную норму и обширный текстовый и медиаматериал разных жанров (прежде всего художественную и публицистическую литературу). На современном этапе своего развития эти языки с разной степенью успешности (или неуспешности) осваивают новые для себя сферы, в том числе метаплощадку – информационно-коммуникационные технологии. К числу таких языков, которые можно назвать «успешными региональными», относятся официальные языки нескольких республик, входящих в состав Российской Федерации.

2. Языки, не имеющие устойчивой письменной и литературной традиции или в значительной мере утратившие свои позиции. Хотя у части из них есть формальные достижения, они сейчас фактически функционируют исключительно на бытовом уровне. Причем, возможно, в эту группу следует включить не только языки малочисленных этносов, но и языки относительно крупных этносов численностью до полумиллиона человек, на которых в настоящее время выходит очень мало художественной литературы, практически незаметна письменная публицистика (хотя могут быть относительно развиты электронные средства массовой информации – телевидение и радио). Эти языки условно назовем «рецессивными региональными» языками. К ним относятся как языки малочисленных народов, так и, с определенными допущениями, языки относительно крупных народов, имеющие государственный статус в регионах России.

Сценарии развития вики-проектов

Вики-проекты на региональных языках России, как и все краудсорсинговые интернет-проекты на этих языках, могут развиваться по двум популярным сценариям.

Первый сценарий. Веб-сайты на региональных языках России исполняются на грамматически правильном языке, с максимальным соблюдением литературных норм, которые были наработаны в советское время и во время российских политических реформ конца XX в., а также отчасти в новейшее время («реакционные» изменения второй половины нулевых и последних «десятих» годов, характерные для некоторых языков).

В контенте веб-сайтов наряду с литературной нормой будут с той или иной частотой встречаться диалектизмы, фонетизированные интернационализмы¹³⁵ и окказионализмы. В некоторых проектах и текстах, в особенности публицистических, возможно, будут встречаться и традиционные фразеологизмы (к примеру, в Викиновостях¹³⁶). Но поскольку узус¹³⁷ будет все более отходить от этой литературной нормы (об этом ниже), «Википедия» и подобные проекты на региональных языках (о популярности проектов на доминирующих языках, например о «Википедии» на английском языке, мы здесь не говорим) не будут пользоваться всеобщей популярностью у представителей соответствующих этносов, хотя и окажутся востребованы отдельными энтузиастами-патриотами, учеными-лингвистами, а также культурологами. Возможно, эти проекты будут время от времени вызывать интерес политиков. Подобный сценарий можно назвать «негативно-правильным» или «пессимистически-традиционным».

Второй сценарий с точки зрения успешности проектов (их востребованности, количества активных и пассивных участников) более оптимистичен, но с языковой точки зрения (со стороны способа языковой реализации), наоборот, не столь радужен. Суть его заключается в том, что вики-проекты будут следовать за изменением языков (и даже более – обслуживать эти изменения, внося свою лепту в кодификацию изменений). Есть обоснованные опасения, что эти проекты будут писаться на упрощенных версиях языков, находящихся под сильным влиянием доминирующего языка, вплоть до степени креолизации¹³⁸, а поскольку креолизация региональных языков – явление, характерное для значительной активной и более молодой части этноса, такие проекты найдут больше целевой аудитории, а значит, будут более популярны, нежели проекты первого типа. Этот сценарий можно назвать «условно-оптимистическим» или «оптимистически-пораженческим», либо просто популистским.

¹³⁵ *Фонетизированные интернационализмы – измененные, фонетически обработанные языком, интернационализмы.*

¹³⁶ *Викиновости (Wiki News) – новостной сайт, заполняемый добровольцами. Выходит на нескольких языках, в том числе на русском.*

¹³⁷ *Узус – общепринятое носителями данного языка употребление языковых единиц (слов, устойчивых оборотов, форм, конструкций).*

¹³⁸ *Креольские языки, креолы – суперстратные языки, пиджины, ставшие родными для некоторого сообщества.*

Таблица 2. Два сценария развития вики-проектов на миноритарных языках

Сценарий	Кто развивает	Форма, реализация	Язык	Потребитель	Миссия
Пессимистически-традиционный	Хорошее владение языком, знание культуры	Традиционные внешние формы – письменные	Использование литературного языка	Ученые, политики, школьники и их родители, журналисты, общественники	Сохранение культуры и языка
Популистский	Бытовой повседневный язык, иногда только устный	Преобладают медийные формы – образы, звуки	Использование новояза (неизменные заимствования: синтаксические конструкции и лексика)	Массовый потребитель, урапатриоты	Формальное сохранение этноса в меняющихся условиях

Как видим, хотя сценарии развития и противоположны по форме исполнения, предпочесть что-то одно с точки зрения витальности языка может быть сложно, ибо при реализации первого сценария язык сохраняется относительно неизменным, но со временем теряет (не добирает) часть потенциальных носителей, а при выборе второго варианта потенциальных носителей привлекается относительно больше, но язык рискует неузнаваемо измениться, и, скорее всего, – в сторону упрощения и креолизации.

Связь между сценарием развития и состоянием языка

Иными словами, детерминируется ли сценарий развития нынешним состоянием языка? Вики-проекты на языках первой группы (успешных региональных) могут развиваться по одному из двух вышеприведенных сценариев в зависимости от тех или иных решений конкретных исполнителей-участников (об институциональных заказчиках в общепринятом смысле тут речи не идет, ибо имеются в виду проекты добровольческие). Вики-проекты же, написанные на языках второй группы (рецессивные

региональные) могут развиваться только по пессимистически-традиционному пути. Это обусловлено тенденциями к консервации данных языков, т.е. они научно описаны (документированы), но вследствие естественного сокращения количества носителей потеряли или в ближайшем будущем потеряют способность к изменению. В общественной жизни такие языки сохраняют за собой функцию маркера принадлежности к культурной элите этноса.

Иными словами, за успешными региональными языками выбор сценария развития сохраняется, а рецессивные региональные языки этого выбора лишены.

Обрыв прямых и обратных связей литературного языка с узусом

Тут мы подходим к такому феномену, как существенное расхождение употребительной нормы успешных региональных языков и нормы литературной. Почему это может происходить? Ведь узус, с одной стороны, обусловлен литературным языком, а с другой – сам влияет на него. И в обычных условиях эти две нормы, как два сообщающихся сосуда, взаимодополняют и взаимовлияют друг на друга.

С нашей точки зрения, существует тенденция к сокращению этих процессов. Литературная норма миноритарного языка перестает быть востребованной вслед за отменой обязательного преподавания данного языка в общеобразовательной школе (иногда даже фактического полного отсутствия его преподавания) и, как следствие, утратой представителями этноса привычки читать и писать на родном языке. И хотя литературный язык может сохраняться в некоторых оазисах, например на радио и телевидении, где он может восприниматься на слух, этот статус-кво будет сохраняться только *в силу политического волевого стремления* сохранить такие квазисвидетельства политической самостоятельности региональных элит.

Радио- и телепрограммы на языках, в свою очередь, и в этом случае имеют тенденцию к сокращению ввиду полного овладения *этническими единицами* доминирующим языком (языками), функциональной недостаточности владения родным языком и параллельным отходом преобладающей части этноса от сфер традиционного хозяйствования, в которых язык был исторически самодостаточен (например, сельское хозяйство).

Заметим, что и в эти оазисы относительного благополучия неизбежно постепенное проникновение новояза, сначала для привлечения молодежи, затем в силу невозможности следовать литературной норме без титанических усилий и вследствие сокращения числа специалистов-носителей.

Впрочем, это проникновение не будет существенно влиять на формирование нового литературного языка ввиду малочисленности аудитории и отсутствия кодификации изменений.

В таких условиях логически неизбежно настает момент, когда литературная норма перестает облагораживать и держать в некоторых рамках узус. В новых условиях это неписаное правило перестает работать в сколько-нибудь заметной мере, ибо сокращение количества читателей приводит к «миграции» писателей в доминирующие языки и литературная норма перестает обновляться из-за отсутствия новых литературных произведений. Конечно же, литературный язык будет незначительно меняться, но кодификации новелл, развертыванию этого процесса могут парадоксально воспрепятствовать лингвисты, которые к тому времени останутся практически единственными носителями литературных норм (т.к. писатели и журналисты исчезнут за невостребованностью). Лингвисты, во-первых, по роду своих занятий скорее настроены пуристски¹³⁹, нежели открыты изменениям, ведь по определению они только описывают процессы, а не влияют на них, а во-вторых, возможно, им элементарно не будет выгодно изменение узуса из утилитарно-экономических соображений, т.к. они будут цениться именно в качестве редких специалистов-экспертов.

Тем не менее стоит отметить, что в жизни, конечно же, будут встречаться смешения этих двух сценариев. Возможно, эти сценарии для тех или иных языков будут реализовываться по изначально продуманным планам, если найдутся сильно мотивированные сообщества, способные организовать движение по сохранению языка, но чаще сценарии будут складываться стихийно.

Заключение

Развивая новые вики-проекты на региональных языках, активистам-волонтерам следует учитывать тенденцию к односторонней миграции региональных языков к доминирующим языкам. Существует два разных подхода к развитию краудсорсинговых языковых проектов. Выбор одного из подходов может быть обусловлен как состоянием того или иного языка, так и целями конкретного проекта или команды. Возможно, для экономии ресурсов им стоит придерживаться одной из двух полярных стратегий, а возможно, можно постараться совместить оба подхода, выбирая «срединный путь» и не позволяя одержать верх ни одной из линий. Осознание этой парадигмы нужно для постановки реальных целей и задач, повыше-

¹³⁹ Пуристы – сторонники ригидности, неизменности языка.

ния эффективности деятельности и профилактики конфликтов внутри и вне проекта.

Безусловно одно: отмахнуться от матрицы развития, обусловленной объективными факторами, не получится.

Источники

1. Ж. Багана, Е. В. Хапилина. Контактная лингвистика. Взаимодействие языков и билингвизм. – М.: Флинта, 2010.
2. Н. Горбунова. Языкотворчество Дж. Джойса: словообразовательный аспект (на примере романа «Улисс»).
3. Н. И. Иванова. Функционирование государственных языков Республики Саха (Якутия) в СМИ. – Новосибирск: Наука, 2011.
4. Н. Б. Мечковская. Социальная лингвистика. – М.: Аспент Пресс, 2000.
5. Т. И. Петрова. Сахам тыла барахсан. – Якутск: Бичик, 2006.
6. В. А. Протасов. Марийская википедия как современный социокультурный феномен: Пути развития проекта / Языки меньшинств в компьютерных технологиях: Опыт, задачи и перспективы. Стр. 15–18. – Йошкар-Ола, 2011.
7. Г. Г. Филиппов. Глобализация уонна сахалыы үөрэх ситимин кэскилэ / Сборник «Ийэ тыл көнүл түмсүү 12 сыла». – Якутск, 2007.
8. Г. А. Фофанова. Креолизация и пиджинизация как механизмы субкультурной интердетерминации диалогической самости субкультур / Материалы III Международной научно-практической конференции «Коммуникация в социально-гуманитарном знании, экономике, образовании» (Минск, 2012), стр. 318–319.
9. В. П. Хабиров. Типологическая модель описания языковых контактов в рамках коммуникативной среды (на материале языка лингала).

Использование Интернета для повышения осведомленности о языковом разнообразии Колумбии: опыт Института Каро и Куэрво

1. Введение

В соответствии с исследованиями, проведенными для социолингвистического атласа коренных народов Южной Америки (2010 г.), Колумбия занимает второе место в списке наиболее лингвистически разнообразных стран американского континента, располагаясь между Бразилией, возглавляющей список, и Мексикой. Это разнообразие представлено 62 коренными языками, которые используются на территории Колумбии наряду с двумя креольскими языками (один на основе испанского, второй – на основе английского), двумя разновидностями цыганского языка и испанским – языком основной части населения, единственным официальным языком страны, представленным во всех сферах общества – от СМИ до системы образования.

2. Языковое многообразие Колумбии

2.1. Коренные языки

Языковое многообразие Колумбии было впервые отмечено испанскими конкистадорами, которым неизвестная территория казалась новым Вавилоном. К моменту начала завоевания внутренней территории Колумбии около 1530 н.э. конкистадорам уже было известно о существовании и использовании языков *науатль*, *киче* и *кечуа* (основных и наиболее распространенных языков Америки во времена контактов с европейцами). Многочисленные священники, капитаны и солдаты знали эти языки и выступали в качестве переводчиков во время экспедиций и военных кампаний. Однако Колумбия находилась далеко за пределами сферы правления инков, ацтеков или майя и в течение многих столетий являлась местом соприкосновения и взаимного влияния четырех различных американских культур (амазонской, андианской, карибской и мезоамериканской). По этой причине конкистадоры столкнулись со сложным переплетением поразительного ко-

личества этнических групп и языков, которые были им совершенно незнакомы, так что даже переводчики в данной ситуации оказались бесполезны. Одним из наиболее часто цитируемых свидетельств тому является характеристика этого многообразия, которую дал Педро Сьеса де Леон, испанский хроникер, путешествовавший по западной части страны с 1538 по 1548 г. Он писал: «У них так много языков, что практически в каждом поселении и у каждой встреченной мной общины обнаруживается новый язык».

Некоторые историки эпохи колонизации полагали, что примерно в 1530 г. на территории Колумбии говорили на более чем 140 языках. Сегодня с учетом проведенных лингвистических исследований принято считать, что в то время в стране использовалось свыше 80 языков с диалектами, вошедших в 13 языковых семей¹⁴⁰. Из них на сегодняшний день сохранилось 62 языка на различных уровнях жизнеспособности и употребимости – исключительно за счет изолированности их носителей (относительной в одних случаях и полной в других).

Четыре самых сильных и распространенных языка времен завоеваний (*чибча, тайрона, тихао, андаки*) к XIX в. вымерли – во многом из-за демографической катастрофы, которая обрушилась на их носителей в результате завоевания, а позднее из-за порабощения и окультуривания индейцев.

Из 62 выживших языков 28 классифицируются Летним институтом лингвистики, ЮНЕСКО и многими другими организациями как «находящиеся под угрозой исчезновения» или «вымирающие», а число их носителей составляет несколько тысяч или даже всего несколько сотен человек. Однако основную опасность для этих языков вне зависимости от того, относятся ли они к вымирающим, представляет расхожее мнение (его разделяют почти все представители коренного населения), что они не обеспечивают возможностей социального или экономического развития в отличие от испанского, который считается престижным языком и основным средством достижения успеха в современных условиях. Тот факт, что вся система образования в Колумбии построена на испанском языке, только усугубляет ситуацию.

Ниже приводится таблица коренных языков, отражающая их принадлежность к языковой семье и современное состояние¹⁴¹.

¹⁴⁰ Многие из языков, впервые обнаруженные испанцами, были позднее классифицированы как языковые варианты, а этнографические и археологические исследования установили наличие определенных (в отдельных случаях – сильных) связей между этническими и языковыми группами.

¹⁴¹ Сведения о принадлежности к языковой семье приводятся с опорой на (González de Pérez 2011). Оценка состояния – по данным Ethnologue.com.

Таблица 1. Классификация и современное состояние коренных языков Колумбии

Языковая семья	Название языка	Статус
Аравакские языки	Ачагуа	под угрозой
	Банива	под угрозой
	Гуахиро	развивающийся
	Кабияри	меняющийся
	Куррипако	развивающийся
	Пиапоко	развивающийся
	Юкона	развивающийся
Борские языки	Бора	меняющийся
	Миранья	меняющийся
	Муйнане	меняющийся
Гуахибские языки	Гуахибо	под угрозой
	Гуаяберо	развивающийся
	Куиба	развивающийся
	Макагуан	под угрозой
Карибские языки	Карихона	почти вымерший
	Юкпа	под угрозой
Кечуанские языки	Инганский кичуа	под угрозой
Маку-пуйнавские языки	Какуа	развивающийся
	Нукак	жизнеспособный
	Пуйнаве	под угрозой
	Хупде	под угрозой
	Юхуп	неизвестно
Пеба-ягуанские языки	Ягуа	неизвестно
Пиароа-салибские языки	Пиароа	меняющийся
	Салиба	меняющийся

Туканские языки	Западные	Корегуахе	под угрозой
		Сиона	меняющийся
	Восточные	Барасана-эдурия	развивающийся
		Ваймаха	развивающийся
		Ванано	под угрозой
		Вахиара	развивающийся
		Десано	под угрозой
		Карапана	развивающийся
		Кубео	жизнеспособ- ный
		Макуна	под угрозой
		Пиратапуйо	под угрозой
		Писамира	под угрозой
		Сириано	под угрозой
		Танимука	под угрозой
Татуйо	развивающийся		
Туюка	под угрозой		
Тупийские языки	Кокама		почти вымерший
	Лингва-жерал		меняющийся
Уитото-окайнские языки	Окайна		умирающий
	Уитото		развивающийся
Чибчанские языки	Аруако		развивающийся
	Бари		жизнеспособный
	Когги		жизнеспособный
	Куна		развивающийся
	Малайо		под угрозой
	Тунебо		почти вымерший
	Чимила		под угрозой

Чокоанские языки	Воун-меу	развивающийся
	Эмбера	развивающийся
Не классифицированные	Ава-куайкер	под угрозой
	Андоке	меняющийся
	Гуамбиано	развивающийся
	Камса	развивающийся
	Кофан	под угрозой
	Паэс	под угрозой
	Тикуна	под угрозой
	Тинигуа	почти вымерший
	Тоторо	не употребляется

Число носителей этих языков составляет около 1,6 млн человек, т.е. 3,4% от всего населения страны. В настоящее время наиболее многочисленными коренными сообществами и их языками являются: гуахино на северном побережье (язык *гуахино*); наса (язык *паэс*) и гуамбиано (язык *гуамбиано*) в юго-западных нагорьях Анд; аруако (язык *аруако*) на прибрежном хребте Сьерра-Невада де Санта Марта на северном побережье. Их жизнеспособность объясняется одним общим обстоятельством: механизмы их защиты активно обсуждались и были разработаны эффективные политические проекты, которые и заложили основу их консолидации.

2.2. Креольские языки

Сегодня на территории Колумбии говорят на двух креольских языках: *паленкero* (на основе испанского) и *райсальском креольском* (на основе английского). *Паленкero* является единственным оставшимся в употреблении на американском континенте креольским языком на основе испанского, в то время как *райсальский креольский* – это один из множества креольских языков на основе английского, разбросанных по островам Карибского моря (острова Сан-Андрес и Провиденсия, где говорят на креольском языке, стали частью территории Колумбии после войны за независимость 1809–1819 гг., до этого они считались территорией Никарагуа, хотя никогда не были под ее господством¹⁴²).

¹⁴² Эти острова известны с колониальных времен, т.к. с 1670 по 1680 г. они служили пристанищем для двух печально известных пиратов – Генри Моргана и Эдварда Мэнсфилда, которые де-факто присоединили эти острова к английским колониям в Карибском бассейне.

На *паленкero* сегодня говорят примерно 3500 человек из небольшой деревеньки Сан-Базилио-де-Паленке в 50 км к юго-востоку от Картахены (северное побережье страны). Деревня (термин «*palenque*» в одном из значений использовался для обозначения рабовладельческих поселений, не управлявшихся испанцами; он также объясняет название языка) возводилась в течение XVII–XVIII вв. в основном маронами, но некоторые исторические исследования свидетельствуют, что среди местного населения были также мародеры испанского и метисского происхождения, коренные индейцы и даже испанки и метиски, обвинявшиеся в колдовстве. Образовавшаяся община стала говорить на креольском языке, словарный состав которого основывался на испанском с элементами африканских языков маронов, составлявших значительную часть населения.

Сегодня многие паленкero используют креольский в качестве родного языка, но доля говорящих на двух языках – креольском и испанском – за последние десятилетия возросла до 93%. Испанский составляет жесткую конкуренцию *паленкero*, и результаты большинства социолингвистических исследований за последние 20 лет свидетельствуют о том, что креольский язык постепенно вымирает. Ethnologue.com относит его к вымирающим языкам, но можно пойти еще дальше и сказать, что креольский доживает свои последние дни в обстановке диглоссии: как испанский, так и креольский имеют собственные правила употребления, при этом креольский служит только для личного общения, в том время как испанский используется в качестве основного средства коммуникации. Хотя старшие поколения носителей *паленкero* гордятся своими традициями и используют креольский в качестве основного средства общения, молодое поколение мыслит иначе и быстро переходит с *паленкero* на испанский, движимое «этническим стыдом» и уверенностью в том, что именно испанский обеспечивает социально-экономический прогресс.

Что касается *райсальского креольского*, он (что характерно для креольских языков Карибского бассейна), имеет в своей основе английский и тесно связан с ямайским, белизским и москитовобережным (никарагуанским) наречиями. Чаще всего его относят к западнокарибскому креольскому языку. Сейчас на нем говорят 20–25 тыс. человек, которые, как уже было сказано выше, живут на островах Сан-Андрес и Провиденсия, формируя очень сильную и стойкую этническую группу. Родившиеся и выросшие на этих островах называют себя райсальцами (самоназвание «*Raizales*» можно перевести как «коренные люди») и по-настоящему гордятся своим этническим, лингвистическим и культурным наследием.

Почти все коренные жители островов свободно говорят на трех языках: креольском, общепринятом английском и испанском. Испанский и

английский являются языками торговли, официального общения и сферы туризма, а креольский используется для семейного и частного общения. Тем не менее он играет ключевую роль в сохранении сильных социальных связей между островитянами. Еще одним фактором, способствующим сохранению *райсальского креольского*, является то обстоятельство, что большинство островитян принадлежат баптистской церкви, в которой службы проходят на английском и креольском, что формирует связь между языками и духовной жизнью населения.

Лингвистическое положение этого креольского языка значительно лучше, чем у *паленкоро*, и скорее напоминает ситуацию *посткреольского континуума*, в которой говорящий может отходить от *базилекта* (собственно креольского языка) и *акролекта* (в данном случае – стандартного английского), выбирая тот вариант, который лучше всего обеспечивает функцию коммуникации или подходит собеседникам.

Многие островитяне, впрочем, не считают свой язык креольским, а предпочитают думать о нем, как об «очень быстрой манере говорить на стандартном английском». Не удивительно, что Ethnologue.com определяет статус креольского языка как «жизнеспособный».

2.3. Цыганский язык

В Колумбии есть не самое многочисленное, но сплоченное цыганское сообщество, которое использует и сохраняет язык своих предков. Фактически, это две группы: большую составляют собственно цыгане, меньшую – представители народности лудар (румынских цыган). Наиболее многочисленные общины цыган проживают в городах Кукута (на границе с Венесуэлой) и Пасто (на границе с Эквадором), где занимаются международной (и не всегда законной) торговлей. Довольно большие группы проживают в столице Боготе и других более-менее крупных городах страны. Всего их насчитывается от 5 до 8 тысяч человек, и многие из них сталкиваются с враждебным отношением другого населения страны, которое считает их ворами, фальшивомонетчиками, контрабандистами и даже наркоторговцами. Часть небольших цыганских общин тоже испытывают «этнический стыд» и никогда открыто не говорят на своем языке и даже не признают, что они знают его.

Как ни странно, лингвистическую ситуацию с цыганским языком в Колумбии можно охарактеризовать как «двуязычие». Кабаллеро (Caballero 2001) отмечает, что языком бытового общения может быть или испанский, или цыганский (несколько чаще). В домашних условиях дети учат и испанский, и цыганский, и не воспринимают испанский как престижный

язык или как средство достижения социально-экономического успеха. В подтверждение этих фактов Ethnologue.com. определяет статус колумбийского варианта цыганского языка как «жизнеспособный», а некоторые социолингвистические исследования показывают, что с учетом сильного самосознания и обширного многовекового культурного наследия цыганский язык, хотя и вынужден бороться с испанским, находится в сравнительно безопасном положении, и вымирание ему не грозит. По мнению Кабаллеро, все цыганское население Колумбии двуязычно и говорит на испанском и цыганском. В этой ситуации возникает следующий феномен: большинство колумбийских цыган имеют два имени – цыганское («реальное») и испанское («официальное»), причем в большинстве случаев оба имени никак не связаны друг с другом. Рискнем предположить, что двуязычный статус цыганской общины в Колумбии обеспечил жизнеспособность цыганского языка и его передачу будущим поколениям.

3. Лингвистическое многообразие Колумбии в киберпространстве. Инициативы Института Каро и Куэрво

Институт Каро и Куэрво (Instituto Caro y Cuervo, ICC) является научно-образовательным центром Колумбии, который занимается исключительно исследованиями в области языка и литературы. В испаноговорящем (и научном) мире он считается одним из ведущих научных центров в Америке и был удостоен двух наиболее престижных премий за научные достижения среди иберо-американских стран: премии принца Астурийского и премии имени Бартоломе де Лас Касаса. Институт, основанный в 1945 г., приобрел известность и признание благодаря своему вкладу в изучение испанского языка, который на протяжении пятидесяти лет оставался для него основным (если не единственным) предметом исследований. Однако Институт изначально признавал языковое многообразие страны и проявлял интерес к изучению всех языков Колумбии и их взаимному влиянию – с годами эта тенденция только крепла.

С течением времени появились новые вызовы. Технологическая революция XX в. спровоцировала интерес к применению цифровой техники для исследований в области социальных наук, в частности лингвистики и литературы. В конечном итоге это привело к появлению в последние годы новой социальной функции института: сбор и сохранение лингвистического наследия Колумбии с использованием преимуществ новейших электронных средств и пространств, таких как Интернет. Именно в этой связи в конце 2008 г. возникла идея создания интернет-портала, который бы мог, помимо прочего, продемонстрировать все языковое многообразие страны и стать средством лингвистического планирования.

«Портал колумбийских языков» был создан в начале 2009 г. и с тех пор активно работал и расширялся¹⁴³. Его работу координирует Яти Андреа Уркиджо¹⁴⁴, научный сотрудник Института, специализирующийся в области языкового многообразия и языковых контактов. Портал призван способствовать повышению осведомленности о языковом многообразии Колумбии благодаря преимуществам современных средств: Интернета и других новых технологий. Это достаточно объемный и постоянно расширяющийся сайт, который подробно освещает лингвистическую ситуацию в стране и предлагает информацию самого разного уровня о состоянии используемых сегодня языков. На данный момент вся информация представлена только на испанском.

Портал предоставляет различные сведения, которые постоянно проверяются и уточняются с точки зрения лингвистики. Первый из четырех основных разделов – «Карта колумбийских языков». Это картографический интерфейс, который определяет географию данного языка на территории страны. При выборе пользователем какого-либо языка появляется справочное окно, в котором отображается вся необходимая информация: о территории, на которой распространен язык, о языковой семье, к которой он относится, о числе носителей. Предлагаются также краткий обзор состояния языка, краткий этнографический обзор, при наличии – аудиоклипы и рисунки, иллюстрирующие этнографические или лингвистические аспекты. Помимо информации на карте, для каждого языка на портале имеется подробный файл, обеспечивающий доступ к научным статьям и ссылкам на другие источники. Он помогает тем, кто в этом заинтересован, сориентироваться относительно дальнейших действий.

Второй раздел, «Журнал наблюдений», предназначен для полевых заметок и непосредственных наблюдений (и даже необработанных лингвистических и этнографических материалов) специалистов Института или других организаций, работающих на местах с языками Колумбии. В блоге исследователи делятся своими личными (а порой и сокровенными) мыслями как об изучаемой общине (языке), так и о том, с чем им приходится сталкиваться в процессе повседневной работы.

Третьим и, возможно, самым амбициозным разделом портала является «Интерактивный лингвистический и этнографический атлас Колумбии» (*Interactive ALEC*). ALEC – это шеститомный лингвистический атлас, в котором основное внимание уделено географической вариативности колумбийского испанского. Он стал поистине исторической вехой в испан-

¹⁴³ <http://www.lenguasdecolumbia.gov.co>.

¹⁴⁴ yaty.urquijo@caroycuervo.gov.co, yatyurquijo@gmail.com.

ской лингвистике и на протяжении тридцати лет с момента публикации в 1983 г. являлся единственным полным лингвистическим атласом испаноговорящей страны. ALEC содержит 1532 отдельные карты, насыщенные лингвистической и этнографической информацией, а общее число лексических единиц, которые встречаются на этих картах, вполне может достигать полутора миллионов (официального подсчета лексических единиц в ALEC не проводилось).

При таких огромных объемах информации «Интерактивный ALEC», по сути, являет собой попытку перевести в цифровой формат все данные из шести томов атласа, что было чрезвычайно амбициозной и непростой задачей. Основная цель заключалась в том, чтобы сделать ALEC доступным для всех через Интернет. Однако громадное количество лексических элементов, наряду с географическими и картографическими вопросами по поводу использования данных, тормозило создание этого раздела, а иногда вынуждало вообще прекращать работу, переосмысливать ситуацию в свете появившейся новой проблемы (или найденного решения) и начинать все сначала. Из-за этого пока отформатировать и сделать доступным через портал удалось всего около 15% первоначального материала. Сейчас рабочая группа старается не только добиться электронной визуализации картографических данных ALEC, но и продвинуться в разработке инструментария, который обеспечил бы работу с данными в формате специализированного поиска, перекрестных ссылок между лингвистическими и географическими переменными и построения системы аннотаций для удобного поиска.

Четвертым и последним разделом портала является электронный журнал «Языковой контакт» – неперiodическое издание, посвященное проблемам, основным характеристикам и результатам языковых контактов и языкового многообразия в Колумбии. На данный момент было подготовлено пять выпусков с участием специалистов Института Карво и Куэрво и других колумбийских институтов. Заинтересованные лица могут найти там статьи, обзоры, заметки и другие ценные материалы, хотя все они пока доступны только на испанском языке.

4. Выводы

Как мы видим, портал описывает и анализирует языковое многообразие Колумбии и дает наглядное представление обо всех языках страны и их взаимном влиянии. Он охватывает коренные языки: цыганские, креольские, испанский язык и его 13 географических вариантов. По данным

координатора группы, портал посещают более 300 раз в месяц. На первый взгляд это довольно скромный результат, но на самом деле он является чрезвычайно значимым, если учесть содержание, целевую аудиторию и общую ориентацию проекта на сугубо специализированную публику – лингвистов или антропологов, интересующихся изучением языков.

В этой же связи необходимо отметить, что портал посещают в основном сотрудники академических учреждений, исследователи, профессора и студенты, изучающие языки, лингвистику и антропологию. «Специализированность» портала – как в плане контента, так и в плане аудитории – говорит только об одном: «Портал колумбийских языков» является скорее инструментом для академических и научных исследований и источником ссылок, чем средством повышения осведомленности широкой публики о языковом многообразии Колумбии. Группа, занимавшаяся проектом, спустя два года пришла к такому же выводу и решила начать поиск новых подходов, которые смогли бы привлечь интерес общественности и расширить знания о языках и этнических группах страны.

Одним из первых и наилучших результатов такого подхода стала «Детская секция» портала, содержание которой менее специфично и в большей мере ориентировано на этнографические и коммуникативные аспекты. У этой секции очень привлекательный графический дизайн, специально разработанный для детей, она содержит, помимо прочего, множество рисунков типичных костюмов, домов и обычаев этнических групп, красочно отображающих все лингвистическое и культурное многообразие. Каждая этническая группа представлена изображением ребенка, который имеет все отличительные черты своего народа, начиная с имени. Идея заключалась в том, чтобы показать, как эти дети (а значит, и соответствующие этнические группы) могут взаимодействовать, вместе работать и решать общие проблемы страны с высоким языковым разнообразием (это прежде всего недооценка негеминантных языков и этнических групп, ведущая к глоттофагии и этноциду в пользу того языка и тех групп, которые пользуются общим признанием).

Команда проекта намерена обогатить детский портал играми, музыкой и изображениями, с тем чтобы посетитель ощущал большую причастность к языковому разнообразию страны (и лучше понимал его). Сейчас это представляется наиболее последовательным (и эффективным) способом превращения «Портала колумбийских языков» в средство выявления и популяризации сведений о языковом многообразии страны. Как ни парадоксально, среди первых посетителей «Детского портала» было много

учителей начальной и средней школы, которые поручали своим ученикам подготовить сообщения по коренным, креольским и цыганскому языкам, указывая, что нужная информация представлена на этом портале.

В связи с вышеперечисленными факторами группа столкнулась с необходимостью повышения популярности портала: о его существовании и содержании известно учителям языков, исследователям и соответствующим институтам, однако широкая публика не имеет представления о том, что такой портал существует и доступен для использования. Здесь решающую роль играет следующий фактор: Институт Каро и Куэрво в общем воспринимается публикой как «башня из слоновой кости» для испанских исследователей, оторванных от реальной жизни страны и более заинтересованных в монументальных и узкоспециальных знаниях или в пуризме и исправлении кастильского литературного языка, нежели в сохранении национальной культуры и многообразия (ложный посыл, упоминавшийся выше). В этом смысле многим трудно поверить в то, что Институт ставит своей целью сохранить и задокументировать лингвистическое наследие Колумбии, а также в то, что этот же институт открыл портал, который детально описывает языковое богатство страны. Последнее обстоятельство свидетельствует о еще одной большой проблеме портала: он пока служит только для демонстрации, а не для использования языкового многообразия страны. Поэтому наша задача – добиться того, чтобы «Портал колумбийских языков» не просто был иллюстрацией многообразия, а стал продуктивным инструментом для использования всех преимуществ языкового многообразия страны.

После презентации этого доклада на якутской конференции ее участниками было сделано три важных наблюдения. 1. Портал должен быть доступен и на английском языке, дабы обеспечить доступ большому количеству пользователей. 2. Чтобы обеспечить реальное взаимодействие между сообществами и академической наукой, которая спонсирует этот проект, его координаторам пора подумать о привлечении к сотрудничеству носителей коренных цыганских и креольских языков с тем, чтобы они выступали не просто в роли информаторов или источника лингвистических и этнографических данных. 3. Портал в будущем должен стать киберсообществом с использованием таких средств, как форум, чаты, сервис «Вопрос–ответ» и даже потоковое вещание, с тем чтобы заинтересованные лица могли реально взаимодействовать и обмениваться знаниями, а не просто иметь доступ к ним на сайте. Мы в Институте Каро и Куэрво полагаем, что эти предложения чрезвычайно важны не только для нас, но и для других подобных проектов в мире.

Источники

1. Caballero Rodriguez, O. (2001). Aproximación sociolingüística a la comunidad Gitana Rom de Colombia. In: *Revista Forma y Función*, N° 14., pp. 67–82. Universidad Nacional de Colombia.
2. Ethnologue, Languages of the World. Available at: <http://www.ethnologue.com>.
3. Gonzalez De Perez, M. E. (2011). *Manual de divulgación de las lenguas indígenas colombianas*. Bogotá, Instituto Caro y Cuervo.
4. Ortiz, S. E. (1965). Lenguas y dialectos indígenas de Colombia. In: Martínez Delgado, L. (Coord.). *Historia extensa de Colombia*, t. III, v. 1. Bogotá, Ediciones Lerner.
5. Patiño Roselli, C. (1992). La criollística y las lenguas criollas de Colombia. In: *Thesaurus, Boletín del Instituto Caro y Cuervo*, t. XLVII, N° 2, pp. 233–264. Bogotá, Instituto Caro y Cuervo.
6. Schira, I. (Coord.) (2010). *Atlas sociolingüístico de pueblos indígenas de América Latina*. Cochabamba, FUNPROEIB Andes / UNICEF.

Мурат САБЫР

проректор по международным отношениям
Западно-Казахстанской гуманитарной академии
(Уральск, Казахстан)

Языковая политика современного Казахстана

Язык – это основополагающая сила, объединяющая любую нацию. Казахский язык пережил различные исторические перипетии. В начале XX в. национальная интеллигенция во главе с Ахметом Байтурсыновым внесла огромный вклад в дело классификации и научного обоснования родного языка. Несмотря на значительное влияние односторонней политики русификации советского периода в отношении развития языков, казахский литературный язык дошел до наших дней в своей художественной полноте. Татарский поэт Хасан Туфан сердечно благодарил: «Спасибо вам, братья казахи, что в течение столетий храните казахский язык – великолепный язык, поэтический язык, сияющий язык».

С обретением независимости Республикой Казахстан в 1991 г. казахский язык был утвержден в качестве государственного. Владение государственным языком – это гражданский долг представителей всех диаспор и этнических групп Казахстана.

В Конституции Республики Казахстан говорится: *«В Республике Казахстан государственным является казахский язык. Однако в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык (Ст. 7).*

Согласно Ст. 17 Конституции, *«каждый имеет право на пользование родным языком и культурой, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества».*

Главной особенностью нашего государства является то, что историческая судьба сформировала Казахстан как многонациональное государство. Поэтому правительство при осуществлении языковой политики следит за тем, чтобы не были ущемлены интересы других национальностей.

Полиэтничность и многоконфессиональность нашей страны не должны быть препятствием для проведения полноценной языковой политики. За более чем двадцать лет независимости все национальности нашей страны сообща встали на путь экономического и социально-культурного развития. Как указывалось выше, народ Казахстана многонационален, у каждого свои история, обычаи, традиции, культура, религия. На террито-

рии Казахстана постоянно проживают представители *более 100 этносов*. Среди них наиболее многочисленными являются русские, узбеки, украинцы, уйгуры, татары и немцы.

1 марта 1995 г. была образована Ассамблея народов Казахстана. Это уникальный институт толерантности, объединяющий многочисленные этносы страны и не имеющий аналогов на постсоветском пространстве. Мир, согласие, спокойствие, единство и стабильность – это ключевые ценности, на сохранение которых Ассамблея обращает большое внимание.

Несмотря на полиэтничность нашего государства, государствообразующим, титульным этносом в Казахстане является казахская нация. Сегодня на ход развития языковой политики влияют проблемы глобализации. В связи с этим Казахстан в процессе глобализации должен сохранить национальную культуру и язык, не позволить им «раствориться» в мировой культуре более развитых стран. Социологи утверждают, что глобализация ликвидирует значение и роль национальных государств и на их место придут наднациональные международные организации. Однако жизненные реалии доказали, что нации и национальные государства не могут быть свергнуты с исторической арены. Поэтому вопросы глобализации остро поднимаются на национальном уровне. Наглядное тому доказательство – объявление многими национальными государствами Средней Азии своей независимости после распада Советского Союза, появление в Европе таких государств, как Хорватия, Словения, Македония. Не взирая на все опасные для национальной культуры последствия глобализации, мы не можем полностью отказаться от нее. Президент Н. Назарбаев в беседе с редакторами казахских изданий высказал следующее мнение: «Мы должны думать не о том, как бороться с глобализацией, а о том, как адаптироваться к ней. Только в этом случае мы сумеем сохранить свой язык, религию, традиции и обычаи».

На стыке мировой цивилизации и национальной культуры цель и **задача** каждой разумной нации – это сохранение родного языка как основного атрибута культуры. Основой казахской культуры как одной из частей тюркской цивилизации является язык. Язык – основа воспитания, источник знания и науки, язык – душа нации. По словам известного национального поэта Кадыра Мырзалиева, «как и у человека, у нации тоже есть своя душа. Ее язык и душа изначально взаимосвязаны. Народ, лишившийся своего языка, неизбежно утратит свой национальный колорит». Отсюда следует, что уникальность любой нации заключается прежде всего в ее родном языке.

Вместе с тем, в 2007 г. в Казахстане на государственном уровне принят культурный проект «Триединство языков» (казахского, русского и английского).

В Послании Президента говорится: «Казахстан должен предстать на международной арене как государство, население которого является образованным, владеющим тремя языками: казахским языком как государственным, русским – как языком межнационального общения и английским – как языком успешной интеграции в мировую экономику». Но овладение тремя языками – очень сложный психологический процесс. Большая часть казахской интеллигенции критически подходит к этому проекту, считая, что он станет препятствием для развития государственного языка. Тем не менее президент в своей последней беседе указал пути разрешения данной проблемы. На вопрос о том, не угрожает ли казахскому языку деградация на фоне использования двух международных языков, президент ответил, что казахский язык не станет *одним из трех* языков, «он станет первым из трех, основным, доминирующим, важным. Казахский язык – государственный язык Республики Казахстан. И отношение к нему, и его финансирование будут соответствующими». В настоящее время Казахстан выделяет большие средства на развитие государственного языка. Исходя из этого, становится ясно особое, заботливое отношение к нему государства. Президент говорит: «Заботу о языке необходимо начать с заботы о мире и спокойствии. Мой долг и как главы государства, и как казаха – содействовать расцвету казахского языка».

Эффективный путь развития государственного языка – это создание общественного фонда развития казахского языка в соответствии с инициативой президента. Для возрождения работы центров обучения государственному языку необходимо содействие на административном уровне. В данное время, ссылаясь на проект «Триединство языков», некоторые школы с начальных классов начали обучать английскому языку. А ребенок должен обучаться и начать познавать мир именно на своем родном языке. Сегодня достаточно «полукультурных» казахов, которые *хоть как-то говорят, но не умеют ни грамотно писать, ни грамотно говорить на родном языке*. И здесь начинают закрадываться сомнения: не рановато ли мы обучаем детей английскому языку, не вносим ли путаницу в сознание детей и, соответственно, не формируем ли новых казахов, не умеющих нормально говорить ни на одном из трех языков? Поэтому необходимо научно обосновать проблему обучения детей языкам в возрастном отношении. Если ребенок не будет воспитываться на родном языке, то он и не будет служить своему народу. Чтобы воспитать патриотов, необходимо до

12 лет обучать и воспитывать детей на родном языке. И, как отметил глава государства, обучение казахскому языку должно начаться в дошкольных учреждениях. Ум, воспитание и знание ребенок должен получать вместе с молоком матери.

Что касается русского языка, казахский народ свободно им владеет, и это нас только обогащает. Еще не утратили своей важности слова великого Абая: «Нужно учиться русской грамоте. Духовные богатства, знания, искусство и другие несметные тайны хранит в себе русский язык; чтобы перенять их достижения, надо изучить их язык, постичь их науку. Потому что русские, узнав иные языки, приобщаясь к мировой культуре, стали такими, какие они есть. Русский язык откроет нам глаза на мир».

Овладение английским языком как одним из мировых языков – долг каждого человека, стремящегося шагать в ногу со временем и быть конкурентоспособным.

А роль казахского языка в казахстанском обществе четко прописана в законе «О языках в Республике Казахстан», который гласит: «Долгом каждого гражданина Республики Казахстан является овладение государственным языком, являющимся важнейшим фактором консолидации народа Казахстана».

В заключение хотелось бы отметить, что сегодня, в условиях глобализации, каждая нация сможет внести свою лепту в развитие цивилизации только в том случае, если сумеет сохранить и развить свою национальную культуру, национальное самосознание и свой родной язык.

Вместе с тем, в рамках процесса интеграции современного общества, для успешного развития знаний и науки, ее высших достижений, необходимо знание и владение языками народов мира, в том числе и русским, и английским, и другими языками. Для Казахстана же владение, в частности, русским языком, важно тем, что законодательно русский признан языком межнационального развития.

Валентина Андреевна САМСОНОВА

директор Национальной библиотеки
Республики Саха (Якутия)
(Якутск, Российская Федерация)

**Межрегиональный информационный центр
документального культурного наследия народов Севера,
Сибири и Дальнего Востока на базе Национальной
библиотеки РС(Я): вклад в сохранение и развитие
языкового и культурного разнообразия**

Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (№ 132-р от 04.02.2009 г.) предусматривает поддержку создания многофункциональных культурно-просветительных центров малочисленных народов Севера, модернизацию учреждений культуры, создание информационной базы объектов культурного наследия малочисленных народов.

В соответствии с этой Концепцией выездным заседанием Комитета Совета Федерации по делам Севера и малочисленных народов на тему «Об использовании современных информационных и образовательных технологий для развития языков, культуры и духовности народов Севера (на примере РС (Я)», состоявшемся в г. Якутске 18 ноября 2010 г., было рекомендовано создать Межрегиональный информационный центр документального культурного наследия коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока на базе Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия) с филиалами в региональных библиотеках субъектов Российской Федерации, на территории которых проживают эти народы. Центр должен стать координатором совместной деятельности библиотек, институтов, общественных объединений северных регионов России по формированию, сохранению и использованию документальной памяти народов Севера России.

В соответствии с этим решением Национальная библиотека Республики Саха (Якутия) провела большую организационную и подготовительную работу. Одним из ее важных этапов стало проведение в Якутске в октябре 2012 г. межрегиональной научно-практической конференции «Документальное культурное наследие коренных малочисленных народов Севера России: проблемы сохранения и обеспечение доступности», в которой приняли участие представители библиотек из 9 регионов Россий-

ской Федерации: Ненецкого автономного округа, Республики Бурятия, Сахалина, Красноярского и Хабаровского краев, Таймыра, Иркутской и Магаданской области, Москвы.

На конференции обсуждались вопросы сбора и хранения документального культурного наследия малочисленных народов Севера России и обеспечения доступа к нему, а также проблемы сохранения и развития языков народов Севера в электронной среде. Особое внимание было уделено роли библиотек в сохранении традиционных форм культурного самовыражения этих народов. Данный процесс, как отмечается в рекомендациях конференции, сдерживается отсутствием специфических шрифтов в компьютерных операционных системах, которые позволяли бы осуществлять набор текстов, представлять и получать информацию в сети Интернет на родных языках коренных малочисленных народов Севера. Конференция рекомендовала федеральным и региональным органам государственной власти рассмотреть возможность включения изданий на языках этих народов в перечень социально-значимой литературы, издаваемой за счет федеральных региональных средств с последующей безвозмездной передачей части тиражей в общедоступные и школьные библиотеки. Предложено рассмотреть возможность создания специального Фонда поддержки сайтов и порталов на родных языках, а также содействовать установлению сетевого взаимодействия между учреждениями культуры и образования, общественными организациями коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, а также ввести в программы преподавания информатики обучение основам использования языков народов России.

В рамках конференции состоялось обсуждение плана реализации проекта по созданию Межрегионального центра, путей и методов взаимодействия его участников. Также проведено обучение представителей библиотек-участниц технологии взаимодействия по созданию сводных информационных ресурсов. В 2013 г. состоялись обучающие мероприятия по технологии взаимодействия библиотек с регионами в Улан-Удэ и Южно-Сахалинске.

Сегодня можно сказать, что Межрегиональный центр на базе Национальной библиотеки РС (Я) начал свою работу. Подписаны соглашения о сотрудничестве с 21 библиотекой-участницей.

Одним из главных направлений деятельности Межрегионального центра стало создание в 2013 г. впервые в России «Межрегионального сводного каталога на языках коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока». В настоящее время объем Сводного каталога – 1692

записи на 24 языках, число библиотек-участниц достигло 21. Пополнение каталога идет за счет заимствования записей из Российской национальной библиотеки, копирования из каталогов Национальной библиотеки РС (Я), а также участия региональных библиотек Севера России. На сегодняшний день 10 региональных библиотек создали для Сводного каталога 247 записей. Через Сводный каталог можно получить доступ к полным текстам документов электронной библиотеки «Книгакан», на которые подписаны авторские договоры.

Электронная библиотека «Книгакан» должна стать вторым корпоративным информационным ресурсом, создаваемым библиотеками-партнерами в рамках Межрегионального центра. Сегодня «Книгакан» включает 807 документов на 12 языках коренных малочисленных народов Севера.

Межрегиональный сводный каталог и электронная библиотека «Книгакан» представлены на многоязычном сайте «Книгакан», созданном Национальной библиотекой Республики Саха (Якутия) в 2010 г. Кроме электронной библиотеки «Книгакан» и Сводного каталога, на сайте представлены также «Медиатека», журнальный зал с цифровыми вариантами журналов «Таткачирук» и «Илкэн», тематические коллекции «Литературная карта», «Кочевая школа», «Календарные праздники народов Севера», «Традиционное хозяйство» и др. Сайт достаточно востребован, на сегодняшний день его пользователями стали около 18 тыс. человек, в т.ч. из Нидерландов, Казахстана, США, Великобритании, Кении, Украины, Белоруссии, Германии и других стран.

Однако Межрегиональный центр в своей работе столкнулся с рядом проблем. Во-первых, библиотеки-участницы пока не каталогизируют материалы в онлайн-режиме непосредственно в Сводном каталоге, что тормозит развитие данного корпоративного ресурса. Во-вторых, многие библиотеки не имеют достаточной материально-технической базы и подготовленных специалистов для качественной оцифровки документов. В связи с этим мы ставим задачу создания единого центра оцифровки на базе Национальной библиотеки РС (Я).

Помимо упомянутых выше двух основных направлений деятельности, Межрегиональный центр ведет многоплановую работу по сохранению и распространению документального наследия коренных малочисленных народов Севера. Так, Центр принимает участие в реализации Программы развития национальной библиографии в Российской Федерации на период до 2020 г., в рамках которой ведется работа над ретроспективным библиографическим указателем «Репертуар книг коренных малочисленных народов Республики Саха (Якутия): 1932–2014 гг.». Кроме того, про-

должается работа над ретроспективным библиографическим указателем «Сводный каталог книг коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. 1812–2014 гг.».

Важным направлением деятельности Центра является культурно-просветительская работа среди населения, а также организационно-методическая работа с библиотеками республики и регионов-участников. Наиболее удачными проектами являются межрегиональный конкурс библиотек «Север в формате DVD», организованный совместно с Российской библиотечной ассоциацией, а также республиканский проект «Между тундрой и тайгой».

Установлены также международные связи с айнами Японии и эвенками Внутренней Монголии в целях пополнения информационных ресурсов на языках этих народов.

В октябре 2014 г. Национальная библиотека организует межрегиональную научно-практическую конференцию «Книжная культура Севера».

Создание Межрегионального информационного центра документального культурного наследия коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока на базе Национальной библиотеки Республики Саха (Якутия) способствует сохранению документального наследия коренных малочисленных народов Севера и предоставлению доступа к нему через создание сводных информационных ресурсов. Это вклад Национальной библиотеки РС (Я) и библиотек северных регионов России в развитие языкового и культурного разнообразия, а также в обеспечение представленности культуры и языков коренных малочисленных народов Севера в киберпространстве.

СЕКЦИЯ 4. ОБРАЗОВАНИЕ ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО И КУЛЬТУРНОГО РАЗНООБРАЗИЯ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

Фара Сулейман МОТЛАК

заместитель министра образования Сирии
(Дамаск, Сирия)

Образование и сохранение языкового разнообразия: роли, функции, ответственность

Введение

Мы знаем, что язык – это «набор знаков с коллективными общими признаками, на котором могут говорить члены того или иного сообщества. Он обладает относительной стабильностью во всех ситуациях, когда используется, а также особой системой, на основе которой могут выстраиваться более сложные обозначения». Эти обозначения вызывают в памяти образы, значение которых нам известно, и, наоборот, предметы вызывают в памяти свои обозначения.

Язык определяют среда и социальные факторы, а также преобладающие в обществе способы мышления. В то же время, язык определяет форму, в которой мы передаем свою мысль. Язык подобен зеркалу, он отражает мысль, поскольку представляет собой наиболее выразительный, точный и всеобъемлющий инструмент для этого. Нельзя говорить о том, чего не можешь помыслить, ведь слова являются языковым выражением соответствующих идей в мозге человека. С другой стороны, невозможно думать о вещах, которые невыразимы с помощью языка, что подтверждает существование динамической взаимосвязи между языком и мышлением и их взаимное влияние.

Язык отражает различные аспекты нашего восприятия мира и передается от народа к народу, из поколения в поколение. Он ретранслирует ценности, в которых находят выражение разные культуры и общественная жизнь. Это ключевой фактор формирования идентичности различных групп и народов. Однако в настоящий момент более 50% из 6000 языков мира находятся под угрозой исчезновения, а на 96% из них разговаривает только 4% население

ния мира. Менее четверти всех языков используется в образовании, помимо этого, лишь около ста языков задействованы в образовательной сфере, общественной жизни и цифровом мире. Расширение языкового разнообразия и укрепление многоязычия, в особенности в области образования, культуры, СМИ и общественной жизни, является необходимым условием обеспечения равноправного доступа к образованию и знаниям, справедливого участия каждого в развитии человечества, а также в целом для обеспечения уважения к самосознанию каждого человека и каждой группы.

Языки служат инструментами общественного развития и коммуникации, и мы не можем обойтись без них в том, что касается передачи и производства знаний. Благодаря своему удивительному разнообразию языки являются свидетельством творческой деятельности человека. Они напоминают нам о прошлом опыте, культуре и идентичности, но в то же время несут в себе устремления и мечты о будущем.

Связь между языковым и культурным разнообразием

Мир осознает взаимную комплексную связь между культурным и биологическим разнообразием. С учетом существующих угроз для языкового разнообразия Исполнительный совет ЮНЕСКО на своей 171-й сессии 2005 г. назвал языки фактором, находящимся в центре любого взаимодействия с общественной и природной средой.

Связь между языком и культурной идентичностью крепка и неразрывна. Противоречащий этой связи риск доминирования какого-либо отдельного языка может привести к уничтожению других языков и культур. Этого опасаются не только развивающиеся, но и развитые страны, которые неоднократно заявляли о том, что осознают данную проблему и предпринимают максимум усилий, чтобы следовать всем необходимым процедурам защиты языка и культуры, особенно в сфере телевизионного вещания, культурной и медийной индустрии.

Значимость культурного и языкового разнообразия

ЮНЕСКО признала серьезность угрозы исчезновения для большого количества языков и призывает свои государства-члены и Секретариат поощрять сохранение и защиту всех языков, которыми пользуются народы мира. Следуя решениям 33-й сессии Генеральной конференции в 2005 г., ЮНЕСКО объявила 2008 г. Международным годом языков.

Так или иначе, существует естественная связь между языком и культурой. Они представляют собой два хранилища идентичности и в то

же время два наиболее мощных фактора, влияющих на идентичность, коммуникацию, интеграцию в обществе, образование и развитие. Растет осознание жизненно важной роли, которую играют языки в развитии и обеспечении культурного разнообразия и межкультурного диалога в целях достижения качественного образования для всех, а также укрепления сотрудничества в сфере построения всеобъемлющих обществ знания, сохранения культурного наследия и стимулирования политики использования преимуществ науки и технологии во благо устойчивого развития. На данный момент необходимость в срочном порядке предпринимать меры по стимулированию выполнения международных обязательств способствует продвижению многоязычия и языкового разнообразия, что также подразумевает защиту языков. Поскольку язык чрезвычайно важен для всех сфер деятельности ЮНЕСКО, организация поощряет мультидисциплинарный подход к многоязычию и языковому разнообразию с участием всех программных секторов: образования, культуры, науки, коммуникации, информации, социальных и гуманитарных наук.

Некоторые лингвисты подчеркивают значимость не только родного языка, но и культурного разнообразия для различных областей развития, не ограничиваясь сферой ценностей и морали. Они говорят о важности многоязычия в экономической и производственной сферах, а также в становлении демократических обществ, поощрении образования и соблюдении прав человека. Помимо языка, специалисты подчеркивают важность культуры в области развития, ведь, если политика развития ставит во главу угла культуру, это ключевая инвестиция в будущее мира и необходимое условие успешности процессов глобализации, учитывающих принципы культурного разнообразия. На ЮНЕСКО возложена задача напоминать большинству стран об этом.

Некоторые проекты, которые были запущены еще в 1970-х гг., не снизили успеха, поскольку их инициаторы не учитывали, что эволюция – это не просто синоним исключительно экономического роста, но еще и способ совершенствования интеллектуальной, эмоциональной, нравственной и духовной жизни. Поэтому развитие и культура неразрывно связаны. Укрепление роли культуры и содействие устойчивому развитию – это цель, провозглашенная в рамках Всемирного десятилетия развития культуры (1988–1998 гг.). С тех пор удалось многого добиться на пути к достижению этой цели благодаря набору средств для внедрения нормативных инструментов, среди которых ведение культурной статистики, составление реестров и категоризация культурных ресурсов на региональном и национальном уровнях.

Роль образования

Одна из серьезных задач в этой сфере состоит в том, чтобы убедить органы власти, а также местных и международных общественных деятелей интегрировать принципы культурного разнообразия и ценности мультикультурализма во всеобщие меры политики, механизмы и общую практику, особенно в государственных и частных компаниях. Сохранение языков и культурной идентичности требует поиска общего решения, и здесь на первый план выходит образование. Это основной способ, используемый различными сообществами для защиты и укрепления своей культурной идентичности, ведь ценность человека определяется тем, чего ему удалось добиться благодаря своим знаниям, а цивилизация – это итоговая сумма знаний членов общества, полученных благодаря образованию. Образование имеет огромное значение для поддержания ценностей преданности и сопричастности, а также формирования человеческих ценностей и морали, воспитания человека в духе плюрализма, развивающего толерантность и предотвращающего нетерпимость, а также уважения к другим и принятия различий между людьми. Правильное воспитание поощряет людей общаться и устанавливать взаимный диалог с окружающими без каких-либо колебаний. Благодаря образованию культурная коммуникация осуществляется на основе определенного набора процедур. Вот некоторые из них:

- Подтверждение важности концепции и ценностей глобальной гражданственности, использование международных образовательных программ для пропаганды взаимопонимания и международного сотрудничества между различными народами. Это один из способов борьбы с вызовами XXI в. Как отмечается в докладе ЮНЕСКО об образовании в XXI в., опираться следует на работу в группах в духе плюрализма, равноправный диалог между культурами, осознание человеком своей роли в глобальной системе, компонентом которой он является и которой необходимо его положительное участие, а также в духе понимания полной картины глобальной системы, оценки и уважения к различиям вне зависимости от пола и цвета кожи.
- Подчеркивание значимости культурного разнообразия и многоязычия в содержании образовательных программ, а также в учебной и обучающей деятельности.
- Обеспечение учащихся информацией и сведениями об опыте других стран со своим культурным разнообразием.

-
- Интерес к преподаванию иностранных языков в дополнение к родному и подключение школ к Интернету, для того чтобы ученикам было проще вступать в культурную коммуникацию и вести диалог с другими людьми.
 - Укрепление культурной идентичности, поддержка и оценка человеческого участия за счет усилий преподавателей.

В образовании в том, что касается культурного и языкового многообразия, преподавателю, который вынужден выносить суждения о языковых или поведенческих тенденциях в рамках той или иной культуры, необходимо воздерживаться от трех крайностей. Во-первых, от осуждения этих поведенческих особенностей, поскольку у поведения в любом обществе есть свое оправдание и свои мотивы. Во-вторых, от применения стандартов других культур, ведь у каждой культуры есть свои нормы, а у каждого языка – свои корни и основа. В-третьих, от того, чтобы вырывать эти типы поведения из культурного контекста и рассматривать их как абсолютно не связанные с окружающими условиями и характеристиками общества, в котором они проявляются.

Сюзана ФИНКЕЛЕВИЧ

директор Программы исследований информационного общества,
Институт Джино Джермани, Университет Буэнос-Айреса;
ведущий научный сотрудник
Национального совета по научно-техническим исследованиям
(*Буэнос-Айрес, Аргентина*)

Патрисио ФЕЛЬДМАН

участник Программы исследований информационного общества,
Институт Джино Джермани, Университет Буэнос-Айреса;
научный сотрудник Гражданской ассоциации в поддержку
исследований и продвижения информационного общества «LINKS»
(*Буэнос-Айрес, Аргентина*)

Селина ФИШНАЛЛЕР

ассистент Программы исследований информационного общества,
Институт Джино Джермани, Университет Буэнос-Айреса;
ассистент Гражданской ассоциации в поддержку
исследований и продвижения информационного общества «LINKS»
(*Буэнос-Айрес, Аргентина*)

Политика в области многоязычного образования с использованием ИКТ в странах Латинской Америки

Благодарности

Авторы выражают глубокую признательность Даниэлю Пимьента и Даниэлю Прадо за прочтение данной статьи и комментарии к ней; Лауре Ронни Крейтер за редактуру английского варианта статьи и представленные замечания; Лауре Марес, Роксане Басси, Валерии Эспозито, Гильермо Мариньо, Ракель Туррубиагес и Хосе Игнасио Стангу за предоставление ценных сведений об имеющейся литературе, блогах и веб-сайтах по рассматриваемому вопросу.

Предисловие

Многие страны Латинской Америки поставили перед собой цель в скором будущем стать обществами знания. Были приняты планы развития с перспективой на 10, 15 и даже 25 лет, направленные на значительные

преобразования в экономике и в обществе. Такие шаги в первую очередь требуют, чтобы большинство граждан этих стран не просто получили доступ к сети Интернет, но стали квалифицированными пользователями и поставщиками продуктов и услуг ИКТ, включая контент, программное обеспечение, технические средства и новые организационные схемы. На смену прежнему «цифровому разрыву», связанному с использованием устройств и возможностями подключения к Сети, пришел «разрыв в знаниях», обусловленный умением или неумением людей эффективно использовать цифровые средства. Для того чтобы стать истинными членами общества знания, граждане должны преодолеть этот «разрыв в знаниях». В странах Латинской Америки по сей день сохраняется противостояние между официальными языками, такими как испанский и португальский, и языками коренных народов. Это мешает многим представителям данных народов стать полноценными членами киберобщества и пользоваться преимуществами всеобщего доступа к информации.

По убеждению ЮНЕСКО, языки являются мощным инструментом сохранения и развития культуры. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) способны содействовать не только языковому разнообразию и многоязычному обучению, но и распространению информации и передаче языковых и культурных традиций по всему миру, а также сплочению различных народов. Тем не менее в настоящее время языки коренных народов Латинской Америки не представлены в цифровом пространстве. Степень их присутствия является недостаточной ввиду возрастающей роли киберпространства в обеспечении доступа к образованию и информации для коренных народов, сохранения и укрепления их собственных языков и культур и построения инклюзивного общества знания.

В настоящей статье, основанной на данных проведенного авторами метаисследования, рассматриваются различные варианты государственной политики в области многоязычного образования с использованием ИКТ в Латинской Америке. Мы сфокусировали свое внимание на языках коренных народов, поскольку эта область является мало исследованной.

В статье описывается ситуация с многоязычием в странах Латинской Америки. Анализируется национальная государственная политика, направленная на внедрение многоязычия в национальные системы образования. Также рассматривается взаимосвязь между многоязычным образованием и новыми образовательными программами с использованием ИКТ.

Один из выводов, сделанных по итогам исследований, состоит в том, что значение многоязычного образования в киберпространстве в Латинской Америке возрастает благодаря использованию программ цифрового обра-

зования и повышения компьютерной грамотности, например «Каждому ребенку по компьютеру». В эти планы все чаще включается контент по языкам и культурам коренных народов. Однако это тенденция последнего времени. Ее влияние на образовательное сообщество пока подробно не изучалось.

Включение многоязычного и мультикультурного контента в образование как в школе, так и в киберпространстве нередко воспринимается как способ обеспечить платформу для распространения устных традиционных сказаний и местных фольклорных проявлений. Тем не менее двуязычное мультикультурное образование – это нечто гораздо большее. Чрезвычайное значение имеет укрепление культурной идентичности коренных народов, что подразумевает не только содействие распространению их фольклора и культурных традиций, а создание условий для равноправного взаимодействия и обмена с доминирующей культурой.

В заключение будут высказаны предложения по совершенствованию государственной политики и стратегий в области многоязычного образования в киберпространстве для стран Латинской Америки.

1. Введение

Сегодня мир все больше зависит от технического прогресса и способности использовать его преимущества. Возможность доступа в Интернет с помощью компьютера или смартфона имеет решающее значение не только для личного общения и творческой деятельности человека, но и для предоставления услуг, а также в качестве основы образования¹⁴⁵.

Как мы уже отмечали в одной из предыдущих работ (Finquelievich and Bassi 2013), многие развивающиеся страны поставили перед собой цель стать в скором будущем обществами знания. Они приняли планы развития с перспективой на 10, 15 и даже 25 лет, предполагающие значительные преобразования в экономике и в обществе. Такие шаги в первую очередь требуют, чтобы большинство граждан этих стран не просто получили доступ к сети Интернет и стали квалифицированными пользователями ИКТ, но и превратились в полноценных членов новой экономической системы и общества знания.

На смену прежнему «цифровому разрыву», связанному с использованием устройств и возможностями подключения к сети, пришел «разрыв в знаниях», обусловленный умением (или неумением) людей эффективно использовать цифровые средства. Для того чтобы стать истинными чле-

¹⁴⁵ ICT in EDucation, Бюро в Бангкоке, <http://www.unescobkk.org/education/ict/online-resources/databases/ict-in-education-database/item/article/digital-citizenship-in-a-cybersmart-world/>.

нами общества знания, граждане должны преодолеть этот разрыв. Сохраняющийся по сей день языковой барьер мешает многим гражданам стать полноценными членами киберсообщества и пользоваться преимуществами всеобщего доступа к информации.

По убеждению ЮНЕСКО, языки являются мощным инструментом сохранения и развития культуры. Новые информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) способны содействовать не только языковому разнообразию и многоязычному обучению, но и распространению информации и передаче языковых и культурных традиций по всему миру, а также сплочению народов. Тем не менее на сегодняшний день в цифровой среде присутствует менее 100 языков. Этот показатель нельзя считать достаточным с учетом возросшей роли киберпространства в обеспечении доступа к образованию и информации и построении инклюзивных обществ знания (Bassi and Finquelievich 2013). Коренным народам необходимо дать доступ к киберпространству и возможность выразить собственное представление о мире на родных языках, с тем чтобы они могли участвовать в продуктивных инновационных процессах, обеспечивать сохранение исконных языков и культур и быть полноценными гражданами.

В настоящей статье, основанной на данных проведенного нами метаисследования, рассматриваются различные варианты государственной политики в области многоязычного образования с использованием ИКТ в Латинской Америке. Приступая к работе, мы решили сосредоточить свое внимание на языках коренных народов, полагая, что этот вопрос недостаточно исследован.

Полученные результаты подтвердили наше предположение. Хотя число исследований по вопросам многоязычия в Латинской Америке возрастает, эти работы посвящены главным образом использованию испанского, португальского, французского и английского языков (среди прочего Prado and Pimienta 2012). Исследованию роли языков коренных народов в киберпространстве уделяется намного меньше внимания. В отличие от обширной библиографии по языкам коренных народов и ИКТ в Азии и Африке, материалов по языкам Латинской Америки крайне мало.

Столь ограниченное число публикаций по данной тематике (особенно на английском языке) указывает на слабую исследованность области, требующей развития, а также внимания и технической помощи со стороны ЮНЕСКО (по линии программы «Информация для всех», Постоянного форума ООН по вопросам коренных народов (UNPFII) и других международных организаций).

2. Многоязычие в Латинской Америке

«Европейское завоевание» Латинской Америки привело к критическому сокращению численности или полному исчезновению ее коренных народов, языков и культур. Войны, геноцид, рабство и болезни сокращали, поглощали и уничтожали коренное население. Исконные языки в большинстве своем вытеснялись официальными языками региона – испанским (кастильским) и португальским.

Крайние проявления подобной политики уничтожения коренного населения мы видим в Аргентине и Уругвае.

По данным национальной переписи населения **Аргентины**, проведенной в 2010 г., лишь 955 032 человека из населения общей численностью 36 260 130 человек (то есть 2,6%) являются или считают себя коренными жителями или метисами (имеющими смешанное происхождение). Хотя единственным официальным языком в стране является испанский, в некоторых провинциях население говорит на языках мупудунгун, гуарани и кечуа, однако они распространены меньше, чем испанский, итальянский, английский, немецкий и даже французский, русский и валлийский. Местные языки признаны официальными в провинциях Чако и Корриентес.

По данным национальной переписи населения **Уругвая** 2011 г. лишь 4,9% населения считают себя потомками чарруа, исконных жителей. Опять же единственным официальным языком является испанский.

Население других стран Латинской Америки в значительной мере является коренным или представлено метисами. Их родные языки по-прежнему широко используются в общении и во многих случаях имеют официальный статус наравне с испанским.

В **Никарагуа** наряду с широко распространенным испанским (почти 95% населения, согласно некоторым источникам) активно используются другие языки, такие как креольский, мискито, рама и майанья (сумо).

Официальным языком **Бразилии** является португальский, однако в стране используются более ста языков, главным образом европейские и азиатские в городских районах и языки коренных народов – в районе Амазонки. Согласно оценкам Социально-экологического института (Gaspar 2011), в настоящее время в общинах по всей Бразилии проживают приблизительно 350 тыс. индейцев, из них более 192 тыс. чел. – в городских центрах. В стране говорят примерно на 180 языках коренных народов. Этот показатель не учитывает изолированно проживающих индейцев, с которыми пока не удалось встретиться и в отношении которых не удалось провести исследования в силу отсутствия у них контактов с обществом

(Gaspar 2011). Бразилия является одной из восьми наиболее разнообразных в лингвистическом отношении стран мира. В конституции 1988 г. (Ст. 210 и 231) признается право коренных народов говорить на родных языках (*Lei de Diretrizes e Bases da Educação Nacional* 1996). В 2003 году статус официальных языков наравне с португальским получили тукано, неенгату и банива. Согласно данным переписи населения в 2010 г., в стране проживают представители 305 различных народностей, говорящих на 274 различных языках.

Испанский объявлен официальным языком в большинстве стран Латинской Америки. Тем не менее **Чили** в 2006 г. ратифицировала конституцию, согласно которой разрешается официальное использование в определенных районах и общинах четырех языков коренных народов: аймара, мапудунгун, кечуа и рапа-нуи (Остров Пасхи в Полинезии). На сельских окраинах **Гондураса** встречаются афро-карибский диалект английского и языки коренных народов. В районе Чоко и на тихоокеанском побережье **Колумбии** население говорит на коренных языках Анд и афро-карибских диалектах. В **Гватемале** отчетливо выделяются 23 языка майя. Не все гватемальцы владеют испанским языком; для многих он является вторым или третьим. В **Венесуэле** в провинции Гайана-Эссекибо встречаются афро-карибские диалекты и языки коренных народов. Хотя официальным языком **Гайаны** является английский, часть населения говорит на хинди, китайском, а также на ряде языков коренных народов. Также в стране имеется небольшая португалоговорящая община.

Несколько стран официально являются многоязычными.

В **Парагвае** билингвы, владеющие обоими официальными языками – гуарани и испанским, – составляют 48% населения; из них 37% используют только гуарани, а 8% – только испанский (однако этот показатель растет благодаря использованию депара – разговорного варианта гуарани с большим количеством заимствований из испанского языка).

Официальный статус многоязычного государства имеет **Боливия**, в которой наравне с испанским признаются 36 местных языков.

В **Эквадоре** статус официального языка закреплен за испанским, однако в соответствии со Ст. 2 Конституции 2008 г. испанский, кечуа и шуар считаются «официальными языками межкультурных отношений».

В **Перу** имеются два официальных языка, один из которых – испанский. В тех районах, где преобладают кечуа, аймара и другие языки исконных жителей, они имеют статус официального (Ст. 48 Конституции). Наиболее распространенными являются испанский и – в меньшей степени – ке-

чуа и аймара; также встречаются многочисленные языки племен района реки Амазонки, в том числе урурина, вампис, шапра, ачуар, шави и авахун.

В **Мексике**, помимо испанского, на государственном уровне признаны 62 языка коренных народов, включая науатль, на котором говорят более 1,5 млн человек, и агуакатек, которым владеют лишь 27 человек. На федеральном уровне отсутствует официальный язык, хотя государственным языком де-факто является испанский.

В **Гватемале** официальными наравне с испанским являются также 23 языка коренных народов.

Как объясняет Велес (Vélez 2008), многоязычие в Латинской Америке, объединяющее почти полмиллиона местных языков, а также несколько иностранных, является результатом использования труда африканских рабов вкупе с миграцией из Европы и Азии.

Тем не менее лишь в нескольких странах Латинской Америки языки коренных народов получили официальное признание; в большинстве же случаев они воспринимаются как языки национальных меньшинств, не имеющие большого значения. Межкультурное двуязычное образование (МДО) рассматривается как смежная образовательная система, находящаяся в ведении специально назначаемых государственных служащих или общих специалистов. Проблема заключается в том, что при таком подходе отсутствует возможность взаимодействия языков и культур: каждая культура и каждый язык ограничены своей областью использования. Кроме того, языки коренных народов находятся в невыгодном положении с точки зрения обеспечения школьной инфраструктуры и расположения, подготовки учителей и т.д. по сравнению с традиционным образованием на испанском и португальском языках.

Как бы то ни было, такие языки коренных народов, как аймара и гуарани, распространены в различных странах; их употребление не зависит от государственных границ. Число говорящих на этих языках весьма существенно. **Аймара** распространен в Боливии, Аргентине, Чили и Перу (общая численность его носителей во всех этих странах составляет 2 589 000 чел.). **Гуарани**, и в особенности его основной вариант, известный как парагвайский гуарани, – язык коренного населения Южной Америки, принадлежащий к подсемейству тупи-гуарани. Это один из официальных языков в Парагвае (наряду с испанским), где на нем говорит большинство населения, причем половина населения сельских районов владеет только одним языком. На гуарани говорят общины в соседних странах, в том числе на северо-востоке Аргентины, на юго-востоке Боливии и на юго-западе Бразилии; он также является вторым официальным языком

аргентинской провинции Корриентес с 2004 г. и официальным языком организации «Южноамериканский общий рынок» (Меркосур).

Гуарани – один из наиболее широко распространенных языков коренных народов Южной и Северной Америки и единственный язык, носителями которого является значительное число представителей некоренного населения. Это необычная ситуация для Америки, где, напротив, практически универсальным показателем культуры и идентичности метисов, а также культурно ассимилировавшегося и растущего америндского населения является переход на европейские колониальные языки (в данном случае на другой официальный язык – испанский)¹⁴⁶.

Кечуанские языки, также известные как «*рунасами*» («язык людей»), – языковая семья исконных языков Южной Америки, употребляющихся главным образом в регионе Анд и восходящих к общему праязыку¹⁴⁷. Это наиболее распространенная семья языков коренных народов, численность носителей которых достигает вероятно уже 8–10 млн человек. Сегодня в Боливии, Эквадоре и Перу кечуа имеет статус официального языка наравне с испанским.

В настоящее время основным препятствием для более широкого использования и преподавания кечуа является нехватка письменных материалов на этом языке, в частности книг, газет, журналов, программного обеспечения и т.д. Поэтому кечуа – наряду с аймара и менее распространенными языками коренных народов – остается главным образом языком устного общения. В последние годы он включается в программы межкультурного двуязычного образования (МДО) в Боливии, Эквадоре и Перу; однако эти программы охватывают лишь часть населения, говорящего на кечуа. Многие носители кечуа переходят на испанский для достижения социального прогресса¹⁴⁸.

3. Государственная политика в области многоязычия в образовании в Латинской Америке

Государственная политика в области межкультурного двуязычного образования начала формироваться в конце 60-х гг. XX в. Толчком к тому стало распространение критического дискурса, основанного на идеях Паулу Фрейре, который оспаривал правильность официального образования, не учитывающего разнообразие языков и культур в Ла-

¹⁴⁶ http://en.wikipedia.org/wiki/Guarani_language.

¹⁴⁷ http://en.wikipedia.org/wiki/Quechuan_languages.

¹⁴⁸ http://en.wikipedia.org/wiki/Quechuan_languages.

тинской Америке. Начиная с 70-х гг. коренные народы начали требовать признания своего культурного достояния. Они заявляли о необходимости получения такого образования, которое позволяло бы обеспечивать связь между многочисленными языками и культурами на территории Латинской Америки.

На организованной ЮНЕСКО в 1983 г. встрече «Крупнейший образовательный проект в странах Латинской Америки и Карибского бассейна» было принято решение перейти от концепции культурного дуализма к концепции интеркультурализма (Turbino 2004). Вопрос состоял не в организации обучения в области двух отдельных, не связанных между собой культур, а в признании процесса, посредством которого различные культуры могут взаимодействовать и подпитывать друг друга. Под культурами подразумевались диахронические процессы, развивающиеся и изменяющиеся с течением времени и истории, а не синхронические субъекты, остающиеся неизменными в ходе исторических перемен. Исходя из этого концептуального изменения, страны Латинской Америки приступили к реализации политики в области двуязычного межкультурного обучения (Turbino 2004).

В Аргентине МДО осуществляется на всех уровнях начального и среднего образования в соответствии с национальным законом об образовании 2006 г. Оно обеспечивает право коренных народов на получение образования, позволяющего сохранять и укреплять их культурное наследие, языки, мировоззрение и этническую идентичность; способствует более активному участию коренных народов в жизни мультикультурного мира и повышению качества их жизни¹⁴⁹. Признание МДО послужило стимулом для его институционализации на всей территории страны, в которой приняли активное участие различные заинтересованные стороны: органы управления образованием, коренные народы, их организации и общины, учебные заведения, преподаватели и учащиеся. В то же время Аргентина, как и Уругвай, стремилась поощрять политику ассимиляции, направленную на объединение различных групп, в том числе испаноговорящего населения, в интересах формирования национальной идентичности. Эта национальная идентичность, как правило, имеет более тесную связь с европейской миграцией, нежели с древними коренными народами, населявшими данную территорию сотни лет.

В последние годы государственная политика **Боливии** была пересмотрена в том, что касается прав коренных народов; страна объявила себя многонациональным государством. Во главе страны стоит президент Эво

¹⁴⁹ http://www.me.gov.ar/consejo/resoluciones/res10/119-10_01.pdf.

Моралес – представитель народности аймара. В соответствии с боливийским законодательством для сообществ коренных народов характерны сильное самосознание и хорошее владение родным языком. Конституцией 2009 г. закрепляется статус Боливии как многоязычного государства, в котором признаются 36 различных этнических групп, обладающих собственными языками или языковыми вариантами. Государственные служащие должны владеть по крайней мере двумя официальными языками страны. После принятия конституции был одобрен новый закон об образовании, поощряющий деколонизацию образования и направленный на укрепление различных культур и языков в Боливии (Danbolt 2011). Тем не менее двуязычное образование пока ограничивается лишь начальной школой. По-прежнему имеются трудности, связанные с разработкой соответствующего учебного контента и подготовкой квалифицированных педагогов в области МДО.

В **Бразилии** указом президента в 1966 г. была официально учреждена двуязычная программа для коренных народов. Ее целью стало обеспечение двуязычного образования для групп коренного населения и их права поддерживать свои языки. В 1973 г. правительство страны приняло закон, направленный на сохранение языков коренных народов и предписывающий осуществлять обучение в школах на двух языках – португальском и языке коренного населения. Конституция 1988 г. закрепила право коренных народов получать образование на родном языке и с помощью собственных методов обучения. С этой целью в 1991 г. правительство инициировало программу «коренного обучения», ставшую новой моделью межкультурного двуязычного обучения с межкультурным учебным планом. Основной задачей было укрепление культуры, языка, традиционных способов преподавания и обучения и социальной инфраструктуры в целом. В настоящее время в 24 штатах федеративной республики насчитывается 2,5 тыс. школ с преподаванием на языках коренных народов; их посещают 177 тыс. учащихся. С 2002 по 2007 г. число учащихся – представителей коренных народов – выросло на 45%. Что касается среднего образования, то рост составил 600%. Более 90% из 10 тыс. учителей в школах с преподаванием на коренных языках сами являются представителями коренных народов. Сегодня ставится задача увеличить количество подобных школ и зачисляемых в них учащихся. Что касается высшего образования, то бразильское правительство учредило ряд программ поддержки в области расширения доступа учащихся из коренных народов в государственные и частные университеты по всей стране¹⁵⁰.

¹⁵⁰ <http://www.un.int/brazil/speech/11d-acs-ecosoc-Implementacao-Declaracao-das-Nacoes-Unidas-sobre-Direitos-Povos-Indigenas.html>.

В **Чили** начиная с 1996 г. реализуется Программа двуязычного межкультурного образования (по-испански сокращенно «РЕІВ»). Целью Программы является «содействие развитию языка и культур исконных народов и воспитанию граждан межкультурного сообщества в рамках системы образования¹⁵¹». Стратегия программы предусматривает преподавание языков коренных народов, поддержку культуры исконных народов, межкультурное образование и развитие двуязычия. С 2009 г. в Чили в сотрудничестве с представителями коренного населения разрабатываются учебные программы по языкам коренных народов, таких как аймара, кечуа, мапудунгун и рапа-нуи. В 2010 г. Национальный совет по вопросам образования одобрил использование четырех местных языков в учебных программах начальной ступени образования, реализация которых уже началась в 300 школах.

В новой конституции **Колумбии**, принятой в 1991 г., закреплён ряд прав, касающихся непосредственно жизни коренных общин: государство признаёт и охраняет этническое и культурное разнообразие колумбийской нации (Ст. 7); обязуется охранять культурные ценности (Ст. 8). Языки и диалекты этнических групп также являются официальными языками на территориях их распространения; в общинах, имеющих собственные языковые традиции, обучение ведётся на двух языках (Ст. 10). В процессе преподавания обеспечивается уважение и развитие культурной идентичности (Ст. 68)¹⁵².

Кроме того, в Общем законе о колумбийском образовании (Гл. 3, Ст. 55–63) признаётся и организационно закрепляется концепция «этнообразования», которое можно определить как «образование, предоставляемое группам или общинам, объединяющим нацию и обладающим собственной культурой, языком, традициями и юрисдикцией». Официально под этнообразованием в Колумбии понимается образование, обеспечиваемое этническими группами и в интересах этнических групп. Тем не менее его появление и реализация продиктованы поступившей от коренных сообществ и их лидеров просьбой о более широкой автономии, с тем чтобы они могли принимать решения относительно собственного образования как в рамках организаций, так в рамках общинных культурных проектов (Mueses Deglado 2008). В 2010 г. колумбийское правительство ввело в действие Закон о родных языках. Он направлен на обеспечение признания,

¹⁵¹ http://www.mineduc.cl/index2.php?id_seccion=3442&id_portal=28&id_contenido=14010.

¹⁵² <http://www1.umn.edu/humanrts/iachr/indig-col-ch11.html>.

охрану и расширение индивидуальных и коллективных языковых прав этнических групп, обладающих собственной языковой традицией»¹⁵³.

Помимо государственных инициатив, коренные общины объединялись в такие организации, как Региональный совет коренных народов Кауки (CRIC), который стал наглядным примером опыта, накопленного в области защиты культурного и языкового наследия в Латинской Америке. Другими примерами практических действий, осуществляемых не по линии государства, но при поддержке правительства, являются учреждение межкультурных университетов и исследовательских центров коренных народов, а также проведение коллективной самодиагностики в соответствии с моделью этнообразования (Murillo Mena 2011).

В Эквадоре права коренных народов и национальностей подробно излагаются в национальной конституции (Ст. 57 о коллективных правах). Государство должно гарантировать двуязычную межкультурную систему образования (BIES), которая использовалась бы как основное средство преподавания; применение языка соответствующей национальности, а также испанского языка в межкультурных отношениях. В марте 2011 г. был принят Конституционный закон о межкультурном образовании (OLIE). В Ст. 77 BIES признается в качестве важной составляющей национального образования, осуществляемого усилиями Управления двуязычного и межкультурного образования. BIES позволяет общинам, народам и национальностям реализовывать коллективные права за счет межкультурного, многонационального и многоязычного характера государства (Ст. 78). Все учителя и руководство школ обязаны говорить и писать на языках соответствующих национальностей (Vacasela Gualan 2013).

Большинство населения **Гватемалы** (50%) являются майя по происхождению. С момента подписания мирных договоренностей в декабре 1996 г. Гватемала добилась значительных подвижек в обеспечении возможностей начального школьного образования для детей (1–6-е классы). По данным Министерства образования Гватемалы, доля детей, завершивших начальное образование, возросла с 39% в начале 90-х гг. XX в. до 72,5% в 2006 г. Однако более пристальное изучение данных показывает, что сохраняется серьезный дисбаланс между достижениями и возможностями в образовании для городских детей, имеющих европейские корни, и детей, являющихся майя по происхождению и проживающих в сельских районах. Кроме того, это неравенство еще более усиливается, если сравнивать образование мальчиков и девочек с учетом всех этнических и социально-

¹⁵³ http://www.lenguasdecolombia.gov.co/sites/lenguasdecolombia.gov.co/files/Ley_1381_2010_proteccion_lenguas_nativas_0.pdf.

экономических факторов¹⁵⁴. Хотя государством проводится политика в области образования коренных народов, наиболее значимые меры в поддержку языкового разнообразия принимаются в рамках инициатив самих коренных народов, таких как Академия языков майя. Академия регулирует использование 22 языков майя, на которых говорят на территории республики. Она также провела значительную работу по стандартизации различных используемых систем письма. В функции Академии также входит поощрение культуры майя; с этой целью организуются курсы на различных языках майя, существующих в стране, и курсы подготовки устных переводчиков, владеющих испанским языком и майя¹⁵⁵.

Мексика позиционирует себя как мультикультурную страну. Основной трудностью межкультурного образования в Мексике является регулирование взаимоотношений между метисами и представителями коренных народов. Отношение к потомкам древних местных народов, преемникам их языков и культур, на различных этапах истории было разным. Было время, когда их различия игнорировались и все они объединялись по этническому происхождению в общие группы «индейцев» или «коренных народов», либо их называли «земледельцами», «работниками» или «мигрантами» в зависимости от выполняемой ими работы или необходимости покинуть родные края; либо же, после пересечения границы США, они именовались «латино», «чикано» или «чолос» что указывало на их мексиканское происхождение (Bengochea 2010).

В 2003 г. в Мексике вступил в действие Общий закон о языковых правах. В нем испанский и языки коренных народов были объявлены «национальными языками» на всей территории Мексики. В законе говорится об учреждении Национального института языков коренных народов (INALI). Тем не менее данный законодательный акт не подкрепляется практическими мерами. Многие трудности нынешней политики многоязычного образования связаны с недостаточной проработанностью планов и подготовкой учителей, ответственных за развитие образования коренных народов, нехваткой методик обучения и качественных материалов. Преподавание по-прежнему осуществляется по большей части на испанском языке.

Важным практическим примером для Латинской Америки в целом является Университет автономных регионов Карибского побережья Никарагуа УРАККАН (URACCAN)¹⁵⁶, основанный в **Никарагуа** в 1992 г. Это

¹⁵⁴ <http://www.avivara.org/aboutguatemala/educationinguatemala.html>.

¹⁵⁵ http://en.wikipedia.org/wiki/Academia_de_Lenguas_Mayas_de_Guatemala.

¹⁵⁶ file:///C:/Users/Susana/Downloads/II_CAP_9.pdf.

«межкультурное университетское сообщество для коренных народов и этнических общин»¹⁵⁷ предоставляет возможность получения высшего образования представителям наиболее маргинализированных народов, включая коренные народы мискиту, майянга и рама, а также афро-карибским креолам и гарифуна, проживающим в восточной части страны. Несмотря на то, что эти общины, населяющие прибрежные районы, составляют лишь 4% от общего числа населения Никарагуа, именно они являются носителями основного культурного и языкового разнообразия страны¹⁵⁸.

Гл. 2 политической конституции **Перу** от 1993 г. гласит: «Государство признает и охраняет многообразие этнических групп и культур¹⁵⁹». Кроме того, Ст. 17 гласит, что государство должно поощрять межкультурное и двуязычное образование. В соответствии со Ст. 20 Общего закона об образовании, принятого в 2003 г., межкультурное и двуязычное образование должно обеспечиваться во всей системе образования. 5 июля 2011 г. перуанский конгресс официально признал языки коренных народов, приняв Закон № 29735 «Об использовании, сохранении, развитии и восстановлении языков коренных народов»¹⁶⁰. Одним из условий реализации международного и национального законодательства в области прав человека, такого как Декларация ООН о правах коренных народов, являются соблюдение, охрана и осуществление индивидуального и коллективного права говорить на родном языке. В законе признается, что языковое разнообразие связано с выражением индивидуальной и коллективной идентичности, а также особым способом восприятия и описания действительности, и что коренные языки необходимо уважать и использовать на национальном уровне. Закон устанавливает официальный статус языков коренных народов Перу. Теперь органы власти обязаны осуществлять коммуникацию на всех 80 языках, на которых говорит население страны¹⁶¹. В соответствии с законом Министерство образования должно вести национальный реестр языков коренных народов и обновлять этнолингвистическую карту Перу. Данный закон отменяет Законодательный декрет № 21156, признающий кечуа официальным языком Перу.

¹⁵⁷ http://en.wikipedia.org/wiki/University_of_the_Autonomous_Regions_of_the_Nicaraguan_Caribbean_Coast.

¹⁵⁸ <http://www.uvm.edu/sistercity/URACCAN.html>.

¹⁵⁹ <http://www.tc.gob.pe/constitucion.pdf>.

¹⁶⁰ <http://www.culturalsurvival.org/news/peru/peru-officially-recognizes-indigenous-languages>.

¹⁶¹ <http://www.culturalsurvival.org/news/peru/peru-officially-recognizes-indigenous-languages#sthash.6i0X20M7.dpuf>.

4. Многоязычие и образование в киберпространстве

«...Киберпространство одновременно представляет собой угрозу и открывает возможности для многоязычия», – отмечает Прадо (Prado 2012: 28). Далее он пишет: «Угроза возникает в связи с доминированием наиболее оснащенных и престижных языков, которые получают должную техническую поддержку. Однако при этом в силу своей доступности и универсальности киберпространство открывает новые возможности выражения для тех языков, которые не могли заявить о себе при помощи иных средств. Мы уверены, что простота доступа, способность Интернета мобилизовать и координировать действия многих людей, его мультимедийные ресурсы обеспечат спасение и активизацию миноритарных языков.

Поскольку мы ограничены временными и пространственными рамками, сосредоточим внимание на Аргентине, Мексике и Перу, в особенности на их усилиях по поддержанию жизнеспособности многоязычия в киберпространстве для целей образования.

В 2006 г. Законом о национальном образовании в **Аргентине** был установлен механизм Межкультурного двуязычного образования (МДО). В соответствии с этим законом должно обеспечиваться конституционное право коренных народов, населяющих территорию Аргентины, на доступ к начальному и среднему образованию, способствующему сохранению их этнической идентичности, языка, мировоззрения и культуры.

В 2010 г. в Аргентине была разработана национальная программа «Conectar Igualdad» («Равенство подключения»). Ее целью является обеспечение образования, медиа- и информационной грамотности населения страны. «Conectar Igualdad» предоставляет всеобщий доступ к техническим ресурсам, охватывает все государственные средние школы Аргентины как в городах, так и в сельской местности. Программа была разработана Министерством образования Аргентинской Республики, Национальным управлением социального обеспечения (ANSES), Министерством федерального планирования и государственных капиталовложений и услуг и главой Национального исполнительного кабинета. Изначально задачей Программы было распределение 3 млн нетбуков среди учащихся и преподавателей средних и специальных школ и педагогических институтов. К маю 2013 г. в рамках Программы было распределено уже почти 4 млн единиц техники. Однако, помимо распределения компьютеров среди преподавателей и учащихся, «Conectar Igualdad» преследует и другие важные цели: создание «технологической площадки», обеспечивающей взаимосвязь серверов, с тем чтобы все школы могли получать доступ к Интернету и разворачивать собственные локальные сети; создание цифрового кон-

тента; формирование федеральной системы подготовки преподавателей по вопросам применения ИКТ в школьном образовании. Компьютерная система «Educ.ar» и «Conectar Igualdad» являются компонентами национальной кампании в поддержку медиа- и информационной грамотности (Finkelievich, Feldman and Fischnaller 2012).

В 2006 г. была учреждена Национальная программа межкультурного двуязычного образования. Она задумывалась как способ обеспечения равных образовательных возможностей, поскольку в основе такого образования лежит полноценное участие языков и культур коренных народов в процессе обучения. Социокультурное разнообразие признается программой в качестве ценного достояния общества, содействующего развитию богатых и разнообразных культурных традиций.

Целями МДО являются: разработка образовательной политики, направленной на формирование альтернативного подхода к социокультурному и социолингвистическому разнообразию в аргентинской системе образования; привлечение коренных народов к разработке педагогических стратегий, отвечающих их конкретным потребностям и позволяющих покончить с исторически сложившейся исключенностью этих народов из системы образования. Основные направления деятельности МДО – это подготовка учителей, формирование многоязычного дидактического контента, запуск педагогических проектов, систематизация информации о положении дел в области образования коренных народов, исследования в сфере образования и предоставление грантов студентам – представителям коренных народов. Эти цели достигаются благодаря специальной подготовке преподавателей из коренного и некоренного населения и использованию образовательного контента, доступ к которому предоставляется учащимся и преподавателям на национальном сайте «Educ.ar».

Начиная с 2008 г. Генеральный директор по технологиям обучения при Министерстве образования **Перу** реализует программу «Каждому ребенку – по компьютеру», целью которой является распределение 600 000 компьютеров среди учащихся и преподавателей начальных школ в чрезвычайно бедных сельских общинах. Основной задачей этой программы является сокращение колоссального разрыва между городскими и сельскими школами (многие сельские школы расположены в отдаленных районах, и один учитель зачастую преподает несколько учебных предметов в условиях нехватки образовательных материалов и доступа к технике). Министерство образования уже распределило 513 204 компьютера и подготовило более 5 144 преподавателей. Планируется охватить программой также среднюю школу. Учащиеся могут брать предоставленные им компьютеры модели «ХО» домой, где ими могут пользоваться члены семьи

и друзья. Это делается в целях расширения круга пользователей компьютеров и повышения роли компьютеров в жизни общин. Задачей второго этапа Программы является расширение применения компьютеров в городских районах, где у большинства жителей есть персональные компьютеры и доступ к электронным сетям. В таких случаях в школах работает несколько преподавателей, и целью использования компьютеров «ХО» является развитие возможностей общения, причем компьютеры распределяются среди школ, а не среди конкретных учеников и преподавателей. В этих целях созданы «центры технологических ресурсов» для коллективного использования оборудования и технологических ресурсов, таких как мобильный Интернет, роботизированное управление и т.п. Задача третьего этапа, осуществление которого началось в 2011 г., – охват учебной программы средней школы с распределением к концу 2012 г. более 600 000 портативных компьютеров. Характеристики этого этапа такие же, как у предыдущего, однако уже на уровне средней школы (Finquelievich, Feldman and Fischnaller 2012).

Компьютеры и другие ИКТ способствуют повышению качества, обеспечению равенства и актуальности межкультурного двуязычного образования. Например, учащиеся смогут использовать двуязычные интерактивные модули для лучшего усвоения материала в классе. Такая подготовка будет проводиться в рамках системы перуанского межкультурного двуязычного образования (МДО). Это означает, что учащимся будет предоставляться возможность получать образование на родном языке кечуа и на испанском.

В **Мексике** Секретариат по вопросам связи и транспорта, Министерство образования и Министерство социального развития реализуют три программы, направленные на сокращение цифрового разрыва и обеспечение к 2015 г. уровня владения ИКТ, обозначенного ОЭСР:

1. «Habilidades Digitales para Todos» («Цифровая грамотность для всех» (2010–2012 гг.) направлена на развитие у учащихся начальных классов навыков использования ИКТ в ходе учебного процесса и компьютерной грамотности;
2. «Campaña Nacional de inclusión Digital Vasconcelos 2.0» («Национальная кампания повышения доступности цифровых технологий Васконселос 2.0») ориентирована на привлечение школьников и студентов, уже обладающих навыками работы с ИКТ, к усилиям по уменьшению цифрового разрыва среди социально неблагополучного взрослого населения;

-
3. «Centros Digitales Comunitarios E-méxico» («Общинные цифровые центры электронной Мексики», CDD) осуществляется в сельских районах. В стране создано более 3200 цифровых центров, в которых население может получить бесплатный доступ к Интернету. (Finkelievich, Feldman and Fischnaller 2012).

Кроме того, Цифровая база языков коренных народов (ADLI)¹⁶² осуществляет выпуск дидактических материалов и контента, позволяющих собирать, хранить и систематизировать информацию о языках коренных народов на территории Мексики. Основной целью данной работы является предотвращение угроз, которым эти языки подвергались прежде, и возрождение великого нематериального наследия Мексики. ADLI при поддержке Фонда Макса Планка удалось сформировать электронную базу, позволяющую обрабатывать большие объемы текстовых, аудио- и видеоматериалов для различных целей, в том числе для лингвистического анализа, редактирования образовательного контента и предоставления доступа к нему, создания полезного контента для защиты нематериального наследия Мексики. ADLI осуществляет управление интернет-порталами, мультимедийным контентом, издает детскую литературу.

Все упомянутые страны совместно с Эквадором, Чили, Колумбией, Венесуэлой и другими государствами, имеющими свои инициативы в этой области, пытаются интегрировать цифровые технологии в образовательные инициативы, чтобы обеспечить охват всего населения, включая малочисленные и проживающие в труднодоступных районах общины. Любопытно, что наличие стратегий многоязычного образования с использованием ИКТ не зависит непосредственно от доли коренных народов в общей численности населения страны. Например, Аргентина и Боливия, находящиеся на противоположных «полюсах» шкалы процентного соотношения коренных народов к некоренному населению на своих территориях, ведут аналогичную работу по внедрению многоязычных методов обучения в систему образования.

Тем не менее очевидно, что многоязычное образование в киберпространстве не может обеспечиваться исключительно мерами государственной политики. Желательно было бы поощрять появление инициатив «снизу», исходящих от коренных общин и способствующих конструктивному диалогу между правительствами и гражданским обществом, в частности организациями, представляющими интересы разнообразных этнических и культурных групп.

¹⁶² <http://lenguasindigenas.mx/acerca-del-acervo-digital.html>.

Латиноамериканская сеть образовательных порталов RELPE (Red Latinoamericana Portales Educativos)¹⁶³ предоставляет систему с открытым доступом для поиска контента по образовательным порталам стран Латинской Америки и Карибского бассейна. Инициатива создания совместной сети образовательных порталов Латинской Америки была выдвинута в 2001 г. на основе двусторонних договоренностей о сотрудничестве, заключенных между рядом стран региона. Образовательные порталы являются полноправными участниками сети, уполномоченными профильными министерствами своих стран. Для того чтобы подключиться к сети, требуется заполнить протокол с индексом веб-контента и скорректировать технические настройки.

В 2006 г. Центр исследований международного развития (IDRC) одобрил проект стратегии консолидации и интеграции RELPE. Деятельность Исполнительного секретариата RELPE в настоящее время обеспечивается Аргентиной. RELPE осуществляет сбор мультикультурного и многоязычного контента, ресурсов и словарей, предназначенных для использования как в школьных классах, так и в процессе виртуального обучения, и обеспечивает доступ к ним¹⁶⁴.

5. Выводы и предложения

Выводы

Наличие государственной политики в области межкультурного и многоязычного образования в киберпространстве в странах Латинской Америки не обязательно напрямую зависит от численности коренных народов и количества языков коренных народов в этих странах. В одних государствах, таких как Аргентина, где доля коренного населения составляет менее 3% от общей численности населения, при участии самих коренных народов разрабатывается эффективная государственная политика. В других государствах, где коренные народы составляют значительную долю населения, такая политика и меры исходят в первую очередь не от государства, а от организаций этих народов.

Общественные движения коренных народов достигли определенного успеха, добившись признания прав коренных народов на национальном уровне. Тем не менее в ряде случаев новое национальное и международ-

¹⁶³ <http://www.unesco.org/new/en/communication-and-information/portals-and-platforms/goap/key-organizations/latin-america-and-the-caribbean/relpe/>.

¹⁶⁴ <http://relpe.org/multicultural/>.

ное законодательство в отношении прав коренных народов и их языков остается скорее декларациями о благих намерениях. Одной из наиболее очевидных проблем в латиноамериканских странах является не отсутствие надлежащего законодательства в отношении прав многоязычного населения, а то, что оно не реализуется в полной мере (или не реализуется вообще) в силу глубоко укоренившейся практики дискриминации. Для того чтобы преодолеть эти препятствия, необходима более открытая и демократичная политика ведения консультаций с коренными народами.

Роль многоязычного образования в киберпространстве возрастает благодаря реализации программ в области цифрового образования и повышения компьютерной грамотности, таких как национальные планы «Каждому ребенку – по компьютеру». В эти планы все чаще включается контент по языкам и культурам коренных народов. Однако это тенденция последнего времени, и ее возможное влияние на образовательное сообщество пока подробно не изучалось.

Включение многоязычного и многокультурного контента в образование как в школе, так и в киберпространстве нередко воспринимается как формирование платформы для распространения традиционных устных сказаний и местных форм фольклора. Тем не менее двуязычное межкультурное образование – это гораздо больше, чем переоценка и распространение примеров фольклора. Поистине необходимым для Латинской Америки является укрепление культурной идентичности коренных народов – не для того, чтобы они замыкались в рамках собственных традиций или успешнее продавали произведения народного искусства, а чтобы обеспечить им равные условия для взаимодействия и взаимообмена с доминирующей культурой.

Культурное разнообразие не ограничивается лишь сельскими районами. При составлении планов и стратегий мультикультурного и многоязычного образования необходимо рассматривать возможность его внедрения не только в сельских районах, но и в городах и маргинализованных городских районах. Реализация политики МДО в таких условиях является новым вызовом для городов Латинской Америки.

Языковое и культурное разнообразие не должно ограничиваться лишь начальной ступенью образования. Учащиеся из числа коренных народов в латиноамериканских странах получают доступ к высшему образованию. Создаются новые университеты, ориентированные на мультикультурное образование и образование для коренных народов. МДО должно быть нацелено не просто на максимальный охват населения, но и на обеспечение возможностей «для образования и профессиональной подготовки на протяжении всей жизни».

Предложения

1. Использование системы образования для содействия сохранению языков и культур

Образование играет важную роль во всех средне- и долгосрочных усилиях, направленных на значительные социально-экономические преобразования. Система образования в широком смысле присутствует во всех общинах, даже самых малочисленных. За счет этого она может стать ретранслятором предпринимаемых правительством мер по реализации политики в области предоставления доступа и поддержки многоязычия. Следовательно, действуя через систему образования, правительства могут существенно расширить доступ граждан к знаниям благодаря включению в планы действий следующих стратегий:

- Преодоление разрыва в доступе посредством предоставления бесплатного или дешевого интернет-соединения в школах, библиотеках и общинных центрах. В тех районах, где Интернет по-прежнему остается дорогостоящим, а стоимость оборудования слишком высока, можно было бы использовать школьное компьютерное оборудование для предоставления доступа членам общин в вечернее время, обучения, использования гражданами государственных онлайн-порталов («электронное правительство»), выполнения дистанционной работы, общинных проектов, оказания помощи женщинам и девочкам и др.
- Содействие переводу в цифровой формат и сохранению контента, обладающего антропологической или исторической ценностью: в понимании ЮНЕСКО *«культурное наследие не ограничивается материальными проявлениями, такими как памятники и объекты, сохранявшиеся в течение долгого времени. Это понятие также включает живые проявления и традиции, которые бесчисленные группы и общины унаследовали от своих предков и передают потомкам, в большинстве случаев в устной форме»*.
- Небольшие общины во многих случаях являются хранителями значительных культурных ценностей, которые, не будучи задокументированы, окажутся утрачены. Школы могут сыграть решающую роль в выявлении и переводе в цифровой формат песен, сказаний, обрядов, приемов, искусства, музыки, местных языков, флоры и фауны и другого контента, имеющего неизмеримую культурную ценность. Правительства могут поддерживать школы в этой работе, предоставляя им оборудование для оцифровки (камеры, сканеры, устройства звукозаписи) и

обеспечивая подготовку учителей и библиотекарей в области использования программного обеспечения, необходимого для сохранения наследия. Можно проводить конкурсы среди школ по сбору, классификации, хранению и распространению ценного контента, который в противном случае будет утрачен безвозвратно.

- Следует рассмотреть возможность использования разнообразных современных технологий для поддержки многоязычия и образования в киберпространстве: мобильных телефонов, портативных цифровых аудиоплееров (MP3), планшетов, пейджеров и портативных игровых консолей. Революция в сфере коммуникаций неминуемо воздействует на языковое разнообразие. Уже в скором будущем мы станем свидетелями разнонаправленных тенденций применения многоязычия в киберпространстве, открывающих новые возможности для языков, как больших, так и малых (Ikovic and Lotherington 2009).
- Разработка мультикультурных инициатив на всех стадиях образовательного процесса на национальном и региональном уровнях. Необходимы дополнительные меры, такие как создание центра по наблюдению за положением дел в сфере языкового и культурного разнообразия в Латинской Америке, при непосредственном участии коренных общин. Чтобы создавать новые возможности для взаимодействия коренных народов и представителей научной среды, следует активно поддерживать такие проекты, как инициатива по созданию университетов для коренных народов (как, например, Межкультурный университет коренных народов (UII) в Мексике или Автономный межкультурный университет коренных народов (UAII) в Колумбии¹⁶⁵.
- Предоставление онлайн-консультаций учителям и преподавателям вузов в противоречивых ситуациях, возникающих в национальной и региональной системе образования.
- Оказание поддержки организациям преподавателей из числа коренного населения в культурной и образовательной деятельности (профессиональная подготовка таких преподавателей, проведение конференций, виртуальных форумов и т.д.).

¹⁶⁵ <http://www.cric-colombia.org/portal/universidad-autonoma-indigena-intercultural-uaii/>.

-
- Использование Интернета для получения актуальной информации о школах с преподаванием на коренных языках, о количестве учителей и учащихся из числа коренных и некоренных жителей и т.д.
 - Укрепление региональных образовательных порталов, таких как RELPE, в целях распространения многоязычного и мультикультурного образовательного контента.

2. Поддержка культурного разнообразия в цифровой среде посредством:

- стимулирования предоставления и поддержания доступа к образовательному, культурному и научному контенту в цифровом формате в школах в целях создания для представителей всех культур возможности самовыражения, а также получения ими доступа к Интернету на всех языках, в том числе и на языках коренных народов;
- содействия созданию и распространению контента на местных языках и поощрения через систему образования механизмов формирования и распространения создаваемого пользователями и общинами контента и, тем самым, упрощения доступа общин к контенту на их родных языках;
- содействия наращиванию потенциала для создания интернет-контента на местном уровне и на уровне общин коренных народов. Для решения такой задачи могут быть полезны пункты коллективного пользования Интернетом; школьные учителя, специалисты по компьютерной технике и библиотекари могут пройти соответствующую переподготовку и освоить навыки оцифровки;
- поощрения многоязычия в Интернете, с тем чтобы каждый человек мог иметь доступ к наиболее важному контенту на родном языке. Среди прочего это возможно, например, благодаря разработке программ машинного перевода, электронных словарей и лингвистических средств для языков коренных народов, содействию локализации программных средств, размещению на государственных сайтах многоязычного контента, предоставлению налоговых льгот и субсидий за разработку контента и программного инструментария на местных языках. Школы способны сыграть здесь решающую роль, выступая в роли посредника в мероприятиях такого рода (Finquelievich and Bassi 2013);

-
- поощрения и поддержки многонациональных образовательных порталов, таких как RELPE¹⁶⁶, в целях предоставления доступа к поисковым системам для осуществления поиска мультикультурного и многоязычного контента по образовательным порталам стран Латинской Америки и Карибского бассейна.

Источники

1. Bacacela Gualán, S. P. (2013). Informe del sistema de educación intercultural bilingüe en Ecuador, https://docs.google.com/document/d/1v-sjXL1H5D2_dxMjopV21umLxuIztHpsuEw0lrwqMdc/edit#.
2. Coppi Agostinelli, M. A. (2012). “Education inequalities of indigenous peoples in Ecuador and in Peru”. Paper presented at the annual meeting of the 56th Annual Conference of the Comparative and International Education Society, Caribe Hilton, San Juan, Puerto Rico, Apr 22, 2012. http://citation.allacademic.com/meta/p552127_index.html.
3. Cummings, S. M. and Tamayo, S. (1994). Language and Education in Latin America: An Overview. http://faculty.smu.edu/rkemper/anth_6306/anth_6306_language_and_education_in_latin_america.htm.
4. Danbolt, L. D. (2011). The challenge of bilingualism in a multilingual society: The Bolivian Case. NLA, School of Religion, Education and Intercultural Studies, Bergen, Norway, Journal of Intercultural Communication, ISSN 1404-1634, issue 27, November 2011. <http://www.immi.se/intercultural/nr27/drangle-27.htm>.
5. De Bengochea, N. Intercultural education and indigenous education in Mexico, an experience in Oaxaca. <http://tsg.icme11.org/document/get/805>.
6. Finquelievich, S. and Bassi, R. (2013). “The Role of Language in Knowledge Society Educational Systems”, Educational Technology Debate. Exploring ICT and Learning in Developing Countries. <https://edutech-debate.org/cultural-heritage-and-role-of-education/the-role-of-language-in-knowledge-society-educational-systems/>.
7. Finquelievich, S., Feldman, P., Fischnaller, C. (2012). “Public Policies on media and information literacy and education in Latin America: Overview and proposals”. Paper presented at the International Conference «Media and Information Literacy in Knowledge Societies», IFAP UNESCO, 24–28 June 2012, Moscow.

¹⁶⁶ <http://www.unesco.org/new/en/communication-and-information/portals-and-platforms/goap/key-organizations/latin-america-and-the-caribbean/relpe/>.

-
8. Flores Farfán, J. A. (2010). En torno a la política y planeación lingüísticas en el contexto Latinoamericano. *Linguapax – Latin America Delegation Professor of Linguistics, CiESAS, Mexico D. F.* <http://jaf.lenguasindigenas.mx/docs/2010-entorno-a-la-planificacion-linguistica-en-anual-review-linguapax.pdf>.
 9. Gaspar, L. (2011): *Indigenous Language in Brazil*. Fundacao Joaquim Nabuco, Recife, http://basilio.fundaj.gov.br/pesquisaescolar_en/index.php?option=com_content&id=1122:indigenous-language-in-brazil.
 10. Godenzzi, J. C. *Globalización, Multilingüismo y Educación. El caso del Perú*, Aportes Andinos N. 11, Aportes sobre diversidad, diferencia e identidad, Universidad Andina Simón Bolívar, Peru. <http://red.pucp.edu.pe/ridei/libros/globalizacion-multilinguismo-y-educacion-el-caso-del-peru/>.
 11. *Internacional de la Educación para América Latina (2014). Intercultural Multilingual Education in Latin America*. Norway. http://www.ei-ie-al.org/publicaciones/indigenous_web.pdf.
 12. Ivkovic, D. and Lotherington, H. (2009). *Multilingualism in cyberspace: conceptualising the virtual linguistic landscape*, *International Journal of Multilingualism*, Vol. 6, No. 1, February 2009. Routledge. file:///C:/Users/Usuario/Downloads/conceptualizing_VLL-3%20copy.pdf.
 13. Lippenholtz, B., and Marés, L. (2013). *El uso de las TIC en la preservación de las lenguas originarias de Latinoamérica*, *Educational Technology Debate*, <https://edutechdebate.org/cultural-heritage-and-role-of-education/el-uso-de-las-tic-en-la-preservacion-de-las-lenguas-originarias-de-latinoamerica/>.
 14. Luna, J. (2012). *Los charrúas: genocidio y resistencia*, *Voltairenet.org*, <http://www.voltairenet.org/article176599.html>.
 15. Monsonyi E., Rengifo, F. (1983). “Fundamentos teóricos y programáticos de la educación intercultural bilingüe”. In: E. Rodríguez Masferrer y R. Vargas (eds.), *Educación, etnias y descolonización en América Latina*. México, UNESCO III, Vol. 1, pp. 209–230.
 16. Mueses Delgado, C. A. (2008). *Etnoeducación en Amazonas: ¿se indinizó la institucionalidad educativa o se institucionalizó la propuesta indígena?*, *Revista Educación y Pedagogía*, vol. XX, núm. 52, Septiembre–Dic. 2008, <http://aprendeenlinea.udea.edu.co/revistas/index.php/revistaeypp/article/viewFile/9881/9078>.
 17. Murillo Mena, M. E. *Sentidos de formación de maestros y etnoeducadores en la Universidad Tecnológica del Chocó – UTC H – Colombia*.

-
- ARJÉ Revista de Postgrado FACE-UC. Vol. 5 N° 8. Enero-Junio 2011, 27–47. <http://servicio.bc.uc.edu.ve/educacion/arje/arj08/art02.pdf>.
18. Ocampo, G. (2013). La CTERA en la Argentina. In: III Reunión Regional Educación Pública y Pueblos Indígenas, 15, 16 March 2013. Cuzco, Peru.
 19. Orán, R., Orán, K. Y., Ologwagdi, Wagua, A. (Equipo EBI Kuna) (2009). Educación Bilingüe Intercultural en los Territorios Kunas de Panamá, Congreso General Kuna, Congreso General Kuna de la Cultura.
 20. Prado, D. (2012): A brief return to the genesis of Net.lang. In: L. Vannini and H. Le Crosnier (eds.). Net.lang. Towards the multilingual cyberspace. C&F Editions, Caen, France, http://net-lang.net//externDisplayer/displayExtern/_path_/netlang_EN_pdfedition.pdf.
 21. Prado, D. & Pimienta, D. (2012). Public Policies for Languages in Cyberspace. In: L. Vannini and H. Le Crosnier (eds.). Net.lang. Towards the multilingual cyberspace. C&F Editions, Caen, France, http://net-lang.net//externDisplayer/displayExtern/_path_/netlang_EN_pdfedition.pdf.
 22. Tubino, F. (2005). La praxis de la interculturalidad en los Estados Nacionales Latinoamericanos. Cuadernos Interculturales, vol. 3, núm. 5, julio-diciembre 2005. Universidad de Valparaíso, Chile.
 23. Tubino, F. El interculturalismo latinoamericano y los Estados Nacionales. Available at: <http://www.cajanegra.buap.mx/109.pdf>.
 24. UNESCO (2012). ICT in education in Latin America and the Caribbean. A regional analysis of ICT integration and e-readiness. Montreal, Quebec, Canada, <http://unesdoc.unesco.org/images/0021/002179/217983e.pdf>.
 25. UNICEF (2009). Atlas Socio-lingüístico de Pueblos Indígenas en América Latina. Cochabamba, Bolivia, http://www.unicef.org/honduras/tomo_1_atlas.pdf.
 26. Vannini, L. and Le Crosnier, H. (2012). Net.lang. Towards the multilingual cyberspace. C&F Editions, Caen, France, http://net-lang.net//externDisplayer/displayExtern/_path_/netlang_EN_pdfedition.pdf.
 27. Wagua, A. (2014). EBI Guna. Nan Gaburba Oduloged Igar. Génesis, enfoque, estrategias y métodos aplicados. Gunyala: Proyecto EBI-Guna. <http://www.gunayala.org.pa/>.

Прикладные аспекты изучения иностранных языков в Университете г. Бразилиа: многоязычие и информационное общество

1. Введение

Университет Бразилиа (УБ), основанный 21 апреля 1962 г., стал воплощением мечты бразильского антрополога и педагога Дарси Рибейро. Это единственный федеральный университет в столице Бразилии. С момента своего создания он предоставляет современные знания и воспитывает гражданскую ответственность в целях преобразования Бразилии; он способствует укреплению ее восприятия как нации, преуспевающей в сфере научно-исследовательской деятельности, преподавания и повышения квалификации.

В настоящее время университет насчитывает 2 308 преподавателей, 2 692 специально подготовленных сотрудников, 30 727 студентов, получающих преддипломное образование, и 8 913 учащихся магистратуры и аспирантуры. В состав университета входит 26 факультетов и школ, а также 18 центров специальных исследований; все они размещаются на территории четырех университетских комплексов: университетского городка Дарси Рибейро (основного) и трех других кампусов (в Сейландиа, Гама и Планалтина).

Всего в университете ведется обучение по 105 программам, 30 из которых рассчитаны на вечернюю форму обучения, а еще 10 – на дистанционное обучение. Кроме того, предлагается 147 программ послевузовского обучения (в узком смысле) и 22 программы подготовки специалистов (в широком смысле). Также в состав университета входит ряд важных объектов, таких как Университетский госпиталь, Центральная библиотека, Ветеринарный госпиталь и ферма Aqua Limpa.

По итогам недавно состоявшегося голосования университет занял четвертое место среди университетов Бразилии и одиннадцатое – в Латинской Америке.

Институт филологии был создан вскоре после учреждения УБ. Институт располагает штатом из примерно 150 преподавателей и профессоров и включает три отделения: отделение португальского и классических языков, отделение теории литературы, а также отделение перевода и иностранных языков, частью которого является направление LEA-MSI.

2. Прикладные иностранные языки в УБ

Контекст

Возникновение информационного общества и общества знания привело к необходимости более широкого распространения информации и аудиовизуальной продукции. Кроме того, динамичное развитие языков в киберпространстве наряду с началом реализации огромного количества многоязычных международных мероприятий стимулирует университетские центры и международные учебные заведения готовить кадры для удовлетворения этого растущего спроса на рынке рабочей силы.

Сегодня в динамично развивающейся профессиональной среде целый ряд направлений деятельности нуждается в экспертной помощи как в области иностранных языков, так и в области знаний, в которой эти языки могут применяться на практике. Центрами подобной деятельности являются учреждения и международные организации, такие как национальные и международные публичные учреждения, агентства по международному сотрудничеству, учреждения системы Организации Объединенных Наций (например, ЮНЕСКО), университетские центры, государственные органы, такие как палата депутатов или сенат, НПО, многоязычные библиотеки, и, в частности, цифровые библиотеки, а также национальные и международные издательства. Специалисты в области LEA-MSI могут также выполнять функции, связанные с материально-техническим обеспечением международных мероприятий, таких как важные международные спортивные соревнования (Кубок мира ФИФА, Олимпийские игры, Универсиада, которые будут проводиться в Бразилии в 2014, 2016 и 2017 гг.).

С учетом описанной ситуации и распространения таких видов деятельности, связанных с культурным многообразием в киберпространстве вследствие процесса глобализации, возникает потребность в новых специалистах, способных работать в новой технологической среде. Специфика Университета Бразилиа, где уже много лет осуществляется подготовка бакалавров прикладных наук в области международных отношений, экономики, туризма и менеджмента, позволила организовать обучение бакалавров в области прикладных иностранных языков в целях воспол-

нения имеющихся пробелов. Как мы покажем далее, бакалавр в области прикладных иностранных языков (LEA) готов к работе в тесном междисциплинарном взаимодействии с другими областями, как в государственном, так и в частном секторе, на национальном и международном уровне и в сфере услуг.

Три области применения LEA-MSI: работа с аудиовизуальными материалами, терминология и многоязычие в киберпространстве

Новая программа подготовки бакалавров реализуется с 2010 г. УБ стал первым в Бразилии учебным заведением, предложившим программу междисциплинарного обучения по вопросам информационного общества. Студенты получают основательную подготовку в области иностранных языков (можно выбрать два языка из трех предложенных – английского, испанского и французского) в объеме 1800 академических часов. Кроме того, еще 255 часов отводится на изучение дисциплин прикладного характера, таких как работа с аудиовизуальными материалами, терминология и многоязычие в киберпространстве. Студенты в обязательном порядке проходят стажировки в государственных/частных учреждениях или в НПО. Более подробная информация представлена на веб-странице LEA: <http://www.let.unb.br>.

3. Прикладная терминология в киберпространстве

Актуальность терминологии

Я хотел бы разъяснить логическую основу нашей программы подготовки бакалавров в области прикладных иностранных языков. Помимо упомянутого выше профессионального владения иностранными языками, прикладной компонент включает также три взаимодополняющих направления:

1. «Многоязычие в киберпространстве» направлено на рассмотрение инфраструктурных требований для обеспечения представленности и жизнеспособности в киберпространстве («от устного языка к языковым веб-сайтам»). К этому тематическому направлению относятся методология, шрифты, технические средства и информационные технологии, системы измерения и языковая политика;
2. «Аудиовизуальные материалы» охватывает способы субтитрования, звукового описания, аудиовизуального перевода и все технические аспекты, связанные с предоставлением доступа к информации на иностранных языках, в том числе людям с особыми потребностями;

3. «Терминология» включает лексические исследования, корпусную лингвистику, работу с многоязычными словарями и т.д.

Таким образом, мы можем утверждать, что в «технологическом айсберге», который представляет собой работа с языками в киберпространстве, аудиовизуальный компонент является видимой частью, вершиной айсберга, в то время как техническая инфраструктура многоязычия – его основанием, которое остается скрытым. Терминология же помогает обеспечить взаимосвязь между инфраструктурой и работой с аудиовизуальными материалами.

В условиях многоязычного общества знания терминология зависит как от применяемого подхода, так и от предпочтений участников в плане технических средств.

Исследование, проведенное недавно в рамках европейского проекта POINTER, свидетельствует о том, что терминология как предмет изучения чрезвычайно многогранна и может рассматриваться как:

- ресурс,
- система методов и процедур, применяемых при создании этого ресурса,
- один из факторов процесса коммуникации,
- некое сообщество деятелей,
- научная дисциплина.

Терминологические ресурсы также являются ценными во многих других отношениях: как перечень наименований или других сведений, как объект деятельности по стандартизации и гармонизации, а также как условие (или результат) применения широкого круга прикладных методов и дисциплин, осуществляемых как человеком, так и машинами (см. рис. ниже). Многообразие областей применения, для которых терминология имеет большое значение, стало основным стимулирующим фактором в процессе разработки проекта POINTER, нацеленного на изучение ситуации в области терминологии в Европе и выработку конкретных предложений в отношении будущей инфраструктуры и деятельности.

Рисунок 1. Области применения и продукты терминологии

Форсированное техническое развитие и возникновение новых научных областей и отраслей промышленности влечет за собой сокращение инновационных циклов, необходимость повышения темпов коммуникации. Ряд исследований указывает на то, что общий объем знаний удваивается каждые 5–15 лет в зависимости от рассматриваемой области.

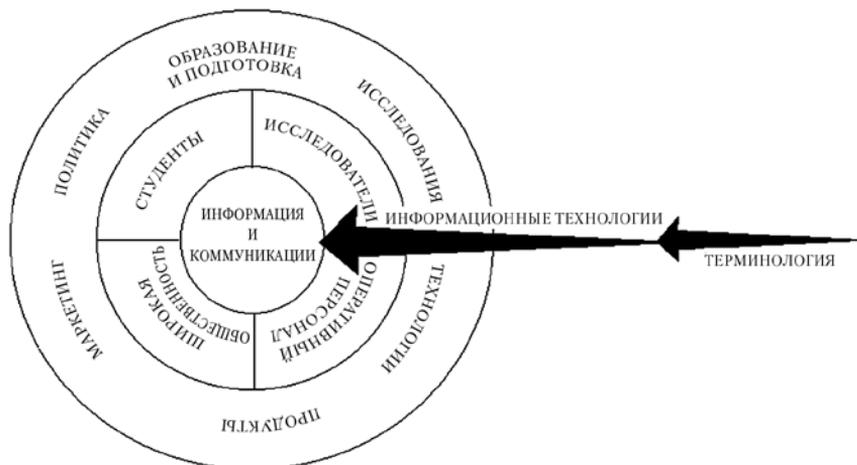

Рисунок 2. Терминология – ключевая дисциплина для информационного общества

По имеющимся оценкам количество технических терминов в каждом высокоразвитом языке достигает 50 млн.

В проекте POINTER предусмотрено следующее замечание касательно многоязыковой терминологии:

«Следует помнить о том, что коммуникация между специалистами (как, впрочем, и коммуникация общего характера), как правило, представляет собой циклический и многолинейный процесс, поскольку знания обычно создаются в ходе эволюционного развития и в различных местах одновременно. Таким образом, потенциальными источниками неопределенности и недопонимания являются омонимы (т.е. слова, используемые для обозначения более чем одного понятия) и синонимы (т.е. обозначение одного и того же понятия более чем одним словом). Особую остроту данная проблема приобретает с учетом яркой тенденции к межотраслевому взаимодействию в важных современных научных дисциплинах, таких как биотехнологии, науки об окружающей среде и материаловедение (как ни парадоксально, в нынешнюю эпоху усиливающейся специализации наука становится все более междисциплинарной по своему характеру). В то же время это нередко приводит к значительному возрастанию рисков, связанных с невозможностью четкой своевременной коммуникации (два классических примера тому – аэрокосмическая и экологическая отрасли промышленности)».

По всем перечисленным причинам предварительным условием повышения эффективности коммуникации является управление информацией на основе контента. Кроме того, следует иметь в виду, что коммуникация не является исключительно одноязычным процессом, в особенности в границах Европы. По сути, в настоящее время наблюдается отчетливая тенденция к повышению уровня осознания проблем многоязычия, несмотря на доминирующую или, по крайней мере, передовую роль английского языка в технической, деловой, экономической, политической и – в меньшей степени – культурной областях.

Ситуация в Бразилии

В Бразилии терминология начинает приобретать важное значение в многоязычном информационном обществе, что объясняется необходимостью разработки технических руководств и использования терминов на нескольких языках. На данном этапе терминологическое многоязычие находится еще на ранней стадии развития и ограничивается лишь несколькими сферами, связанными с экспортом товаров и услуг. Недавно был опубликован ряд технических документов в области терминологии в

информационном обществе. Одна из них – «Dicionário Brasileiro de Terminologia Arquivística» («Бразильский словарь архивных терминов»), многоязычный документ, содержащий все термины на немецком, испанском, французском, английском, итальянском и португальском языках. Техническую документацию для различных отраслей промышленности выпускает Бразильская ассоциация технических стандартов ABNT (Associação Brasileira de Normas Técnicas), ведущая регулярную работу в этой области.

4. Многоязычие в киберпространстве

Вплоть до 2003 г. основной причиной для беспокойства международного сообщества было обеспечение жизнеспособности языков, находящихся под угрозой исчезновения. На 32-й Генеральной конференции ЮНЕСКО была принята Рекомендация о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству, в которой представлен ряд принципов и предложений по расширению доступа, повышению жизнеспособности и обеспечению взаимодействия языков в киберпространстве. В 2010 г. в Бразилии в дополнение к научным группам¹⁶⁷ на национальном уровне был создан «Национальный реестр языкового разнообразия» (INDL)¹⁶⁸, согласно которому в стране насчитывается приблизительно 210 языков, включая языки коренных групп и иммигрантов.

В данной связи программа подготовки бакалавров в Университете Бразилиа предлагает базовый подход, охватывающий три основных темы:

- 1) технология обеспечения взаимодействия языков в цифровой среде;
- 2) способы оценки языковой ситуации в киберпространстве;
- 3) языковая политика.

5. Выводы, оценка, перспективы

В данном докладе мы ставили своей задачей:

- 1) объяснить основные причины введения в УБ образовательной программы в области прикладных иностранных языков в интересах развития многоязычия и информационного общества;
- 2) представить некоторые аспекты тематических направлений (в частности связанных с терминологией и многоязычием в кибер-

¹⁶⁷ В Университете Бразилиа, см. <http://www.laliunb.com.br/>.

¹⁶⁸ <http://portal.iphan.gov.br/portal/montarDetalheConteudo.do?id=15772&sigla=Noticia&retorno=detalheNoticia>.

пространстве), которые входят в учебный план по подготовке бакалавров, ориентированный на создание многоязычного информационного общества и общества знания.

Хотя подводить общие итоги процесса подготовки специалистов в рамках новой бакалаврской программы пока преждевременно, некоторые данные, указывающие на наличие спроса на новую программу (соотношение кандидатов и предлагаемых мест, предложения по трудоустройству), позволяют считать, что она заняла достойное место среди университетских учебных программ. Некоторые итоговые научные проекты, подготовленные нашими студентами, вселяют большие надежды.

Что касается необходимости и значимости терминологии в информационном обществе и обществе знания, в частности в отраслях промышленности, то в упомянутых сферах имеются различные области применения и продукты, в которых без терминологии не обойтись, что свидетельствует о том, насколько она важна для многоязычного информационного общества и общества знания.

Как могут подтвердить обсуждения, состоявшиеся в ходе III конференции «Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве», многоязычие в цифровой среде по-прежнему открывает широкие перспективы для расширения знаний в интересах развития. Оптимистичная оценка, составленная на основе таблиц консорциума ЮНИКОД, свидетельствует о наличии 657 языков, связанных с доступными цифровыми сценариями. Как подчеркивается во многих международных документах, таких как Ленская декларация, необходимо и далее совершенствовать методы, способы и языковую политику в целях формирования поистине многоязычного киберпространства. Информация для всех окажется недостижимой целью, если учебные заведения и международные учреждения не будут уделять проблематике многоязычного киберпространства должного внимания.

Ирэне КЯОСААР

руководитель Департамента общего образования,
Министерство образования и науки Эстонии
(Таллин, Эстония)

Миноритарные языки и цифровая среда: друзья или враги?

Сохранение языка и культуры малых народов является одним из важных вопросов сегодняшнего глобализованного мира. Все большую власть захватывают так называемые языки международного общения, прежде всего английский. С учетом современных изменений в мире коммуникаций, где общение все больше и больше перемещается в Интернет, а границы городов, стран и континентов давно уже не имеют такого значения, как еще несколько десятилетий назад, число говорящих на том или ином языке и вытекающая из этого способность развивать язык электронным образом приобретают ключевое значение.

Население Эстонии составляет 1,3 млн человек, из которых 70% – эстонцы, около 25% – русские, остальные 5% – это люди, говорящие примерно на 120 разных языках. Государственным языком в Эстонии является эстонский язык, но исторически сложилось так, что, помимо него, языком общения является также русский язык. В числе упомянутых 5% наиболее крупными национальными группами являются украинцы, финны, белорусы и армяне. Кроме того, в страну переезжает все больше людей, для которых первым языком общения в Эстонии становится английский.

Обязательный образовательный уровень в Эстонии составляет 9 классов, в этом объеме выбирать язык обучения может собственник школы, каковым обычно является орган местного самоуправления. На практике это означает, что у нас присутствуют в основном школы с эстонским и русским языком обучения, в последних учится около 20% от общего числа учащихся. Есть также возможность учиться в рамках ИВ-обучения на английском языке, на уровне гимназии на немецком языке, существует и небольшая финноязычная школа.

Государственная власть уделяет большое внимание воскресным школам национальных меньшинств, которые ставят своей целью поддержать национальные меньшинства в изучении и сохранении их языка и культуры. Эти школы получают финансовую и кадровую поддержку для проведения развивающей деятельности. В нынешнем учебном году государствен-

ное пособие получили 18 воскресных школ национальных меньшинств. В числе прочего, таким образом поддерживается сохранение в Эстонии азербайджанского, армянского, узбекского, татарского, русского, украинского, белорусского, корейского и ингерманландского языков.

Исходя из сказанного выше, перед Эстонией стоят две задачи: сохранить развитие и привлекательность эстонского языка, в том числе в цифровой сфере, а также превратить эстоноязычное интернет-пространство в единое место общения для всех проживающих в стране людей. Важно, чтобы граждане Эстонии находились в едином информационном пространстве и чтобы оно всегда было для них привлекательным, доступным и способствующим развитию.

Эстония – маленькое государство, у нас нет особых природных ресурсов, газа, нефти, назвать нас очень религиозной страной тоже нельзя. Поэтому главный ресурс Эстонии – это ее люди, а главная религия – образование. В связи с этим одним из основных направлений развития для нашей страны являются информационные технологии. В Эстонии находится Европейское ИТ-агентство, именно эстонцы создали скайп, WiFi в нашей стране сравним с одним из прав человека, которое должно быть доступно всегда и везде. Общение в сфере бизнеса, общественных услуг и обслуживания происходит у нас, главным образом, через Интернет. *Facebook* на эстонском языке очень популярен и является одним из основных каналов общения молодежи. И все же вызовом для нас, как и для представителей других малых языков, является победа над англоязычным Интернетом – вернее, достижение в своем государстве для эстоноязычного цифрового мира равного статуса с цифровым миром на языках международного общения.

В Эстонии живут, в основном, такие национальные меньшинства, родной язык которых достаточно велик, чтобы обладать собственной цифровой средой, и представители этих национальностей могут пользоваться возможностью интернет-общения на своем языке. Поэтому для живущих в Эстонии малых национальностей нашествие цифрового мира не представляет опасности, если не считать ингерманландцев, марийцев, коми и представителей других малых финно-угорских народов. В большинстве случаев, исходя из национального состава, используется русскоязычная интернет-среда – и здесь основной задачей является обеспечение привлекательности интернет-среды на эстонском языке, чтобы люди пользовались ею наравне с русскоязычной для получения информации и для общения.

Языки постоянно развиваются и подвергаются естественным изменениям, это неизбежно и даже неплохо – весь мир развивается! В то же время важно, а для малых языков в особенности, сохранить чистый литературный язык, постоянно развивая его за счет словотворчества. Интернет и связанные с ним различные сферы коммуникации далеко не всегда обеспечивают сохранение чистоты языка, во всяком случае, это не происходит само собой. Этой темой следует заниматься как путем обучения корректному общению в коммуникативной среде (что в большой степени является задачей школы), так и путем развития данной темы в медийном пространстве.

Существуют примеры малых языков, которые находятся на грани вымирания именно по той причине, что никто не занимался словотворчеством и при добавлении новых понятий (например, в технологии, цифровом мире и пр.) избирался путь наименьшего сопротивления, т.е. калькировались термины других языков. И в один прекрасный момент оказывается, что на этом языке уже нельзя больше давать образование, потому что, начиная с определенного образовательного уровня, просто отсутствует словарный запас. Эстонский язык в этом смысле вне опасности, потому что данной темой занимаются постоянно, в том числе и в настоящий момент – у нас в различных сферах (например, ботаника, медицина и пр.) имеются комиссии по словотворчеству, которые регулярно собираются и работают, и эту практику следует продолжать. Не надо далеко ходить и за примерами того, как постоянно приспособливающийся к удобству общения язык социальных сетей приносит в словарный запас молодых людей все больше международных слов, а также некорректных языковых форм, что, конечно же, влияет на развитие языка – и не всегда положительно.

В заключение хочу на примере Эстонии отметить, что цифровое пространство поддерживает развитие языка и идентичности до тех пор, пока говорящих на том или ином языке достаточно, чтобы создать интересную, привлекательную и отвечающую современным требованиям интернет-среду. В то же время недостаточно лишь создать *Facebook* на том или ином языке, важно развивать словарный запас, а также следить за правильностью литературного языка. Тем же языкам, которые такой возможности лишены, мир, все больше уходящий в Интернет, будет вредить, что, вероятно, все быстрее будет приводить к вымиранию малых языков.

ИТОГОВЫЙ ДОКУМЕНТ

Якутская декларация о языковом и культурном разнообразии в киберпространстве

Преамбула

Участники III Международной конференции «Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве» осознают следующее:

подавляющее большинство народов в современном мире не имеет своей государственности и суверенитета. Как правило, языки этих народов не являются государственными языками страны, в которой эти народы проживают, поскольку большинство стран являются многонациональными и многоязычными. Даже в наиболее благоприятном случае, при самом заботливом отношении к ним со стороны правительств и доминирующих (более крупных) этносов подавляющее большинство языков в той или иной степени маргинализированы. Они развиваются или регрессируют в тени более крупного и более оснащенного языка, который доминирует в той или иной стране и используется во всех сферах – политической, экономической, образовательной, культурной, научной и т. д.

Язык и культура взаимосвязаны. Ни один язык не может развиваться вне культуры народа, создавшего и использующего его. Культура служит средой развития языка, а язык является средством ее выражения и распространения; одно без другого существовать не может. Каждый раз, когда речь заходит о культуре, подразумевается и язык, а обращаясь к языку, мы всегда получаем доступ к соответствующей культуре.

Языковое и культурное разнообразие – лишь вершина «айсберга», часть сложного феномена, объединяющего культурную идентичность, ощущение принадлежности к определенному сообществу и укорененности в нем, нематериальное наследие, жизненно важное знание, достижения многих поколений, адекватное понимание местного контента и многое другое.

Распространение информации об истории, языках и культуре различных народов на разных языках помогает нам анализировать факты, события и поступки людей, знакомиться с разными взглядами на мир, разными точками зрения. Это делает нас терпимее, способствует укреплению взаимопонимания, мирному устойчивому развитию современной цивилизации. Культурное разнообразие и многоязычие – залог благополучия и процветания человечества.

Языки – это сокровищница богатого и обширного наследия человечества, а также жизненно важного знания, то есть знания, которое обеспечивает сохранение здоровья, благополучие, участие в общественной жизни и в экономической деятельности как на локальном, так и на глобальном уровне. Языки служат инструментом выражения и распространения социальных и культурных традиций, самоидентификации и сохранения человеческого достоинства их носителей, будь то коренное население или мигранты.

Урбанизация и глобализация стимулируют ассимиляцию национальных культур, ослабляя их статус и приводя к еще большей маргинализации большинства из них: накопленные в их рамках знания, исторический и духовный опыт постепенно исчезают, и потенциал этих культур и языков ослабевает. Маргинализация культуры и маргинализация языка – процессы взаимосвязанные и взаимообусловленные. Исчезновение языка означает потерю уникальной культуры. ЮНЕСКО не устает напоминать, что, согласно прогнозам, более половины из существующих ныне примерно 7000 языков может исчезнуть в течение нескольких поколений.

В последние годы наблюдается беспрецедентный подъем миграции и социальной мобильности. В 2010 г. впервые в истории население мира оказалось преимущественно городским, и доля горожан продолжает расти. К 2050 г. более 70% людей на нашей планете будут жить в городах. Высокая концентрация населения в городских поселениях способствовала повышению в них языкового разнообразия, и в течение ближайших лет эта тенденция будет сохраняться.

Все большее число исследований свидетельствует о том, что продуманная стратегия управления многообразием, включающим языки мигрантов, может создавать социально-экономические преимущества для общества в целом. Разнообразие выгодно, в частности, потому, что расширяет спектр товаров, услуг и навыков, необходимых в городских условиях. Соответствующее повышение уровня компетентности полиэтнического населения также может содействовать творчеству, инновациям, экономическому развитию.

Роль ИКТ

Глобальное информационное общество формируется стремительными темпами. Совершенствование информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) и возникающие при этом социальные последствия знаменуют собой переломный момент в плане сохранения культурного и языкового разнообразия.

Постоянно растет число активных пользователей ИКТ, в особенности Интернета. Для большинства молодежи они стали неотъемлемой и важной частью жизни, открыли новые возможности общения, самовыражения, доступа к информации и знаниям, образования, отдыха и развлечений, существенно расширили картину мира. Между тем интернет-услуги и информация представлены в основном на доминирующих языках, и в силу того, что многие языки в киберпространстве отсутствуют, цифровые информационные разрывы продолжают увеличиваться. Однако, несмотря на то, что глобализация де-факто провоцирует стандартизацию культур и языков, эффективное использование появляющихся ИКТ может содействовать укреплению языков и культур, появлению и расцвету новых алфавитов и систем письменности.

Одним из главных препятствий к укреплению и распространению языков коренных народов является отсутствие у многих из них письменной традиции. В контексте нашего современного мира только письменность позволяет языку быть узнаваемым и используемым. Киберпространство обеспечивает уникальные условия для создания письменности без больших затрат и с максимальными возможностями ее распространения.

Мы живем в цифровую эпоху, которая предоставляет нам уникальный шанс активно способствовать повышению благосостояния, в частности, за счет поддержки многоязычия и сохранения культурного разнообразия в киберпространстве. Существующие ИКТ открывают новые пути содействия распространению языкового и культурного наследия для обеспечения равного и универсального доступа к жизненно важным знаниям.

Все большее количество социальных медиа и предлагаемых ими сервисов при наличии усилий сообществ и массовых инициатив могут внести свой вклад в сохранение и продвижение миноритарных языков и культур. Осознавая это, мы должны поддерживать проекты, направленные на их дальнейшее развитие.

Разумеется, «доступные» не всегда означает «реально использующиеся». Во многих регионах мира и для многих потенциальных пользователей бесплатный или дешевый доступ к ИКТ по-прежнему остается нерешенной проблемой. Тем не менее, благодаря смартфонам и мобильным устройствам, представители нового поколения и даже те, кому раньше цифровые технологии были недоступны, уже вступили в цифровую эпоху. При этом нам известно, что эта новая эпоха несет как потенциальные возможности, так и угрозы.

Обеспечить языковое и культурное разнообразие и гарантировать сохранение всех языков и культур – общая задача всего человечества. Со-

циальные институты должны принять на себя обязательства и нести ответственность за поддержку языкового разнообразия и сосуществования языков.

Нельзя допустить, чтобы различия между языками и культурами порождали явные или скрытые искусственные препятствия для разумного и плодотворного сотрудничества народов. В основу этого сотрудничества должно быть положено равное отношение ко всем участникам процесса, и какие бы то ни было культурные или языковые предрассудки не должны влиять на него.

Защита языкового и культурного разнообразия подразумевает его поощрение и поддержку не только в реальной жизни, но и в киберпространстве – за счет развития цифровых возможностей для всех языков.

Принимая во внимание все вышеизложенное и напоминая о положениях:

- Итоговых документов I и II международных конференций «Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве» (Якутск, Российская Федерация, 2008 и 2011 гг.), а также Международного форума по многоязычию в Бамако (Бамако, Мали, 2009 г.), I Международного симпозиума по многоязычию в киберпространстве (SIMC I – Барселона, Испания, 2009 г.), II Международного симпозиума по многоязычию в киберпространстве (SIMC II – Бразилиа, Бразилиа, 2011 г.) и III Международного симпозиума по многоязычию в киберпространстве (SIMC III – Париж, Франция, 2012 г.);
- Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии, которая гласит, что, «будучи источником обменов, новаторства и творчества, культурное разнообразие так же необходимо для человечества, как биоразнообразие для живой природы, и в этом смысле является общим достоянием человечества»;
- Рекомендации ЮНЕСКО о развитии и использовании многоязычия и всеобщем доступе к киберпространству;
- Основных документов Всемирной встречи на высшем уровне по проблемам информационного общества (Женева, 2003 г., Тунис, 2005 г.) и Концепции ВВУИО на период после 2015 (ВВУИО+10, Женева, 2014 г.), в которых подчеркивается важность сохранения культурного и языкового разнообразия и предлагается ряд мер для достижения этой цели,

Участники конференции разработали следующие рекомендации:

Общие принципы

Местные, региональные и центральные органы власти должны играть более широкую и существенную роль в сохранении, развитии и поддержке языков местных коренных народов и их культур, обеспечивая, в частности, ресурсы для развития цифрового инструментария, и повышая уровень образования и грамотности, дабы эти языки получили представленность в киберпространстве.

В целях укрепления языкового и культурного разнообразия в киберпространстве органы власти всех уровней должны содействовать формированию профессиональных сообществ и совершенствованию необходимых ресурсов и механизмов (учебные курсы и образовательные программы, подготовка учителей, тренинг для тренеров, семинары, исследования и т. д.), поскольку устойчивая жизнеспособность языка в цифровом формате возможна лишь там, где говорят на этом языке и изучают его. «Цифровые аборигены» не могут оставаться в одиночестве в цифровой среде. Они являются неотъемлемой частью развивающегося глобального коммуникационного сообщества. Они создают собственные формы языка для обмена мгновенными текстовыми и мультимедийными сообщениями, которые станут достоянием будущих поколений.

Помочь этому могут представители научных кругов и аналитических центров, обеспечивая необходимую экспертизу и выявляя передовой опыт языковой политики, не только поддерживающей все языки на равной основе, но и стимулирующей развитие диалога языков, сосуществующих на конкретных территориях.

Развитие технологий обработки естественного языка (понимание текста, ответы на вопросы, запрос информации, распознавание речи, синтез речи, машинный перевод устной разговорной речи и др.) является важным шагом в обеспечении равных цифровых возможностей для всех языков. Определение жизнеспособности и используемости языков меньшинств в цифровом мире должно учитывать использование мобильных телефонов, интернет-чатов и взаимодействие в социальных сетях.

Все учреждения, организации, ассоциации и даже отдельные граждане, задействованные в языковом планировании, развитии или продвижении языка, должны инициировать совместные проекты, нацеленные на поддержку менее используемых языков. Особое внимание при этом следует уделять:

-
- разработке культурно-ориентированной терминологии,
 - созданию и распространению письменных материалов и цифровых документов на этих языках.

Для выхода языков в цифровой мир необходимы не только материалы для чтения местного характера, но и «цифровые» сообщества. Небольшим сообществам (литературным, театральным и любым другим, объединяющим людей) следует предоставлять микрогранты с тем, чтобы они документировали свою деятельность на родном языке.

Требуется дальнейшее изучение:

- всех факторов, необходимых для поддержания языкового разнообразия;
- взаимосвязи между цифровой жизнеспособностью языка и его разговорной жизнеспособностью;
- влияния исключенности из цифрового мира («цифрового безмолвия») на разговорный язык.

При разработке языковой политики необходимо принимать во внимание государственный язык, региональные и местные языки, а также языки мигрантов. Это единственный способ гарантировать признание равенства всех граждан вне зависимости от их правового статуса на территории страны за счет признания множественности их языков.

Управление разнообразием сообществ обеспечивает подлинную представленность языковых меньшинств в целях содействия стабильному и устойчивому развитию.

Корпусы текстов, «хлеб насущный» современной вычислительной лингвистики, должны быть освобождены от требований авторского права. Привилегированный статус научных исследований должен быть закреплен законодательно. Кроме того, в рамках национальных проектов должна обеспечиваться возможность не только поиска по корпусам текстов, но и скачивания на условиях ROAMing (случайная выборка, исключение, удаление персональных данных, группировка). Предварительным условием финансирования таких проектов должно быть обеспечение открытого доступа к собранным материалам.

Важной составляющей лингвистического разнообразия является языковое разнообразие научной продукции. «Серая» литература естественным образом включает в себя более разнообразную в языковом отношении научную продукцию, особенно когда речь идет о развивающихся и наименее развитых странах. Поддержка «серой» научной литературы

может обеспечить языковое разнообразие в сфере производства знаний. Необходимо приложить усилия к повышению интереса научных кругов к «серой» литературе и признанию того факта, что она представляет собой альтернативу традиционному производству знаний.

Движение в поддержку открытого доступа делает научные публикации более доступными и предполагает, что языковому разнообразию в них будет уделяться большее внимание, а производство знаний, особенно жизненно важных, причем на многих языках, будет поощряться и стимулироваться.

Все переводы научных работ, которые финансируются государством, должны быть доступны под свободной лицензией, чтобы каждый мог использовать их, в том числе повторно, без дополнительных ограничений или, напротив, послаблений авторского права. Этот принцип должен распространяться как на публикации, находящиеся в общественном достоянии, так и на издания, которые по-прежнему подпадают под действие законов о защите авторского права, – в этом случае использование возможно сразу по истечении срока действия авторского права на оригинальный текст. Требуется усовершенствовать международное и национальное законодательство в сфере авторского права таким образом, чтобы мировое культурное наследие могло в неограниченном объеме использоваться в образовательных, научных и некоммерческих целях.

Для того чтобы понятие языкового разнообразия получило должное признание широкой общественности и обеспечивалась благоприятная культурная среда для его развития, необходимо разрабатывать образовательные материалы и информационные средства, которые позволят предоставлять достоверную информацию обществу в целом и внедрять в сознание новых поколений идею важности поддержания многоязычия.

Следует предпринять усилия для того, чтобы:

- 1) поддерживать, обеспечивать и содействовать документированию, защите и развитию региональных и миноритарных языков, а также языков, находящихся под угрозой исчезновения;
- 2) налаживать взаимодействие специалистов в конкретных регионах мира с проживающими в них носителями исчезающих языков.

Чрезвычайно важно обеспечить долгосрочное сохранение аудио- и видеозаписей, отражающих языковое и культурное разнообразие, в особенности это касается бесписьменных культур. Подобные записи имеют решающее значение для демографических и антропологических исследований. За последние 60 лет были собраны богатые коллекции аудиовизу-

альных материалов, составляющие основу нашего сегодняшнего знания. В настоящее время их можно сохранить только за счет оцифровки и надлежащего хранения данных в цифровом формате. Однако доступность оборудования для воспроизведения магнитных аудио- и видеозаписей резко снижается, что может затормозить программы оцифровки. В ответ на эту угрозу следует принять адекватные меры с тем, чтобы не допустить беспрецедентной потери незаменимых свидетельств языкового и культурного разнообразия человечества.

На политическом уровне

1. Все заинтересованные стороны должны стремиться содействовать формированию обществ знания, в которых уважались бы права человека и общечеловеческие ценности. Такие общества должны базироваться на четырех принципах: содействие свободе выражения мнений в традиционных и новых формах средств массовой информации, включая Интернет; доступ к качественному образованию для всех; уважение культурного и языкового разнообразия; всеобщий доступ к информации и знаниям, особенно относящимся к сфере общественного достояния.
2. ЮНЕСКО, в частности, через Программу «Информация для всех», в сотрудничестве с соответствующими подразделениями ООН, межправительственными и неправительственными организациями следует предпринимать усилия по дальнейшему совершенствованию и продвижению этических, правовых и социальных принципов и норм для сохранения языкового и культурного разнообразия во всем мире, в том числе в киберпространстве.
3. Все заинтересованные стороны должны поощрять правительства принимать и реализовывать более эффективные национальные политические стратегии, направленные на сохранение языкового и культурного разнообразия.
4. Все заинтересованные стороны должны поощрять и поддерживать создание и свободное распространение языковых ресурсов (алфавитов, диакритических знаков, фонетических языковых ресурсов, википедий, викисловарей и связанных с ними технических средств (например, орфографических корректоров и в целом программ обработки естественного языка, особенно тех, что предполагают применение виртуальных клавиатур), которые необходимы для использования коренных и миноритарных языков в киберпространстве и обеспечения равных цифровых возможностей для всех языков.

-
5. ЮНЕСКО и ее государства-члены во взаимодействии с соответствующими межправительственными и неправительственными организациями должны продолжать разрабатывать политику расширения присутствия (за счет локализации и создания контента) всех языков в киберпространстве. Основу этой политики должны составлять медийно-информационная грамотность, доступ к ресурсам и поощрение участия, разработка программ использования знаний, накопленных на языках, не представленных в Интернете, создание всеобъемлющего и надежного набора индикаторов, а также содействие всестороннему рассмотрению проблемы цифрового разрыва, который включает в себя содержательный и языковой разрыв.
 6. Правительства должны укреплять существующие дискуссионные площадки, привлекая все заинтересованные стороны к участию в постоянной междисциплинарной дискуссии по вопросам сохранения языкового разнообразия в контексте текущих социокультурных преобразований в глобализирующемся информационном обществе/обществах знания.
 7. Все заинтересованные стороны, в особенности представители сферы науки и образования, должны проводить междисциплинарные исследования и всестороннее изучение различных политических, социальных и культурных проблем, возникающих в связи с сохранением языкового разнообразия, прежде всего в области образования.
 8. Все заинтересованные стороны, в особенности правительства, ученые и эксперты из образовательной сферы, должны разрабатывать и развивать образовательные и информационно-просветительские программы, в частности ориентированные на молодежь, для формирования более уважительного отношения к языковому и культурному разнообразию, более глубокого понимания необходимости сохранения всех языков, особенно миноритарных, прежде всего тех, которые демонстрируют тенденцию к дальнейшей миноритаризации.

Участники конференции также особо рекомендуют ЮНЕСКО и прочим заинтересованным сторонам на международном, региональном и национальном уровнях:

- а) разработать и предложить к рассмотрению международный акт о глобальном языковом и культурном разнообразии в киберпространстве, а также в других коммуникационных пространствах;

-
- б) стимулировать создание всемирной сети научно-практических центров для изучения и развития многоязычия в киберпространстве, а также для обмена опытом по этому вопросу;
 - в) создать рабочую группу с привлечением представителей всех континентов для определения того, какая языковая политика, какие проекты и какие возможности цифровых технологий максимально соответствуют языковым реалиям конкретных территорий;
 - г) предложить национальным комитетам Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» поддержать разработку культурно-ориентированной терминологии и содействовать размещению в Сети сведений об истории коренных и малочисленных народов, информации о текущих событиях, исходных данных (газет, книг, теле- и радиотрансляций, видеозаписей и проч.), а также содействовать созданию и распространению аннотированных корпусов текстов, параллельных корпусов, лексиконов, словарей, графемно-фонемных конвертеров и т. д., то есть всего того, что способствует развитию языковых технологий;
 - д) предложить национальным комитетам Программы ЮНЕСКО «Информация для всех» инициировать и поддерживать конкретные действия, направленные на привлечение широкой общественности для решения задачи оцифровки контента на автохтонных языках и языках, демонстрирующих тенденцию к миноритаризации (необходимо перенять исчезающий язык/культуру, не дать им исчезнуть!), а также для образования соответствующих сообществ;
 - е) подчеркивать значение более широкого контекста грамотности для цифрового развития языка (разработка «цепочки» грамотности);
 - е) провести сравнительное исследование национальных стратегий поддержки языков, в том числе сохранения и развития языков в киберпространстве;
 - ж) изучить текущую ситуацию с языковыми ресурсами и технологиями для всех языков;
 - з) создать координационный центр языковых технологий, который будет использоваться для определения и оценки цифрового развития языка;
 - и) начать уделять особое внимание (в том числе через Программу ЮНЕСКО «Информация для всех») возможности использования

киберпространства в качестве лаборатории для создания письменности исчезающих и миноритарных языков;

- й) продолжить разработку языковых технологий для миноритарных языков, сравнительно легко адаптируемых для работы с разными языками (что подразумевает более простые методы локализации), особенно в пределах одной языковой семьи;
- к) обеспечить наличие языковых технологий для максимально возможного числа языков за счет сотрудничества всех заинтересованных сторон (государств – членов ЮНЕСКО и соответствующих регионов, государственных и частных научно-исследовательских лабораторий, отраслей промышленности) под общим руководством ЮНЕСКО;
- л) разработать Индекс цифрового языкового разнообразия, который может использоваться в качестве инструмента измерения цифрового языкового разнообразия конкретных регионов и определения действий, необходимых для обеспечения равных цифровых возможностей для всех языков;
- м) предложить университетам всех стран представить в международные учреждения (такие, в частности, как кафедры ЮНЕСКО/ЮНИТВИН) предложения по проектам развития многоязычия и культурного разнообразия в киберпространстве;
- н) способствовать документированию исчезающих языков в районах их использования и обеспечить составление реестра имеющихся материалов;
- о) начать работу по модернизации существующего Атласа языков, находящихся под угрозой исчезновения, с использованием преимуществ современных ИКТ;
- п) организовать мероприятия по сбору средств и поиску потенциальных спонсоров деятельности в этой области.

Необходимо создать Виртуальную обсерваторию многоязычия и цифрового языкового разнообразия (возможно, в составе Обсерватории информационного общества Программы ЮНЕСКО «Информация для всех»), с тем чтобы:

- 1) накапливать надежные и актуальные данные о представленности мировых языков в Интернете, о наличии цифровых технологий поддержки языков, а также инфраструктуры, обеспечивающей присутствие языков в цифровом мире;

-
- 2) собирать публикации о предлагаемых научными кругами и гражданским обществом проектах, связанных с многоязычием в цифровом мире;
 - 3) вести тщательный мониторинг существующей языковой политики, которая максимально учитывает языковые реалии конкретных территорий, а также реализуемых по всему миру усилий и инициатив, направленных на поддержку многоязычия как в Сети, так и в реальной жизни;
 - 4) содействовать выявлению передовых методик, разрабатываемых на всех континентах;
 - 5) выявлять методы, которые оказываются наиболее эффективными в конкретных географических точках, и отслеживать, в какой степени многоязычие находит отражение в цифровой среде;
 - 6) собирать информацию об исследователях, работающих над данными проблемами и в этих областях знаний.

Наконец, участники конференции призывают ЮНЕСКО и другие соответствующие заинтересованные стороны международного, регионального и национального уровней инициировать процесс подготовки Всемирного саммита по вопросам многоязычия, проведение которого представляется весьма целесообразным для сохранения и развития мировых языков и культур в эпоху стремительной глобализации.

Данный документ был разработан совместными усилиями участников конференции, представляющих следующие страны: Австрию, Азербайджан, Албанию, Аргентину, Беларусь, Болгарию, Ботсвану, Бразилию, Великобританию, Венгрию, Доминиканскую Республику, Израиль, Индию, Италию, Испанию, Казахстан, Китай, Колумбию, Латвию, Македонию, Мальдивскую Республику, Молдову, Нигерию, Нидерланды, Оман, Перу, Польшу, Республику Корея, Российскую Федерацию, Руанду, Сирию, Словакию, Судан, США, Тайланд, Того, Турцию, Финляндию, Францию, Центральноафриканскую Республику, Чешскую Республику, Швецию, Шри-Ланку, Эквадор, Эстонию, Японию.

Языковое и культурное разнообразие в киберпространстве

Сборник материалов III Международной конференции
(Якутск, 28 июня – 3 июля 2014 г.)

Составители: *Е. И. Кузьмин, А. В. Паршакова, Д. Д. Игнатова*
Редактор: *А. В. Паршакова*
Корректор: *Е. Г. Сербина*
Компьютерная верстка: *И. М. Горюнов*
Ответственный за выпуск: *С. Д. Бакейкин*

Издатель:
Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества (МЦБС)
105066, г. Москва, 1-й Басманный пер., д. 2а, стр. 1
Тел./факс: (499) 267 33 34, 263 26 61
E-mail: mcbs@mcbs.ru
www.mcbs.ru

Подписано в печать 30.11.2015
Формат 70 x 100/16
Печ. л. 27,0
Тираж 500 экз.

